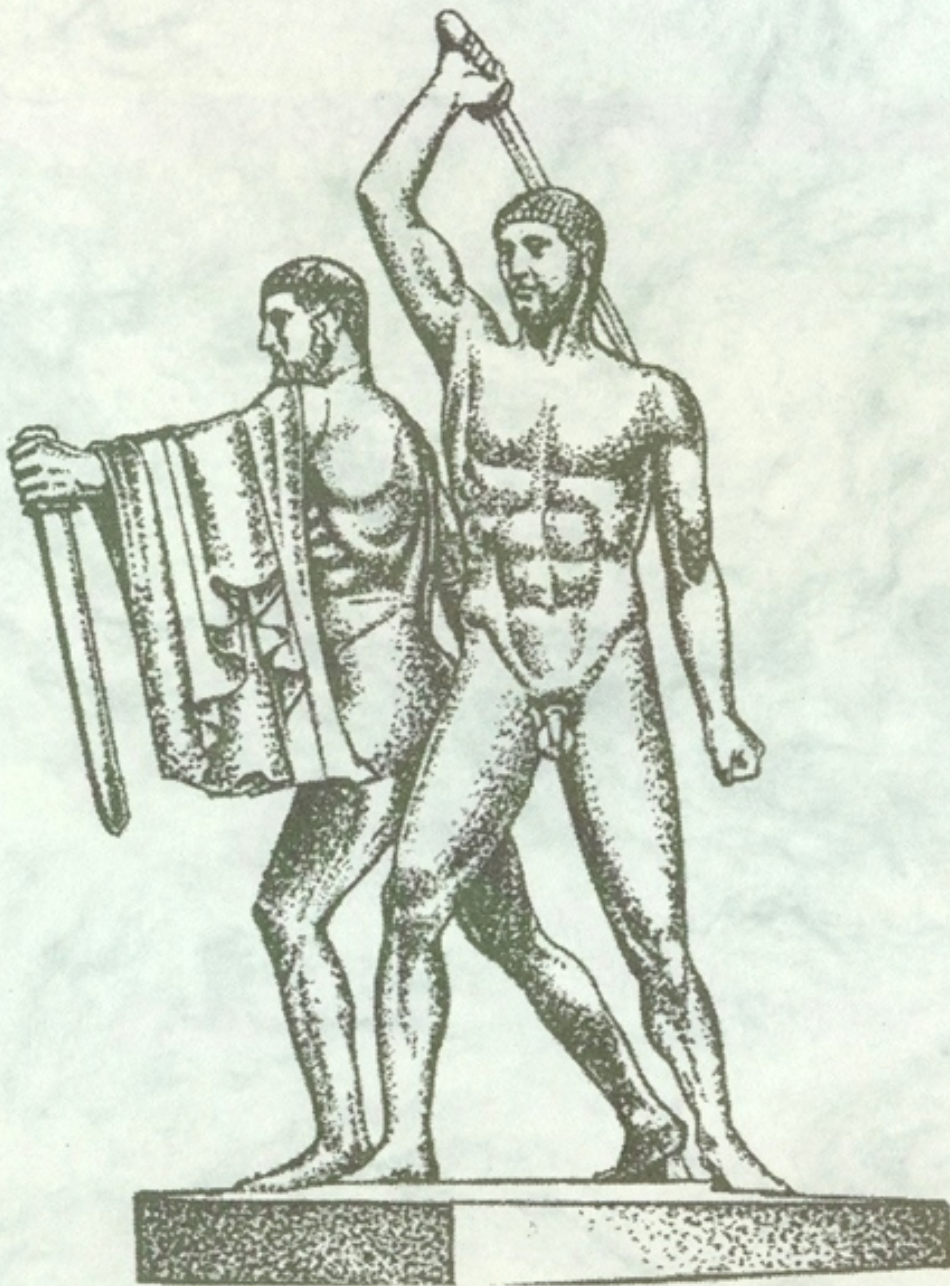

И.Е. Суриков

**ИЗ ИСТОРИИ
ГРЕЧЕСКОЙ АРИСТОКРАТИИ
ПОЗДНЕАРХАЙЧЕСКОЙ
И РАННЕКЛАССИЧЕСКОЙ
ЭПОХ**

Предисловие

По истории Афин, особенно архаических и классических, по вполне понятным причинам написано очень много. Достаточно обильна литература и об афинской аристократии. Но нам неизвестно в мировом антиковедении ни одного монографического исследования, специально посвященного какому-то одному конкретному аристократическому роду, его истории, судьбе, положению в политической жизни. А между тем такая работа могла бы оказаться небесполезной. Она помогла бы наполнить построения общего характера непосредственным фактическим материалом, лучше, живее и нагляднее понять многие аспекты афинской политики, возможно, найти решение каких-то дискуссионных проблем.

На роль рода, подходящего для подобного специального рассмотрения, лучше всего подходят Алкмеониды. Это обусловлено многими факторами, о которых подробнее еще пойдет речь ниже: и реальной ролью этого рода в афинской истории, и – не в последнюю очередь – относительным обилием источникового материала о нем, который к тому же продолжает прибавляться (речь идет об эпиграфических памятниках, в первую очередь об остраках). О других родах, даже и знаменитых, и влиятельных, попросту гораздо меньше известно. Причины такого положения дел, кстати, требуют уяснения, и эту проблему тоже придется затронуть по ходу исследования.

Мы видим свою задачу в том, чтобы как можно полнее и детальнее реконструировать конкретную фактологическую историю Алкмеонидов, - естественно, в той мере, в какой она являлась частью истории Афин, то есть была общественно-политическим феноменом: факты сугубо частного характера в значительно меньшей степени привлекают наше внимание. После анализа общих характеристик рода (происхождение, резиденции и земельные владения, наличие или отсутствие локального культа, механизмы политического влияния, внешние связи и т.д.) мы будем исходить в основном из хронологического принципа изложения, рассматривая место Алкмеонидов в политической жизни на различных отрезках обозначенной эпохи (VII-V вв. до н.э.), их влияние на важнейшие события этого времени.

Представляется необходимым уже в самом начале работы оговорить два взаимосвязанных обстоятельства. По ходу изложения нам придется коснуться почти всех событий

позднеархаической и раннеклассической афинской истории. Подобный подход неизбежен постольку, поскольку в них принимали участие Алкмеониды. При этом, естественно, любое событие данного ряда (будь то реформы Солона, тирания Писистратидов или Греко-персидские войны) будет рассматриваться лишь в той мере, в какой оно имело отношение к деятельности представителей интересующего нас рода, и особый акцент будет сделан именно на его роли в каждом конкретном случае. В результате у читателя может сложиться мнение, что автор стремится неоправданно преувеличить влияние Алкмеонидов на развитие афинского полиса, повсюду подчеркивая их и только их вклад в процессы, знаменовавшие это развитие. Мы должны со всей определенностью сказать, что пытались, напротив, по мере возможности избегать такой аберрации, если же нам это не вполне и не всюду удалось, то, очевидно, во многом в связи с объективными причинами, в частности, в силу специфики стоявших перед нами задач.

С другой стороны, монография о роде Алкмеонидов, конечно, ни в коем случае не может претендовать на то, чтобы быть целостным изложением истории Афин на каком бы то ни было временном промежутке. Автор просто не мог (да и не имел прямой необходимости) затронуть целый ряд принципиально важных аспектов бытия этого древнегреческого государства. В частности, сознательно сконцентрировавшись почти исключительно на политической проблематике, мы оставили практически без внимания вопросы социально-экономической эволюции, поскольку, помимо прочего, признаем свою недостаточную компетентность в этих сюжетах и в то же время ощущаем, что многие нюансы их трактовки в современном антиковедении, многие устоявшиеся по их поводу представления нуждаются в достаточно существенном пересмотре. Данная работа, на наш взгляд, была бы не самым подходящим местом для дискуссий на подобные темы.

Хронологические рамки исследования отнюдь не являются случайными. Во-первых, практически весь источниковый материал об Алкмеонидах относится именно к этим трем столетиям. Во-вторых, по нашему мнению, если не с точки зрения истории Афин, то, во всяком случае, с точки зрения афинской аристократии VII-V вв. были некой единой эпохой, характеризовавшейся наличием связного, поступательного процесса – процесса постепенной, но неуклонной утраты этим общественным слоем своей политической роли. К началу IV в. до н.э. этот процесс завершился, и только теперь наступила в

полном смысле слова новая эпоха – эпоха не только без аристократии, но и практически без аристократов в политической жизни. Переходный (скажем так, позднеархаически-раннеклассический) период в истории аттических знатных родов заслуживает отдельного, хотя бы краткого и конспективного, экскурса во введении, прежде чем мы перейдем непосредственно к Алкмеонидам.

* * *

Автор считает своим приятным долгом поблагодарить всех коллег - сотрудников отдела античной истории ИВИ РАН, принявших участие в обсуждении рукописи этой книги, в доброжелательной но принципиальной дискуссии высказавших ряд ценных замечаний и соображений, большая часть которых была учтена. Особая благодарность - Людмиле Петровне Маринович, любезно согласившейся стать ответственным редактором монографии, Галине Тимофеевне Залюбовиной и Игорю Анатольевичу Макарову, взявшим на себя труд отрецензировать работу. Не можем также не назвать поименно тех, чья помощь - как словом, так и делом - в появлении книги на свет была особенно велика: безвременно покинувшего нас Ю.Г.Виноградова, а также С.Г.Карпюка, В.И.Кузищина, В.С.Ленскую, А.А.Молчанова, А.А.Немировского, О.В.Смыку, А.Л.Смышляева, А.В. Стрелкова, А.П.Черных. Естественно, недостатки, которые могут обнаружиться в монографии, следует всецело относить на счет автора.

В в е д е н и е

АРИСТОКРАТИЯ В АФИНСКОМ ПОЛИСЕ: ЭПОХИ АРХАИКИ И КЛАССИКИ

В какой мере вообще можно говорить о влиянии аристократических родов на политическую жизнь Греции, какова была их роль в архаических и классических полисах, в частности, в специально интересующих нас Афинах? Дать верный ответ на поставленные вопросы было бы, на наш взгляд, чрезвычайно важно, поскольку это позволит пролить свет на ряд принципиальных особенностей древнегреческого социума, а кроме того – и лучше подойти к конкретной проблематике нашего исследования.

Тема места аристократии в афинской политической жизни разрабатывалась в мировом антиковедении достаточно интенсивно. Основа этой разработки во многом была заложена в 1936 г. программной статьей выдающегося немецкого ученого Гельмута Берве об «аристократических личностях княжеского типа» (*fürstliche Herren*)¹ на рубеже эпох архаики и классики².

¹ Именно так переводит с немецкого данное словосочетание Э.Д.Фролов (*Фролов Э.Д.* Рождение греческого полиса. Л., 1988. С.20), и нам этот перевод кажется наиболее адекватным.

² *Berve H.* Fürstliche Herren zur Zeit der Perserkriege // *Die Antike*. 1936. Bd.12. S.1-28. Впоследствии Берве перепечатал эту работу без изменений в сборнике своих статей (*Berve H.* Gestaltende Kräfte der Antike. München, 1966. S.232-268); это говорит о том, что по этому вопросу точка зрения маститого антиковеда и на склоне лет осталась прежней, хотя, как известно, в силу ряда причин его общее мировоззрение к этому времени пережило кардинальную трансформацию. Разумеется, неверным было бы говорить, что с Берве начинается изучение политической роли афинской аристократии. Однако работы более раннего времени, особенно если посмотреть на них под углом успехов, достигнутых наукой в этой области после 1936 г., ныне представляются, как правило, имеющими лишь чисто историографический интерес. Так, из одного труда конца прошлого столетия мы с интересом узнаем о том, что в досолоновскую эпоху аристократы делились на «либеральную» группировку аттических патриотов и «реакционную юнкерскую партию» (*Wilbrandt M.* Die politische und sociale Bedeutung der attischen Geschlechter vor Solon // *Philologus*. 1898. Suppl. Bd.7. Ht.1/2. S.133-228). Автор другого жидет выводы принципиального характера на ошибочной посылке, согласно которой в ионийских Афинах 4 филы делились на 360 родов (включавшие всех граждан) и, таким образом, господствовала

Берве справедливо подчеркнул, что огромный интерес к новооткрытой «Афинской политике» Аристотеля, во многом предопределивший пути изучения афинской истории с начала XX века, имел немаловажные издержки: под влиянием основной тематики этого трактата произошло смещение акцентов, главным объектом исследований стали изменения в полисном, «конституционном» устройстве Афин (да и не только их); на задний план отошла личность³. На деле же, по мнению

«двенадцатеричная» система, как у евреев, в то время как в дорийских полисах – «десятеричная», как в Риме (*Schjøtt P.O. Die athenische Aristokratie. Christiania, 1906*). Примеры подобного рода можно было бы и продолжать. Рассматриваемые нами проблемы затрагивались в написанных уже на куда более высоком уровне монографиях по аттической генеалогии (*Petersen J.C.W. Quaestiones de historia gentium atticarum. Kiel, 1880; Toepffer J. Attische Genealogie. B., 1889*), равно как в прекрасной книге Г.Глотца о коллективной ответственности (*Glötz G. La solidarité de la famille dans le droit criminel en Grèce. P., 1904*), но затрагивались только мимоходом. А с начала XX века «аристократическая» проблематика в исследованиях по афинской истории, и до того-то небогато представленная, временно совсем отошла на второй план (по причинам, которые сейчас будут обозначены).

³ Ср.: *Суриков И.Е.* Рецензия на: *Aristote et Athènes. P., 1993 // ВДИ. 1995. №4. С.209*. Впрочем, только ли в «Афинской политике» всё дело? Позволим себе процитировать *in extenso* одно недавнее высказывание Э.Д.Фролова, сделанное совсем по другому поводу, но, на наш взгляд, удивительно точно передающее суть некоторых тенденций в антиковедении XX в.: «В XX веке под влиянием отчасти новейшей философии, отчасти же так называемых точных наук (математики в первую очередь) история в значительной степени утратила свои, ей одной присущие качества: концентрацию внимания, при изучении прошлого, на событиях и лицах, непосредственную опору на яркий исторический источник, вкус к обстоятельной, полнокровной реконструкции и умение художественного представления и изложения исторического материала, способность сопереживать и честно и по достоинству оценивать исторический факт. Некогда одна из самых увлекательных наук, история утратила свою прелесть. Историческое исследование, которое стали подтягивать под уровень социологического трактата или, что не менее страшно, стали превращать в опытное поле для упражнений энтузиастов вычислительной техники, - историческое исследование перестало быть самим собою. Самое печальное состоит в том, что из него *вытравили внимание к личности* (курсив наш – И.С.), которая в классической историографии прежнего времени рассматривалась равно как главный субъект исторического процесса и как важнейший объект исторического поиска» (*Фролов Э.Д. Римская история в трудах Гастона Буассье // Буассье Г. Собр.соч. Т.1. СПб., 1993. С.8*). Далее Э.Д.Фролов отмечает роль, которую сыграли в складывании подобного положения вещей такие, в частности, течения, как

исследователя, роль личности (естественно, исключительно аристократической) в VI и начале V веков до н.э. была определяющей, практически всеобъемлющей.

Под влиянием статьи Берве в западном антиковедении наметился постепенный отход от упрощенного понимания политической жизни греческих полисов. Стало уделяться больше внимания не классово-сословному противостоянию знати и низших слоев населения, а борьбе за власть крупных аристократических фамилий и отдельных личностей. В те же предвоенные годы соотечественник Берве Герман Бенгтсон (уже впоследствии ставший признанным патриархом западногерманской науки об античности) несколько смягчил категоричность его тезисов, подчеркнув, что полис, общину, коллектив также не следует отодвигать на задний план: личность и полис сотрудничали, дополняя друг друга⁴. При этом в целом Бенгтсон с энтузиазмом принимал концепцию Берве, считая выход его статьи началом нового этапа в изучении Древней Греции по сравнению с Белохом и другими крупнейшими исследователями предшествовавшего поколения. Огромная роль аристократической личности, личных связей, «личностного фактора» не упускалась Бенгтсоном из виду на протяжении всей его научной деятельности, в течение многих десятилетий⁵.

В течение послевоенных десятилетий охарактеризованная тенденция становилась всё более ощутимой в мировой историографии. Разумеется, случались⁶ и рецидивы отрицания

марксизм и школа «Анналов». Мы же, со своей стороны, указали бы и на то, что сама общая социально-политическая обстановка в Европе начала XX в., этой эпохи «восстания масс», не слишком-то способствовала интересу к аристократии какого бы то ни было времени. Историческая наука наших лет (во всяком случае, это касается истории античности), кажется, может похвастаться большей свободой и меньшей детерминированностью в выборе проблем для исследования. Интерес антиковеда к прошлому, наверное, все-таки стал в известной степени «бескорыстным», не столь непосредственно навеянным окружающими реалиями и тенденциями.

⁴ *Bengtson H.* Einzelpersönlichkeit und athenischer Staat zur Zeit des Peisistratos und des Miltiades. München, 1939. S.5-7, 63.

⁵ *Bengtson H.* Griechische Geschichte von den Anfängen bis in die römische Kaiserzeit. München, 1974³. S.94; *idem.* Griechische Staatsmänner des 5. und 4. Jahrhunderts v.Chr. München, 1983. S.12, 29.

⁶ Например: *Raubitschek A.E.* Dedications from the Athenian Akropolis. Cambridge Mass., 1949. P.464-467; *Пиленкова-Новикова Т.Ф.* Проблемы раннегреческой тирании в советской историографии // Историческая наука на

аристократического влияния в V и даже VI веках до н.э. В то же время на Западе росло количество ученых (Л.Жерне, А.Хейс, Ф.Шахермейр, Ч.Старр, Р.Сили, Р.Коннор, П.Бикнелл, Ф.Фрост, М.Арнхейм, Дж.Обер, Р.Литтман и др.⁷), уже не склонных недооценивать роль и значение знатных родов. Среди отечественных ученых, плодотворно разрабатывавших различные аспекты указанной проблематики, следует назвать такие имена, как С.Я.Лурье, К.К.Зельин, К.М.Колобова, Э.Д.Фролов, Г.Т.Залюбовина, С.Г.Карпюк, А.А.Молчанов, А.А.Курбатов, И.А.Макаров, В.С.Ленская⁸.

Урале за 50 лет (1917-1967). Вып.2. Свердловск, 1968. С.54-58. Р.Коннор отмечает, что зачастую роль знатных родов в Афинах V в. до н.э. недооценивается (*Con-nor W.R. The New Politicians of Fifth-Century Athens. Princeton, 1971. P.13*).

⁷ *Gernet L. Anthropologie de la Grèce antique. P.,1968; Heuss A. Die archaische Zeit Griechenlands als geschichtliche Epoche // Zur griechischen Staatskunde. Darmstadt, 1969. S.36-96; Schachermeyr F. Perikles. Stuttgart, 1969; Starr Ch.G. The Economic and Social Growth of Early Greece 800-500 B.C. N.Y.,1977; Sealey R. A History of the Greek City States ca.700-338 B.C. Berkeley, 1976; Con-nor W.R. Op.cit.; Bicknell P.J. Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden, 1972; Frost F.J. Tribal Politics and the Civic State // American Journal of Ancient History. 1976. V.1. No.2. P.66-75; Arnheim M.T.W. Aristocracy in Greek Society. L.,1977; Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens. Princeton, 1989; Littman R.J. Kinship and Politics in Athens 600-400 B.C. N.Y.,1990.*

⁸ *Лурье С.Я. К вопросу о роли Солона в революционном движении начала VI века // Ученые записки ЛГУ. №39. Серия ист. наук. Вып.4. Л.,1939. С.73-88; Зельин К.К. Борьба политических группировок в Аттике в VI веке до н.э. М.,1964; Колобова К.М. Возникновение и развитие Афинского государства. Л.,1958; Фролов Э.Д. Политические лидеры афинской демократии (опыт типологической характеристики) // ПДАСНВ. С.6-22; Залюбовина Г.Т. Динамика становления государственности в Афинах (роль родовой аристократии) // Раннеклассовые формации. Теоретические проблемы становления государства и города. М.,1984. С.10-21; Карпюк С.Г. Клизфеновские реформы и их роль в социально-политической борьбе в позднеархаических Афинах // ВДИ. 1986. №1. С.17-35; Молчанов А.А. Микенские истоки семейных традиций у древних греков (генеалогический и сакральный аспекты) // Социальные структуры и социальная психология античного мира. М.,1993. С.74-84; Курбатов А.А. Роль аристократии в экономическом развитии греческого полиса VIII-VI вв. до н.э. // Античная гражданская община. М.,1986. С.3-29; он же. Социальный аспект внешних связей архаических полисов Греции // СПИПИАГО. С.3-30; Макаров И.А. Идеологические аспекты ранней греческой тирании // ВДИ. 1997. №2. С.25-42; Ленская В.С. Аристократический этос в Афинах VII-V вв. до н.э. Автореф.*

В ходе исследований выявился ряд фактов, которые можно считать на сегодняшний день твердо установленными. Так, неоспоримо, что в эпоху ранней архаики, по VII в. включительно, руководящая, определяющая роль в Афинах всецело принадлежала аристократическим родам⁹. Заменив собою (очевидно, в основном мирным, постепенным путем) власть ранних афинских басилеев, аристократическое правление в Афинах не вылилось в господство одного знатного клана (как Бакхиады в Коринфе), а приобрело форму соперничества различных группировок знати. Ситуация в Аттике осложнялась еще и тем, что на закате микенской эпохи, в период дорийского нашествия, она стала прибежищем для многих представителей ахейской знати Пелопоннеса, изгнанных дорийцами¹⁰. Иммигранты сразу заняли в Афинах влиятельное положение: именно из их среды выдвинулась последняя афинская царская династия – Медонтиды (Кодриды), а также столь известные роды, как Писистратиды, Филаиды, Саламинии¹¹, а по некоторым сведениям (Paus. II.18,8-9) – и Алкмеониды¹².

История ранней афинской аристократии неразрывно связана с проблемой, которую представляет толкование термина «евпатриды» (), применяемого традицией к этой аристократии. Эта проблема пока не нашла однозначного и убедительного решения. Характерно, что термин «евпатриды» является чисто афинским, к аристократии

дис... канд. ист. наук. М., 1996. Здесь, конечно, приведены далеко не все работы, связанные с рассматриваемой нами темой.

⁹ Колобова К.М. Ук.соч. С.6; *Starr Ch.G.* The Origins of Greek Civilisation 1100-650 B.C. N.Y., 1961. P.302-311; *Gernet L.* Op.cit. P.333-343; *Schachermeyr F.* Op.cit. S.13-21; *Greenhalgh P.A.L.* Aristocracy and its Advocates in Archaic Greece // *G&R.* 1972. V.19. No.2. P.190-207; *Arnheim M.T.W.* Op.cit. P.12, 42-51; *Ober J.* Op.cit. P.55 ff.; *Littman R.J.* Op.cit. P.49-80.

¹⁰ Ср.: *Молчанов А.А.* Ук.соч. С.76, где Аттика названа «заповедником беглой ахейской знати».

¹¹ Именно Саламиниями, как ныне небезосновательно считают, назывался род, из которого происходил по мужской линии Алкивиад. См.: *Ferguson W.S.* The Salaminioi of Heptaphylai and Sounion // *Hesperia.* 1938. V.7. No.1. P.1-74; *Kagan D.* The Peace of Nicias and the Sicilian Expedition. Ithaca, 1981. P.63.

¹² Об ахейских беженцах, вошедших в состав аттической знати, см. также: *Колобова К.М.* К вопросу о возникновении афинского государства // *ВДИ.* 1968. №4. С.41-55; *Gomme A.W.* A Historical Commentary on Thucydides. V.1. Oxf., 1950. P.93; *Arnheim M.T.W.* Op.cit. P.42-51; *Shapiro H.A.* Painting, Politics, and Genealogy: Peisistratos and the Neleids // *Ancient Greek Art and Iconography.* Madison, 1983. P.87-96.

других полисов он, насколько можно судить, не применялся¹³. Положение осложняется еще и тем, что в Афинах, по всей очевидности, был и отдельный аристократический род, называвшийся Евпатридами (Isocr.XVI.25); исходя из указанного пассажа Исократ, к этому роду долгое время исследователи относили Алкивиада¹⁴, хотя теперь от этого в основном отказались¹⁵. Известный русский эпиграфист А.В.Никитский высказывал предположение, что к этому же роду принадлежал законодатель Драконт¹⁶. Ясно, что всё это вызывает определенную путаницу: порой из сообщений источников трудно понять, где речь идет о «сословии» () евпатридов, а где – о роде Евпатридов.

В подобных условиях любое предположение может иметь лишь гипотетический характер. Отнюдь не претендуя на то, чтобы высказать какую-то самостоятельную точку зрения по этому вопросу (тем более что это и не принципиально для непосредственно интересующей нас проблематики), отметим лишь, что нам представляются стоящими ближе к истине те исследователи (Сили, Арнхейм), которые видят в евпатридах не автохтонную знать и не локальных вождей, а собственно афинскую, городскую аристократию в противоположность знати аттических местечек¹⁷ (ср. Bekker Anecd.I.257: евпатриды – те, кто живет в самом , имеет отношение к царскому роду и осуществляет попечение о святынях). Иначе оказывается

¹³ О евпатридах см.: *Oehler J.* // RE. Bd.6. 1907. Sp.1164-1165; *Wade-Gery H.T.* Essays in Greek History. Oxf.,1958. P.86-115; *Sealey R.* Eupatridai // Historia. 1961. Bd.10. Ht.4. S.512-514; *Bourriot F.* Recherches sur la nature du genos: Étude d'histoire sociale athénienne. Períodes archaïque et classique. Lille – P.,1976. T.1. P.421-425; *Gallotta B.* Basileís ed eupatridai // RIL. 1979. V.113. P.261-276; *Ленская В.С.* Ук.соч. С.3-6. Употребляемое Алкеем (ар.Arist.Pol.III. 1285a39) по отношению к Питтаку слово (а не !) не может быть

антонимом термина и, следовательно, не доказывает бытования последнего также в архаической Митилене. С эпохи эллинизма слово «евпатриды», естественно, теряет статус технического термина и начинает употребляться в расширительном значении аристократии вообще, в том числе и за пределами Афин. В римское время оно чаще всего применяется грекоязычными авторами для передачи латинского слова patricii.

¹⁴ *Toepffer J.* Op.cit. S.175-180; *Hatzfeld J.* Alcibiade. Étude sur l'histoire d'Athènes à la fin du Ve siècle. P.,1940. P.5.

¹⁵ *Ellis W.M.* Alcibiades. L.-N.Y.,1989. P.99-102.

¹⁶ *Никитский А.В.* Драконт Евпатрид // Известия РАН. 1919. Т.13. С.601-614.

¹⁷ Ср.: *Суриков И.Е.* Перикл и Алкмеониды // ВДИ. 1997. №4. С.21.

непонятным, каким образом явно не-автохтонные Филаиды и Писистратиды могли иметь в VII в. до н.э. евпатридский статус, очевидный из того, что их представители (Писистрат в 669/8, Мильтиад в 664/3 и 659/8 гг.) занимали пост архонта-эпонима.

Итак, в эпоху ранней архаики определяющее влияние знатных родов на афинскую политическую жизнь безусловно. С другой стороны, можно с уверенностью сказать, что в IV в. до н.э. и позже аристократия уже не играет ключевой роли в Афинах. Правда, справедливо отмечалось, что отдельные представители старой знати продолжали занимать важное место в общественной жизни даже в эллинистическую и римскую эпохи¹⁸. Но, во-первых, это были скорее исключения, лишь подтверждавшие общее правило. Во-вторых же, что еще более важно, высокое положение этих людей (будь то оратор Ликург в IV в. или Герод Аттик во II в. н.э.) обуславливалось уже отнюдь не их аристократическим происхождением, а факторами совсем иного порядка. Древняя аристократия как таковая, конечно, существовала – в этом никто не может сомневаться, – но уже не являлась правящим слоем общества.

Таким образом, элиминация политической роли афинской аристократии как социального слоя произошла на временном промежутке между VII и IV вв. до н.э. Относительно более точной датировки этого процесса в антиковедении последних десятилетий произошли достаточно серьезные сдвиги. Если ранее отправной точкой для конца господства знатных родов признавалось законодательство Солона, а событием, завершившим переход власти от знати к демосу, – реформы Клисфена, то теперь очень многие исследователи указывают, что даже в V в. до н.э., не говоря уже о VI-м, аристократия продолжала играть в афинском обществе огромную роль, и подлинным рубежом, знаменующим радикальное ослабление этой роли, можно считать лишь Пелопоннесскую войну¹⁹.

Безусловно, ни в коей мере нельзя недооценивать важности соловых и в особенности клисфеновских нововведений. Они оказали огромное влияние на складывание

¹⁸ MacKendrick P. *The Athenian Aristocracy 399 to 31 B.C.* Cambridge Mass., 1969. Passim; Arnheim M.T.W. *Op.cit.* P.156.

¹⁹ Barth H. *Einzelpersönlichkeiten und Kollektive im Geschichtswerk des Herodot // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock.* 1969. Bd.18. Ht.4/5. T.1. S.313-316; Daverio Rocchi G. *Politica di famiglia e politica di tribù nella polis ateniese (V secolo) // Acme.* 1971. V.24. Fasc.1. P.13-44; Connor W.R. *Op.cit.* P.10-14; Bicknell P.J. *Op.cit.* P.VIII-IX; Frost F.J. *Op.cit.*

демократического афинского полиса. Но их непосредственное воздействие на аристократические роды заключалось не в абсолютном умалении значения последних, а скорее в изменении механизмов власти, используемых аристократами²⁰. В области этих механизмов в течение V в. до н.э. действительно произошли существеннейшие изменения, на которых следует остановиться подробнее. На чем базировалась власть аристократических родов в течение архаической эпохи? Необходимо назвать ряд важных факторов.

На первое место исследователи по традиции ставят экономическое могущество, богатство знати²¹. Оно основывалось прежде всего на земельных владениях в различных частях Аттики, которые продолжали сохранять даже аристократы, переселившиеся в Афины. Родовые земли аристократов были фактически неотчуждаемы²², что вело к концентрации «больших домов» весьма значительных земельных богатств. Были и другие источники экономического могущества, помимо земли: эксплуатация рудников (представители рода Кериков в Лаврии), торговля, которой в эпоху архаики также занимались по преимуществу аристократы²³. Многие источники доходов были неаттического происхождения (так, Писистратиды, Филаиды черпали немалую часть своих богатств во Фракии). Еще и по сей день²⁴ некоторые исследователи придерживаются мнения²⁵, согласно которому наиболее крупные и влиятельные афинские роды чеканили

²⁰ Фролов Э.Д. Политические лидеры...; Connor W.R. Op.cit. P.18-22; Ober J. Op.cit. P.84-86; Littman R.J. Op.cit. P.125-164.

²¹ Курбатов А.А. Роль аристократии... С.3 слл.; Berve H. Fürstliche Herren... S.5; Sealey R. A History... P.97-98; Finley M.I. Politics in the Ancient World. Cambridge, 1983. P.44-47.

²² Lacey W.K. The Family in Classical Greece. Ithaca, 1968. P.23.

²³ Bravo B. Commerce et noblesse en Grèce archaïque // DHA. 1984. V.10. P.99-160; Курбатов А.А. Роль аристократии... С.10.

²⁴ Daverio Rocchi G. Aristocrazia genetica ed organizzazione politica arcaica // PP. 1973. V.28. Fasc.148/149. P.92 ss.; Hemmerdinger B. Le régime des eupatrides dans Athènes (621-594) // Quaderni di storia. 1984. V.10. №19. P.165-170. Впервые эта концепция была выдвинута в начале века Селтманом (Seltman C.T. Athens, its History and Coinage before the Persian Invasion. Cambridge, 1924. P.33-38, 79-84).

²⁵ Впрочем, специалисты-нумизматы уже давно и небезосновательно оспаривают это мнение: Hopper R.J. Observations on the Wappenmünzen // Essays in Greek Coinage Presented to S.Robinson. Oxf.,1968. P.16-39; Kraay C.M. Archaic and Classical Greek Coins. Berkeley, 1976. P.56-60.

собственную монету (Warpenmünzen). Нам еще придется коснуться этого вопроса в связи с Алкмеонидами.

В целом в отношении этого экономического фактора могущества аристократии мы должны подчеркнуть, что его роль не следует ни преувеличивать, ни преуменьшать. С одной стороны, мы в чем-то солидарны с положениями, высказывавшимися В.П.Яйленко, согласно которым архаическая Греция была еще довольно простым обществом с отсутствием сильного имущественного расслоения, обществом, где бедность и богатство стояли, в общем-то, близко друг к другу, не имея между собой четкой, непреодолимой грани²⁶. Отнюдь не присоединяясь к общим принципиальным посылкам этого исследователя (о полном отсутствии какого бы то ни было континуитета между греческим обществом II и I тыс. до н.э. и т.п.), мы всё же считаем, что по данному конкретному вопросу его взгляды имеют право на существование и в известной мере подтверждаются анализом современных эпохе источников, в частности, лирической поэзии²⁷. Поэтому та довольно жесткая критика, которой были подвергнуты работы В.П.Яйленко²⁸, кажется нам не всегда убедительной и справедливой. Действительно, насколько можно судить, не конфликт между богатыми и бедными был основным содержанием социально-политической жизни Эллады архаической поры. Такого рода конфликт стал по-настоящему острым и злободневным значительно позже – в эпоху классики, и даже еще конкретнее – в IV в. до н.э., после Пелопоннесской войны²⁹. И совершенно не случайно, что авторы, жившие в эти годы (в том числе Аристотель) бессознательно вносили реалии своего времени в

²⁶ Яйленко В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990. С.100-105.

²⁷ О близости друг к другу категорий богатства и бедности, зачастую просто соприкасавшихся, см. также: Austin M.M., Vidal-Naquet P. Economic and Social History of Ancient Greece: An Introduction. Berkeley, 1977. P.16.

²⁸ Фролов Э.Д. Рождение... С.112-115; Шишова И.А. Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991. С.7, 20.

²⁹ Mossé C. Dictionnaire de la civilisation grecque. Bruxelles, 1992. P.405; Schütrumpf E. Politische Reformmodelle im vierten Jahrhundert // AD. S.271-300; Суриков И.Е. Новая концепция афинской истории IV в. до н.э. // ВДИ. 1996. №4. С.241. Не случайно в конце этого столетия имели место две попытки (в 322 и 317 гг.) сегрегации граждан по имущественному признаку путем введения цензовой политики: Lehmann G.A. Überlegungen zu den oligarchischen Machtergreifungen im Athen des 4. Jahrhunderts v.Chr. // AD. S.139-150; Poddighe E. La natura del tetto censitario stabilito da Antipatro per l'accesso al politeuma di Atene nel 322 a.C. // DHA. 1997. V.23. №2. P.47-82.

повествование о событиях двух-трехвековой давности³⁰.

Но, с другой стороны, невозможно отрицать и то, что архаическая эпоха была тем не менее временем ожесточеннейших конфликтов. Ее полисы потрясали кровопролитные смуты (), зачастую растягивавшиеся на десятилетия и нередко увенчивавшиеся установлением тиранических режимов. Что же это были за конфликты, коль скоро речь не может идти о противостоянии между богатыми и бедными, знатью и демосом (в сущности, еще не вышедшим на политическую арену)? На наш взгляд, следует говорить о борьбе за власть и влияние между аристократическими группировками; демос же был по большей части пассивным свидетелем этой борьбы, а если и участвовал в ней, то лишь как орудие в руках той же знати.

И вот здесь начинается наше расхождение с В.П.Яйленко, выдвигающим без развернутой аргументации следующие тезисы: «Знать архаической, так же как и позднейшей, поры чаще всего была постоянно возникающей фикцией... Славные афинские роды VI-V вв. были по большей части такой же фикцией»³¹. С положением о «фиктивности» афинской аристократии мы никак не можем согласиться, поскольку оно не находит опоры в источниках. Действительно, афинская (да и вообще греческая) аристократия имела весьма своеобразный облик, заметно отличающийся от привычных нам представлений об аристократии как таковой, выработавшихся в основном из знакомства с жизнью европейских аристократов средних веков и нового времени. В условиях полиса, конечно, не возникла и не могла возникнуть аристократия «средневеково-рыцарского» типа, кардинально отчужденная от прочего населения резкими отличиями в статусе, богатстве, образе жизни, а зачастую и в языке³². Не следует преувеличивать обособленность греческой аристократии от демоса, ее «исключительность»; она ни в коей мере не была кастой.

³⁰ О нередкой у античных авторов тенденции «свободного переноса реалий и отношений своей эпохи в более древние периоды» см.: *Токмаков В.Н.* Военная организация Рима Ранней республики (VI-IV вв. до н.э.). М., 1998. С.12 (приведенные там наблюдения сделаны на римском материале, но в полной мере относятся и к греческому).

³¹ *Яйленко В.П.* Ук.соч. С.108-109.

³² Ср.: *Андреев Ю.В.* Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998. С.114.

Но стоит ли отказывать в праве на существование этой аристократии, объявлять ее «фикцией», если она не была похожа ни на рыцарей Круглого стола, ни на блестящих герцогов и маркизов эпохи Людовиков, ни на японских самураев? Аристократия, как видно уже из этого перечня, может быть очень и очень разной. Вообще, как демонстрируют наблюдения этнографов³³, складывание знати – феномен стадийно весьма ранний: она надежно фиксируется уже в обществах, стоящих на позднепервобытном уровне развития, в том числе даже у собирателей и охотников. Стоит ли считать Грецию I тыс. до н.э. настолько отсталой, что в ней только-только возникала знать, да и то «фиктивная»?

И еще одно замечание. Как ни тривиально будет это суждение, бедность и богатство – категории относительные. Даже в самом бедном обществе будут свои крупные состояния – разумеется, крупные по меркам этого общества. Если привести предельно житейский пример, в нищей деревне, каждый житель которой имеет всего лишь по одной овце, обладатель двух овец окажется «местным Ротшильдом» и eo ipso самым влиятельным человеком в кругу своих соседей. Завершив на этом несколько затанувшее отступление, перейдем к рассмотрению других, неэкономических факторов, обуславливавших власть аристократии.

Важным источником ее влияния было исключительное положение знатных родов в религиозной жизни. Многие из этих родов опирались на контроль над локальными культовыми центрами. Отмечалось, что значение этого контроля не следует преувеличивать³⁴. Во всяком случае, далеко не все роды обладали такими локальными культами. Но, на наш взгляд, религиозная роль аристократии не должна быть и недооцениваема. Помимо собственных культов, отдельные роды имели наследственные жречества в культах общеполисных (например, Этеобутады, Евмолпиды³⁵, Керики, Бузиги и др.).

³³ Семенов Ю.И. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. М., 1993. С.330, 492-493.

³⁴ Roussel D. Trubu et cité. Études sur les groupes sociaux dans les cités grecques aux époques archaïque et classique. P., 1976. P.65-78; Finley M.I. Op.cit. P.44-47.

³⁵ Отметим здесь неточность, проскочившую в недавно переведенной на русский язык прекрасной книге: Хабихт Х. Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 1999. С.11. Там сказано, что членами рода Этеобутадов замещалась должность иерофанта в элевсинском культе, хотя следовало, конечно, назвать Евмолпидов. Этеобутады к Элевсину не имели

Кроме этого, вся евпатридская знать в архаическую эпоху имела два общих, в то время еще чисто аристократических культа: Зевса Оградного () и Аполлона Отческого ().³⁶ До Драконта целиком в руках аристократов находилось толкование неписаного права.

Значительную роль играл традиционный престиж аристократии. Он основывался на ряде факторов: происхождении (знатные роды, как известно, возводили свои истоки к богам и эпическим героям), монополии аристократов практически на все сколько-нибудь важные должности в полисе³⁷, участии в исключительно авторитетных панэллинских играх³⁸ и т.п.

Важным средством аристократического влияния служила разветвленная сеть внутриполисных межродовых связей (поддерживавшихся обычно путем династических браков), посредством которых создавались крупные коалиции родов, чаще всего на региональной основе: в связи между собою вступали обычно роды соседние, имевшие рядом расположенные резиденции и земельные владения. Такие коалиции были весьма значимым фактором политической борьбы в архаической и раннеклассической Аттике. Любой союз двух родовых групп, как правило, закреплялся брачными узами³⁹. Все политические альянсы были прежде всего альянсами сородичей и свойственников.

никакого отношения; они контролировали культ Афины и Посейдона на Акрополе (Apollod.III.15,1).

³⁶ *Oehler J.* Op.cit. Sp.1164; *Ehrenberg V.* From Solon to Socrates: Greek History and Civilization during the 6th and 5th Centuries B.C. L.,1968. P.48-54. О религиозной роли аристократии см. также: *Колобова К.М.* Возникновение и развитие... С.10; *Зельин К.К.* Ук.соч. С.139-145; *Littman R.J.* Kinship in Athens // *Ancient Society.* 1979. V.10. P.11.

³⁷ *Лурье С.Я.* Ук.соч. С.79; *Bengtson H.* Griechische Geschichte... S.94.

³⁸ *Зельин К.К.* Олимпионики и тираны // ВДИ. 1962. №4. С.21-29; *Макаров И.А.* Ук.соч. С.31-33; *Stein-Hölkeskamp E.* Adelskultur und Polisgesellschaft. Studien zum griechischen Adel in archaischen und klassischen Zeit. Stuttgart, 1989. S.121.

³⁹ О матримониальных связях аристократов см.: *Sealey R.* The Entry of Pericles into History // *PSZ.* S.144-161; *Lacey W.K.* Op.cit. P.87; *Connor W.R.* Op.cit. P.10-18; *Bicknell P.J.* Op.cit. Passim; *Aurenche O.* Les groupes d'Alcibiade, de Lèogoras et de Teucros: Remarques sur la vie politique athénienne en 415 avant J.C. P.,1974. P.52-56; *Humphreys S.C.* The Family, Women and Death: Comparative Studies. L.,1983. P.24; *Littman R.J.* Kinship and Politics... Passim.

Наконец, необходимо отметить роль внешних контактов аристократии, простиравшихся зачастую не только в соседние полисы, но и за пределы греческого мира. Эти контакты устанавливались путем ритуального гостеприимства – ксении, имевшей во многих отношениях огромное значение для античной Греции⁴⁰. Освященные авторитетом религии, связи гостеприимства уже ко времени создания гомеровских поэм стали неотъемлемой частью греческого мира, одним из важнейших факторов, сливавших его в цивилизационное единство⁴¹. В послегомеровский период роль ксении не только не уменьшилась, но, пожалуй, и возросла. Все греческие полисы к классической эпохе были уже соединены в единую цепь сетью союзов гостеприимства, распространявшейся и на соседние варварские государства (Лидию, Фракию и др.). Помимо ксении, при установлении внешних контактов аристократии играли роль экономические связи и брачные союзы⁴². Все связи подобного рода имели более личностный характер, не были столь прямо связаны с отношениями родства, как связи внутриаитические.

Безусловно, вышеперечисленные механизмы влияния не в равной степени характерны для всех представителей афинской аристократии. Отдельные знатные роды в своей деятельности отдавали предпочтение тем или иным из этих механизмов. Так, одним родам (Евмолпиды, Этеобуталы) было свойственно тяготение к более архаичным методам (земельные богатства, контроль над локальными культами); другие (Писистратиды, Филаиды) в большей степени пользовались возникшими позже средствами – обширной системой внутренних и внешних связей; третьи (Керики, Бузиги) пытались комбинировать те и другие механизмы. Всё это могло бы стать темой специального исследования. На механизмах власти, применявшихся Алкмеонидами, мы подробно остановимся ниже.

⁴⁰ Об институте ксении см.: *Курбатов А.А.* Социальный аспект...; *Ehrenberg V.* Der Staat der Griechen. Teil 1. Lpz., 1957. S.78 ff.; *Starr Ch.G.* The Economic and Social Growth... P.129; *Herman G.* Ritualized Friendship and the Greek City. Cambridge, 1987. О генезисе отношений гостеприимства (являющихся чрезвычайно архаичным институтом) см.: *Семенов Ю.И.* Ук.соч. С.287-289.

⁴¹ Ср.: *Ярхо В.Н.* Вина и ответственность в гомеровском эпосе // ВДИ. 1962. №2. С.20; *Irmischer J.* Götterzorn bei Homer. Lpz., 1950. S.81 ff.; *Poghirc C.* L'idée de solidarité humaine chez Homère // *Antiquitas graeco-romana ac tempora nostra.* Pragae, 1968. P.39-44.

⁴² *Зельин К.К.* Борьба политических группировок... С.22; *Berve H.* Fürstliche Herren... S.5; *Lévêque P., Vidal-Naquet P.* Clithène l'Athénien. P., 1964. P.37.

В последние десятилетия среди исследователей истории архаических и раннеклассических Афин получила значительное распространение концепция «регионализма». Первые шаги к ней были сделаны еще в 30-х годах, когда некоторые авторы (А.Гомм, С.Я.Лурье) показывали, что группировки, боровшиеся за преобладание в афинской политической жизни, имели в значительной мере локальную основу⁴³. Но в полном смысле слова автором рассматриваемой концепции можно считать американского ученого Р.Сили, в ряде работ 50-70-х годов проводившего мысль, что все политические конфликты в Афинах VII-V вв. до н.э. были обусловлены не социально-экономическими причинами и тем более не принципиальной идейной борьбой, а столкновением интересов аристократии различных регионов Аттики⁴⁴. Политическое объединение Аттики, по мнению Сили, не сразу превратило ее в органичное единство⁴⁵, долгое время вызывая недовольство знати таких регионов, как Элевсинская равнина и равнина на востоке страны, близ Тетраполиса и Браврона. Региональные конфликты, борьба местной аристократии за преобладание в Аттике – вот доминирующий момент политического развития этого времени. На основе этих общих положений Сили пытался делать и конкретные идентификации. Так, в Килоне, первом претенденте на тиранию в Афинах, он видел выразителя интересов знати Элевсинской равнины, в тиранине Писистрате и сопернике Клисфена Исагоре – лидеров «марафоно-бравронской» группировки (следует сказать, что если одни из этих идентификаций кажутся достаточно очевидными, то другие просто-таки озадачивают). Победу Клисфена и его реформы в конце VI в. до н.э. исследователь считал не чем иным, как победой городских аристократических родов (прежде всего Алкмеонидов) над локальными аттическими. Те силы, на которые опирались соперничавшие знатные роды, – группы их приверженцев, зависевших от них в экономическом,

⁴³ *Gomme A.W.* The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B.C. Repr.ed. Westport, 1986. P.37-39; *Лурье С.Я.* Ук.соч. С.78-81.

⁴⁴ *Sealey R.* The Entry of Pericles...; *idem.* Regionalism in Archaic Athens // *Historia*. 1960. Bd.9. Ht.2. S.155-180; *idem.* A History... P.95-106.

⁴⁵ О длительности и сложности процесса реального объединения Аттики см.: *Frost F.J.* The Rural Demes of Attica // *AAAD*. P.173-174.

политическом, культовом отношениях, то есть близких к римскому слою клиентов⁴⁶.

Концепция Сили (вне сомнения, одна из самых интересных среди выдвигавшихся в XX веке по поводу политической борьбы в архаических Афинах) в той или иной степени, с теми или иными оговорками была принята значительным числом ученых⁴⁷. Высказывались и возражения против издержек концепции «регионализма». Подмечалось, что наряду с региональными связями не следует забывать и о личных⁴⁸.

Социальный момент, не абсолютизируя его, также необходимо принимать во внимание. Так, среди диакриев, очевидно, бóльшим, нежели в других политических группировках середины VI в., был удельный вес неполноправных и деклассированных слоев населения (Arist.Ath.pol.13,5; Plut.Sol.29)⁴⁹. Между семейным и региональным факторами, как нам кажется, противоречия нет: принцип организации группировок был смешанным, семейно-региональным.

* * *

⁴⁶ Следует отметить, что многие антиковеды считают понятие клиентелы вполне приложимым к афинскому обществу рассматриваемой эпохи: *Дурье С.Я.* Ук.соч. С.78 слл.; *Daverio Rocchi G.* Politica di famiglia...; *Bicknell P.J.* Op.cit. P.VIII-IX; *Littman R.J.* Kinship in Athens... P.10; *Finley M.I.* Op.cit. P.46-47; *Mossé C.* De l'ostracisme aux procès politiques: le fonctionnement de la vie politique à Athènes // Istituto universitario orientale (Napoli). Annali. Sezione di archeologia e storia antica. 1985. V.7. P.17-18; *Ober J.* Op.cit. P.55-60.

⁴⁷ *Ehrenberg V.* From Solon to Socrates... P.48-54, 76-77; *Ghinatti F.* I gruppi politici ateniesi fino alle guerre persiane. R., 1970. P.72; *Kluwe E.* Bemerkungen zu den Diskussionen über die drei "Parteien" in Attika zur Zeit der Machtergreifung des Peisistratos // *Klio.* 1972. Bd.54. S.101-124; *Williams G.M.E.* Athenian Politics 508/7 – 480 B.C.: A Reappraisal // *Athenaeum.* 1982. V.60. Fasc.3/4. P.521. В отечественной историографии концепция регионализма оказала некоторое (хотя и не определяющее) влияние на работы К.К.Зельина, посвященные политической борьбе в архаической Аттике.

⁴⁸ *Mossé C.* Classes sociales et régionalisme à Athènes au début du VIe siècle // *AC.* 1964. V.33. №2. P.401-413.

⁴⁹ Ср.: *Bengtson H.* Griechische Geschichte... S.101. О социальном факторе см. также: *Burn A.R.* The Lyric Age of Greece. L., 1978. P.304; *Lévêque P.* Formes des contradictions et voies de développement à Athènes de Solon à Clisthène // *Historia.* 1978. Bd.27. Ht.4. S.522-548.

Характерно, что именно представители знатных родов становятся и первыми вождями демоса, когда тот как весомая сила выдвигается на политическую арену. Парадоксально, но факт: само формирование классической (в любом смысле слова) афинской демократии, в ходе своего развития оттеснившей древнюю знать на периферию общественной жизни, являлось во многом результатом волевых действий ряда аристократических по своему происхождению, положению, менталитету лидеров: Солона, Писистрата, Клисфена, Фемистокла, Перикла. Первоначальная апелляция к демосу была связана не с какими-то принципиальными «демократическими» убеждениями части аристократов, а со стремлением опереться на нового (и сильного) союзника в борьбе с соперниками; иначе говоря, она воспринималась как еще один механизм власти и влияния. Этот новый метод борьбы за власть доставлял отдельным аристократам сиюминутные выгоды, но в перспективе приводил к перетеканию властных полномочий из их рук к инициированным ими же демократическим институтам⁵⁰.

Здесь необходимо сделать одну оговорку. Иногда в исследовательской литературе можно встретить утверждение о том, что аристократия в архаической Греции была слоем консервативным, державшимся за старое, противившимся прогрессу, реформам, переменам и т.п.⁵¹ Утверждение это, в какой-то степени ставшее общим местом, как нам кажется, не имеет опоры в источниках. Перед нами неточность, но неточность вполне объяснимая. Подобного рода суждения об аристократии идут, насколько можно судить, еще от классической французской историографии прошлого столетия. В устах ее представителей они звучали вполне оправданно, поскольку обуславливались конкретно-политической ситуацией на их родине в предшествовавшую эпоху – в конце XVIII в., в годину Великой Французской революции. В условиях того времени действительно аристократия в массе своей выступала решительной защитницей «старого режима»; если же отдельные

⁵⁰ О роли аристократии в формировании демократического режима см.: *Фролов Э.Д.* Политические лидеры...; *Berve H.* Fürstliche Herren... S.13; *Ober J.* Op.cit. P.84-86; *Stanton G.R.* Athenian Politics c.800-500 B.C.: A Sourcebook. L.-N.Y., 1991. P.3-4; *Camp J.M.* Before Democracy: Alkmaionidai and Peisistratidai // AAAD. P.7.

⁵¹ См., например: *Cerrato T.* Sofocle, Cimone, Antenore e i Veneti // *Athenaeum*. 1985. V.63. Fasc.1/2. P.173; *Дворецкая И.А., Залюбовина Г.Т., Шервуд Е.А.* Кровавая месть у древних греков и германцев. М., 1993. С.16-17.

ее представители (Лафайет, Мирабо, Филипп Эгалите) и оказывались участниками революционного движения, то лишь в рамках наиболее умеренного его крыла. Лидеры же наиболее радикальных течений (не только якобинцев, но даже и жирондистов) были все как один выходцами из «третьего сословия». Аристократия могла играть аналогичную консервативную и реакционную роль и в других исторических ситуациях Нового времени. Но во всех таких случаях это была, как правило, уже разлагающаяся аристократия, озабоченная только сохранением собственных привилегий и не желающая ни с кем их делить.

Совсем иначе обстояло дело в античном мире, в частности, в Греции эпохи архаики и классики. Легко заметить, что в то время во главе любых реформ, любых прогрессивных перемен и сдвигов всегда стояли представители аристократической верхушки общества. В частности, все «отцы-основатели» афинской демократии – от Солона до Перикла – принадлежали к кругу древней знати. Иными словами, аристократия не только не являлась самым консервативным, реакционным слоем; напротив, она была, пожалуй, наименее склонной к консерватизму. Причины этого вполне ясны. Отсутствие необходимости заниматься повседневным трудом доставляло аристократии большое количество досуга. В силу этого она становилась, бесспорно, самой образованной частью общества и, следовательно, имела самый широкий кругозор, привыкала смотреть на вещи широко, без комплексов. Соответственно, аристократы были более, чем кто-либо, восприимчивы ко всем новым веяниям. Оплотом же консервативных настроений в рассматриваемый период (как, наверное, и всегда) было крестьянство. Сам образ жизни крестьянина – размеренный, циклический, традиционный – влек за собой неприятие каких бы то ни было новшеств, если они не являли собой то, что С.Я.Лурье называл «консервативной юридической фикцией», когда реформа представляется как восстановление старинного, «исконного» порядка вещей⁵².

Из вышесказанного вытекает и то, что нельзя также бездумно ставить знак равенства между понятиями «аристократы» и «олигархи»⁵³. Характерно, что в период, когда олигархическое, антидемократическое движение в Афинах

⁵² Лурье С.Я. Антифонт: творец древнейшей анархической системы. М., 1925. С.18.

⁵³ Как, например: Kagan D. Op.cit. P.205.

достигло пика (конец V в. до н.э., время переворотов Четырехсот и Тридцати), среди лидеров олигархических гетерий мы практически не находим выходцев из древних аристократических родов. Едва ли не единственное исключение – Критий из рода Кодридов. Основной социальной базой олигархических переворотов было то же зажиточное крестьянство, «гоплитская» прослойка⁵⁴. Аристократы же, повторим, внесли наибольший вклад как раз в демократизацию афинского полиса.

В изменившейся обстановке, особенно начиная с конца VI в. до н.э., с клисфеновских реформ, подвергались серьезному изменению механизмы влияния, практиковавшиеся аристократами. Совершенно отошло в прошлое их господствующее положение в религиозной сфере, были подорваны экономические позиции знати, стали играть меньшую роль традиционный престиж и внешние связи. По-прежнему большое внимание уделялось отношениям родства, были весьма популярны межродовые династические браки⁵⁵. Но в самом влиянии родства на политику произошли немаловажные сдвиги. На первое место взамен рода () выходят более мелкие единицы – семья, домохозяйство () и ее окружение из ближайших родственников ()⁵⁶. Прекратили существование крупные региональные группировки, опиравшиеся на клиентелу; на их место пришел новый тип политической организации – гетерия, занявшая важнейшее место в общественной жизни Афин⁵⁷. При создании гетерий по-прежнему принималось во внимание родство и свойство, но теперь оно перестало быть важнейшим критерием: наряду с ним

⁵⁴ Lehmann G.A. Op.cit.; Суриков И.Е. Демократия и гетерии: некоторые аспекты политической жизни Афин V в. до н.э. // ВЧОАМ. С.92-93.

⁵⁵ Sealey R. The Entry of Pericles...; Bicknell P.J. Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants // Historia. 1974. Bd.23. Ht.2. S.146-163; Littman R.J. Kinship in Athens... P.16-17; Суриков И.Е. Женщины в политической жизни позднерхаических и раннеклассических Афин // Античный мир и его судьбы в последующие века. М.,1995. С.43-52.

⁵⁶ Littman R.J. Kinship and Politics... P.152.

⁵⁷ О гетериях см.: Calhoun G.M. Athenian Clubs in Politics and Litigation. Repr. ed. N.Y.,1970; Sartori F. Le eterie nella vita politica ateniese del VI e V secolo a.C. R.,1957; Aurenche O. Op.cit. P.56-95; Connor W.R. Op.cit. P.15-38; Murray O. The Affair of the Mysteries: Democracy and the Drinking Group // Symptica: A Symposium on the Symposium. Oxf.,1990. P.149-161; Суриков И.Е. Демократия и гетерии...

выдвинулись на видное место узы политической дружбы).

Отдельные представители знати по-разному относились к изменению условий политической жизни. Например, Мильтиад является типичным примером аристократа, не нашедшего себе места в мире демократического полиса. На другом полюсе – Фемистокл⁵⁸, не только охотно принявший новые «правила игры», но и постаравшийся извлечь из них максимальную выгоду для себя. Но, как бы то ни было, новые механизмы уже не обеспечивали, как прежде, безусловного обладания властью для аристократии, поскольку не являлись ее исключительной прерогативой. Более того, их последовательное применение вело к постепенному, но неуклонному вытеснению аристократов из политики, которое в основном завершилось к концу V в. до н.э. Точкой отсчета для этого процесса можно считать, как отмечалось выше, реформы Клисфена. Однако эти преобразования, всё колоссальное значение которых стало полностью ясным лишь с течением времени, не нанесли, по крайней мере с внешней стороны, ощутимого удара по политической роли аристократии в самый момент их проведения. Аристократы – если не как социальный слой в своей совокупности, то в лице своих виднейших представителей – продолжали осуществлять большинство властных полномочий в полисе и в первые десятилетия демократии.

Реформа Эфиальта (462 г. до н.э.), традиционно рассматриваемая как один из важнейших этапов демократизации государственного устройства Афин, не оказала непосредственного воздействия на снижение значения знати в общественной жизни Афин. Ареопаг, по которому наносил основной удар Эфиальт, к этому времени уже перестал быть цитаделью аристократического влияния. Имевшее место еще в 487 г. изменение способа избрания коллегии девяти архонтов (была введена жеребьевка вместо голосования⁵⁹) с течением

⁵⁸ Стремление видеть в Фемистокле некоего *homo novus* в кругу старой знати, человека «неполноценного» происхождения было в последнее время подвергнуто аргументированной критике (*Frost F.J. Themistocles' Place in Athenian Politics // CSCA. 1968. V.1. P.73-104; Harvey F.D. Neokles, Father of Themistokles // Historia. 1980. Bd.29. Ht.2. S.110-111; Bicknell P.J. Themistokles' Father and Mother // Historia. 1982. Bd.31. Ht.2. P.161-173.*)

⁵⁹ *Cavaignac E. La désignation des archontes athéniens jusqu'en 487 // Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes. 1924. V.48. P.144-148; Buck R.J. The Reform of 487 B.C. in the Selection of Archons // ClPh. 1965. V.60. No.2. P.96-101.*

времени привело к тому, что состав этого древнего совета, пополнявшегося именно путем пожизненной кооптации бывших архонтов, оказался более или менее случайным и мало на что реально влиявшим.

Нам уже приходилось специально писать о реформе Эфиальта⁶⁰. Здесь мы только хотели бы заметить, что, по нашему мнению, в современной историографии ее значение сильно преувеличивается. Не следует забывать о том, что эта реформа имела совершенно конкретное содержание – лишение Ареопага дополнительных полномочий (), не свойственных этому органу и приобретенных им относительно незадолго до того, в начале V в. до н.э., - и не менее конкретный политический подтекст – борьбу с группировкой Кимона, которого в тот момент поддерживали ареопагиты. Вряд ли правомерно видеть здесь какой-то шаг принципиального демократического значения. Действительно, в этот период (конец 460-х – 450-е гг. до н.э.) в политической жизни Афин произошли новые серьезные изменения. Но их логичнее связывать не с одной, отдельно взятой реформой Ареопага, а с целым комплексом мер, проведенных не столько Эфиальтом, сколько уже Периклом⁶¹, и со ставшими их результатом процессами.

Так, чрезвычайно важное значение имела введенный Периклом институт мистофории. Оплата деятельности должностных лиц, распространенная сперва на суды присяжных, очень скоро – на Совет пятисот, а затем и на большинство других магистратур, позволяла отныне активно участвовать в политической жизни и людям небольшого достатка⁶², чем они, конечно, сразу же не преминули воспользоваться, понемногу лишая аристократию монополии на большинство государственных постов. Тогда же происходили изменения принципиального характера в системе судопроизводства⁶³. В частности, был осуществлен переход к тайному голосованию в дикастериях. Это, вне сомнения, резко

⁶⁰ Суриков И.Е. Афинский ареопаг в первой половине V в. до н.э. // ВДИ. 1995. №1. С.23-40. Там же приведена литература вопроса.

⁶¹ Отнюдь не случаен тот факт, что ни один из авторов V и большей части IV вв. до н.э. (вплоть до Аристотеля, Ath.pol.25) не упоминает даже имени Эфиальта как демократического лидера или просто видного политика.

⁶² Mossé C. Dictionnaire... P.380.

⁶³ Boegehold A.L. et al. The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, et Testimonia (The Athenian Agora. V.28). Princeton, 1995. P.VIII, 22.

снизило возможности аристократии реально влиять на принятие судебных решений, воздействуя разными способами на свою традиционную клиентулу. А.Беджхолд считает, что именно в это время стало впервые практиковаться избрание членов судебных коллегий по жребию. Если это соответствует действительности, то введение и в этой сфере такого сугубо демократического метода, как жеребьевка (ср. *Arist.Pol.1284b8*) не могло не ударять по положению знати.

Именно в период около 460 г. происходит, насколько можно судить, значительная активизация деятельности афинской экклесии. Во всяком случае, именно к этому времени археологи относят оборудование специального места для народных собраний на Пниксе⁶⁴. До того экклесия собиралась на агоре (рудиментом этого можно считать проведение там остракофорий вплоть до конца V в.), а теперь, судя по всему, ставшие частыми ее заседания создавали серьезные неудобства для других видов деятельности (в том числе для торговли) на этой главной рыночной площади Афин; потому-то и возникла необходимость в переносе места собраний. Немецкий исследователь В.Шмитц отмечает резкое падение с середины V в. значимости солоновских имущественных классов, ранее занимавших центральное место в социальной градации гражданского коллектива⁶⁵. Среди причин этого он называет общее увеличение роли жребия в политической жизни, отмену предварительного избрания кандидатов перед жеребьевкой (), а следовательно – снижение роли демов (и таким образом, добавим мы, аристократов, сохранявших традиционное влияние в демах) на определение состава органов власти. Нельзя не упомянуть и о введении в 453 г. до н.э. института «судей по демам» (*Arist.Ath.pol.26,3*). В сущности, здесь Перикл фактически скопировал институт, уже вводившийся за век до того Писистратом (*Arist.Ath.pol.16,5*). Цели обоих политиков были во многом схожими – подрыв влияния аристократии на местах.

⁶⁴ *Hansen M.H.* The Athenian Assembly: In the Age of Demosthenes. Oxf., 1987. P.12-13.

⁶⁵ *Schmitz W.* Reiche und Gleiche: Timokratische Gliederung und demokratische Gleichheit der athenischen Bürger im 4. Jahrhundert v.Chr. // AD. S.573-597.

Достоинственно венчает череду вышеперечисленных новшеств известный закон Перикла о гражданстве 451 г. до н.э.⁶⁶. Согласно ему афинскими гражданами считались лишь те лица, которые могли подтвердить свою принадлежность к гражданскому коллективу и по мужской, и по женской линиям. Значение этой меры не следует недооценивать. Она практически исключала возможность для аристократов поддерживать путем матримониальной политики связи со знатью других греческих и негреческих государств, что в эпоху архаики (да еще и в первые десятилетия V в.), как отмечалось выше, было важным рычагом ее престижа и влияния. Достаточно привести такой пример. Кимон – самый, пожалуй, блистательный представитель афинской знати этого времени – был сыном Мильтиада и фракийской царевны Гегесипилы и, следовательно, подпадал под действие закона Перикла; нужно полагать, что лишь скорая смерть (в 450 г.) «спасла» его от атимии. Во всяком случае, на брачных контактах аристократии за пределами родного полиса отныне приходилось поставить жирный крест.

Афинских не могла не беспокоить утрата ими своих политических позиций. Очевидно, с этим обстоятельством следует связать возникновение как раз в начале 440-х гг. некоего подобия организованной аристократической оппозиции Периклу во главе с Фукидидом, сыном Мелесия (Plut.Pericl.11)⁶⁷. Впрочем, эта оппозиция оказалась крайне недолговечной. Насколько можно судить, всякие следы ее исчезают после изгнания Фукидида остракизмом (444 г. до н.э.). Дело здесь не только и даже не столько в уходе с политической арены на десять лет талантливого лидера, сколько в другом. Именно в последовавшие за этим годы блеск и процветание демократических Афин достигли апогея (во многом за счет эксплуатации «союзников» по Архэ). Аристократия получала от этого процветания не меньшие выгоды, нежели демос, что заставляло ее временно примириться с издержками демократизации полиса и политики Перикла. Когда Э.Бадриан

⁶⁶ О нем см.: Austin M.M., Vidal-Naquet P. Op.cit. P.94-95; Суриков И.Е. Перикл и Алкмеониды... С.25.

⁶⁷ Об этой оппозиции см.: Meyer H.D. Thukydides Melesiou und die oligarchische Opposition gegen Perikles // Historia. 1967. Bd.16. Ht.2. S.141-154; Andrewes A. The Opposition to Perikles // JHS. 1978. V.98. P.1-8; Hölkeskamp K.-J. Parteierungen und politische Willensbildung im demokratischen Athen: Perikles und Thukydides, Sohn des Melesias // Historische Zeitschrift. 1998. Bd.267. Ht.1. S.1-27.

говорит, что вплоть до Сицилийской экспедиции в Афинах вообще не было «олигархов»⁶⁸, то в этом, бесспорно, есть доля преувеличения, но для определенного хронологического отрезка (середина 440-х – конец 430-х гг.) он прав.

Само многолетнее фактическое правление «первого гражданина» тоже сыграло свою роль в вытеснении аристократов из политической жизни. Второй период деятельности Перикла (после ostracism Фукидида, сына Мелесия) можно охарактеризовать как время нарастания рационализма в афинском обществе⁶⁹. Опора на личные отношения уступала место безличным соображениям законности и государственного интереса. Пример самого лидера, демонстративно порывающего с семейными, родовыми связями, становился парадигматичным для властных структур полиса. В результате «Периклов век» ознаменовался значительным ослаблением принципа родства в политике⁷⁰.

Описываемые процессы, имевшие вполне определенную направленность, были довершены Пелопоннесской войной, в ходе которой многие представители уже немногочисленной старой знати были физически уничтожены. На смену им пришли *homines novi* – поколение демагогов, не связанных с системой древних родов⁷¹. Впрочем, отстранение от власти аристократии даже тогда не было полным. С одной стороны, наряду с демагогами на первый план выдвинулись представители неафинской аттической знати, ранее достаточно скромной и оттеснявшейся блестящими столичными лидерами⁷². Именно к таковой, на наш взгляд, следует относить Никия, Ферамена, Фрасибула, да и едва ли не всех тех политиков этого времени, которые не принадлежали к старинной афинской аристократии, но и не носили ярлыка демагога. С другой стороны, даже для демагогов ряд старых механизмов приобретения авторитета оставался актуальными.

⁶⁸ *Badian E.* The Ghost of Empire. Reflections on Athenian Foreign Policy in the Fourth Century BC // AD. S.81.

⁶⁹ *Зайцев А.И.* Перикл и его преемники (к вопросу о приемах политического руководства в древности) // ПДАСНВ. С.23-28.

⁷⁰ *Ober J.* Op.cit. P.90; *Littman R.J.* Kinship and Politics... P.193-223; *Суриков И.Е.* Перикл и Алкмеониды... С.15, 30.

⁷¹ *Hatzfeld J.* Op.cit. P.2; *MacKendrick P.* Op.cit. P.3; *Bicknell P.J.* Studies... P.IX; *Finley M.I.* Op.cit. P.64-65; *Mossé C.* La classe politique à Athènes au IVème siècle // AD. S.67-72; *Фролов Э.Д.* Политические лидеры... С.21; *Суриков И.Е.* Демократия и гетерии... С.93.

⁷² Ср. наблюдения в работе: *Gomme A.W.* The Population of Athens... P.37-39.

Так, дети Клеона породнились с одной из почтеннейших в Афинах семей тираноубийцы Гармодия (из рода Гефиреев), что нельзя объяснить иначе, чем стремлением включиться в традиционный аристократический «истеблишмент»⁷³.

Аристократические ценности и традиции, на протяжении веков господства знати пропитавшие собой все стороны жизни полиса, оказались неискоренимыми. Всё это придало древнегреческим демократиям (в частности, афинской) неповторимый колорит: полисы, демократические по своему государственному устройству, оказались одновременно аристократическими по этосу, внутреннему духу⁷⁴. Даже при демократии в афинской социокультурной среде господствовали некоторые ключевые концепции аристократической идеологии: вера в наследственность человеческих качеств и способностей, в преимущества «от рождения», отношение к аристократии как к особой сословной группе («республиканизм» (тоже аристократический принцип, утвердившийся после победы знати над базилями), определенная шкала норм «джентльменского» поведения, включавшая в себя, в частности, негативное отношение к любому физическому труду, кроме земледельческого, и др. Одним из базовых критериев оценки индивида в Афинах всегда оставалось его происхождение. Это, кстати, вызвало обостренный интерес практически всех греческих авторов к генеалогическим штудиям⁷⁶. Аристократические ценности сохранялись, но просто как бы распространились на весь гражданский коллектив, на весь демос⁷⁷.

* * *

Одним из наиболее оживленно дискутировавшихся в антиковедческой литературе вопросов, связанных с историей афинской аристократии, был и остается вопрос о сущности

⁷³ Connor W.R. Op.cit. P.161 f.

⁷⁴ Greenhalgh P.A.L. Op.cit. P.190 f.; Arnheim M.T.W. Op.cit. P.12, 156; Roberts J.T. Aristocratic Democracy: The Perseverance of Timocratic Principles in Athenian Government // Athenaeum. 1986. V.64. Fasc.3/4. P.355-369; Ober J. Op.cit. P.251-254; Ленская В.С. Ук.соч. С.15-16; Андреев Ю.В. Ук.соч. С.209.

⁷⁵ Детальный анализ понятия калокагии см. в работе: Лосев А.Ф. История античной эстетики: Итоги тысячелетнего развития. Кн.2. М., 1994. С.386-439.

⁷⁶ Prakken D.W. Studies in Greek Genealogical Chronology. Lancaster, 1943. P.47, 71-72; Broadbent M. Studies in Greek Genealogy. Leiden, 1968. P.4-7.

⁷⁷ Austin M.M., Vidal-Naquet P. Op.cit. P.109.

греческого и, в частности, афинского рода (). Традиционная концепция была разработана в XIX в. Дж.Гротом; на его построения оказали бесспорное влияние общие представления того времени о роде, отразившиеся, помимо прочего, и в конструкциях, предложенных знаменитым американским этнографом Л.Г.Морганом на материале первобытных обществ (как известно, идеи Morgana оказали впоследствии определяющее влияние на схему «происхождения семьи, частной собственности и государства», как она обрисована у Энгельса). Концепция Грота и в XX в. продолжает иметь убежденных сторонников среди антиковедов⁷⁸. Согласно этой концепции, греческий лучше всего может быть определен как клан. Это – архаичная организация замкнутого типа, своего рода квазигосударство внутри полиса.

претендует на происхождение от общего предка (обычно фиктивного, взятого из мифологии); для него характерны общие религиозные церемонии и усыпальницы, взаимное право наследования и обязанности по защите сородичей, зачастую общая земельная собственность, специальные должностные лица (архонт и казначей). Внутри рода существует более мелкая единица – семья, домохозяйство (). Сама эта концепция, впрочем, с течением времени подвергалась определенной модификации. Так, было отмечено (Р.Коннор, Р.Литтман), что афинские включали в себя не все население, подобно ирокезским или римским родам, а лишь аристократию.

Параллельно вышеупомянутой схеме в 1970-е гг. появилась другая, существенно отличающаяся от нее точка зрения. Наиболее полемически-заостренно ее выразил французский исследователь Ф.Буррио⁷⁹: слово, по его мнению, не являлось *terminus technicus* и в разные эпохи имело различный смысл. В целом в Афинах можно выделить три типа объединений, в отношении которых употреблялось это слово: жреческие корпорации (Керики, Евмолпиды), древние общины, сохранившие собственные культы (Гефиреи, Саламинии),

⁷⁸ Whibley L. *Greek Oligarchies: Their Character and Organization*. N.Y.-L., 1896. P.95-104; Schjøtt P.O. *Von Drakon bis Kleisthenes*. Christiania, 1909. S.34; MacKendrick P. *Op.cit.* P.VII-VIII; Connor W.R. *Op.cit.* P.10-14; Daverio Rocchi G. *Aristocrazia genetica...* P.96; Ehrenberg V. *From Solon to Socrates...* P.48-54; Littman R.J. *Kinship and Politics...* P.15-23; Лурье С.Я. К вопросу о роли Солона... С.78-81.

⁷⁹ Bourriot F. *Op.cit.* T.2. P.1347-1365.

наконец, политически влиятельные семьи (), к которым термин *κλῆρος* начинает применяться лишь с IV в. до н.э. (Алкмеониды, Филаиды). Наличие в Аттике древней клановой организации с родовой земельной собственностью, родовыми усыпальницами и т.п. Буррио отрицает. Эта точка зрения с теми или вариациями становится все более популярной в науке⁸⁰, хотя, впрочем, встречаются и принципиальные возражения⁸¹. В значительной степени укоренилось мнение, согласно которому важнейшей социально-политической единицей был не полумифический *φύλον*, а *οἶκος*, семья.

Существует и промежуточная точка зрения, согласно которой *οἶκος*, род был реалией, но действовал на политической арене не как таковой, а посредством одной или нескольких своих важнейших семей или, по выражению Г.Т.Залюбовиной⁸², агнатных групп. Именно эти агнатные группы боролись за власть в архаических Афинах, используя экономическое могущество и поддержку своих родов. Пожалуй, эта концепция, комбинирующая позитивные стороны как традиционной схемы, так и конструкции Буррио, представляется нам наиболее близкой к действительности. Впрочем, мы предпочли бы воздержаться здесь от окончательного суждения об этом предмете, тем более, что непосредственного влияния на решение рассматриваемых проблем это не окажет. К тому же для сколько-нибудь ответственного суждения потребовался бы подробный экскурс в тему о соотношении родов, фратрий и оргеонов, а это увело бы нас слишком далеко в сторону.

Однако необходимо внести уточнение по поводу употребления нами в тексте данной работы слова «род» (род

⁸⁰ Roussel D. Op.cit. P.21-22; Starr Ch.G. The Economic and Social Growth... P.137-138; Ober J. Op.cit. P.55-60; Ellis W.M. Op.cit. P.99-102. В отечественной историографии выводы Буррио отчасти приняты в работе: Глускина Л.М. Фратрия и род в структуре афинского полиса в IV в. до н.э. // ВДИ. 1983. №3. С.39-52.

⁸¹ Наиболее последовательный противник данной концепции – Р.Литтман, упрекающий Буррио в игнорировании данных социальной антропологии.

⁸² Залюбовина Г.Т. Динамика становления... С.10 слл.; она же. Рудименты агнатного права в раннеклассовых обществах Греции // РЦ. С.3-16. Ср.: Ferguson W.S. Op.cit. P.43-44; Bicknell P.J. Studies... P.59-60; Connor W.R. Lycomedes against Themistocles? A Note on Intragenos Rivalry // Historia. 1972. Bd.21. Ht.4. S.569-574 (где подмечается, что между отдельными семьями рода могло существовать даже соперничество).

Алкмеонидов и т.п.). В свете вышеизложенных разногласий в вопросе о самом определении рода такое словоупотребление может показаться уязвимым. Нам могут возразить, например, что целесообразнее вести речь не о роде, а о *семье* Алкмеонидов (см. ниже, гл. I, §2). Мы опираемся здесь на то обстоятельство, что в русском языке слово «род» (как и греческое *γενος*, по наблюдению Буррио) не имеет узкого технического смысла и может употребляться в разных значениях. Так, говоря о русских дворянских родах (Голицыных, Шереметевых, Юсуповых и др.), имеют в виду вовсе не какой-то клан, а семью или, чаще, систему семей, связанную происхождением от общего, отнюдь не фиктивного предка. Именно в этом смысле мы и будем впредь употреблять в ходе исследования термин «род».

В исследовании истории афинской аристократии в течение последних десятилетий всё большую роль играет просопографический метод. После выхода фундаментальной «Аттической просопографии» И. Кирхнера⁸³, в первой половине XX в. интерес к этой дисциплине в определенной мере уменьшился. А. Гомм даже предостерегал против злоупотребления просопографией. Случайный характер упоминаний в источниках о той или иной персоналии, неполнота сведений, почти полное отсутствие материала о женщинах могут, на взгляд ученого, привести к значительным искажениям⁸⁴. Однако при соблюдении необходимых предосторожностей просопографический метод может принести всё же весьма весомые результаты, как видно на примере римской истории⁸⁵.

Просопографические штудии охватили в последнее время самые различные области афинской истории⁸⁶. Наибольшим достижением в этой сфере стала монография Дж. Дейвиса «Афинские состоятельные семьи»⁸⁷, в которой прослеживается практически во всех аспектах история известных аттических

⁸³ Kirchner I. Prosopographia Attica. V.1-2. B., 1901-1903.

⁸⁴ Gomme A.W. The Population of Athens... P.80-81. О скудости просопографического материала по афинским женщинам см. также: Schaps D. The Woman Least Mentioned // ClQ. 1977. V.27. No.2. P.323-330.

⁸⁵ Bicknell P.J. Studies... P.VIII.

⁸⁶ См., например: Lauffer S. Prosopographische Bemerkungen zu den attischen Grubenpachtlisten // Historia. 1957. Bd.6. Ht.3. S.287-305; Aurenche O. Op.cit.; Humphreys S.C. Kinship Patterns in the Athenian Courts // GRBS. 1986. V.27. No.1. P.57-91; Hansen M.H. The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983-1989. Copenhagen, 1989. P.25-72.

⁸⁷ Davies J.K. Athenian Propertied Families, 600-300 B.C. Oxf., 1971.

семейных групп. Использование данных просопографии, на наш взгляд, является одним из наиболее перспективных направлений в изучении позднеархаических и раннеклассических Афин. Впредь нам не раз придется обращаться к этим данным.

Далее, в основной части работы, автору предстоит рассмотреть, каким образом общие закономерности истории афинской аристократии преломлялись в судьбе одного из славнейших в ее числе родов. Кстати, наблюдения над конкретным материалом, связанным с этим родом, позволит в определенной степени верифицировать и сами общие закономерности.

Глава I

РОД АЛКМЕОНИДОВ: К ОБЩЕЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ

§1. Хронология событий, связанных с Алкмеонидами

В истории Алкмеонидов существует ряд важных хронологических проблем, которые не могут быть однозначно разрешены на основании имеющихся источников. Исследователи вряд ли когда-нибудь придут к единому мнению по многим вопросам. В этих условиях хронологические построения, которые мы попытаемся предпринять ниже, порой обречены на заведомую гипотетичность (впрочем, не большую, нежели в предпринимавшихся ранее построениях на эту тему). Однако они необходимы, хотя бы на уровне гипотезы, поскольку лишь попытавшись установить датировки основных событий мы сможем создать более или менее надежную базу для дальнейшего исследования.

Сразу оговорим, что при скудости и противоречивости имеющейся в распоряжении исследователя информации самое большее, на что мы можем рассчитывать, - это определенная точность в воссоздании *относительной* хронологии, т.е. в вычислении взаимной последовательности событий, что само по себе немаловажно. Что же касается хронологии абсолютной, т.е. определения точной даты того или иного события, то отдельные ее моменты придется признать неразрешимыми в принципе.

Мятеж Килона. В настоящее время о дате этого события можно говорить с достаточной точностью. В ходе более чем векового исследования данного вопроса не выдержали аргументированной критики все «нетрадиционные» датировки Килонова дела – начало VI в. до н.э.¹, время между Солоном и Писистратом², эпоха Писистрата³. Окончательно утвердилась традиционная датировка досолоновским временем⁴. Впрочем, и

¹ Lévy E. Notes sur la chronologie athénienne au VIe siècle. I. Cylon // *Historia*. 1978. Bd.27. Ht.4. S.513-521.

² Beloch J. Zur Geschichte der älteren griechischen Lyrik // *RhM*. 1895. Bd.50. Ht.2. S.252-253; Costanzi V. Cyloniana // *RFIC*. 1902. V.30. Fasc.4. P.558-566.

³ De Sanctis G. Atthís: Storia della repubblica ateniese dalle origini alla età di Pericle. Firenze, 1975³. P.355-366; Seeck O. Quellenstudien zu des Aristoteles Verfassungsgeschichte Athens. VI. Der Kylonische Frevel // *Klio*. 1904. Bd.4. S.318-326; Cornelius F. Die Tyrannis in Athen. München, 1929. S.36 ff.

⁴ Ure P.N. The Origin of Tyranny. Repr.ed. N.Y., 1962. P.34; Adcock F.E. The

она может быть уточнена. Есть все основания полагать, что мятеж состоялся до законодательства Драконта⁵. При этом нужно помнить, что он имел место во время Олимпийских игр (Thuc.I. 126,5), т.е. в олимпийский год. Предпринимались попытки датировать заговор с точностью до года – 640 г.⁶, 636 г.⁷ или 632 г. до н.э.⁸

Единственная хронологическая опора в данном вопросе – указание в «Хронике» Евсевия (I.197-198 Schoene) на олимпийскую победу Килона в «двойном беге» (, т.е. 2 стадия) на 35-й Олимпиаде (640 г. до н.э.). Ученые, отрицавшие традиционную датировку, не

Date of Cylon's Coup d'état // САН. V.4. 1926. P.661-662; *Schachermeyr F.* The-agenes // RE. Reihe 2. Hlbd.10. 1934. Sp.1341-1345; *Moulinier L.* La nature et la date du crime des Alcéméonides // REA. 1946. V.48. №3/4. P.182-202; *Wade-Gery H.T.* Op.cit. P.144-145; *Ghinatti F.* Op.cit. P.11-39; *Зельин К.К.* Олимпионики и тираны... С.22; *Вдовин В.Н.* К вопросу о предыстории тирании в Афинах // Античность, средние века и Новое время. Социально-политические и этно-культурные процессы. Нижний Новгород, 1997. С.13-27; *Зайцев А.И.* Заговор Килона // АМ. С.57-68.

⁵ *Wilamowitz-Moellendorff U. von.* Aristoteles und Athen. B.,1893. Bd.2. S.55; *Wilbrandt M.* Op.cit. S.176-184; *Meyer Ed.* Geschichte des Altertums. Essen,1984⁹. Bd.5. S.590-592; *Hignett C.* A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century B.C. Oxf.,1952. P.86-87; *Moretti L.* Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici. R.,1957. P.65; *Lang M.* Kylonian Conspiracy // CIPh. 1967. V.62. No.4. P.243-249; *Finley M.I.* Early Greece: The Bronze and Archaic Ages. L.,1981². P.117-118; *Drews R.* The First Tyrants in Greece // Historia. 1972. Bd.21. Ht.2. S.135; *Sealey R.* A History... P.98-99; *Legon R.P.* Megara: The Political History of a Greek City-State to 336 B.C. Ithaca, 1981. P.93-104; *Малинин А.А.* К вопросу об Алкмеонидах в первой главе Афинской политики Аристотеля в связи с вопросом об Эпимениде Критянине // Журнал Министерства народного просвещения. 1908. №11/12. С.479-520; *Радциг С.И.* Килонова смута в Афинах (эпизод из истории родовых отношений в Аттике) // ВДИ. 1964. №3. С.3-14.

⁶ *Picard Ch.* Le "présage" de Cléoménès (507 av.J.-C.) et la divination sur l'Acropole d'Athènes // REG. 1930. V.43. P.262.

⁷ *Wright J.H.* The Date of Cylon // HSCPh. 1892. V.3. P.71; *Stroud R.S.* Drakon's Law on Homicide. Berkeley, 1968. P.66; *Mastrocinque A.* Ricerche sulla storia greca arcaica. II. La lapidazione dei Ciloniani // RIL. 1978. V.112. P.3-9; *Пальцева Л.А.* Афино-мегарские отношения в VII-VI вв. до н.э. // АМ. С.52.

⁸ *How W.W., Wells J.* A Commentary on Herodotus with Introduction and Appendixes. V.2. Oxf.,1912. P.39; *Stein-Hölkeskamp E.* Op.cit. S.102; *Ellis W.M.* Op.cit. P.1-5; *Андреев Ю.В.* Ук.соч. С.195.

признавали подлинности списков олимпийских для VII в. до н.э. Однако, как показывают другие фрагменты Евсевия, он, как правило, опирался на заслуживающие доверия источники. Тирания Феагена Мегарского, тестя Килона, строго говоря, не поддается точной датировке; во всяком случае, этот тиран правил во второй половине VII в. до н.э.⁹ Если Геродот (V.71), говоря о мятеже, датирует его «до времени Писистрата» (

, а не до Солона, то он делает это, по остроумному и справедливому замечанию П.Юра¹⁰, лишь потому, что Килон намеревался стать отнюдь не законодателем (как Солон), а тираном (как Писистрат).

В свете этих обстоятельств датировка 640 г. автоматически отпадает (Килон в это время был в Олимпии), а в качестве наиболее вероятной даты выдвигается 636 г. Со времени олимпийской победы Килона прошло еще немного времени, его слава олимпийца не успела забыться. Люди именно такого статуса, как удачно подметил еще К.К.Зельин, часто претендовали на тиранию; титул олимпийца имел большое сакральное значение и выступал в ряде случаев как санкция на власть¹¹. А к 632 г. в Афинах уже был олимпиец с более «свежей» славой – Фрион¹². Он одержал победу (в состязании панкратиастов) как раз в 636 г. и был отнюдь не лишен политических амбиций, как показывают события его дальнейшей биографии. В конце VII в. до н.э., будучи уже немолодым человеком, Фрион возглавил афинскую колонизационную экспедицию в Сигей, намереваясь стать ойкстом основываемого там поселения, но натолкнулся на сопротивление лесбосцев и в конечном итоге пал в единоборстве с Питтаком, будущим правителем Митилены (Strab.XIII. 599-600; Diog.Laert.I.74)¹³. Резоннее, таким образом¹⁴, отнести мятеж

⁹ Schachermeyr F. Theagenes...; Беве Г. Тираны Греции. Ростов, 1997. С.46-48.

¹⁰ Ure P.N. Op.cit. P.328.

¹¹ Зельин К.К. Олимпийские и тираны...; ср. Макаров И.А. Ук.соч. С.31 слл.

¹² Moretti L. Op.cit. P.66.

¹³ Jeffery L.H. Archaic Greece: The City-States c.700-500 B.C. L.,1978. P.89. Л.Джеффри считает Фриона одним из сподвижников Килона, но это абсолютно исключено: именно в те дни, когда Килон со товарищи захватывал афинский Акрополь, Фрион боролся за победу в олимпийском Альтисе. О первой афинской колонизации Сигея см. также: Ehrenberg V. Polis und Imperium: Beiträge zur alten Geschichte. Zürich – Stuttgart, 1965. S.222; Яценко В.П.

именно к 636 г., августу месяцу (афинский гекатомбеон)¹⁵.

Конец VII – начало VI вв. до н.э. Для всего этого периода афинской истории мы имеем, в сущности, лишь две надежно установленные даты: законодательство Драконта (621 г. до н.э.), архонтат и реформы Солона (594 г. до н.э.). От них и приходится отталкиваться при датировке других событий данного хронологического отрезка.

Прежде всего необходимо установить по возможности точную временную привязку, последовательность и взаимосвязь двух событий: суда над Алкмеонидами, за которым последовало их первое изгнание из Афин, и очищение Аттики от «скверны» Эпименидом Критским. Разброс мнений исследователей по вопросу о датировке этих моментов афинской истории весьма велик. Так, первый из них (суд и изгнание) относят от времени до Драконта¹⁶ до 580-х гг.¹⁷, не говоря уже о тех авторах, которые вообще не признают историчности первого изгнания и относят суд над Алкмеонидами ко времени Клисфена и Исагора, к концу VI в. (см. прим.2 и 3 к этой главе). Еще сложнее обстоит дело с очищением Афин и Аттики. Его датируют от 630 г. до н.э.¹⁸ до конца VI в. до н.э.¹⁹ Наконец, совершенно неясна связь этих двух актов между собой.

Греческая колонизация VII-III вв. до н.э.: По данным эпиграфических источников. М., 1982. С.135-136.

¹⁴ Нам уже доводилось называть 636 г. как дату Килонова мятежа: Суриков И.Е. Килонова скверна в истории Афин VII-V вв. до н.э. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1994. С.10; он же. Античная цивилизация: Греция. М., 1997. С.47. Прим.36. Мы убеждены, что именно эта датировка является предпочтительной перед любой другой. С нашими доводами согласился и С.Г.Карпюк (Карпюк С.Г. Лекции по истории Древней Греции. М., 1997. С.50).

¹⁵ По убедительной гипотезе Белоха – Сили, основанной на сопоставлении известных дат, нечетные Олимпийские игры проходили в июле, а четные – в августе (см. Samuel A.E. Greek and Roman Chronology: Calendars and Years in Classical Antiquity. München, 1972. P.192). Игры 636 г. были 36-ми, следовательно, четными.

¹⁶ Meyer Ed. Op.cit. Bd.5. S.590-592.

¹⁷ Ellis W.M. Op.cit. P.2.

¹⁸ Stroud R.S. Op.cit. P.74 (впрочем, здесь очищение не связывается с именем Эпименида).

¹⁹ Малинин А.А. Ук.соч. С.517; Defradas J. Les thèmes de la propagande delphique. P., 1954. P.193; Faure P. Fonctions des cavernes crétoises. P., 1964. P.127 s.

На наш взгляд, в первую очередь должны быть отвергнуты все датировки VI веком. При том, что ореол легенд, сложившихся вокруг «критского старца», во многом препятствует установлению правильной датировки его жизни и деятельности, еще со времен исследований Дильса и Демулена стало ясным, что нет оснований отрицать реальность этой фигуры²⁰. Мифологизация образа Эпименида не должна приводить нас к признанию его легендарным, неисторическим персонажем (аналогичная сеть мифов сложилась, как известно, и вокруг Пифагора²¹, что, однако, не дает никакого повода сомневаться в его историчности). Все античные авторы, кроме Платона (Legg.I.642d), относят Эпименида ко второй половине VII – началу VI вв. до н.э.²²

Насколько можно судить, наиболее близки к истине исследователи, датирующие вышеупомянутый судебный процесс временем между законодательством Драконта и архонтатом Солона²³. Нам кажется весьма обоснованным соображение Р.Страуда²⁴, согласно которому после законодательства Драконта, которое защитило Алкмеонидов от кровной мести со стороны оставшихся в живых приверженцев Килона, последние были вынуждены искать других способов борьбы со своими противниками. Таким способом и стало выдвижение религиозного обвинения в «скверне». В качестве максимально приемлемой (хотя, разумеется, условной) даты события мы вслед за Дж.Райтом²⁵ назвали бы 615 г. до н.э. К этому времени, спустя два десятилетия после мятежа, непосредственных виновников убийства мятежников, в том числе его руководителя Мегакла (I)²⁶, уже не было в живых, и их

²⁰ *Diels H. Über Epimenides von Kreta // Sitzungberichte der königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 1891. Hlbd.1. St.21. S.387-403; Demoulin H. Épiménide de Crète. Bruxelles, 1901.*

²¹ *Жмудь Л.Я. Наука, философия и религия в раннем пифагореизме. СПб., 1994. С.23 слл.*

²² Одно из возможных объяснений ошибки Платона см. в работе: *Huxley G. Nikias, Crete and the Plague // GRBS. 1969. V.10. No.3. P.235-239.*

²³ *Moulinier L. Op.cit.; Williams G.W. The Curse of the Alkmaionidai. I. The Origin and Early History // Hermathena. 1951. V.78. P.32-49; Mastrocinque A. Op.cit. P.8.*

²⁴ *Stroud R.S. Op.cit. P.73.*

²⁵ *Wright J.H. Op.cit. P.71.*

²⁶ Здесь и далее римской цифрой в скобках обозначается порядковый номер носителя данного имени в генеалогических таблицах (приложение III).

останки пришлось выкопать из могил (Arist.Ath.pol.1; Plut.Sol.12).

В таком случае, очевидно, Солон был поставлен в связь с судом над Алкмеонидами по ошибке. В его биографии, принадлежащей Плутарху, откуда мы узнаем об этой связи (Plut.Sol.12; характерно, что Аристотель, насколько можно судить по испорченному началу «Афинской политики», о ней не упоминает), вообще есть тенденция приписывать Солону меры, никакого отношения к нему не имеющие²⁷. Возможно, данная конкретная ошибка вызвана тем²⁸, что Солон действительно выполнял посредническую миссию, но уже в связи с возвращением Алкмеонидов из изгнания (подробнее см. ниже, гл. III, §2).

Что же касается очищения Афин от скверны, то, на наш взгляд, имели место два аналогичных, смешанных в нарративной традиции, но разных по своей направленности акта. Во-первых, в период суда над Алкмеонидами ок. 615 г. до н.э. их противниками было совершено очищение святилища Эвменид от скверны убийства. Это мероприятие было косвенно направлено против «осквернителей» – Алкмеонидов. В 1932 г. близ святилища был найден клад посвященных предметов первой половины и середины VII в., выброшенных из него и сброшенных со скалы²⁹. Данную акцию, несомненно, следует связать именно с вышеупомянутым очищением.

Во-вторых, более масштабное очищение, затронувшее всю Аттику и произведенное Эпименидом, относится уже ко времени Солона, к одному из годов, предшествовавших его архонтату³⁰. На наш взгляд, нет никаких оснований подвергать сомнению

²⁷ Stanton G.R. Op.cit. P.24.

²⁸ French A. Solon's Act of Mediation // *Antichthon*. 1984. V.19. P.1-12.

²⁹ Колобова К.М. Древний город Афины и его памятники. Л., 1961. С.40-44. К.М.Колобова связывает эту акцию с очищением, совершенным Эпименидом. Но в таком случае, во-первых, непонятно, почему в кладе нет вещей конца VII в. Во-вторых же, Эпименид очищал от скверны *всю Аттику*. В подобной ситуации вынести «оскверненные» предметы из святилища и бросить их тут же, поблизости – не означало ли бы это переливание из пустого в порожнее?

³⁰ Adcock F.E. Op.cit. P.661; Gomme A.W. A Historical Commentary... V.1. P.428; Hammond N.G.L. Studies in Greek History. A Companion Volume to A History of Greece to 322 B.C. Oxf., 1973. P.159-160; Mastrocinque A. Op.cit. P.9; Fontenrose J. The Delphic Oracle: Its Responses and Operations. Berkeley, 1981. Q65; Rhodes P.J. A Commentary on the Aristotelian *Athanaion Politeia*. Oxf., 1981. P.79 f.

подчеркиваемую античной традицией связь между Эпименидом и Солоном. Параллельно с очищением Аттики Эпименид, при явной поддержке Солона, осуществил ряд религиозных реформ³¹, имевших целью ликвидацию архаичных черт в афинских религиозных (особенно погребальных) обрядах, приспособление их к нормам складывающейся полисной системы. Кроме того, Эпименид если не установил культ Эвменид (Diog.Laert.I.112), то, во всяком случае, придал ему важнейшее значение, что также указывает на связь как с Килоновой скверной, так и со временем Солона.

В таком контексте становится ясно, что очищение, совершенное Эпименидом, имело, в отличие от очищения 615 г., скорее «проалкмеонидовский» характер и ставило цель, помимо прочего, подготовить общественное мнение Афин к возвращению Алкмеонидов из изгнания. В религиозных вопросах Эпименид, судя по всему, занимал антидельфийскую позицию (Epimenid. FGrHist.457 T6), а Дельфы в свое время поддержали заговор Килона и явились, очевидно, адептами изгнания Алкмеонидов (см. ниже, гл. III, §3). Наиболее приемлемая точная дата для этого очищения – 596-595 гг. до н.э. (Diog.Laert.I.110; Euseb.Chron.II.93 Schoene). В таком случае его можно увязать с афино-дельфийской конфронтацией, вылившейся в участие Афин в первой Священной войне.

Что же касается возвращения Алкмеонидов из изгнания, мы придерживаемся мнения, разделяемого большинством антиковедов, согласно которому оно произошло по солоновской амнистии (Plut.Sol.19)³². Ученые, исключаящие Алкмеонидов из

³¹ Об этих реформах см.: *Jacoby F.*

A Forgotten Festival of the

Dead // *CIQ.* 1944. V.38. No.3/4. P.65-75; *Hönn K.* Solon: Staatsmann und Weiser. Wien, 1948. S.83-89; *Nilsson M.P.* Geschichte der griechischen Religion. Bd.1. München, 1955². S.714-715; *Masaracchia A.* Solone. Firenze, 1958. P.96-98; *Alexiou M.* The Ritual Lament in Greek Tradition. L., 1974. P.14-23; *Snodgrass A.* Archaic Greece: The Age of Experiment. L., 1980. P.117, 146; *Humphreys S.C.* The Family... P.13-14, 85-89; *Garland R.* The Greek Way of Death. Ithaca, 1985. P.8, 22, 26-28, 33-34, 42, 105; *Connor W.R.* Tribes, Festivals and Processions: Civic Ceremonial and Political Manipulation in Archaic Greece // *JHS.* 1987. V.107. P.47-49.

³² *Wright J.H.* Op.cit. P.74; *Wilbrandt M.* Op.cit. S.182; *Balogh E.* Political Refugees in Ancient Greece from the Period of the Tyrants to Alexander the Great. Johannesburg, 1943. P.90; *Moulinier L.* Op.cit. P.201; *Bengtson H.* Griechische Geschichte... S.100.

этой амнистии³³, на наш взгляд, неверно определяют состав их преступления (см. ниже, гл. II, §4).

Первая Священная война, в которой в качестве командующего афинским контингентом участвовал Алкмеон (I), тогдашний глава рода (Plut. Sol. 11, со ссылкой на дельфийские записи,), - хронологически весьма дискуссионное событие греческой истории. Была даже попытка просто отрицать ее историчность³⁴, вряд ли достаточно обоснованная. Безусловно, однако, что в последующей традиции эта война приобрела целый ряд легендарных черт, таких, например, как участие в ней Солона (Aeschin. III. 108; Paus. X. 37, 6; Suid. s. v.). Вряд ли она и продолжалась десять лет (Callisthen. FGrHist. 124 F1). Есть все основания согласиться с У. Дж. Форрестом, что основные военные действия завершились уже к 594 г., когда Дельфы были освобождены амфикионами от влияния Крисы³⁵. Взамен враждебно расположенной к Афинам «крисейской» группировки, которая, видимо, и поддерживала Килона, и инициировала изгнание «оскверненных», в городе Аполлона пришло к власти более лояльное по отношению к Афинам жречество, освятившее своим авторитетом реформы Солона. Тогда же, т.е. в 595-594 гг., очевидно, Алкмеониды получили в Дельфах формальное культовое очищение, снявшее последнее препятствие к их возвращению на родину. Без сомнения, в этот же период, в ходе войны, Алкмеон установил близкие связи с Клизфеном Сикионским, будущим тестем его сына Мегакла (II). Клизфен, как известно, был также одним из активнейших участников первой Священной войны (Paus. II. 9, 6; X. 37, 5-8; Frontin. Strat. III. 7, 6; Polyae. III. 5; Schol. Pind. Nem. IX. inscr.).

После войны Алкмеон пользовался значительным влиянием в Дельфах, заложив основу многолетних связей Алкмеонидов с этим общегреческим религиозным центром. Примерно к тому же времени (но не ранее 592 г. до н.э., года олимпийской победы

³³ *Seltman C.T.* Op.cit. P.20; *Burn A.R.* Op.cit. P.287; *Hammond N.G.L.* Op.cit. P.138; *Andrewes A.* The Growth of the Athenian State // *CAH²*. V.3. Pt.3. 1982. P.368 ff.

³⁴ *Robertson N.* The Myth of the First Sacred War // *ClQ*. 1978. V.28. No.1. P.38-73.

³⁵ *Forrest W.G.* The First Sacred War // *BCH*. 1956. V.80. №1. P.33-52; *idem.* Delphi, 750-500 B.C. // *CAH²*. V.3. Pt.3. 1982. P.312 ff.

Алкмеона в состязании колесниц-четверок³⁶) относится и его визит в Сарды к лидийскому царю Алиатту; Геродот (VI.125) допускает неточность, называя его Крезом. Так начинались восточные контакты Алкмеонидов.

В целом предлагаемая нами последовательность событий этого периода выглядит следующим образом: суд над Алкмеонидами и их изгнание, очищение святилища Эвменид (ок.615 г.); очищение Аттики Эпименидом при участии Солона, начало первой Священной войны (596 г.); очищение Алкмеонидов в Дельфах (595 г.); возвращение их в Афины по солоновской амнистии (594 г.); визит Алкмеона в Сарды (593 г.); его олимпийская победа (592 г.). Наконец, никем не оспаривается дата брака его сына Мегакла (II) и Агаристы, дочери Клизфена Сикионского (571 г.).

В период своего первого изгнания Алкмеониды, вероятнее всего, находились в Эретрии на Эвбее. Именно там и тогда Алкмеон женился на знатной и богатой эретриянке Кесире (I) (см. ниже, §3 данной главы). Афинским войском в первой Священной войне Алкмеон вполне мог командовать, еще будучи формально изгнанником (случай, встречавшийся в афинской практике; достаточно вспомнить стратегии Алкивиада в Ионии и Геллеспонте в 411-407 гг. до н.э.).

Время тирании в Афинах. Две основные существующие для этого периода проблемы, связанные с интересующей нас тематикой, - это хронология изгнания или изгнаний Алкмеонидов тиранами и датировка пятого (по традиции) дельфийского храма Аполлона.

После публикации Б.Мериттом известного фрагмента списка афинских эпонимных архонтов, дошедшего на стеле конца V в. до н.э.³⁷, стало ясно, что, во всяком случае, Клизфен (а именно он должен был быть в это время главой Алкмеонидов) не только был в Афинах в 525/524 г. до н.э., в начале правления Гиппия,

³⁶ О дате победы см.: *Moretti L.* Op.cit. P.68; там же указаны источники. Алкмеон был первым афинянином, победившим в этом наиболее престижном виде состязаний.

³⁷ *Meritt B.D.* An Early Archon List // *Hesperia*. 1939. V.8. No.1. P.59-65. Впоследствии были опубликованы и другие фрагменты того же списка, дающие, в частности, имена архонтов начала VI в. до н.э.: *Bradeen D.* The Fifth-Century Archon List // *Hesperia*. 1964. V.32. No.2. P.187-208. Наиболее полную на сегодняшний день реконструкцию списка см.: *Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Revised ed. Oxf., 1989. No.6.

но и занимал пост архонта эпонима. Возникало противоречие с сообщением Геродота (VI.123) об Алкмеонидах:

. Было не вполне понятно, с чем мы имеем дело: с искажением фактов Геродотом, его непреднамеренной ошибкой или, возможно, просто не самым лучшим способом выражения своей мысли; впрочем, на данном этапе исследования это для нас не столь важно.

Какова же в действительности была судьба Алкмеонидов в годы правления тиранов? Возможны три ответа на этот вопрос. Либо (такое мнение разделяется большинством антиковедов) Алкмеониды были возвращены из изгнания Гиппием после смерти Писистрата и затем изгнаны еще раз, скорее всего, после подавления заговора Гармодия и Аристогитона в 514 г.³⁸; либо изгнания при Писистрате вообще не было и Алкмеонидов изгонял только Гиппий³⁹; либо изгнанию при тиранах подверглась лишь часть рода, а другая часть (в том числе и Клисфен) оставалась в Афинах⁴⁰. Признавая, что две последние точки зрения имеют свои основания (так, в этот период изгнания не носили религиозного характера и могли не распространяться на весь род целиком), мы все же считаем, что, по крайней мере, основная семейная группа Алкмеонидов (Мегакл (II) – Клисфен) дважды – при Писистрате и при Гиппии – подверглась изгнанию (ср. Herod.V.62; Philoch. FGrHist.328 F115, где, очевидно, указывается как раз на второе изгнание). Было бы соблазнительно истолковать одно замечание Исократ (XVI.26) как свидетельство того, что изгнания Алкмеонидов в период тирании все-таки получали религиозную окраску (якобы раскапывались их могилы), но вряд ли оратор заслуживает здесь полного доверия.

³⁸ Williams G.W. Op.cit. P.49; Hammond N.G.L. Studies in Greek Chronology of the Sixth and Fifth Centuries B.C. // Historia. 1955. Bd.4. Ht.4. S.393-394; Lévyêque P., Vidal-Naquet P. Op.cit. P.48; Ehrenberg V. From Solon to Socrates... P.83-84; Ostwald M. Nomos and the Beginnings of the Athenian Democracy. Oxf., 1969. P.137-138; Sealey R. A History... P.146; Littman R.J. Kinship and Politics... P.125 ff.; Camp J.M. Op.cit. P.7-12; Лурье С.Я. Клисфен и Писистратиды // ВДИ. 1940. №2. С.45-51; Суриков И.Е. Перикл и Алкмеониды... С.17.

³⁹ Bicknell P.J. The Exile of the Alkmeonidai during the Peisistratid Tyranny // Historia. 1970. Bd.19. Ht.2. S.129-131; ср. Boersma J.S. Athenian Building Policy from 561/0 to 405/4 B.C. Groningen, 1970. P.12.

⁴⁰ Строецкий В.М. Клисфен и Алкмеониды // ВДИ. 1972. №2. С.99-106.

В ходе рассматриваемых изгнаний, насколько можно судить, основной базой Алкмеонидов стали уже Дельфы. В отношении храма Аполлона мы можем только присоединиться к мнению большинства археологов и историков⁴¹, полагающих, что Алкмеониды завершили постройку этого сооружения, взявшись за нее в период своего второго изгнания, т.е. после 514 г. Таким образом, это строительство вряд ли могло быть завершено к 510 г., к моменту изгнания Гиппия и возвращения Алкмеонидов в Афины, и продолжалось и после этого, в 500-х гг.

Итак, общая последовательность событий, которой мы будем придерживаться на данном хронологическом отрезке, имеет следующий вид: союз Алкмеонидов и Писистратидов, закрепленный браком Писистрата и Кесиры (Π) – дочери Мегакла (Π), и возобновление вскоре после этого старого вопроса о Килоновой скверне (ок.556 г.); изгнание Алкмеонидов из Аттики в результате окончательного установления тирании Писистрата (ок. 546 г.); их возвращение после его смерти (ок.527 г.); новое изгнание, окончившееся неудачей укрепление местечка Липсидрий и участие в восстановлении дельфийского храма (514 г.); изгнание Гиппия и возвращение Алкмеонидов в Афины (510 г.).

Эпоха Клисфена. Дата реформ, проведенных этим самым знаменитым представителем рода Алкмеонидов, уже давно точно и надежно установлена (507 г. до н.э.). Нас же здесь интересует прежде всего последовательность событий, происходивших в этом тревожном для афинян году. Не вполне ясная из источников (Herod.V.66-73; Arist.Ath.pol.20-21), она может быть гипотетически, но с большой долей вероятности восстановлена следующим образом.

После избрания архонтом на 508/7 г. Исагора, но еще до вступления его в должность Клисфен выступил с прямой апелляцией к демосу, предложив ему программу реформ.

⁴¹ *La Coste-Messelière P. de.* Les Alcéméonides a Delphes // BCH. 1946. V.70. P.271-288; *Delcourt M.* L'oracle de Delphes. P.,1955. P.40; *Parke H.W., Wormell D.E.W.* The Delphic Oracle. Oxf.,1956. V.1. P.144-150; *Prontera P.* Gli Alcmeonidi a Delfi: un' ipotesi su Erodoto I,51,3-4 // RA. 1981. Fasc.2. P.253-258; *Maass M.* Die wirtschaftlichen und politischen Umstände der delphischen Tempelbauten // Ktema. 1988. №13. P.9; *Littman R.J.* Kinship and Politics... P.153-155. Трудно согласиться с У.Чайлдсом, датирующим (без какой-либо аргументации) завершение восстановления храма временем ок.530 г.: *Childs W.A.P.* The Date of the Old Temple of Athena on the Athenian Acropolis // AAAD. P.1.

Заручившись таким образом поддержкой сильного союзника, глава Алкмеонидов добился с течением времени избрания архонтом на следующий, 507/6 г. своего родственника Алкмеона (Π); сам Клизфен не имел в то время права быть архонтом, поскольку ранее уже занимал этот пост. Кроме того, очевидно, в тот же период был проведен и закон об остракизме, направленный против Исагора. Последний еще до истечения срока своего архонтата, опасаясь за собственное будущее, призвал на помощь спартанского царя Клеомена I. Тот, добившись очередного изгнания Алкмеонидов и их сторонников, попытался совершить переворот, передав власть приверженцам Исагора. После неудачи переворота, осады на Акрополе и последующего изгнания его организаторов Клизфен возвратился в Афины, направил посольство в Сарды и (еще в номинальный архонтат Исагора) начал в качестве простата демоса непосредственное проведение в жизнь реформ, продолженных затем в архонтат Алкмеона⁴². Относительно же дальнейшей судьбы Клизфена, таинственно исчезающего из источников после описанных событий, можно сказать только то, что вряд ли этот вопрос когда-нибудь будет однозначно и непротиворечиво разрешен⁴³.

Начало V в. до н.э. Из событий этого времени наибольшее влияние на судьбу Алкмеонидов оказала череда остракофорий 480-х годов. На этом сюжете мы подробно остановимся ниже (гл.IV, §1); здесь же, поскольку нас интересует хронология событий, укажем лишь, что остракизмом были изгнаны следующие представители рода Алкмеонидов: Мегакл (IV) –

⁴² Данная реконструкция событий базируется на наблюдениях следующих исследователей: *Ostwald M.* Op.cit. P.145; *Stanton G.R.* The Introduction of Ostracism and Alcmeonid Propaganda // *JHS.* 1970. V.90. P.180-183; *Knight D.W.* Some Studies in Athenian Politics in the Fifth Century B.C. Wiesbaden, 1970. P.13 ff.; *Bicknell P.J.* Studies... P.41.

⁴³ В сущности, к тому же выводу приходит автор лучшей известной нам работы об этом сюжете: *Cromeley R.D.* Kleisthenes' Fate // *Historia.* 1979. Bd.28. Ht.2. S.129-147. Экзотическая гипотеза А.Паубичека, согласно которой престарелый Клизфен возвратился из политического «небытия» после Марафонской битвы (*Raubitschek A.E.* The Origin of Ostracism // *AJA.* 1951. V.55. No.3. P.221-229), была подвергнута аргументированной критике (*Robinson C.A.* Cleisthenes and Ostracism // *AJA.* 1952. V.56. P.23-26; *Thomsen R.* The Origin of Ostracism: A Synthesis. Copenhagen, 1972. P.26 ff.) и не разделяется, кажется, никем.

безусловно в 486 г. и, по мнению некоторых исследователей⁴⁴, вторично в начале 470-х гг.; Ксантипп (отец Перикла) – Алкмеонид по матери и после Клизфена глава политической группировки, концентрировавшейся вокруг этого рода, – в 484 г.; почти наверняка – Каллий, сын Кратия в 485 г.; возможно, Калликсен, сын Аристонида в 483 г.; к Алкмеонидам был близок и Аристид, изгнанный в 482 г.⁴⁵

В этот же период достигла апогея матримониальная политика Алкмеонидов, впрочем, характерная и для предыдущих этапов истории этого рода. Начиная примерно с рубежа 80-70-х гг. V в. до н.э. едва ли не вся афинская аристократия – Алкмеониды, Филаиды, Керики, Бузиги, Саламинии и др. – оказалась в тесной кровнородственной связи между собою. Особенное значение имел брак Филаида Кимона и правнучки Мегакла (II) Исодики (начало 470-х гг.); он соединил узами свойства два крупнейших и нередко враждовавших знатных аттических рода⁴⁶. Однако после 480-х гг. Алкмеониды начали утрачивать свое значение в Афинах и как род, как единое целое постепенно сошли с политической сцены. Безусловно, сыграли свою роль неоднократные преследования и дискредитация «прókлятогo» рода.

«Периклов век». Еще в начале политической деятельности Перикла (460-е гг. до н.э.) его противники пользовались родственными связями молодого политика с «оскверненными» Алкмеонидами, дабы дискредитировать его. Связанная с этими обстоятельствами полемика получила отражение, в частности, в некоторых драмах Эсхила – «Семеро против Фив» и особенно «Эвмениды»⁴⁷. С новой силой кампания против Перикла

⁴⁴ Bicknell P.J. Was Megakles Hippokratous Alopekethen Ostracized Twice? // AC. 1975. V.44. №1. P.172-175; Rhodes P.J. Op.cit. P.274; Willemsen F. Ostraka einer Meisterschale // MDAI(A). 1991. Bd.106. S.144; Brenne S. "Portraits" auf Ostraka // MDAI(A). 1992. Bd.107. S.167; Lewis D.M. Megakles and Eretria // ZPE. 1993. Bd.96. S.51-52.

⁴⁵ Даты этих изгнаний см.: Seibert J. Die politischen Flüchtlinge und Verbannten in der griechischen Geschichte. Darmstadt, 1979. Bd.1. S.35.

⁴⁶ Об этом браке см.: Sealey R. The Entry of Pericles... P.150; Davies J.K. Op.cit. P.305; Bicknell P.J. Studies... P.77-83, 89-95; Littman R.J. Kinship and Politics... P.23-26, 165-191; Суриков И.Е. Женщины в политической жизни... С.46.

⁴⁷ Smertenko C.M., Belknap G.N. Studies in Greek Religion. Eugene, 1935. P.25-27; Plassart A. Eschyle et le fronton Est du temple delphique des Alcmeonides // REA. 1940. V.42. P.293-299; Post L.A. The Seven against Thebes as Propaganda for Pericles // Classical Weekly. 1950 V.44. No.4. P.49-52; Dodds E.R. Notes on

возродилась в конце 430-х гг. Афинская оппозиция Периклу в очередной раз выдвинула аргумент «Килоновой скверны», подхваченный в 432 г. спартанской дипломатией в ходе переговоров перед началом Пелопоннесской войны (Thuc.I.126-127; Plut. Pericl.23). Естественно, требование спартанцев «изгнать скверну» () было возможно лишь при той предпосылке, что Перикл воспринимался (во всяком случае, его противниками) как принадлежащий к роду Алкмеонидов⁴⁸. Как становится ясным, память о преступлении двухвековой давности была еще достаточно сильна, чтобы если и не привести к удовлетворению спартанского ультиматума, то, во всяком случае, «получить наилучший повод к войне» (Thuc.I,126,1) и заронить в души афиян подозрения в отношении Перикла (ibid.I.127,2).

И то и другое в конечном счете Спарте удалось. Есть все основания полагать, что чума, постигшая Афины в первые годы войны, была расценена значительной частью населения как наказание богов за «скверну» Алкмеонидов. Руководствуясь только рациональными мотивами⁴⁹, трудно объяснить, каким образом «первый гражданин» и фактический командующий вооруженными силами, столь стремительно впав в немилость, был не только досрочно отстранен от должности стратега, но и отдан под суд и подвергнут значительному денежному штрафу. Следует отметить, что и сам суд над Периклом (Plut.Pericl.32) должен был, по мысли его обвинителей, носить сакральный характер: было выдвинуто предложение (впрочем, отвергнутое), чтобы процесс проходил на Акрополе и судьи брали камешки для голосования с алтаря Афины, оскверненного в свое время Алкмеонидами⁵⁰. Характерно, что, как только Перикл лишился

the Oresteia // CIQ. 1953. V.3. No.1/2. P.19-20; *Dover K.J.* The Political Aspect of Aeschylus' Eumenides // JHS. 1957. V.77. No.2. P.230-237; *Mazzarino S.* Eschilo, Pericle e la storia dell'Areopago // Rivista di cultura classica e medioevale. 1960. V.2. Fasc.3. P.300-306; *Суриков И.Е.* Афинский ареопаг.. С.37-39; *он же.* Перикл и Алкмеониды... С.23.

⁴⁸ Об этом инциденте см.: *Суриков И.Е.* Перикл и Алкмеониды... С.32-33 (там же указана имеющаяся литература по вопросу).

⁴⁹ О нарастании иррациональных факторов в афинской политической жизни с начала Пелопоннесской войны см.: *Зайцев А.И.* Перикл и его преемники... Passim.

⁵⁰ *Корзун М.С.* Социально-политическая борьба в Афинах в 444-425 гг. до н.э. Минск, 1975. С.68-69; ср. *Mansfeld J.* The Chronology of Anaxagoras' Athenian

сыновей и заболел сам, афиняне не только полностью простили его, вновь избрав стратегом (Thuc. II.65.4), но и оказали редкую милость, внеся в списки граждан его незаконнорожденного сына от неафинянки Аспасии (Перикла Младшего, впоследствии одного из стратегов-победителей, казненных после битвы при Аргинусах) вопреки закону, предложенному ранее самим же Периклом (Plut. Pericl. 36-37). По словам Плутарха, афинские граждане сочли, «что он претерпел заслуженное наказание» ().

Видимо, выработалось мнение, что Перикл, испытав на себе удары судьбы, искупил проклятие рода. Не в связи ли с этим вопрос о «скверне» Алкмеонидов, насколько нам известно, больше не поднимался, во всяком случае, в явной форме?

Высказывалось предположение, что тогда же, в начале Пелопоннесской войны, при посредничестве Никия было организовано новое очищение Аттики с помощью привезенных с Крита святынь, связанных с Эпименидом⁵¹. Такая акция, если она действительно имела место, также должна была вызывать однозначную ассоциацию с проклятием Алкмеонидов: в начале VI в. до н.э., как известно, именно Эпименид очистил Афины от Килоновой скверны. Интересно, что к Никию был близок Диопиф (Schol. Aristoph. Equ. 1085) – прорицатель, начавший в конце 430-х гг. кампанию нападок на кружок Перикла посредством внесенной им псефисмы против «безбожников» (Plut. Pericl. 32). Близок к Никию в эти годы был и Софокл (Plut. Nic. 15), поставивший в 429 г. трагедию «Эдип-царь», которая содержала целый ряд аллюзий на родовое проклятие Алкмеонидов и судьбу Перикла⁵². Следует отметить, что во

Period and the Date of His Trial. II. The Plot against Pericles and his Associates // *Mnemosyne*. 1980. V.33. Fasc.1/2. P.47-51.

⁵¹ *Huxley G.* Op.cit.; *Schmidt G.* Fluch und Frevel als Elemente politischer Propaganda im Vor- und Umfeld des Peloponnesischen Krieges // *Rivista storica dell'antichità*. 1990. V.20. P.19; *Карнюк С.Г.* Никий: доблесть политика // ВДИ. 1994. №3. С.42. Возражения см.: *Connor W.R.* The New Politicians... P.161 f.

⁵² *Macurdy G.H.* References to Thucydides, Son of Melesias, and to Pericles in Sophocles OT 863-910 // *CIPh*. 1942. V.37. No.3. P.307-310; *Whitman C.H.* Sophocles: A Study of Heroic Humanism. Cambridge Mass., 1951. P.135-136; *Ehrenberg V.* Sophocles and Pericles. Oxf., 1954. P.114-116; *Schachermeyr F.* Sophokles und perikleische Politik // *PSZ*. S.359-378; *Kagan D.* Pericles of Athens and the Birth of Democracy. N.Y., 1991. P.249-256; *Fornara Ch.W., Samons L.J.* Athens from Cleisthenes to Pericles. Berkeley, 1991. P.2; *Giuliani A.* Atene e l'oracolo delfico // *CISA*. 1993. V.19. P.90-92. Сомнения в наличии таких аллюзий

времена «афинского олимпийца» реакцией «оскверненного» рода на все подобные обвинения было скорее не отрицание самого инцидента с Килоном, а попытка придать убийству мятежников официальный характер и подчеркивание того факта, что Килонова скверна в религиозном отношении давно и полностью очищена. Как мы видим, эти оправдания не всегда имели успех.

Из фактов истории Алкмеонидов этого периода, не связанных со скверной, можно отметить очередную олимпийскую победу члена этого рода – Мегакла (V) (436 г. до н.э., состязания колесниц-четверок⁵³), дипломатические миссии ряда других его представителей на востоке ок.430 и ок.409 гг. (подробнее см. ниже, §3 данной главы) и, наконец, многогранную деятельность Алкивиада, Алкмеонида по материнской линии и, пожалуй, последнего из великих Алкмеонидов.

Теперь перед нами в общем выстроена максимально полная картина событий афинской истории, связанных с Алкмеонидами. Мы попытались отразить ее в хронологической таблице (приложение II). На базе установленной хронологии можно проводить более детальное исследование различных аспектов деятельности этого аттического рода.

§2. Место Алкмеонидов среди афинской аристократии

Вплоть до 1930-х гг. Алкмеониды практически безоговорочно считались в историографии родом (). Именно в контексте системы аттических родов рассматривали их специалисты по генеалогии В.Петерсен и И.Тёпфер⁵⁴. И по сей день многие ученые придерживаются того же мнения⁵⁵; правда, при этом обычно делается оговорка, что внутри данного рода выделялась крупная семья или семейная

(*Delcourt M. Stérilités mystérieuses et naissances maléfiques dans l'antiquité classique. P.,1938. P.16-22; Dodds E.R. The Ancient Concept of Progress and Other Essays on Greek Literature and Belief. Oxf.,1985. P.69-75; Redfield J. Drama and Community // Nothing to Do with Dionysos? Athenian Drama in its Social Context. Princeton, 1990. P.325*) не кажутся нам достаточно основательными.

⁵³ *Moretti L. Op.cit. P.105.*

⁵⁴ *Petersen J.C.W. Op.cit. P.76-93; Toepffer J. Op.cit. S.225-244.*

⁵⁵ *Ferguson W.S. Op.cit. P.43-44; Hignett C. Op.cit. P.63; Connor W.R. The New Politicians... P.12; Littman R.J. Kinship in Athens... P.13; idem. Kinship and Politics... P.15 ff.*

группа потомков Мегакла (I), руководителя подавления мятежа Килона, о которой в основном и сообщается в источниках.

Г.Уэйд-Гери впервые высказал предположение, что Алкмеониды являлись не родом, а семьей ()⁵⁶. Эта гипотеза была также подхвачена рядом исследователей⁵⁷. Наиболее аргументированно отстаивал свою позицию Ф.Буррио: по его мнению, семья Алкмеонидов в словоупотреблении авторов IV в. до н.э. и позже (в том числе Аристотеля, Плутарха) начинает называться родом ввиду некоторого смешения терминологии. Но ни один из писателей V в., еще заставших расцвет Алкмеонидов (ни Пиндар, ни Геродот, ни Фукидид) не именует Алкмеонидов родом () в «техническом» смысле.

Рассматриваемая проблема, и без того, непростая, еще осложняется двумя обстоятельствами. Во-первых, нам достоверно неизвестны никакие Алкмеониды, которых нельзя было бы по какой-либо линии возвести к Мегаклу (I). Во-вторых, не решен (и вряд ли вообще будет однозначно решен) вопрос о том, в каком отношении к Алкмеонидам находились 700 семей (), изгнанных из Афин Клеоменом I в 507 г. до н.э. (Herod.V.72: «Клеомен... по прибытии изгнал 700 семейств, запятнанных скверной»; Arist.Ath.pol.20,3: «Клеомен... начал гнать из города под видом очищения от скверны семьсот афинских семейств»). Высказывались различные предположения: что 700 семей составляли род Алкмеонидов⁵⁸; что в это число входили Алкмеониды и семьи, породнившиеся с ними по женской линии⁵⁹; что имеется в виду политическая группировка сторонников Алкмеонидов либо их «клиента»⁶⁰,

⁵⁶ Его статья, вышедшая в 1931 г., была затем перепечатана в книге: *Wade-Gery H.T.* Op.cit. P.106-110.

⁵⁷ *Roussel D.* Op.cit. P.62-63; *Bourriot F.* Op.cit. T.1. P.10-13, 378-382, 549-560; T.2. P.1291-1292; *Dickie M.W.* Pindar's Seventh Pythian and the Status of the Alcmaeonids as *oikos* or *genos* // *Phoenix*. 1979. V.33. No.3. P.193-209; *Stahl M.* Aristokraten und Tyrannen im archaischen Athen: Untersuchungen zur Überlieferung, zur Sozialstruktur und zur Entstehung des Staates. Stuttgart, 1987. S.81; *Fornara Ch.W., Samons L.J.* Op.cit. P.3.

⁵⁸ *Connor W.R.* The New Politicians... P.11.

⁵⁹ *Wade-Gery H.T.* Op.cit. P.150; *Ferguson W.S.* Op.cit. P.43-44; *Roussel D.* Op.cit. P.63.

⁶⁰ *Bourriot F.* Op.cit. T.2. P.717.

или же потомки всех архонтов, принимавших в 636 г. участие в убийстве приверженцев Килона⁶¹.

Нам представляется, что все указанные точки зрения имеют свои слабые стороны. Громадный род, состоящий из 700 семей, вряд ли возможно представить; о сторонниках или клиентах у Геродота и Аристотеля речь не идет, поскольку они указывают, что спартанский царь изгонял эти семьи в порядке очищения от скверны (); потомки других оскверненных архонтов не могли интересоваться Клеомена и Исагора, озабоченных борьбой с Клизфеном и Алкмеонидами. Наименее уязвимой кажется гипотеза о потомках Мегакла (I) по мужской и женской линиям. Действительно, как показывает вся история «проклятого» рода и, в частности, судьба Перикла, скверна могла передаваться через женщин. Однако и здесь есть что возразить. В результате многочисленных перекрестных браков к рассматриваемому времени уже едва ли не все знатные аттические роды оказались в родстве между собой. Потомки «оскверненных» должны были быть и среди членов группировки Исагора – неужели и они подверглись изгнанию? Подходя с подобной позиции, из Афин пришлось бы удалить всю аристократию, а этого, конечно, не произошло. Остается допустить, что у Геродота и опиравшегося на него Аристотеля оказались смешанными две различные акции: изгнание «оскверненных» Алкмеонидов и последовавшее несколько позже изгнание 700 семей их сторонников. Но в таком случае опираться на их пассажи для ответственных выводов нельзя.

По нашему мнению, род () Алкмеонидов все же существовал и не ограничивался одной крупной семейной группой потомков Мегакла (I). Если мы имеем сведения почти исключительно о последней, то это обусловлено лишь тем фактом, что она и только она играла важнейшую роль в общественной жизни Афин. В то же время везде, где у античных авторов идет речь об Алкмеонидах (естественно, не считая их древнейшей истории), имеются в виду именно потомки Мегакла. Они-то, судя по всему, и ассоциировались с Алкмеонидами . Таким образом, в случае Алкмеонидов понятия и на практике совпадают, в отличие от некоторых других родов (например, Кериков или Филаидов).

⁶¹ Dickie M.W. Op.cit. Op.cit.

Другой не менее дискуссионный вопрос касается происхождения Алкмеонидов. Геродот, посвятивший этому роду ряд экскурсов в своей «Истории», ничего не говорит о его корнях, кроме нескольких обтекаемых фраз: Алкмеониды были афиняне родом (V.62), Алкмеониды были издревле знамениты в Афинах (

, VI.125). Кажется, историк не считает Алкмеонидов пришлым, чуждым в Афинах родом. С другой стороны, Павсаний (II.18,8-9) выводит их, вместе с Кодридами и неизвестными из других источников Пеонидами, из Пилоса, называя потомками тамошней династии Нелеидов. Каких-то иных свидетельств о происхождении Алкмеонидов не существует, не считая невнятного указания лексикона Суды (s.v.), производящего род от некоего Алкмеона, жившего во времена Тесея (; ср. также: Nagrosr.s.v. ; Bekker Anecd.I.378, где названо только имя Алкмеона или Алкмана).

Дошедший до нас во фрагменте эллинистического историка Кастора (FGrHist.250 F4) список афинских пожизненных архонтов начала I тыс. до н.э. содержит два имени, впоследствии характерных исключительно для Алкмеонидов. Это Мегакл (архонт в 922/1 – 892/1 гг.) и Алкмеон (755/4 – 754/3 гг.). Впрочем, эти упоминания мало чем могут нам помочь. Из них очевидно, что, во-первых, Алкмеониды находились тогда в отношении родства с правящей династией Медонтидов и передавали им имена, судя по всему, по женской линии, а во-вторых – что они имели евпатридский статус, бывший до Солона необходимой предпосылкой для занятия должности архонта. О последнем свидетельствует и архонтат Мегакла (I) в 636 г. до н.э. Но принадлежность Алкмеонидов к евпатридам отнюдь не свидетельствует об их автохтонности: как мы отмечали во введении, евпатридов следует скорее рассматривать не как автохтонную, а как городскую знать. В конце концов, сами Медонтиды не являлись автохтонами.

В подобной ситуации любое суждение о корнях интересующего нас рода может опираться только на определение сравнительной ценности сообщений Геродота и Павсания. Единого мнения об этой сравнительной ценности в исследовательской литературе не существует. Одни антиковеды

склонны отдавать предпочтение свидетельству периегета⁶², другие – молчанию «отца истории»⁶³. В прошлом мы придерживались последней точки зрения, считая, что Павсаний отразил более позднюю (аттидографическую?) традицию, о которой Геродоту еще ничего не было известно⁶⁴. Однако ряд обстоятельств заставил нас изменить взгляды на этот вопрос.

Действительно, как мы увидим чуть ниже, местом изначального проживания Алкмеонидов в Аттике была Паралия, то есть побережье (как и у Писистратидов, несомненных пилосских эмигрантов), в то время как автохтонные роды селились на срединной равнине (). Далее, отмечалось, что имена на - в греческой мифологии часто связаны с Посейдоном⁶⁵, который был богом-покровителем Пилосского царства Нелеидов. Кроме того, недавно Дж.Кэмп пришел к выводу, что культовым центром Алкмеонидов было знаменитое святилище Посейдона на мысе Суний⁶⁶. Если это действительно так, то перед нами еще один знак пилосского наследия в среде афинской знати. Отметим еще⁶⁷, что актуализация культа Посейдона в середине VI в. до н.э. прослеживается не только у Писистратидов, но и у Алкмеонидов (на ономастическом уровне).

Павсаний, записывавший во II в. н.э. старинные генеалогические предания, делал это абсолютно непредвзято и беспристрастно. Вряд ли какая-то актуальная заинтересованность в этих «делах давно минувших дней», заставлявшая искажать факты, была и у его информаторов. Геродот же жил и создавал свой труд в самой гуще афинской политической борьбы, в кипении страстей. Сам историк по мере своих сил старался быть объективным, о какой-то сознательно проводимой им тенденции говорить вряд ли возможно. Но

⁶² Petersen J.C.W. Op.cit. P.76 sqq.; Schachermeyr F. Die frühe Klassik der Griechen. Stuttgart, 1966. S. 61 f.; Littman R.J. Kinship and Politics... P.81 f.; Корзун М.С. Ук.соч. С.125; Молчанов А.А. Ук.соч. С.77.

⁶³ Wade-Gery H.T. Op.cit. P.106 f.; Shapiro H.A. Op.cit.; Колобова К.М. К вопросу о возникновении...

⁶⁴ Суриков И.Е. Перикл и Алкмеониды... С.20-21.

⁶⁵ Butterworth E.A.S. Some Traces of the Pre-Olympian World in Greek Literature and Myth. B., 1966. P.187-188.

⁶⁶ Camp J.M. Op.cit. P.9.

⁶⁷ Этот вопрос разбирается в работе: Молчанов А.А., Суриков И.Е. Писистратиды – потомки отказавших в гостеприимстве (Актуализация династического мифа) // ЗОГАМ. С.122-130.

зачастую он слишком сильно зависел от своих источников, т.е. от устных сообщений тех лиц, с которыми он общался в Афинах⁶⁸. Среди последних, несомненно, были многие Алкмеониды, а они имели вполне понятный интерес умолчать о каких-то событиях своей истории. Периклу, например, вряд ли улыбалось слыть, в качестве Нелеида, потомком царей и родственником тиранов⁶⁹ (о возможных тенденциях в труде Геродота подробнее см. ниже, гл. II, §2).

Где располагались основные резиденции и земельные владения Алкмеонидов? Этот вопрос также был предметом оживленной дискуссии. В прошлом не раз делался вывод, что исконная резиденция Алкмеонидов находилась на южном склоне хребта Парнет, на границе с Беотией, у местечка Липсидрий, укрепленного им в ходе борьбы с Писистратидами в 514 г. до н.э. (Herod. V.62; Arist. Ath. pol. 19,3)⁷⁰. В настоящее время от этого предположения отказались⁷¹, и вполне оправданно. Действительно, названная местность относилась скорее к Педиее, но уж никак не к Паралии; совершенно непонятно, каким образом Алкмеониды могли бы тогда стоять во главе паралиев. Очевидно, Липсидрий был использован ими исключительно для военных целей, как удобный стратегический пункт. Практику захвата пограничных аттических крепостей в целях борьбы с афинским правительством мы встречаем и позже⁷². Так, еще в конце V в. до н.э. Алкивиад прекрасно знал что делает, рекомендуя спартанцам занять Декелею, из которой те на протяжении последнего периода Пелопоннесской войны

⁶⁸ Об объективности Геродота и субъективности его информаторов см.: *Строгеецкий В.М.* Геродот и Алкмеониды // ВДИ. 1977. №3. С.145-155; *Schwartz J.* Hèrodot et Périclès // Historia. 1969. Bd.18. Ht.3. S.367-370; *Develin R.* Herodotos and the Alkmeonids // CrAH. P.125-139; *Ostwald M.* Herodotus and Athens // ICS. 1991. V.16. No.1/2. P.111-124; *Lavelle B.M.* The Sorrow and the Pity: A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids, c.560-510 B.C. Stuttgart, 1993. P.22.

⁶⁹ *Toeffer J.* Op.cit. S.225 f.

⁷⁰ *Wright J.H.* Op.cit. P.54; *Toeffer J.* Alkmaionidai // RE. Bd.1. 1894. Sp.1558; *Зельин К.К.* Борьба политических группировок... С.123, 139.

⁷¹ *Радциг С.И.* Ук.соч. С.8; *Davies J.K.* Op.cit. P.385.

⁷² Аналогичную практику укрепления изгнанных «оппозиционеров» на дальних рубежах хоры можно встретить и в других греческих полисах, например, в Гераклее VI в. до н.э.: *Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И.* Год рождения Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник. Вып.9. Севастополь, 1998. С.42.

безраздельно господствовали над изрядной частью аттической хоры. А еще через несколько лет противники тирании Тридцати во главе с Фрасибулом начали свой победоносный поход на Афины, овладев другой крепостцой на севере Аттики – Филой. Подобного рода сторожевые укрепления не раз показали, таким образом, свои уязвимые стороны, становясь, так сказать, «палкой о двух концах». Не случайно после войны, на рубеже V-IV вв., афиняне в корне пересмотрели подходы к обороне своей страны. Оборонительные сооружения стали гораздо более дифференцированными (наряду с крепостями на границах появились сигнальные башни, изолированные укрепления внутри хоры, укрепления в крупных демах и городках Аттики – Рамнунте, Торике, Сунии и др., - укрепленные убежища в демах, не располагавших оборонительными постройками, мощная стена на Фриасийской равнине)⁷³.

Бесспорно зафиксированы владения и резиденции Алкмеонидов в ближайших окрестностях Афин, к югу от города, а именно в трех располагавшихся по соседству демах – Алопеке (судя по всему, там и была главная резиденция рода), Агриле и Ксипете. Эти три дема (особенно часто – Алопека) фигурируют в демотиках тех афинян V в. до н.э., которых можно безусловно отнести к Алкмеонидам. Следовательно, ко времени реформ Клисфена все они реально проживали в этой местности⁷⁴. Не исключено даже, что земельные владения рода в трех соседних демах представляли собой единый большой массив.

Выше речь шла о пригородных поместьях Алкмеонидов. Но эпиграфические находки последних десятилетий (в частности, надписи на происходящих из одного региона надгробиях с именами двух афинян – Писианакта и Креза, - которых с большой степенью уверенности относят именно к этому роду; найден также остракон с именем Мегакла из Анафлиста, а Мегакл – типично «алкмеонидовское» имя) позволили считать, что они имели земельные владения и в собственно Паралии, т.е. на морском побережье вне непосредственных окрестностей Афин, в демах Анафлист, Фреарры, Эгилия (Юго-Западная

⁷³ *Lohmann H.* Die Chora Athens im 4. Jahrhundert v.Chr.: Festungswesen, Bergbau und Siedlungen // AD. S.516-523.

⁷⁴ *Gomme A.W.* The Population of Athens... P.37; *Lewis D.M.* Cleisthenes and Attica // Historia. 1963. Bd.12. Ht.1. S.22-40; *Davies J.K.* Op.cit. P.384-385; *Bicknell P.J.* Studies... P.1-53; *Sealey R.* A History... P.124; *Littman R.J.* Kinship and Politics... P.33-37; *Падуз С.И.* Ук.соч. С.8.

Аттика)⁷⁵. Высказывалось обоснованное мнение (П.Бикнелл, Р.Литтман и др.), что там-то и находилась исконная территория Алкмеонидов (а также, очевидно, их родовая усыпальница), пригородные же резиденции оказались в их руках позже. Еще дальше пошел Дж.Кэмп, предложивший недавно «расширить» районы контроля Алкмеонидов, введя туда демы юго-восточного побережья полуострова (Торик, Стирия, Прасии, Потамии), а также рудники Лаврия⁷⁶. Гипотеза Кэмпа весьма интересна, но основывается лишь на косвенных свидетельствах. Выстраивается следующий силлогизм: Алкмеониды имели давние связи с Дельфами, а следовательно – и с Фокидой (что само по себе, на наш взгляд, еще не вытекает одно из другого); зафиксированы (в основном на мифологическом уровне) контакты Восточной Паралии с Фокидой; итак, Алкмеониды базировались в Восточной Паралии. Мы предпочли бы воздержаться от безусловной солидаризации с мнением Кэмпа вплоть до появления более недвусмысленных свидетельств в его пользу.

Отдельные представители Алкмеонидов встречаются (по данным демотиков, в частности, на острака) и в ряде других демов. Перечисленные данные отнюдь не вступают в противоречие с установившимся мнением об Алкмеонидах как городском роде. То, что какие-то ветви Алкмеонидов могли и в VI в., и позже жить в демах Паралии, никоим образом не исключает того факта, что их наиболее мощная семейная группа, представленная Мегаклом (I) и его потомками, очень рано (вероятно, уже к VII в.) переселилась в город и его окрестности, что и было впоследствии зафиксировано клисфеновскими демотиками. Именно так поступали

⁷⁵ *Eliot C.W.* Where did the Alkmaionidai Live? // *Historia*. 1967. Bd.16. Ht.3. S.279-286 (там же опубликована надгробная надпись Креза из дема Эгилия); *Bicknell P.J.* Peisianax of IG P 1022 // *Mnemosyne*. 1971. V.24. Fasc.4. P.392-395 (IG.P.1022 – надпись с именем Писианакта отсюда же); *Roussel D.* Op.cit. P.56; *Rhodes P.J.* Op.cit. P.186; *Littman R.J.* Kinship and Politics... P.81 ff. Возражения Ф.Буррио, безоговорочно отвергающего все перечисленные локализации (*Bourriot F.* Op.cit. T.2. P.811-831), совершенно неубедительны, поскольку исходят из предвзятых в данном случае общих посылок этого автора. Остракон с именем Меракла из Анафлиста: *Willemsen F., Brenne S.* Verzeichnis der Kerameikos-Ostraka // *MDAI(A)*. 1991. Bd.106. S.153.

⁷⁶ *Camp J.M.* Op.cit. P.8-9. Ср.: *Суриков И.Е.* Рецензия на: *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy*. Oxf., 1994 // *ВДИ*. 1997. №1. С.233-234, где приводятся возражения.

большинство политически активных родов. Например, исконной территорией Филаидов был Браврон, где даже находился дем, одноименный этому роду (Plut.Sol.10); в V же веке основная семья Филаидов (Мильтиад – Кимон) была приписана к городскому дему Лакиады. Переселение в Афины, конечно, не препятствовало давним и прочным связям Алкмеонидов именно с паралиями, в качестве протатов которых они выступали в политической борьбе VI в. Во всяком случае, безусловно, что в борьбе за власть и влияние рассматриваемый род мог опираться как на одно из важных средств на свои значительные земельные богатства и на поддержку своих приверженцев и «клиентов» как в Паралии, так и в городе.

Многие исследователи отмечали в качестве важной особенности рода Алкмеонидов отсутствие у них собственного культа и локального культового центра, выделяя и даже противопоставляя их прочей знати на основании этого признака⁷⁷. Такая постановка вопроса кажется нам несколько утрированной. С одной стороны, если сведений о таком культе в источниках не встречается, то ведь не всегда можно положиться на аргумент *e silentio*. Выше мы уже видели, что Дж.Кэмп связывает (конечно, пока трудно сказать, насколько основательно) именно с Алкмеонидами один из наиболее известных во всей Аттики локальных культовых центров – святилище Посейдона Сунийского. И, во всяком случае, просто отвергнуть такое предположение не представляется возможным: доводов *contra* нет. С другой стороны, даже если Алкмеониды действительно не контролировали локальный культ, то они не были в этом одиноки. Насколько можно судить, многие знатные афинские роды не имели культовых центров, поэтому вряд ли их отсутствие можно считать исключительной особенностью какой-то одной родовой группы. По мнению К.К.Зельина⁷⁸, Алкмеониды имели особую связь с распространенным в Паралии культом Аполлона (на этом вопросе мы подробнее остановимся ниже, в контексте контактов Алкмеонидов с Дельфами, гл. III, §3).

Нет однозначного ответа и на вопрос, была ли у Алкмеонидов родовая усыпальница. Надгробие ()

⁷⁷ *Lewis D.M.* Cleisthenes and Attica... P.40; *Davies J.K.* Op.cit. P.370; *Roussel D.* Op.cit. P.62; *Bourriot F.* Op.cit. T.2. P.1291-1292; *Arnheim M.T.W.* Op.cit. P.139-140; *Fornara Ch.W., Samons L.J.* Op.cit. P.4; *Карпюк С.Г.* Клизфеновские реформы...

⁷⁸ *Зельин К.К.* Борьба политических группировок... С.139 сл.

Клисфена, члена этого рода, показывали в мемориальном районе Афин – у дороги, ведущей от Керамика к Академии, среди подобных же надгробий других славных людей древности (Paus.I.29,6), то есть вне любых усыпальниц⁷⁹. Но, во-первых, неизвестно, не был ли то кенотаф, во-вторых, Клисфен – все-таки фигура исключительная. Надгробие Филаида Мильтиада показывали, как известно, на Марафонском поле (Paus.I.32,4), в то время как в существовании родовой усыпальницы Филаидов в деме Кела, о которой прямо сообщают источники (Herod.VI.103; Plut.Cim.4; 19; Marcellin.Vita Thuc.16), сомневаться не приходится. Находки надгробий нескольких Алкмеонидов в демах Паралии, о которых говорилось выше, позволяют предположить, что именно там (возможно, в деме Анафлист) находилась, во всяком случае, одна из усыпальниц этого рода. Впрочем, возможен и иной вариант. Как показали археологические раскопки, на Керамике около 570-550 гг. до н.э. был возведен огромный надгробный курган (объемом 2600 м³), являющийся самым крупным из известных памятников такого рода в архаических Афинах⁸⁰. Изначально в нем находилось одно погребение, а некоторое время спустя в кургане было устроено еще не менее 12 шахтных гробниц. Выказывалось мнение, что здесь-то и находилась усыпальница Алкмеонидов. Впрочем, есть и иная гипотеза, согласно которой археологи натолкнулись на погребение не кого иного, как Солона, умершего как раз в этот период и похороненного, очевидно, за государственный счет.

В течение всей своей истории Алкмеониды проводили чрезвычайно активную матримониальную политику, направленную на установление внутривоиспольных межродовых связей, на формирование разного рода коалиций в процессе политической борьбы. Типичные для Алкмеонидов имена в списке пожизненных архонтов Афин говорят о том, что уже в эпоху ранней архаики они породнились с Медонтидами, царской династией, наиболее влиятельным в то время из аристократических родов. Следует отметить, что этот список, дошедший до нас через посредство Кастора и Евсевия и демонстрирующий преемственность высшей магистратуры от времен Медонта и Акаста (XI в. до н.э.) вплоть до учреждения

⁷⁹ Ср.: Bourriot F. Op.cit. T.2. P.1016-1018, где именно этот факт используется как аргумент против существования в Афинах родовых усыпальниц вообще.

⁸⁰ Об этом памятнике см.: Humphreys S.C. The Family... P.95; Morris I. Burial and Ancient Society: The Rise of Greek City-State. Cambridge, 1989. P.131-132.

десятилетнего (753 г.) и затем годовичного (683 г.) архонтата, используется в исследовательской литературе в далеко недостаточной степени. Очевидно, еще сильны рудименты недоверчивого отношения к содержащейся в нем информации, относящейся к столь древней, полулегендарной эпохе. Данные списка, как зачастую считается, фиктивны, фальсифицированы в позднейшее время знатными родами в собственных интересах. Однако не будем забывать о том, что еще не столь давно в науке господствовало подобное же мнение о списках высших магистратов раннего Рима, зафиксированных фастами и анналами. Однако в настоящее время от гиперкритического подхода в этой сфере по большей части отказываются, признавая аутентичность раннеримской фастово-анналистической традиции⁸¹. Думается, что настанет время, когда излишний скептицизм будет преодолен и в отношении данных об Афинах первых веков I тыс. до н.э.

И уж во всяком случае нет серьезных оснований сомневаться в историчности последнего из пожизненных архонтов – Алкмеона, сына Эсхила⁸². Краткий срок его правления (всего два года) не характерен для сфальсифицированных персонажей и реалий. Интересное сочетание имени и патронимика, кстати, заставляет вспомнить о тесных связях, имевших место в V в. до н.э. между Периклом (Алкмеонидом по женской и отчасти по мужской линиям) и великим драматургом Эсхилом. Не были ли эти связи давними, унаследованными от предков?⁸³ Афинская аристократическая ономастика – тема почти не исследованная, но известные факты говорят о том, что имена в этой среде давались отнюдь не случайно. Каждый знатный род имел более или менее устойчивый набор личных имен; перемещение последних из рода в род, как правило, являлось знаком родственных и матримониальных (или ксенических, если речь идет о заимствовании неафинских имен⁸⁴) отношений.

Впоследствии, в VI-V вв. до н.э. матримониальная традиция Алкмеонидов была развита и упрочена. Просопографические исследования последних десятилетий (особенно работы П.Бикнелла) всё в большей степени открывают нам огромный размах внутриафинских брачных связей этого рода. Так,

⁸¹ Токмаков В.Н. Ук.соч. С.10-11.

⁸² Об историчности этого архонта см.: *Bicknell P.J. Studies...* P.60.

⁸³ Ср.: *Суриков И.Е.* Перикл и Алкмеониды... С.23.

⁸⁴ *Herman G. Patterns of Name Diffusion within the Greek World and Beyond // ClQ. 1990. V.40. No.2. P.349-363.*

установлено с достаточной степенью уверенности, что связи с Писистратидами не ограничились неудачным браком Писистрата и Кесиры (II) и были возобновлены при Гиппии (см. ниже, гл. III, §4). К VI в. до н.э. восходят связи Алкмеонидов с Кериками (семья Каллия – Гиппоника), Бузигами (семья Арифрона – Ксантиппа), вероятно, также с Гефиреями. В V в. были установлены матримониальные союзы с Филаидами (семья Мильтиада – Кимона), Саламиниями (семья Алкивиада – Клиния) и др.

Характерно, что при заключении брачных альянсов Алкмеониды отличались исключительной политической интуицией, всякий раз устанавливая именно те контакты, которые могли оказаться наиболее полезными в данный момент, в контексте текущей политической борьбы, и не останавливаясь перед разрывом этих контактов в случае необходимости. Матримониальная политика Алкмеонидов распространялась и далеко за пределы Афин; на этом ее аспекте мы подробнее остановимся, говоря об их внешних связях (§3 данной главы). Практиковались в среде этого рода также и «внутренние», эндогамные браки между представителями отдельных его ветвей (например, брак Мегакла (IV) и его двоюродной сестры Кесиры (III), дочери Клисфена⁸⁵); таковые, насколько можно судить, вообще характерны для греческой аристократии.

Из традиционных способов завоевания престижа Алкмеониды охотно использовали участие в панэллинских играх. Начало этой практике положил еще Алкмеон (I), первый афинский олимпийский победитель в наиболее престижном состязании колесниц-четверок – 592 г. до н.э. (Herod. VI.125; Isocr. XVI.25; ср. Schol. Pind. Pyth. VII. hypoth., где он ошибочно назван Мегаклом). К 486 г. Пиндар (Pyth. VII.13-17) насчитывает уже, помимо этой победы Алкмеона, пять побед в Истмийских и две в Пифийских играх. Чуть позже, в 436 г. Мегакл (V) одержал еще одну олимпийскую победу, тоже в состязании четверок (Schol. Pind. Pyth. VII. hypoth.). Наконец, исключительным событием в греческой истории стало выступление Алкивиада⁸⁶, Алкмеонида по матери, на Олимпийских играх 416 г.: выставив семь колесниц, он завоевал

⁸⁵ Историчность этого брака доказал Т.Л.Шир: *Shear T.L. Koisyra: Three Women of Athens // Phoenix. 1963. V.17. No.2. P.99-112.*

⁸⁶ Об олимпийском триумфе Алкивиада см.: *Bowra C.M. Euripides' Epinician for Alcibiades // Historia. 1960. Bd.9. Ht.1. S.68-79.* В целом об олимпийских победах Алкмеонидов см.: *Moretti L. Op.cit. P.68, 105, 109.*

сразу три первых места (Eur.Epinic.fr.3). Никому другому ни до того, ни после того ничего подобного не удавалось.

Каким образом можно обобщить материал о месте Алкмеонидов в Афинах, об использовавшихся ими механизмах влияния? Ряд ученых высказывал (порой весьма категорично) мнение, согласно которому этот род уже с очень раннего времени, с VII в. до н.э. был как бы «отчужден» от общей массы афинской аристократии, даже противопоставлен ей⁸⁷. Постулируемая отчужденность, возможно, несколько преувеличена в историографии и, во всяком случае, не имела принципиальной идеологической подоплеки⁸⁸. Тем не менее, сам ее факт отрицать трудно.

С одной стороны, Алкмеониды были, пожалуй, самым блестящим афинским родом, имевшим репутацию сказочно богатого, дружески относящегося к народу и враждебного тирании; они были прославлены своей генеалогической традицией, связями с Дельфами и другими государствами, победами в панэллинских играх. Именно об Алкмеонидах античная традиция, начиная с Пиндара и Геродота, сообщает наиболее полно и обстоятельно; принадлежность того или иного политика к этому роду, как правило, специально отмечается источниками. Алкмеониды в течение всей своей истории стремились удержаться на самом верху афинской политической элиты, быть первыми или в числе первых, и долгое время им это удавалось⁸⁹.

С другой стороны, действительно существовала определенная (порой значительная) специфика в механизмах влияния, применявшихся Алкмеонидами. В их политике большую роль, чем у других родов, играли такие факторы, как внешние связи (Дельфы, Лидия, Сикион и др.), проявление щедрости, в частности, в затратах на победу в состязаниях, династические браки, наконец, прямая апелляция к демосу⁹⁰. В

⁸⁷ *Jacoby F.* *Atthis: The Local Chronicles of Ancient Athens.* Oxf., 1949. P.271; *Williams G.W.* *Op.cit.* P.32; *Lévêque P., Vidal-Naquet P.* *Op.cit.* P.33 ss.; *Vernant J.-P.* *Mythe et pensée chez les Grecs.* P., 1971. T.1. P.213-214; *Stein-Hölkeskamp E.* *Op.cit.* S.155.

⁸⁸ *Forrest W.G.* *The Emergence of Greek Democracy: The Character of Greek Politics, 800-400 B.C.* L., 1966. P.146.

⁸⁹ О репутации Алкмеонидов см.: *Toepffer J.* *Alkmaionidai...* Sp.1559; *Burn A.R.* *Pericles and Athens.* L., 1948. P.240; *Roussel D.* *Op.cit.* P.62; *Arnheim M.T.W.* *Op.cit.* P.135-136; *Зельин К.К.* *Борьба политических группировок...* С.131.

⁹⁰ *Davies J.K.* *Op.cit.* P.372.

конечном счете именно представители Алкмеонидов (Клисфен, Перикл) сыграли первостепенную роль в становлении политической системы афинской демократии. Многие исследователи вполне обоснованно отмечают, что в этих и других особенностях деятельности Алкмеонидов можно проследить немаловажное влияние тяготевшего над ними родового проклятия – Килоновой скверны, особого положения «оскверненного» рода⁹¹. По ходу дальнейшего изложения мы попытаемся проследить, помимо прочего, возможно ли обнаружить «тень» Килоновой скверны в каких-либо событиях истории Алкмеонидов и Афин в целом.

* * *

Прежде чем перейти к анализу конкретных фактов, необходимо остановиться еще на двух проблемах, связанных с Алкмеонидами. Первая из них касается границ применения просопографического метода. Если нарративные источники часто указывают (имплицитно или эксплицитно) на принадлежность того или иного лица к этому роду, то гораздо хуже в этом отношении дело обстоит с эпиграфическими памятниками (в том числе с острака). Обычно в них, помимо личного имени, фиксируется лишь патронимик и демотик, да и то далеко не всегда.

Данное обстоятельство делает порой отнесение конкретных персоналий к Алкмеонидам весьма гипотетичным и даже проблематичным. В исследовательской литературе наметились два подхода к данным просопографии, которые можно охарактеризовать как интуитивистский (в наибольшей степени проявившийся в работах П.Бикнелла) и скептический (его представителем является Ф.Буррио). Для первого из них характерна тенденция к комплексному использованию всех, в том числе и косвенных, данных генеалогии, хронологии, топографии и топонимики, ономастики, а также собственной интуиции исследователя для создания наиболее полной картины афинской просопографии. Такой метод, безусловно, весьма плодотворен, хотя порой и чреват не вполне обоснованными предположениями. Скептический метод, напротив, предполагает

⁹¹ *Williams G.W.* The Curse of the Alkmaionidai. II. Kleisthenes and the Persian Wars // *Hermathena*. 1952. V.79. P.1-21; *idem*. The Curse of the Alkmaionidai. III. Themistokles, Perikles, and Alkibiades // *Hermathena*. 1952. V.80. P.58-71; *Lé-
vêque P., Vidal-Naquet P.* Op.cit. P.113-117; *Bicknell P.J.* Studies... P.77-83; *Bourriot F.* Op.cit. T.1. P.560.

строгое следование сообщениям античных авторов, отвергая любые гипотетические построения. Он, очевидно, в большей степени позволяет держаться твердой почвы фактов, но практически исключает возможность движения вперед.

Необходима, на наш взгляд, разумная середина между двумя крайностями. Не нужно бежать от гипотез (пусть порой и смелых), но следует по возможности верить их всей совокупностью надежно установленных фактов. Именно таким образом в последние десятилетия ученым удалось сделать достаточно обоснованные выводы о принадлежности к Алкмеонидам ряда ранее неизвестных или не идентифицированных личностей (Алкмеонида (I), сына Алкмеона (I); Гиппократ (II), сына Алкмеонида (I); Калликсена, сына Аристонида; Алкмеона (II), сына Аристонида; Мегакла (VII), сына Евриптолема (I); Креза; нескольких женщин по имени Кесиры (I, II, III) и др.)⁹².

Вторая проблема связана с тем, насколько вообще можно говорить о единстве (в частности, политическом единстве) Алкмеонидов. Согласно гипотезе, выдвинутой в свое время В.М.Строгецким⁹³, внутри рода существовали по меньшей мере две группировки или линии, восходившие соответственно к Мегаклу и Алкмеону. Эти линии разнились по особенностям своей политической ориентации: только линия Мегакла шла на сотрудничество с тиранами. Однако нам не вполне понятно, каким образом могли противопоставляться друг другу, стоя у начала двух разных линий, Алкмеон и Мегакл – отец и сын⁹⁴. Г.Т.Залюбовина также отмечает в начале VI в. до н.э. наличие двух сильных агнатных групп Алкмеонидов⁹⁵. При этом она опирается на данные *Warrenmünzen*, хотя, как мы отмечали во введении, корреляция этих монетных типов с

⁹² *Raubitschek A.E.* Dedications... P.284-285, 467-478; *Stamires G.A., Vanderpool E.* Kallixenos the Alkmeonid // *Hesperia*. 1950. V.19. No.4. P.376-390; *Shear T.L.* Op.cit.; *Eliot C.W.* Op.cit.; *Bicknell P.J.* The Euryptolemos at Xenophon Hell.I 3,12-13 // *Mnemosyne*. 1971. V.24. Fasc.4. P.390-391; *McCargar D.J.* The Archonships of Hermokreon and Alkmaion: A Further Consideration of *Ath.pol.*22: 1-3 // *RhM*. 1976. Bd.119. Ht.4. S.315-323; *Lavelle B.M.* Koisyra and Megakles, the Son of Hippokrates // *GRBS*. 1989. V.30. No.4. P.503-513.

⁹³ *Строгецкий В.М.* Клисфен и Алкмеониды...

⁹⁴ Другого Алкмеона, кроме олимпийца Алкмеона (I), сына Мегакла (I) и отца Мегакла (II), в Афинах этого времени не было, во всяком случае, о таковом ничего не известно.

⁹⁵ *Залюбовина Г.Т.* Динамика становления... С.16.

аристократическими родами или семьями по меньшей мере спорна.

Наличие у Алкмеонидов ряда важных факторов, связывавших род в единое целое, - экономических интересов, внутриродовых связей, еще укреплявшихся эндогамными браками, политической близости (вряд ли случайно Алкмеонид Евриптолем (III) еще в конце V в. до н.э. выступал как приверженец и защитник Алкивиада и Перикла Младшего, о чем см. ниже, гл.IV, §3), да и самой Килоновой скверны, *volens polens* объединявшей род общим пятном проклятия, - всё это не позволяет принять гипотезу об отсутствии единства Алкмеонидов столь же категорично, как вышеупомянутые исследователи. Однако остается фактом, что трения среди Алкмеонидов всё же имели место. Так, известно (*Andoc.I.16*), что один из доносов по роковому для Алкивиада делу о пародировании мистерий в 415 г. сделала некая Агариста, жена Алкмеонида (оба имени явно принадлежат представителям рассматриваемого рода)⁹⁶. При дальнейшем исследовании все подобного рода нюансы также необходимо будет принимать в расчет.

§3. Внешние связи Алкмеонидов

Различные перипетии политической жизни, в том числе и связанные с родовым проклятием, неоднократно в течение VII-VI вв. до н.э. заставляли Алкмеонидов уходить в изгнание⁹⁷. Вынужденное пребывание за границей Аттики, вне афинской гражданской общины побуждало представителей рода устанавливать контакты в других греческих полисах, что вело в

⁹⁶ Об этой Агаристе (III) см.: *Wallace R.W. Charmides, Agariste and Damon:: Andokides 1.16 // CIQ. 1992. V.42. No.2. P.328-335.* П.Бикнелл считает ее дочерью Арифрона (II) и, следовательно, племянницей Перикла (*Bicknell P.J. Studies... P.81*). Точное положение ее мужа – Алкмеонида (III) в генеалогической стемме зафиксировать не удастся, но принадлежность его к роду Алкмеонидов несомненна. Интересно, что первым (до Алкмеонида) мужем Агаристы был известный музыкант Дамон, один из ближайших сподвижников Перикла, о котором см. также: *Raubitschek A.E. Damon // CM. 1955. V.16. P.78-83.*

⁹⁷ Как минимум четыре раза: ок.615 – 594 гг., ок.546 – ок.527 гг., 514-510 гг., 507 г. Даже если не включать в этот список изгнание целого ряда Алкмеонидов остракизмом в 480-х гг., можно сказать, что ни один другой аттический род не подвергался изгнанию столь часто.

конечном итоге к распространению этих связей и за пределы эллинского мира. В результате к началу классической эпохи Алкмеониды имели, безусловно, наиболее разветвленную систему внешних связей среди всех аттических знатных родов; соперничать с ними в данном отношении могли, пожалуй, лишь Писистратиды, которые, впрочем, были обязаны этим своему статусу правящего в Афинах в течение полувека рода. Традиционные соперники Алкмеонидов – Филаиды также пытались наладить аналогичную систему связей, но преуспели на этом поприще в меньшей степени.

Прежде всего следует оговорить чрезвычайную интенсивность контактов Алкмеонидов с Дельфами. Эти контакты имели весьма немаловажное значение не только для самого рассматриваемого рода, но и в целом для истории Афин. Тема «Алкмеониды и Дельфы» представляется нам настолько значимой, что мы предпочли вынести ее рассмотрение в отдельный параграф, помещенный в том месте работы, где это наиболее целесообразно по ходу изложения (гл. III, §3). Здесь же мы остановимся на связях этого рода с другими полисами и государствами.

Первым известным нам местом за пределами Аттики, с которым оказались связаны Алкмеониды, была Эретрия на Эвбее. Именно в этом богатом и значительном центре архаической эпохи они, судя по всему, провели годы своего первого изгнания на рубеже VII-VI вв. до н.э.⁹⁸ Ни один источник прямо не указывает на этот факт, но он с большой степенью вероятности эксплицируется из следующих обстоятельств.

Во-первых, жена Алкмеона (I) – Кеси́ра (I) была эретрианкой по происхождению (Etyim. Magn. s. v. ; Schol. Aris- toph. Nub. 46; Suid. s. v.). Их старший сын Мегакл (II) должен был родиться около 600 г. до н.э. и вряд ли намного позже (дата выводится из времени его брака с Агаристой в 571 г.). Таким образом, брак Алкмеона и Кеси́ры приходится как раз на время изгнания Алкмеонидов⁹⁹.

⁹⁸ Афины были союзником Эретрии еще в Лелантинской войне VIII в. до н.э.: Jeffery L. H. Op. cit. P. 67.

⁹⁹ Иное объяснение проникновения эретрийского имени Кеси́ра к Алкмеонидам дается в работе: Lavelle B. M. Koisyra and Megakles... По мнению ее автора, это произошло через посредство Писистратидов, а эретрианка Кеси́ра была женой тирана Писистрата. Однако достоверно известно о трех

Во-вторых, в просопографии Эретрии исследователи находят очень большое количество имен, характерных для Алкмеонидов. Их здесь больше, нежели в любом другом греческом полисе, в том числе и в самих Афинах! Среди эретрийцев известны 5-6 Мегаклов, 5 Клисфенов, Калликсен, Аристоним и др.¹⁰⁰

Наконец, совсем недавно наше предположение об эретрийских связях Алкмеонидов получило блестящее подтверждение в эпиграфике Афин. На одном из пока немногих опубликованных остраконов огромной серии с Керамика имеется надпись, недвусмысленно связывающая Алкмеонида Мегакла (IV) с Эретрией¹⁰¹. Об этой надписи за последние годы появилась уже немалая литература¹⁰². Неясно ввиду плохой сохранности остракона, рекомендовал ли писавший Мегаклу отправляться в Эретрию или же, напротив, воздержаться от этого¹⁰³. Но это в данном случае и не имеет принципиального

браках Писистрата: с афинянкой, имя которой не сохранилось, с дочерью Мегакла (II) – тоже афинянкой (судя по всему, ее-то и звали Кесирой (II)) и с аргивянкой Тимонассой (*Берве Г.* Ук.соч. С.65). Ни о каком четвертом браке Писистрата надежные источники не сообщают, да и места для такого брака в хронологии жизни афинского тирана не находится.

¹⁰⁰ *Shear T.L.* Op.cit. P.108; *Cromey R.D.* Op.cit. P.145; *Карпюк С.Г.* Клисфеновские реформы... С.30.

¹⁰¹ Впервые надпись опубликована в работе: *Willemsen F.* Op.cit. S.144. Она датируется 486 г. или, как некоторые считают, началом 470-х гг.

¹⁰² *Lewis D.M.* Megakles and Eretria...; *Brenne S.* Ostraka and the Process of Ostrakophoria // AAAD. P.23; *Raubitschek A.E.* Megakles, geh nicht nach Eretria! // ZPE. 1994. Bd.100. S.381-382; *Stanton G.R.* A Graffito on a Megakles Ostrakon // ZPE. 1996. Bd.111. S.69-73; *Суриков И.Е.* Острака как источник по истории раннеклассических Афин // АВ. Вып.3. 1995. С.112; *он же.* По поводу новой публикации острака // ВДИ. 1996. №2. С.145; *он же.* Афинянин Мегакл и Эретрия (К интерпретации одного остракона) // VI чтения памяти профессора В.Д.Блаватского. М.,1999. С.111-112; *Де Либери Л.* или

? Назначение места изгнания (Arist.Ath.pol.22,8) и остракон против Мегакла // ПИФК. 1998. Вып.5. С.89-95.

¹⁰³ Попытки восстановления текста надписи:

(Бренне);

(Льюис);

значения. Главное в том, что алкмеонидо-эретрийские контакты, актуальные, как видим, еще в начале V в., теперь вполне однозначно зафиксированы.

Эти контакты, таким образом, охватывают собой длительный хронологический отрезок – более столетия. Однако, по всей видимости, не всегда они были достаточно прочными. Во всяком случае, в середине VI в. до н.э. Эретрия скорее склонялась к поддержке Писистратидов. Эретрийцы вместе с изгнанным из Афин Писистратом приняли участие в основании поселения Рекел на побережье Фермейского залива¹⁰⁴. Да и в целом во время второго изгнания тирана (ок.556-546 гг. до н.э.) этот эвбейский город был едва ли не основной его базой (Herod.I.61-62; Arist.Ath.pol.15,2). В частности, именно оттуда он вторгся в Аттику с тем, чтобы окончательно захватить там власть. Если учитывать, что в Афинах в то время ведущую роль играли враждебные Писистрату Алкмеониды, становится ясным, что влияние этого рода в Эретрии уже вряд ли в большой степени ощущалось. Не исключено, что афинская экспедиция на Эвбею в 506 г. до н.э., при Клисфене, поведшая в частности, к выведению клерухии в соседнюю с Эретрией Халкиду (Herod.V.77), имела одной из целей восстановление влияния Алкмеонидов на острове. Судя по вышеупомянутому остракону, эта задача была выполнена.

В источниках сохранились сведения о связях Алкмеонидов с одним из крупнейших полисов Северного Пелопоннеса – Сикионом. Личное знакомство Алкмеона (I) и Клисфена, тирана Сикиона, самого выдающегося представителя династии Орфагоридов, вне сомнения состоялось не позже, чем в период первой Священной войны (начавшейся в 596 г.), активными участниками которой в высоком ранге были они оба (Алкмеон командовал афинским контингентом, Клисфен, естественно, - сикионским и к тому же одно время осуществлял общее руководство военными действиями антикрисейской коалиции)¹⁰⁵. Клисфен, как и Алкмеон, боролся за усиление

(Рaubичек). Стэнтон предлагает читать на остраконе две разные надписи, сделанные одной рукой: имя с патронимиком и экспрессивное граффито.

¹⁰⁴ *Viviers D.* Pisistratus' Settlement on the Thermaic Gulf: A Connection with the Eretrian Colonization // *JHS.* 1987. V.107. P.193-195.

¹⁰⁵ О контактах Алкмеона и Клисфена см.: *Delcourt M.* Périclès. P.,1939. P.19; *Burn A.R.* Pericles and Athens... P.2; *Forrest W.G.* The First Sacred War... P.39-42. О Клисфене Сикионском см.: *Mastrocinque A.* Ricerche sulla storia greca

своего влияния в Дельфах путем отстранения от контроля над оракулом группировки, ориентировавшейся на Крису. Впоследствии оба аристократических лидера стали олимпийщиками (Алкмеон в 592 г., Клисфен в 572 г.¹⁰⁶).

Все эти обстоятельства не могли не сыграть свою роль в том, что в 571 г. до н.э. Клисфен Сикионский выдал свою дочь Агаристу (I) именно за сына Алкмеона – Мегакла (II), хотя среди претендентов на ее руку были блестящие аристократы со всех концов греческого мира (от Великой Греции до Фессалии, см. перечень женихов в Herod.VI.127), в том числе еще один афинянин – Гиппоклид из рода Филаидов, очевидно тогда уже соперничавшего с Алкмеонидами: иначе трудно объяснить, почему Афины оказались единственным полисом, выставившим сразу двух участников в этом своеобразном конкурсе¹⁰⁷. Высказывалось предположение, что Агариста была наследницей-эпиклрой и, таким образом, ее потомки, прежде всего Клисфен Афинский, могли рассматриваться как законные преемники сикионских Орфагоридов¹⁰⁸. Но вряд ли это соответствует действительности. Агариста не была единственным ребенком Клисфена Сикионского; очевидно, сменивший последнего у власти в начале 560-х гг. тиран Эсхин был его сыном. Этот Эсхин был изгнан из Сикиона спартамцами в 556 г. до н.э. (Plut.Mor.859d)¹⁰⁹.

arcaica. I. Clistene lapidatore di Sicione // RIL. 1977. V.111. P.167-174; Boardman J. Herakles, Delphi and Kleisthenes of Sikyon // RA. 1978. Fasc.2. P.227-234; Bicknell P.J. Herodotos 5.68 and the Racial Policy of Kleisthenes of Sikyon // GRBS. 1982. V.23. No.3. P.203-212; Новикова Т.Ф. Раннегреческая тирания на Коринфском перешейке // ВДИ. 1965. №4. С.119-121; Берве Г. Ук.соч. С.39-46.

¹⁰⁶ О дате олимпийской победы Клисфена (в состязании колесниц-четверок) см.: Moretti L. Op.cit. P.70.

¹⁰⁷ О браке Мегакла и Агаристы см.: Струве В.В. Хронология VI в. до н.э. в труде Геродота // ВДИ. 1952. №2. С.68; Зельин К.К. Борьба политических группировок... С.22; Alexander J.W. The Marriage of Megacles // CJ. 1959. V.55. No.3. P.129-134; Gernet L. Op.cit. P.356-358; Stahl M. Op.cit. S.50-51; Ellis W.M. Op.cit. P.4. Не следует забывать, что к тому времени Филаиды были в родстве с коринфскими Кипселидами и, таким образом, уже а priori имели преимущество.

¹⁰⁸ Ure P.N. Op.cit. P.64 ff.

¹⁰⁹ О дате изгнания Эсхина см.: Hammond N.G.L. The Family of Orthagoras // ClQ. 1956. V.6. No.1/2. P.45-53.

Насколько можно судить, именно это событие прервало контакты Алкмеонидов с Сикионом. Изгнанные из Афин Писистратом, они ушли в изгнание не в этот город (что было бы естественным, если бы родственные им Орфагориды еще правили там), а в Дельфы. Следы давних контактов сохранились, видимо, на ономастическом уровне: «алкмеонидовское» имя Мегакл встречается в Сикионе еще в конце V в. до н.э. (Thuc.IV.119,2).

Еще большее значение для Алкмеонидов имело установление связей с Востоком, с Малой Азией, с Лидийским царством. Основоположником этих отношений выступил тот же Алкмеон (I), согласно рассказу Геродота (VI.125), оказавший какие-то важные услуги (

) лидийским послам к Дельфийскому оракулу, а затем по приглашению царя прибывший в Сарды и там в буквальном смысле слова осыпанный золотом (причем при получении даров афинянин, по словам историка, проявил редкостное корыстолюбие).

Проблема хронологии¹¹⁰ и самой исторической аутентичности этого визита остается дискуссионной. Геродот называет лидийского царя, принимавшего Алкмеона, Крезом. Однако Крез вступил на престол в 560 г. до н.э., когда Алкмеона уже не было в живых. Поэтому современные исследователи справедливо сходятся на том, что последний посетил Лидию в царствование не Креза, а его отца и предшественника Алиатта. Высказывались даже соображения о конкретной политической цели этой миссии Алкмеона, ставящие ее в контекст первой Священной войны (У.Дж.Форрест, У.Эллис). Время же рассматриваемого сардского эпизода деятельности Алкмеонидов, на наш взгляд, целесообразнее всего определить как 593 г. до н.э. С одной стороны, по эксплицитному указанию Геродота, лидийская поездка предшествовала олимпийской победе Алкмеона (592 г.), с другой – в тот момент, как ясно из контекста, он имел значительное влияние в Дельфах, то есть исход первой Священной войны был уже решен и антиафинская, «крисейская» группировка отстранена от контроля над оракулом.

¹¹⁰ Delcourt M. Périclès... P.19; Homo L. Périclès: Une expérience de démocratie dirigée. P.,1954. P.9; Forrest W.G. The First Sacred War... P.42; Lévy E. Op.cit. P.520; Ellis W.M. Op.cit. P.3-5; Châtelet F. Périclès et son siècle. P.,1990. P.105.

Итак, налицо хронологическая неточность Геродота (кстати, абсолютно аналогичная неточность обнаруживается в его знаменитом рассказе о Крезе и Солоне, I.30-33: последний, конечно, тоже встречался с Алиаттом, а не Крезом)¹¹¹. Однако попытаемся показать, что в данном случае мы имеем дело не с банальной ошибкой «отца истории». Он имел основание связать имена Алкмеона и Креза.

На базе великолепного аттического куроса

Встань и скорби у могилы павшего Креза – его же

В битве, в передних рядах буйный Арес погубил¹¹².

Иными словами, перед нами надгробие *афинянина* по имени Крез. Курос датируется третьей четвертью VI в. до н.э.¹¹³ Крез, таким образом, должен был родиться около первой четверти того же столетия. Подобное экзотическое имя в Афинах с наибольшей вероятностью мог носить представитель рода Алкмеонидов, конкретно – один из сыновей того самого Алкмеона, что побывал в Сардах. Справедливо отмечалось, что появление в аттической ономастике чужих имен (в данном случае имя даже не греческое) происходило, как правило, через ксенические связи аристократов, когда сыну давалось имя ксена или сына ксена¹¹⁴: союз гостеприимства налагал на заключивших его определенные взаимные обязательства и, в частности, способствовал подобному «обмену» именами. Именно таким образом, например, перешло в Афины спартанское имя Алкивиад (Thuc. VIII.6,3).

Правда, Ф.Буррио – в своем общем скептическом духе – высказывал сомнения по поводу принадлежности афинянина Креза к роду Алкмеонидов¹¹⁵. По его мнению, Крез мог быть членом и какой-нибудь другой афинской семьи, имевшей связи с лидийскими царями, например, Филаидом (известно, что

¹¹¹ Попытка взаимосвязанно интерпретировать происхождение этих двух неточностей сделана в нашей работе: *Суриков И.Е.* Гостеприимство Креза и афиняне // ЗОГАМ. С.72-79.

¹¹² Публикацию см.: *Jeffery L.H.* The Inscribed Gravestones of Archaic Athens // ABSA. 1962. No.57. P.144.

¹¹³ *Eliot C.W.* Op.cit.

¹¹⁴ *Herman G.* Patterns of Name Diffusion...

¹¹⁵ *Bourriot F.* Op.cit. T.2. P.811-831.

Мильтиад Старший находился в каких-то, ближе неизвестных отношениях с Крезом, Herod.VI.37) или потомком Солона. Однако эти возражения недостаточно основательны. У Солона, судя по всему, вообще не было потомства¹¹⁶. А представитель рода Филаидов был бы погребен в усыпальнице этого рода, находившейся, как мы упоминали выше, в деме Кела. Надгробие же Креза происходит из дема Анафлист или Эгилия (в Паралии). А именно там, по мнению ряда ученых, находилась родовая усыпальница Алкмеонидов (см. выше, §2 данной главы).

На наш взгляд, нет серьезных оснований сомневаться в том, что Алкмеон после визита к Алиатту дал одному из своих детей имя сына заморского друга и благодетеля. Отсюда, на наш взгляд, объясняется и накладка Геродота. Очевидно, известное историку имя Креза – сына Алкмеона – побудило его связать визит последнего в Сарды с царствованием лидийского Креза, а не его отца, что было бы вернее. Можно даже попытаться реконструировать исторический контекст поездок Солона и Алкмеона в Лидию. Первым из них в 593 г. в Сарды отправился Алкмеон. Очевидно, именно его, мягко говоря, не вполне выдержанное поведение при виде сардских богатств и внушило лидийскому царю мысль о врожденном корыстолюбии всех афинян. Поэтому не случайно, что, когда лет десять спустя¹¹⁷ в Сарды явился Солон, Алиатт («Крез») первым делом повел его именно в свои сокровищницы, видимо, ожидая аналогичной реакции (в чем, впрочем, царь на сей раз обманулся). Не исключено, что посредующим звеном между Солоном и лидийским царем выступил именно Алкмеон. Как известно, Алкмеониды в период реформ Солона в Афинах были близки к нему, составляли его «группу поддержки»¹¹⁸ (подробнее см. ниже, гл. III, §2). В этой ситуации Алкмеон в ходе своего визита в Сарды вполне мог рекомендовать Алиатту Солона как главного афинского «мудреца».

Какой формальный статус могли иметь отношения Алкмеона с лидийским царским домом? О матримониальных связях, как с

¹¹⁶ Davies J.K. Op.cit. P.323-324.

¹¹⁷ Визит Солона в Сарды относится к заключительному этапу (Herod.I.30; Plut.Sol.26-27) его десятилетнего путешествия, а фактически добровольного изгнания из Афин (см. об этом: Молчанов А.А., Суриков И.Е. У истоков остракизма // ВЧОАМ. С.257), начавшегося в 593 г. до н.э., т.е. ко второй половине 580-х гг.

¹¹⁸ Jacoby F. Atthis... P.39 ff.; Hignett C. Op.cit. P.105 ff.; French A. Op.cit.

Эретрией и Сикионом, в данном случае ничего неизвестно. Нам представляется, что речь должна идти о ксенических отношениях. Строго говоря, неизвестно, как сам Алиатт рассматривал своего гостя из Эллады. Может быть (и даже очень возможно), что он не считал его равным себе ксеном, другом, а скорее чем-то вроде вассала: слишком уж неравными были их дарообменные возможности¹¹⁹. Но в пользу того, что сам этот гость воспринимал свои отношения с сардским владыкой как ксению, говорит тот факт, что впоследствии он назвал одного из сыновей в честь Креза – сына Алиатта: это практиковалось именно при ксенических контактах. Мог ли афинский аристократ состоять в ксенических отношениях с «варварским» царем? На этот вопрос следует дать однозначно положительный ответ. Еще в конце V в. до н.э. Алкивиад имел в числе своих многочисленных ксенов фракийских царей Севта и Медока (Diod.XIII.105,3-4), а его согражданин Пириламп, похоже, поддерживал ксению с самим персидским царем¹²⁰! Сплошь и рядом имеют ксенические отношения с высокородными персами (в том числе с Ахеменидом Киром Младшим) герои Ксенофонта «Анабасиса». А до греко-персидских войн, во времена Солона и Алкмеона препятствий к таким союзам с «варварами» было значительно меньше¹²¹. Тем более это касается филэллинской династии лидийских Мермнадов, во многих отношениях ориентировавшейся на греческие обычаи. Известно, например, что дельфийцы предоставили «Крезу и лидийцам» промантию, ателию, проэдрию и право получать дельфийское гражданство (Herod.I.54,2; Syll.³ 7)¹²².

Безусловно, в высказанном нами предположении есть доля гипотетичности. Но, как бы то ни было, повторим еще раз, что нет ровно никаких оснований отрицать сам факт поездки Алкмеона в Сарды. Действительно, рассказ Геродота о его чудесном обогащении в сокровищнице лидийского царя имеет

¹¹⁹ О необходимости эквивалентности в дарообмене см.: *Семенов Ю.И.* Ук.соч. С.130-131.

¹²⁰ О Пирилампе и его персидских связях см.: *Бивар А.Д.Х.* Платон и митраизм // ВДИ. 1998. №2. С.4-5.

¹²¹ Ксенофобия греков берет свое начало не ранее VI в. до н.э.: *Purcell N.* Mobility and the Polis // GC. P.58.

¹²² *Доватур А.И.* Повествовательный и научный стиль Геродота. Л.,1957. С.28; *Глускина Л.М.* Дельфийский полис в IV в. до н.э. // Античная Греция. Т.2. М.,1983. С.47.

новеллистический и даже фольклорно-анекдотический характер. Этот рассказ столь же парадигматичен, сколь и повествование историка о Солоне и Крезе¹²³, только с противоположным знаком: если Солон выступает образцом умеренности и благоразумия, то Алкмеон символизирует корыстолюбие. Однако следует помнить, что подобного рода новеллистические мотивы часто встречаются у Геродота и в свидетельствах о вполне достоверных событиях.

Анекдот об Алкмеоне и Крезе в любом случае должен нести в себе зерно истины, объясняя богатство Алкмеонидов. Насколько можно судить, одним из главных источников этого богатства стали именно связи с Лидией. Это малоазийское царство пользовалось у греков репутацией сказочно богатой, «золотоносной» страны, а имя последнего правителя лидийцев Креза было синонимом богача.

Возможно, в связи с этим античная традиция о роли лидийских связей в обогащении интересующего нас рода порой впадала в преувеличение. Кроме того, нигде мы не встречаем упоминаний о конкретном характере этих связей (были ли они торговыми, экономическими или же какими-нибудь иными). Но факт алкмеонидо-лидийских отношений и их важное значение¹²⁴ вряд ли подлежат сомнению. В таком случае завоевании Лидии Киром Старшим в 547/6 г. до н.э. должно было нанести серьезный удар если не по благосостоянию Алкмеонидов, то по их общему политическому положению в Афинах. Думается, не случайно примерно в то же время они были надолго изгнаны из Аттики возвратившимся к власти Писистратом. Уж не крушения ли Лидийского царства десять лет выжидал опальный тиран? Последующая откровенно персофильская позиция его сына Гиппия заставляет задуматься над этим¹²⁵.

В течение 550-540-х гг. до н.э. большинство внешних связей Алкмеонидов (Эретрия, Сикион, Лидия) по разным причинам временно пресеклось; в их распоряжении осталась одна – но весьма прочная и надежная – опора на Дельфийский оракул. После возвращения Алкмеонидов во главе с Клисфеном в

¹²³ Ср.: *Fornara Ch.W., Samons L.J.* Op.cit. P.8.

¹²⁴ *How W.W., Wells J.* Op.cit. V.2. P.28 ff.; *Ure P.N.* Op.cit. P.64 ff.; *Davies J.K.* Op.cit. P.384; *Курбатов А.А.* Роль аристократии... С.27.

¹²⁵ Впрочем, возможно и иное объяснение этого факта: не исключено, что Писистрат был изгнан из Аттики на десять лет с помощью некой процедуры, предшествовавшей классическому афинскому остракизму: *Молчанов А.А., Суриков И.Е.* У истоков остракизма... С.257-258.

Афины в 510 г. и занятия ими наиболее влиятельной позиции в полисе в 507 г. на повестку дня стала задача восстановления престижных и выгодных связей на Востоке. Именно этой цели, в числе прочих, должно было послужить афинское посольство 506 г. ко двору Артаферна, персидского сатрапа в Сардах (Herod.V.73)¹²⁶. Возглавлял посольство, по остроумной догадке П.Бикнелла, Алкмеонид (по матери – Керик) Каллий, сын Кратия, впоследствии прозванный «мидянином», что явствует из надписей на острака¹²⁷. Сам же Клисфен, глава рода, простат демоса и наиболее влиятельное лицо в тогдашних Афинах, тоже никак не мог быть непричастен к этому посольству. Можно с уверенностью утверждать, что именно он явился его инициатором¹²⁸. Впрочем, на том этапе, еще до начала греко-персидских войн, в подобного рода посольстве не было и не могло быть ничего предосудительного или «предательского», во всяком случае, не больше, чем в поездках ко двору лидийских царей, которые, как и Ахемениды после них, оказывали изрядное давление на греческие полисы Ионии и тем не менее имели репутацию филэллинов.

Однако заключение союза с персами, да еще на невыгодных для Афин условиях (послы, не разобравшись в обстановке, опрометчиво дали Артаферну «землю и воду», что означало формальное признание суверенитета царя), не было встречено в городе поддержкой. Договор, судя по всему, не был ратифицирован эkkлeсией¹²⁹. Высказывалось мнение, что именно по этому поводу оказался в опале Клисфен, но оно, в сущности, ничем не подтверждается¹³⁰. Напротив, в 490-х гг. до н.э. Алкмеониды продолжают занимать весьма влиятельные позиции в Афинах (подробнее см. ниже, гл.IV, §1). В этот период, уже после начала Ионийского восстания, в Сарды было

¹²⁶ См. об этом посольстве: *Cloché P.* La politique des Alcmeonides de 507 à 482 av.J.-C. // *REA.* 1928. V.30. №4. P.270; *Berve H.* Fürstliche Herren... P.20; *Bengtson H.* The Greek and the Persians from the Sixth to the Fourth Centuries. L., 1969. P.32; *Спрогезкий В.М.* Геродот и Алкмеониды... С.150.

¹²⁷ *Bicknell P.J.* Studies... P.64-76. О Каллии, сыне Кратия, см. также: *Vanderpool E.* Ostracism at Athens. Cincinnati, 1970. P.9 ff.; *Rhodes P.J.* Op.cit. P.274; *Shapiro H.A.* Kallias Kratiou Alopekethen // *Hesperia.* 1982. V.51. No.1. P.69-73; *Stein-Hölkeskamp E.* Op.cit. P.193-205.

¹²⁸ Ср.: *Thomsen R.* Op.cit. P.109 ff.

¹²⁹ Впрочем, очевидно, договор не был и официально дезавуирован. Ср.: *Блататский В.Д.* Античная археология и история. М., 1985. С.195-196.

¹³⁰ *Cromey R.D.* Op.cit.

направлено еще одно посольство (Herod.V.96), вероятно, также инициированное этим родом по причине нежелания ссориться с Персией. Но на сей раз Артаферн, обращаясь с афинянами уже как с вассалами, решительно настаивал на возвращении в Афины изгнанного тирана Гиппия, подвизавшегося при персидском дворе, что повело к преобладанию антиперсидских настроений в городе. Некоторое время спустя – вряд ли к большому удовольствию Алкмеонидов – была направлена афинская военная помощь восставшим ионийцам (Herod.V.97), но этот контингент вел себя непоследовательно и при первой же неудаче был отозван (Herod.V.103). Поставленная в 493 г. антиперсидская трагедия Фриниха «Взятие Милета» была запрещена к повторным постановкам, а автор присужден к штрафу (Herod.VI.21)¹³¹. В событиях описываемых лет явно видна рука Алкмеонидов, стремившихся до последней возможности избежать полного разрыва отношений с Персией и начала прямых военных действий¹³².

В течение 480-х гг. до н.э., после Марафонского сражения, такая позиция Алкмеонидов вызвала ответную реакцию, выразившуюся в обвинениях их в персидской измене («мидизме»). Собственно, слово имело широкое значение и могло обозначать не только измену как таковую, сотрудничество с «мидянами», но и, скажем, просто приверженность персидскому образу жизни. Обвинение в мидизме было одним из наиболее популярных пропагандистских ходов в политической борьбе начала V в. до н.э. (да и позже¹³³), применявшимся против разных

¹³¹ О связях Фриниха с лидером антиперсидской группировки Фемистоклом см.: Vernant J.-P., Vidal-Naquet P. *Mythe et tragédie en Grèce ancienne*. T.2. P., 1986. P.97.

¹³² Bengtson H. *The Greeks and the Persians...* P.42; Ehrenberg V. *From Solon to Socrates...* P.124.

¹³³ Полвека спустя Анаксагора судили не только за нечестие, но вменяли ему в вину еще и «мидизм» (Diog.Laert.II.12). О суде над Анаксагором см.: Schachermeyr F. *Religionspolitik und Religiosität bei Perikles*. Wien, 1968. S.71 ff.; Prandi L. *I processi contro Fidia, Aspasia, Anassagora e l'opposizione a Pericle* // *Aevum*. 1977. V.51. Fasc.1/2. P.10-26; Корзун М.С. Политическая цель процессов против друзей Перикла и причины Пелопоннесской войны // *Вестник Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта*. 1971. Сер.3. №2. С.8-14; Залюбовина Г.Т. Борьба за сохранение полисной религии в период кризиса гражданской общины // *Традиционная культура народов Западной Европы*. Благовещенск, 1996. С.23-42.

политиков и по разным поводам¹³⁴. Однако именно Алкмеониды подвергались наиболее интенсивным нападкам, что, кстати, и побудило впоследствии Геродота (VI.121-131) выступить с аргументированной апологией-отповедью.

Конкретным деянием, инкриминировавшимся роду, был якобы данный с помощью щита сигнал персам на завершающем этапе Марафонского сражения¹³⁵. Независимо от обоснованности этого обвинения¹³⁶ оно сыграло серьезную роль в изгнании остракизмом ряда представителей Алкмеонидов. Впрочем, как мы видим, вопрос об их измене дискутируется в науке и по сей день. На наш взгляд, отношение этого рода к Персии на рубеже VI и V вв. до н.э. диктовалось рядом факторов. Помимо нежелания окончательного прекращения выгодных для них восточных контактов, Алкмеониды должны были рассматривать державу Ахеменидов как своего рода противовес Спарте, стремившейся вернуть Афины в сферу своего влияния. Но в то же время их вряд ли устраивала ориентация персов на реставрацию тирании Гиппия. Таким образом, позиция Алкмеонидов была умеренно персофильской, причем с возраставшим отталкиванием от Персии. В связи с этим вряд ли имели под собой серьезные основания разговоры о пресловутом «сигнале щитом». Последний действительно имел место: в этом не сомневается даже оправдывающий Алкмеонидов Геродот (VI.124: «Щит был тогда действительно поднят – этого нельзя отрицать, потому что это правда. Но кто

¹³⁴ О мидизме см.: *Wolski J.* Wpływ wojen perskich na formy walki politycznej w Grecji // *PH.* 1968. T.59. №3. S.416-427; *idem.* et son importance en Grèce à l'époque des guerres médiques // *Historia.* 1973. Bd.22. Ht.1. S.3-15; *Gillis D.* Collaboration with the Persians. Wiesbaden, 1979. P.39-81.

¹³⁵ Herod.VI.115; подробнее о событии см.: *Hudson H.G.* The Shield Signal at Marathon // *American Historical Review.* 1937. V.42. No.3. P.443-459.

¹³⁶ Современные исследователи в основном не склонны считать его обоснованным: *Cloché P.* Op.cit. P.279; *Robinson C.A.* The Struggle for Power at Athens in the Early Fifth Century // *AJPh.* 1939. V.60. No.2. P.232-237; *McGregor M.F.* The Pro-Persian Party at Athens from 510 to 480 B.C. // *ASPF.* P.71-95; *Sealey R.* A History... P.203; *Holladay J.* Medism at Athens, 508-480 B.C. // *G&R.* 1978. V.25. No.2. P.174-191; *Williams G.M.E.* The Image of the Alkmeonidai between 490 B.C. and 487/6 B.C. // *Historia.* 1980. Bd.29. Ht.1. S.106-110; *Doenges N.A.* The Campaign and Battle of Marathon // *Historia.* 1998. Bd.47. Ht.1. S.15. Значительно реже факт измены признается: *How W.W., Wells J.* Op.cit. V.2. P.359-360; *Gillis D.* Marathon and the Alcmaeonids // *GRBS.* 1969. V.10. No.2. P.133-145; *idem.* Collaboration... P.45-58.

все-таки его поднял — я не могу ничего больше об этом сказать»); но он мог и не иметь отношения к измене. Не исключено, что (как предполагал еще Хадсон) сигнал из-за гор подавало спартанское войско, как раз в это время подходившее на помощь афинянам, а впоследствии он был неверно истолкован.

После Греко-персидских войн, насколько можно судить, восточные связи Алкмеонидов (как рода, как единого целого) практически прекратились. Во всяком случае, сведений о них в источниках уже нет. Возможно, это связано с общим ослаблением Алкмеонидов и постепенным уходом этого рода с афинской политической арены после 480-х гг. (хотя отдельные его представители и связанные с ним лица продолжали играть в Афинах важную роль). Не исключено также, что на Алкмеонидах по-прежнему лежал отпечаток старых обвинений в персидской измене; впрочем, последствий этого не следует преувеличивать. Во второй половине V в. известны по меньшей мере два афинских посла в Персию из рода Алкмеонидов, оба — в период Пелопоннесской войны¹³⁷. Трудно представить в роли послов лиц, не пользующихся доверием граждан, подготавливаемых в склонности к измене. Напротив, создается впечатление, что в тех случаях, когда нужно было выполнить ответственную миссию на Востоке, при дворе Великого царя или его малоазийских сатрапов, зачастую обращались к услугам поднаторевшего на этом поприще рода.

Достаточно сложный и неоднозначно решаемый вопрос — отношения Алкмеонидов со Спартой. На рубеже 520-510-х гг. до н.э. такие отношения, бесспорно, существовали¹³⁸, хотя и в опосредованной форме, через Дельфы. Именно они повели к изгнанию из Афин тирана Гиппия и возвращению Алкмеонидов на родину (Herod.V.63-65). Но контакты, о которых идет речь, имели весьма кратковременный характер: уже в 507 г. поход Клеомена I на клисфеновские Афины засвидетельствовал полный разрыв¹³⁹. На протяжении всего V в. до н.э. Алкмеониды

¹³⁷ Меракл (V) около 430 г. (Aristoph.Ach.613 sqq. cum schol.) и Евриптолем (III) в начале 400-х гг. (Xen.Hell.I.3,12-13).

¹³⁸ О причинах возникновения алкмеонидо-спартанских контактов см.: *Robinson E.W. Reexamining the Alcmeonid Role in the Liberation of Athens // Historia. 1994. Bd.43. Ht.2. S.363-369.*

¹³⁹ Об этом походе см.: *Picard Ch. Op.cit.; Lenschau Th. König Kleomenes I. von Sparta // Klio. 1938. Bd.31. S.412-429; Trittle L.A. Kleomenes at Eleusis // Histo-*

занимали в политической борьбе однозначно антиспартанскую позицию¹⁴⁰. Это, кстати, и было для них более традиционным. Э.Френч, например, даже считал, что Алкмеониды ассоциировались с оппозицией пелопоннесским полисам вообще; это шло еще со времен их борьбы с Килоном, ставленником Мегар¹⁴¹. Такая постановка вопроса кажется нам слишком категоричной (не будем забывать о тесных связях Алкмеонидов с пелопоннесским Сикионом), но их прохладное отношение к Спарте в течение большей части рассматриваемого периода достаточно очевидно.

В V в. до н.э. некоторые политики, связанные с Алкмеонидами по материнской линии, прежде всего Перикл и Алкивиад, отмечены источниками в качестве спартанских ксенов. Перикл был гостеприимцем царя Архидама (Thuc.II.13,1; Plut.Pericl.23), а Алкивиад имел наследственную ксению с семьей знатного спартанца Эндия, неоднократно занимавшего пост эфора (Thuc. VIII.6,3)¹⁴². Эти ксении, вероятнее всего, были установлены либо в краткий период стабилизации алкмеонидо-спартанских отношений около 510 г., либо в годину борьбы с Ксерксом, когда афинские и спартанские аристократы зачастую совместно командовали объединенными воинскими контингентами¹⁴³. В период же нового ухудшения отношений со Спартой они надолго отошли на второй план, о них едва ли не забыли, спартанская ксения в семье Алкивиада была попросту разорвана в 460-х гг. (Thuc.V.43,2); сам Алкивиад уже в годы Пелопоннесской войны

ria. 1988. Bd.37. Ht.4. S.457-460; *Cawkwell G.L.* Sparta and her Allies in the Sixth Century // *CIQ.* 1993. V.43. No.2. P.364 ff.

¹⁴⁰ *Hudson H.G.* Op.cit. P.443 ff.; *McGregor M.F.* Op.cit. P.72; *Williams G.W.* The Curse of the Alkmaionidai. II. P.3;

¹⁴¹ *French A.* Solon and the Megarian Question // *JHS.* 1957. V.77. No.2. P.238-246.

¹⁴² Об этих ксениях см.: *Kebric R.B.* Implications of Alcibiades' Relationship with Endius // *Mnemosyne.* 1976. V.29. Fasc.1. P.72-78; *idem.* Implications of Alcibiades' Relationship with the Ephor Endius // *Historia.* 1976. Bd.25. Ht.2. S.249-252; *Kagan D.* The Peace of Nicias... P.63-64; *Herman G.* Ritualized Friendship...; *Курилов М.Э.* Спартанская дипломатическая практика в VI-IV вв. до н.э. Автореф. дис... канд. ист. наук. Саратов, 1999. С.16.

¹⁴³ Например, спартанский царь Леотихид и афинский стратег Ксантипп при Микале; именно тогда, как мы предположили в другом месте (*Суриков И.Е.* Перикл и Алкмеониды... С.30), и была заключена ксения, существовавшая еще во времена Перикла, сына Ксантиппа, и Архидама, внука Леотихида.

восстановил ее в ходе своей дипломатической деятельности. Следует отметить, что ксенов в Спарте имели многие афинские политики: Исагор (Herod.V.70), Кимон (Plut.Cim.14), семья Каллия – Гиппоника (Xen.Hell.V.4,22; VI.3,4). Таким образом, спартанские ксении, вопреки мнению некоторых исследователей¹⁴⁴, вряд ли могут служить бесспорным признаком тесных контактов Алкмеонидов со Спартой.

Многолетние внеаттические связи Алкмеонидов, особенно на Востоке, повели к тому, что, как говорилось выше, в V в. до н.э. для дипломатических миссий в Персию нередко направлялись представители именно этого рода (вышеупомянутые посольства Мегакла и Евриптолема). Часто аналогичные миссии осуществляли также члены издавна близкого и родственного Алкмеонидам рода Кериков¹⁴⁵. Нет нужды лишней раз повторять, насколько важную роль в общественной жизни афинского полиса играла внешняя политика. Достаточно напомнить, что, согласно свидетельству Аристотеля (Ath.pol.43,6), вопросы, связанные с ней (), при рассмотрении в народном собрании получали приоритет перед внутренними делами (не считая только дел, связанных с религией). К назначению послов для различных дипломатических миссий в Афинах подходили в высшей степени ответственно. Они избирались не по жребию, а голосованием ()¹⁴⁶, подобно членам наиболее ответственных коллегий магистратов (стратегам, некоторым казначеям). По возвращении посольства его члены давали отчет () в народном собрании. М.Хансен имел все основания, составляя каталог виднейших афинских политиков IV в. до н.э., включить в него наряду с полководцами и политическими ораторами также и известных из источников послов¹⁴⁷. Таким образом, поручение посольских функций Алкмеонидам было не случайным, а вполне сознательным. Безусловно, длительные контакты рода в Малой Азии создали для этого ряд условий, позволявших успешно вести

¹⁴⁴ Sealey R. The Entry of Pericles... P.152; Littman R.J. Kinship and Politics... P.205.

¹⁴⁵ Родственные связи Алкмеонидов и Кериков показаны на генеалогической таблице 8 в приложении III.

¹⁴⁶ Mosley D.J. Envoys and Diplomacy in Ancient Greece. Wiesbaden, 1973. P.43.

¹⁴⁷ Hansen M.H. The Athenian Ecclesia II... P.25 ff.

дипломатическую деятельность (опыт, наличие ксенических отношений, вероятно, знание языка и т.п.).

Достойным наследником Алкмеонидов на внешнеполитическом поприще стал Алкивиад, которого по справедливости можно назвать крупнейшим дипломатом не только Афин, но и всей Греции конца V в. до н.э., эпохи Пелопоннесской войны. Опираясь на старинные связи, но и сам развернув небывало интенсивную деятельность, он буквально покрыл греческие полисы и сопредельные государства грандиозной сетью союзов личного характера, замыкавшихся непосредственно на его персоне. Алкивиад поддерживал и активно использовал в своих политических и военных предприятиях активные контакты с аристократами Спарты (см. выше), Аргоса (Thuc.VI.61,3; Isocr.XVI.9; Plut.Alc.23), Мантинеи (Thuc. VI.29,3), Милета (Thuc.VIII.17,2), Эфеса (Andoc.IV.30; Plut.Alc.8; Athen.XII.534d), Хиоса (Thuc.VIII.14,1; Andoc.IV.30), царями фракийцев Севтом и Медоком (Diod.XIII.105,3), персидскими сатрапами Тиссаферном и Фарнабазом (Thuc.VIII.45 sqq.; Xen. Hell.I.1,9; Nep.Alc.9; Plut.Alc.24 sqq.).

* * *

Выше была дана характеристика Алкмеонидов, так сказать, «с высоты птичьего полета», пока еще без требуемой диахронной детализации. В целях достижения такой детализации в следующих трех главах пойдет речь уже о конкретных событиях политической жизни интересующего нас аттического рода. Начать это изложение приходится со второй половины VII в. до н.э., с так называемой «Килоновой смуты», поскольку именно тогда роль Алкмеонидов в афинской истории впервые вырисовывается с большей или меньшей определенностью. Закончено же оно будет концом V в. до н.э. по причинам, обозначенным в соответствующем месте (гл.IV, §3).

Г л а в а II

МЯТЕЖ КИЛОНА И АЛКМЕОНИДЫ

§1. «Килонова смута» в исследовательской литературе

Посвящая специальную главу такому, на первый взгляд, частному, не столь уж и значительному эпизоду, как мятеж Килона, мы руководствовались следующими соображениями. Во-первых, это – первое достоверно (и даже с рядом деталей) известное и достаточно точно датированное событие не только истории Алкмеонидов, но и истории афинского полиса в целом, что уже само по себе привлекает к нему законный интерес. Всё, что происходило в политической жизни Афин до Килонова дела (будь то «Тесеев» синойкизм, подвиг Кодра или изменения в статусе и сроке правления архонтов), как бы подернуто дымкой легендарной древности и, во всяком случае, не вырисовывается из источников в живой конкретности. Именно начиная с первой попытки установления тирании в Афинах можно говорить о связном и последовательном ряде событий-звеньев, составляющих целостную, непрерывную историю этого государства (законотворчество Драконта, война с Мегарами за Саламин, реформы Солона, и т.д., и т.п.).

Во-вторых, «Килонова смута» и ее подавление при активном участии Алкмеонидов стали основополагающими факторами для всей дальнейшей судьбы этого рода. Тяжкое нарушение сакральных обычаев, допущенное архонтом Мегаклом (I) и его сподвижниками при убийстве участников мятежа, стало исходным моментом для возникновения родового проклятия («скверны») Алкмеонидов, тяготевшего над ними не менее двух столетий и наложившего, как мы отмечали выше и как еще не раз увидим, отчетливый отпечаток на целый ряд особенностей их деятельности. Позволим себе высказать мнение, что многое в истории Алкмеонидов трудно или невозможно будет понять, не разобравшись вначале с перипетиями дела Килона.

В-третьих, инцидент с Килоном предоставляет уникальную возможность источниковедческого анализа. Довольно подробные сообщения о нем оставили нам античные авторы, причем среди последних есть имена такого уровня, как Геродот, Фукидид, Аристотель, Плутарх, Павсаний и др. В высшей степени интересно, что между различными изложениями хода событий нет сколько-нибудь полного согласия. Напротив, по ряду важных моментов перечисленные авторы серьезно расходятся друг с другом; кое-где даже как будто заметны следы

скрытой полемики. Не случайно в связи с этим, что и в современной исследовательской литературе о мятеже Килона высказывались самые различные мнения. Такая ситуация побуждает нас предпослать собственному исследованию источникового материала краткий историографический экскурс.

Вплоть до конца XIX века «Килонова смута» затрагивалась в антиковедении в высшей степени спорадически, как правило, представителями немецкой классической филологии. Об этом инциденте упоминалось в работах более общего характера – по истории рода Алкмеонидов, по афино-мегарским отношениям и др.¹ С другой стороны, рассматривались отдельные частные аспекты события, например, вопрос о «пританах навкраров» (подробнее об этом вопросе см. ниже)².

Мощный всплеск интереса к рассматриваемой проблематике, выразившийся как в увеличении количества посвященных ей работ, так и в расширении спектра исследуемых авторами аспектов, следует, на наш взгляд, связать с общим повышением уровня изучения истории архаических и классических Афин, наметившимся непосредственно после введения в научный обиход в 1891 г. открытой на папирусе «Афинской политики» Аристотеля. Этот памятник первостепенной значимости позволил по-новому посмотреть на имевшиеся к тому времени в распоряжении ученых пассажи других античных авторов, внести ясность во многие темные вопросы афинской истории, но в то же время поставил и ряд новых проблем, на решение которых направила свои усилия целая когорта антиковедов. Особенно интриговала своей загадочностью оборванная, начинающаяся на полуфразе первая глава существующего папирусного текста, в которой речь шла как раз о Килоновом деле.

Уже через год после публикации «Афинской политики», в 1892 г., появилась в высшей степени интересная и основательная большая статья американского ученого

¹ Например: *Vischer W.* Ueber die Stellung des Geschlechts der Alkmaioniden in Athen // *Vischer W.* Kleine Schriften. Bd.1. Lpz., 1877. S.382-401; *Petersen J.C.W.* Op.cit. P.100; *Cauer F.* Parteien und Politiker in Megara und Athen. Studien zur Gechichte Griechenlands im Zeitalter der Tyrannis. Stuttgart, 1890. S.63-65.

² *Philippi A.* Das Amnestiegesetz des Solon und die Prytanen der Naukraren zur Zeit des Kylonischen Aufstandes // *RhM.* 1874. Bd.29. Ht.1. S.1-12; *Schömann G.F.* Das Kylonische Attentat, die Naukraren und die Alkmaioniden // *Neue Jahrbücher für Philologie.* 1875. Jg.21. Bd.111. Abt.1. S.449-469.

Дж.Райта³. Несмотря на довольно узкое заглавие (“The Date of Cylon”), действительная тематика статьи гораздо шире; автор стремился охватить, насколько это было тогда возможно, практически все аспекты событий, связанных с мятежом Килона и скверной Алкмеонидов, пользуясь великолепным знанием источников (Райт первым собрал едва ли не весь нарративный материал, относящийся к проблеме). Что же касается собственно датировки, то исследователь называет в качестве наиболее вероятной даты 636 г. до н.э. В общем можно сказать, что, несмотря на столетнюю давность, сделавшую отдельные положения статьи безусловно устаревшими (так, Райт, вполне в духе историографии своего времени, считал Алкмеонидов выразителями интересов «среднего торгового класса»), она, пожалуй, и по сей день остается наиболее фундаментальной работой о мятеже Килона.

В те же самые годы ряд весьма авторитетных антиковедов (К.Ю.Белох, О.Зеек, Г.Де Санктис и др.), проявив интерес к хронологическим вопросам, связанным с «Килоновой смутой», призвал к пересмотру традиционной датировки этого события 30-ми гг. VII в. до н.э. (см. прим.2 и 3 к гл.I). По их мнению, датировка мятежа временем Писистрата (560-е – 550-е гг.), а первого (и, таким образом, единственного) судебного процесса над Алкмеонидами – временем Клисфена (508/7 г.) позволила бы более удачно разрешить ряд хронологических проблем афинской истории. Наиболее подробно аргументы данного направления изложил Ф.Корнелиус⁴, считавший, что мятеж состоялся в 552 г., во время одного из изгнаний Писистрата. По его мнению, вся афинская история второй половины VII в. до н.э. в источниках сильно искажена. Так, война с Мегарами из-за Саламина проходила на самом деле не при Солоне, а при Писистрате⁵. Далее, источник в Мегарах, приписываемый Павсанием (I.40,1) тирану Феагену, тестю Килона, на самом деле был сооружен, по данным раскопок, не в VII, а в VI в.

³ Wright J.H. Op.cit. P.1-74.

⁴ Cornelius F. Op.cit. S.36 ff.

⁵ Действительно, Писистрат незадолго до своего прихода к власти на время захватил у мегарян их гавань Нисею, действуя в качестве полемарха (Herod.I.59; Arist.Ath.pol.14,1). Но что мешает нам признать факт затяжной, вялотекущей пограничной войны, различные эпизоды которой связаны с именами и Солон, и Писистрата?

до н.э.⁶ Обвинителем Алкмеонидов на судебном процессе источники называют Мирона из дема Флия (Plut.Sol.12), а демы и демотики были введены только Клизфеном⁷. Сохранилась надгробная надпись (IG.I².1016), сделанная Килоном в память двух умерших (павших в ходе мятежа, как считает Корнелиус) сыновей () и датированная также VI в.⁸ Наконец, Алкмеон (I), командовавший афинским контингентом в первой Священной войне, не мог бы выступать защитником дельфийского бога, покровителя культовой чистоты, если бы он был уже осквернен; а если он уже получил очищение, то непонятно, почему его потомков вновь и вновь попрекали скверной⁹.

Однако многие исследователи (в том числе, например, такие признанные корифеи антиковедения, как Эд.Мейер и У.фон Виламовиц) продолжали придерживаться традиционной датировки мятежа Килона VII веком, досолоновским временем¹⁰.

⁶ И даже, вероятно, еще позже – в V в. (Макаров И.А. Ук.соч. С.40-41). Но это означает только то, что, как небезосновательно полагает И.А.Макаров, эту постройку впоследствии приписали Феагену «как одному из знаменитых людей в истории архаических Мегар». Не менее вероятна также и перестройка более раннего сооружения (Legon R.P. Op.cit. P.150).

⁷ Однако впоследствии было убедительно показано наличие в источниках названий демов и демотиков уже для доклизфеновской поры: Raubitschek A.E. Dedications... P.467-478; Jacoby F. Atthis... P.186 ff. Демами до Клизфена назывались в Аттике (как и в других ионийских регионах) сельские общины. Просто они не составляли основу административно-территориального деления страны и не охватывали город Афины.

⁸ Такая датировка надписи, судя по всему, верна: Wright J.H. Op.cit. P.6; Ferrara G. La politica di Solone. Napoli, 1964. P.39-40. Однако вовсе не обязательно связывать ее именно с Килоном-олимпиоником. Скорее надгробие поставил кто-то из потомков последнего, носивший то же имя: как известно, отнюдь не все «килоновцы» были перебиты при подавлении мятежа (Plut.Sol.12).

⁹ Этот вопрос будет нами подробнее разобран ниже (гл. III, §2), но a priori аргумент не выглядит убедительным. Корнелиус смешивает религиозный аспект проблемы с военно-политическим и еще не знает о борьбе в это время в самих Дельфах двух группировок, открытой позже У.Дж.Форрестом (Forrest W.G. The First Sacred War... Passim).

¹⁰ Meyer Ed. Op.cit. Bd.5. S.590-592; Wilamowitz-Moellendorff U. von. Op.cit. Bd.2. S.55; Botsford G.W. The Trial of the Alcmeonidae and the Cleisthenean Constitutional Reforms // HSCPh. 1897. V.8. P.1-22; Wilbrandt M. Op.cit. S.176-184; Ure P.N. Op.cit. P.34, 328f.; Adcock F.E. Op.cit.; Wade-Gery H.T. Op.cit. P.144.

Полемизируя со сторонниками пересмотра хронологии рассматриваемого события, они справедливо указывали, что такой пересмотр создает значительно больше новых трудностей, чем разрешает уже имеющихся. Помимо прочего, он заставил бы в корне пересмотреть всю историю архаических Афин, а для этого нет достаточных оснований. К тому же «поздняя» датировка была в значительной мере плодом умозрительных построений, зачастую довольно шатких (как и мы старались показать выше, комментируя выкладки Корнелиуса), и не опиралась в необходимой степени на данные источников, более того – прямо им противоречила. Так, Геродот (V.71) *expressis verbis* говорит, что «Килонова смута» произошла

. Фукидид (I.126), не называющий точного времени события, сообщает, однако, как минимум о двух изгнаниях «оскверненных» (

). Аристотель (Ath.pol.1) рассказывает о деле Килона в контексте додраконтовских Афин. Плутарх (Sol.12) также помещает его во временной отрезок до реформ Солона. Есть и косвенные данные, в том числе закон Солона об амнистии (Plut.Sol.19), цитируемый Плутархом по тексту аксона и, несомненно, аутентичный. В этом законе упоминаются уже имевшие место попытка установления тирании и кровопролитие (). Не говорим уже о том, что в хронологии эпохи Писистрата место для Килонова мятежа невозможно найти, не допуская при этом натяжек. Подводя итог рассмотренной дискуссии по хронологическим сюжетам, можно заключить, что к середине XX в. «ранняя» датировка инцидента была убедительно обоснована и с тех пор является общепринятой (не считая разве что недавней попытки вновь пересмотреть ее, предпринятой Э.Леви, на которой мы остановимся в соответствующем месте).

Споры о времени «Килоновой смуты» нашли отражение и дореволюционной русской историографии, причем авторы первых в нашей стране работ на эту тему А.Н.Щукарев и А.А.Малинин также придерживались датировки этого события VII в. до н.э.¹¹

Что же касается западного антиковедения, то, после некоторого перерыва, начиная с конца 1940-х гг. интерес к

¹¹ Щукарев А.Н.

//

и . Сборник статей в честь Ф.Ф.Соколова. СПб., 1895. С.49-55; Малинин А.А. Ук.соч.

мятежу Килона и его роли в судьбе Алкмеонидов возобновился, причем, на наш взгляд, на более высоком уровне, чем способствовал ряд концептуальных инноваций. Так, у исследователей появился интерес к религиозной подоплеке эпизода, который ранее практически совершенно отсутствовал (даже в детальном анализе, проведенном Дж.Райтом). «Первой ласточкой» на этом направлении стала работа французского ученого Л.Мулинье¹², который наряду с разбором датировок задается также вопросом, какое же преступление инкриминировалось впоследствии Алкмеонидам, и анализирует в связи с этим само греческое понятие «скверны» (). Тема, затронутая Мулинье, получила дальнейшее развитие в серии статей Дж.У.Уильямса под общим заголовком «Проклятие Алкмеонидов»¹³. Автор, скрупулезно разбирая основные события, связанные с этим проклятием от его возникновения до конца V в. до н.э., приходит к выводу, что «Килонова скверна» имела важное значение для политической судьбы Алкмеонидов, но после реформ Клисфена перестала играть сколько-нибудь серьезную роль в афинской истории. Однако в целом эта уникальная по своей проблематике работа вызывает определенное разочарование: исследователю, на наш взгляд, не удалось воспользоваться всем богатством возможностей, предоставляемых изучаемой им тематикой. Забегая несколько вперед, укажем, что уже в 1970-е гг. религиозному аспекту Килонова дела была посвящена статья итальянского антиковеда А.Мастрочинкве¹⁴, где разбираются вопросы о религиозном значении убийства на алтаре, об асии и гикетии, о роли, сыгранной Дельфами в осуждении Алкмеонидов (впрочем, последний вопрос рассматривался в историографии и ранее¹⁵).

Также в послевоенные годы активизируется источниковедческая струя в изучении интересующего нас события. Неоценимый вклад в эту активизацию внес лучший в XX веке знаток греческого историописания Феликс Якоби. В частности, в своей монографии «Аттида», посвященной складыванию локальной афинской исторической

¹² *Moulinier L.* La nature et la date... Проблема затрагивается также в его работе: *Moulinier L.* Le pur et l'impur dans la pensée et la sensibilité des Grecs jusqu'à la fin du IVème siècle av.J.C. P., 1950. P.46-47.

¹³ *Williams G.W.* The Curse of the Alkmaionidai. I, II, III.

¹⁴ *Mastrocinque A.* Ricerche... II.

¹⁵ *Forrest W.G.* The First Sacred War... P.39 ff.; *Parke H.W., Wormell D.E.W.* Op.cit. V.1. P.111, 120; *Lévêque P., Vidal-Naquet P.* Op.cit. P.33 ss.

(аттидографической) традиции, он неоднократно совершает экскурсы в историю рода Алкмеонидов, в том числе касаясь мятежа Килона и его последствий¹⁶. Ключевым для концепции Якоби является представление о параллельном существовании в афинской историографии двух направлений – «проалкмеонидовского» (представителем которого он считает Геродота) и «антиалкмеонидовского» (в частности, Гелланик, автор первой «Аттиды»). Таким образом, сообщения античных авторов о «Килоновой скверне» предлагается анализировать не изолированно, а во взаимной связи и в контексте идеологической борьбы в Афинах. В подобной постановке вопроса – большая заслуга Якоби. В то же время, как нам кажется, он преувеличил «проалкмеонидовскую» направленность труда Геродота, и в этом за ним следовало большинство ученых, занимавшихся теми же вопросами (в том числе упомянутый выше Уильямс), хотя раздавались и принципиальные возражения¹⁷.

Да и в целом не критическое отношение к методу Якоби нередко приводило к определенным издержкам, побуждая исследователей выдвигать и отстаивать довольно спорные и шаткие теории. Образцом таковых является построение, предпринятое М.Лэнг в статье «Заговор Килона»¹⁸. Согласно Лэнг, «проалкмеонидовскую» версию событий излагает в рассказе о «Килоновой смуте» не Геродот, а Фукидид, которому поэтому не следует доверять. А поскольку опереться на «отца истории» в полной мере тоже нельзя (слишком уж кратко и невразумительно его свидетельство), то перед исследовательницей открывается широкий простор для разного рода чисто спекулятивных построений. Так, она считает, что Алкмеониды при убийстве мятежников не опирались ни на какую официальную санкцию (отрицая, таким образом, что Мегакл (I) был в это время архонтом), и предлагает следующую интерпретацию событий: Алкмеониды были сами причастны к заговору Килона, после его неудачи они позволили ускользнуть руководителю мятежа¹⁹, но перебили рядовых заговорщиков,

¹⁶ Jacoby F. *Atthis*... P.39 ff., 158 ff., 168, 186 ff.

¹⁷ Например: *Develin R.* Op.cit. P.125 ff.

¹⁸ *Lang M.* Op.cit.

¹⁹ Заметим, что здесь М.Лэнг, видимо, не замечая этого, встает как раз на точку зрения Фукидида (именно он сообщает о бегстве Килона), которому сама же призывает не доверять. Предпочитаемый ею Геродот говорит о том, что Килон был убит вместе с другими мятежниками.

дабы избавиться от опасных свидетелей. Гиперкритицизм в отношении традиции приводит, как мы видим, только к разгулу фантазии, не находящему абсолютно никакой опоры в источниках. Опираясь на общие положения, выдвинутые Якоби, попытался нарисовать картину идеологической борьбы в историографии вокруг «Килонова мятежа» также норвежский антиковед Й.Шрейнер²⁰. Его выводы выглядят уже более убедительно, хотя и в них немало спорного или практически недоказуемого. Подробнее на них мы остановимся ниже (§2 данной главы), анализируя античную традицию о мятеже.

В 1970-х гг. в зарубежном антиковедении происходят поиски новых подходов к рассматриваемой проблеме. Известный американский исследователь Р.Сили, автор концепции «регионализма» (о ней см. выше, во введении), в монографии по истории греческих полисов архаической и классической эпох попытался приложить эту концепцию и к эпизоду с Килоном²¹. По мнению Сили, здесь мы имеем первый известный из источников случай столкновения аттических региональных группировок: Алкмеониды, представлявшие знать центральной афинской равнины, противостояли Килону, происходившему из западной части Аттики, из района Элевсина, незадолго до того включенного в состав афинского полиса и еще не смирившегося с потерей независимости²². Никаких данных в пользу элевсинского происхождения Килона нет; Сили исходит из того факта, что мегарский тиран Феаген, земли которого граничили как раз с Элевсином, был тестем Килона и прислал ему на подмогу отряд воинов. Подобная

²⁰ *Schreiner J.H. Aristotle and Perikles: A Study in Historiography. Oslo, 1968. P.23-27.*

²¹ *Sealey R. A History... P.89-99, 105-106.*

²² Элевсин был присоединен к Афинам, судя по всему, в начале VII в. до н.э.: *Clinton K. The Eleusinian Mysteries and Panhellenism in Democratic Athens // AAAD. P.161.* Есть еще мнение, что это произошло только в конце VII в., одновременно с присоединением Саламина (*Сергеева С.Н. Элевсин и Афины (с нач. II тыс. до VII в. до н.э.) // АМ. С.102*), но оно кажется нам слабо обоснованным. Во-первых, никто из античных авторов не связывает Саламин и Элевсин в таком контексте. Во-вторых, поздно присоединенные территории (как тот же Саламин или Элевтеры на границе с Беотией) не получили статуса дема: *Badian E. From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore, 1993. P.118-119; ср. также в нашей рецензии на эту книгу (ВДИ. 1996. №3. С.200).* Элевсин же был полноправным демом.

версия, конечно же, имеет право на существование, однако ни убедительно доказать, ни однозначно опровергнуть ее, думается, нельзя.

Среди отдельных аспектов Килонова инцидента следует отметить дискутировавшийся в историографии вопрос о «пританах навкраров», (),

которые, согласно Геродоту (V.71), убедили осажденных мятежников покинуть святилище на Акрополе и предстать перед судом. Такой магистратуры не зафиксировано в Афинах больше ни одним из источников ни для какого времени. Фукидид (I.126,8) в том же контексте говорит о девяти архонтах, возлагая полноту ответственности за убийство сторонников Килона на них. Вопрос о причинах противоречия решается исследователями по-разному. Так, одни из них полагают, что в данном случае имеет место сознательная мистификация Геродота (или его источника), пытающегося снять вину с Алкмеонидов, переложив ее на мифических, никогда не существовавших «пританов навкраров»²³; другие высказывают мнение, что здесь налицо неумышленная ошибка историка, слабо знакомого с полисным устройством Афин, да и не интересовавшегося его деталями²⁴. Многие антиковеды идут по пути выявления зерна истины в геродотовском пассаже. Так, предпринимались попытки увязать «пританов навкраров» с судом в Пританее, компетенции которого будто бы подлежали мятежники²⁵; производились идентификации «пританов навкраров» с тремя архонтами (эпонимом, басилеем, полемархом)²⁶, демархами²⁷, дежурными пританами²⁸, либо же

²³ How W.W., Wells J. Op.cit. V.1. Oxf.-N.Y.,1989. P.42; Schreiner J. Op.cit. P.23 ff.

²⁴ Kelly D.H. The Athenian Archonship 508/7 – 487/6 B.C. // *Antichthon*. 1978. V.12. P.11.

²⁵ Bonner R.J., Smith G. The Administration of Justice from Homer to Aristotle. V.1. Chicago, 1930. P.129. О суде в Пританее см.: Boegehold A.L. et al. Op.cit. P.50, 148-150.

²⁶ Wiist F.R. Zu den und zu den alten attischen Trittyen // *Historia*. 1957. Bd.6. Ht.2. S.176-191.

²⁷ Jameson M. Notes on the Sacrificial Calendar from Erchia // *BCH*. 1965. V.89. №1. P.167-172.

²⁸ Lambert S.D. Herodotus, the Cylonian Conspiracy, and the // *Historia*. 1986. Bd.35.

Ht.1. S.105-112.

их признавали реально существовавшей в досолоновских Афинах коллегией высших финансовых магистратов²⁹.

Наконец, говоря о литературе последних десятилетий, посвященных мятежу Килона, необходимо коснуться новой попытки пересмотреть датировку этого события. Французский ученый Э.Леви³⁰ не идет, правда, так далеко, как Белох или Де Санктис, и помещает инцидент не во времена Писистрата, а «всего лишь» в начало VI в. до н.э., а именно в 597/6 г., в хронологический отрезок, непосредственно предшествовавший реформам Солона. Однако и эта гипотеза наталкивается, как минимум, на два непреодолимых препятствия. Во-первых, античные авторы (Arist.Ath.pol.1; Plut.Sol.12) ясно говорят, что после суда над убийцами мятежников, приговорившего их к изгнанию, пришлось выкапывать из могил трупы уже умерших к этому времени участников преступления. Таким образом, между мятежом и судом (который состоялся до архонтата Солона) должно было пройти не так уж и мало времени. В крайне сжатой хронологической схеме, предлагаемой Леви, для такого временного промежутка места не остается. Во-вторых, уже было убедительно показано, что законодательство Драконта (621 г. до н.э.) следует трактовать как одно из последствий «Килоновой смуты» и вызванной ею вспышкой кровной мести (подробнее см. ниже, гл. III, §1). Этого Леви тоже не учитывает. В общем и целом рассматриваемая датировка выглядит значительно менее убедительной, нежели традиционная. Не случайно она, насколько нам известно, не была принята больше никем из антиковедов.

Единственной в отечественной послереволюционной историографии специальной работой о мятеже Килона вплоть до совсем недавнего времени оставалась статья С.И.Радцига, вышедшая в 1964 г.³¹ Она представляет собой добротное, в традициях старого русского антиковедения написанное исследование, основанное на прекрасном знании автором греческой нарративной традиции. Радциг трактует инцидент с попыткой захвата власти Килоном как эпизод соперничества двух ведущих знатных аттических родов и стремится проследить историю этого соперничества вплоть до VI и даже V в. до н.э. О каком втором знатном роде (наряду с

²⁹ Jordan B. Herodotos 5.71.2 and the Naukraroi of Athens // CSCA. 1970. V.3. P.153-175.

³⁰ Lévy E. Op.cit. P.513 ss.

³¹ Радциг С.И. Ук.соч. С.3-14.

Алкмеонидами) может идти речь? О происхождении самого Килона источники ничего не сообщают, но исследователь считает его членом рода Ликомидов. При этом выстраивается следующая цепочка аргументов. Обвинителем Алкмеонидов на суде над ними был некий Мирон из дема Флия. Во Флии находилось святилище, контролируемое Ликомидами (Plut.Them.1). Значит, Мирон был Ликомидом, а, следовательно, к тому же роду принадлежал и Килон.

Отметим слабые места аргументации Радцига. Прежде всего, ни из чего не следует, что Мирон и Килон состояли в родстве. Действительно, в судебных процессах по делам об убийстве, согласно афинскому праву, обвинителями могли выступать лишь родственники жертвы³². Однако, как мы увидим ниже (§4 данной главы), Алкмеонидов судили не за убийство мятежников, а за совершенное ими кощунство по отношению к богам, и, следовательно, Мирон выступал на суде, скорее всего, как «эксперт» по религиозным вопросам, блюститель нарушенных обвиняемыми сакральных устоев полиса. Далее, спорным остается и отнесение Мирона на основании его демотика к роду Ликомидов. С тем же успехом мы могли бы записать в Алкмеониды всех афинян из дема Алопека (хотя бы того же Сократа) только потому, что там располагалась главная резиденция этого рода. Кстати, недавно из надписей на острака³³ стало известно, что к дему Флия принадлежал Миронид – известный афинский полководец V в. до н.э., причем комбинация имени и демотика заставляет почти без сомнения считать его потомком вышеупомянутого Мирона. Миронид же вряд ли происходил из рода Ликомидов; с большей вероятностью его следовало бы связать с Кериками. Имя отца Миронида – Каллий (Diod.XI.81,4) – чаще всего в Афинах встречается именно у Кериков, а Ликомиды с таким именем нам неизвестны. К тому же в 479 г. до н.э. Миронид вместе с Ксантиппом и Кимоном принимал участие в афинском посольстве в Спарту, а посольство это, как мы увидим ниже (гл.IV, §1), стало результатом альянса, заключенного между Алкмеонидами, Филаидами и Кериками, в то время как

³² *Mélèze Modrzejewski J.* La sanction de l'homicide en droit grec et hellénistique // Symposium 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S.3-16.

³³ *Willemsen F., Brenne S.* Op.cit. S.154.

Ликоимиды (в лице Фемистокла) от него были демонстративно отстранены³⁴.

Уже в самые последние годы в российском антиковедении появилось (практически одновременно) сразу несколько работ, полностью или отчасти посвященных первой попытке установления тирании в Афинах в различных ее аспектах³⁵. Трудно сказать, случайное ли это совпадение или же следует говорить о какой-то пока ускользающей от нас закономерности, обусловленной, возможно, спецификой текущего момента. Во всяком случае, не может не броситься в глаза резкое возрастание в 1990-е гг. интереса отечественных исследователей³⁶ к

³⁴ Интересно, что в одной надписи IV в. до н.э. (IG.P.6044) упоминается некий Мирон, сын Миронида из Элевсина; с Элевсином же были связаны как раз Керики. В недавней работе (*Berti M. Note storiche e prosopografiche agli ostraka di dal Kerameikós di Atene* // МЕР. 1999. V.2. P.77-109) на основании всех этих данных делается вывод о ранних генеалогических связях Ликоимидов и Кериков. Но, повторим, лично мы никаких Ликоимидов в упомянутых свидетельствах вообще не видим.

³⁵ *Вдовин В.Н.* Ук.соч.; *Зайцев А.И.* Заговор Килона...; *Пальцева Л.А.* Ук.соч. С.51-52; *Строгецкий В.М.* Морская программа Фемистокла и возникновение триерархии // АМ. С.76-77.

³⁶ См., например: *Фролов Э.Д.* Фукидид и тирания (у истоков научного представления о древнегреческой тирании) // ВЧОАМ. С.19-28; *Андреев Ю.В.* Тираны и герои. Историческая стилизация в политической практике старшей тирании // ВДИ. 1999. №1. С.3-7; *Залюбовина Г.Т., Щербаков В.И.* Афины в период становления гражданской общины: афинские тираны и полисная религия // РЦ. С.17-33; *Макаров И.А.* Тирания и Дельфы в рамках политической истории Греции второй половины VII-VI в. до н.э. // ВДИ. 1995. №4. С.117-131; *он же.* Формы идеологического обоснования раннегреческой тирании. Автореф. дис... канд. ист. наук. М.,1995; *он же.* Идеологические аспекты...; *Кулишова О.В.* Дельфийский оракул и тирания в архаической Греции // АП. С.12-27; *Александров М.А.* Наемники на службе у тиранов в архаическую эпоху (VIII-VI вв. до н.э.) // АП. С.28-40; *Жестоканов С.М.* Внутренняя политика Кипселидов при Перииандре // АП. С.41-52; *Лантева М.Ю.* Тирания в архаических Эрифрах // АП. С.52-57; *Высокий М.Ф.* Тирания: к вопросу о терминологии // ВЧОАМ. С.182-196; *он же.* Раннегреческая тирания на Сицилии (конец VII – сер. V в. до н.э.). Автореф. дис... канд. ист. наук. М.,1998; *Гущин В.Р.* Был ли Писистрат назначен лидером диакриев? // АВ. Вып.3. 1995. С.99-107; *Ковалев П.В.* О социальной базе тирании Телиса (515-510 гг. до н.э.) // ВЧОАМ. С.100-107; *он же.* «Восточная» политика Перииандра Коринфского: причины смены курса // Античность: события и исследователи. Казань, 1999. С.39-46; *Янковский А.И.*

проблемам раннегреческой тирании. Как бы то ни было, необходимо охарактеризовать вышеупомянутые новейшие работы о «Килоновой смуте» чуть подробнее, тем более, что этого еще никто не делал.

Статья В.Н.Вдовина производит довольно невразумительное впечатление. Автор слабо ориентируется в литературе вопроса (ему остались совершенно неизвестными специальные зарубежные работы о мятеже Килона, и он ссылается лишь на труды общего характера, в основном старые) и не проводит самостоятельного анализа источникового материала. Взамен этого он ограничивается фразами типа «В создавшейся обстановке Килон не повел за собой самую активную часть аттического населения – крестьянство», некритическим повторением спорных положений (например, о происхождении Килона из рода Ликомидов, о котором Вдовин говорит как о твердо установленном факте), а то и просто некорректными суждениями (так, «авторитетные историки древности» якобы согласно свидетельствуют, что процесс над Алкмеонидами относится ко времени борьбы Клизфена и Исагора). В целом почерпнуть что-то новое, нетривиальное из этой работы сложно.

На несравненно более высоком уровне написана статья А.И.Зайцева. Маститый Санкт-Петербургский ученый, безусловно, во всех деталях владеет и античной нарративной традицией о Килоновом деле, и материалом исследовательской литературы³⁷. Он убедительно, с привлечением новых аргументов отстаивает традиционную раннюю датировку инцидента, следует за Ф.Якоби в признании «проалкмеонидовской» тенденции у Геродота, а по вопросу о «пританах навкраров» склонен во многом солидаризоваться с точкой зрения Ламберта (см. выше, прим.28 к этой главе). Несколько разочаровывает общий вывод работы, согласно которому Килон потерпел поражение потому, что афиняне, видя, что происходит в соседних Мегарах под властью тирана Феагена, не поддержали претендента на тиранию в их собственном полисе. Однако же лет 70-80 спустя никакой негативный опыт соседей (который, нужно думать, к этому времени накопился в еще большем количестве) не помешал

Раннегреческая тирания и возникновение трагедии // АМ. С.109-116; Молчанов А.А., Суриков И.Е. Писистратиды... Естественно, данный перечень далеко не является полным.

³⁷ Впрочем, нас несколько удивило, что нигде в примечаниях к работе А.И.Зайцев не упоминает статью С.И.Радцига.

афинянам привести к власти Писистрата! Да и неизвестно ничего происходившего в Мегарах при Феагене, что могло бы как-то особенно шокировать афинский демос.

Л.А.Пальцева ставит мятеж Килона в контекст афино-мегарского соперничества из-за Саламина, считая, что это событие, ввиду участия в нем отряда, присланного Феагеном, было не столько внутренним делом Афин, сколько фактической военной интервенцией Мегар, чем, по мнению исследовательницы, и объясняется бескомпромиссная жестокость, проявленная при подавлении мятежа. В.М.Строгецкий, разбирая вопрос о морских силах архаических Афин, касается проблемы «пританов навкраров» у Геродота (правда, не вполне точно называя их «пританами навкрарий»). Он полагает, что навкрары в эту эпоху имели не только финансовые, но и административно-правовые функции (не поясняя конкретно, какие).

Наш обзор историографии Килонова инцидента, конечно, не претендует на исчерпывающую полноту. Стремясь по мере возможности избежать сухого перечня точек зрения, мы в основном останавливались на наиболее интересных и показательных работах. Подводя итог обзора, хотелось бы подчеркнуть следующее. Насколько можно судить, наиболее животрепещущим и в то же время наиболее противоречиво решаемым в литературе является вопрос об аутентичности сообщений античных авторов о «Килоновой смуте», о причине расхождений между ними, о наличии или отсутствии тенденции в том или ином из этих свидетельств и о характере такой тенденции. Не найдя должного подхода к решению этого вопроса, мы окажемся в тупике и мало что сможем понять в рассматриваемом эпизоде. На очереди, таким образом, стоит источниковедческий анализ. Пути такого анализа были во многом определены Якоби; по его стопам и по сей день идет большинство антиковедов, занимающихся делом Килона. Но зачастую в этой сфере без необходимой критики повторяются ранее высказанные предположения со ссылкой на авторитет предшественников. Не считая возможным поступать так же, мы приступаем к рассмотрению данных традиции.

§2. Мятеж Килона в античной традиции

Самый ранний рассказ о «Килоновой смуте» принадлежит Геродоту (V.71). Он очень краток, не детализирован и даже отрывочен. «Отец истории» касается этого вопроса мимоходом,

в русле повествования о конфликте между Клисфеном и Исагором в 507 г. до н.э. Предельно сжатый экскурс служит ему для объяснения обвинений в «скверне», тяготевших над Алкмеонидами.

Если данное сообщение Геродота начисто лишено типично «геродотовских» черт (упоминания об оракулах, празднествах и т.п.), то у Фукидида в рассказе на ту же тему (I.126) эти черты как раз присутствуют в достатке³⁸. Эта особенность, не характерная для обычно сухого и лапидарного стиля афинского историка, удивила даже древнего схолиаста, заметившего по этому поводу: «Здесь лев засмеялся» (Schol. Thuc.I.126,3). Несмотря на то, что Фукидид также дает лишь экскурс, выпадающий из общего потока повествования³⁹, он позволяет себе, в отличие от Геродота, быть намного подробнее.

Есть все основания полагать, что интересный рассказ об инциденте содержался в «Афинской политике» Аристотеля. К сожалению, часть трактата, в которой он находился, утрачена, и нам приходится довольствоваться краткой фразой в эпитоме Гераклида⁴⁰. Аристотель первым из известных нам авторов упоминает имя Мегакла (I), руководившего убийством мятежников.

Т а б л

	Геродот	Фукидид	Аристотель	Плутарх
Личность Килона	Олимпионик	Олимпионик, знатный и влиятельный	-	-
Связь с Мегарами	-	Зять Феагена	-	-

³⁸ Ср.: Lang M. Op.cit. P.243.

³⁹ Grundy G.B. Thucydides and the History of his Age. Oxf., 1948². V.1. P.449-450.

⁴⁰ Arist.Ath.pol.epit.4. Ранее считалось, что эпитоматором «Политий» Аристотеля был Гераклид Понтийский. Ныне от этого мнения отказались и признают принадлежность этих эпитом автору II в. до н.э. Гераклиду Лембу или какому-то другому, ближе неизвестному Гераклиду. В сущности, перед нами «эпитома эпитомы», небрежное и поверхностное извлечение, сделанное кем-то уже из Гераклида и представляющее собой ряд отдельных фраз, вырванных из контекста. В частности, вместо имени Килона у эпитоматора стоит «Киклоп».

	Геродот	Фукидид	Аристотель	Плутарх
Цель мятежа	Установление тирании	Установление тирании	Установление тирании	-
Побуждение к выступлению	-	Оракул Дельфов	-	-
Время акции	-	Олимпийские празднества	-	-
Военная сила	«Кружок сверстников»	Приверженцы; отряд, присланный Феагеном	-	-
Действия мятежников	Неудачная попытка захвата Акрополя	Захват Акрополя; затем осажден	-	-
Гикетия	У статуи	У алтаря на Акрополе	У алтаря богини	У алтаря или статуи богини
Лица, убедившие мятежников сдаться	«Пританы навкраров»	Девять архонтов	-	Архонт Мегакл
Условия сдачи	Любое наказание, кроме смерти	Не причинять мятежникам вреда	-	Предстать перед судом
Обстоятельств а убийства	-	Вне Акрополя, некоторых – у алтарей Эвменид	У алтаря богини (?)	После обрыва нити, у алтарей Эвменид и вне их
Виновники убийства	Алкмеониды	Девять архонтов	Сторонники Мегакла	Мегакл и другие архонты
Судьба Килона	Убит	Бежал с братом	Убит (?)	-

и ца 1

Павсаний	Аристодем	Схолии к Аристофану	Схолии к Аристиду	Лексикон Суды
Олимпийский победитель в	Олимпионик, знатен	-	Олимпионик	Олимпионик

Павсаний	Аристодем	Схолии к Аристофану	Схолии к Аристиду	Лексикон Суды
«двойном беге»				
Зять Феагена	-	Зять Феагена	-	Зять Феагена
Установление тирании	Установление тирании	Установление тирании	Установление тирании	Установление тирании
-	Оракул	Оракул	-	-
-	Олимпийские празднства	Олимпийские празднства	-	-
-	-	Отряд, присланный Феагеном	-	-
Захват Акрополя	Захват Акрополя	Захват Акрополя, ограбление храма Афины	Захват Акрополя; затем осажден	-
У алтаря или статуи Афины	В храме Афины	У алтарей богов	-	У алтарей Эвменид
-	«Перикл» (т.е. Мегакл) и его сторонники	-	-	-
-	Неприкоснове нность	Предстать перед судом Ареопага	-	-
-	При спуске с Акрополя	После обрыва нити, у алтарей богов	-	У алтарей Эвменид
Архонты (?)	Сторонники «Перикла» (Мегакла)	Афиняне	Афиняне	Сторонники «Перикла» (Мегакла)
-	Убит	Бежал	Бежал или убит с сыновьями (две версии)	Убит

Четвертый важный для нас автор – Плутарх, останавливающийся на «Килоновой смуте» в связи с ее последствиями и, в частности, с деятельностью Солона (Sol.12).

Рассказ Плутарха, как считают некоторые исследователи, восходящий через Гермиппа Александрийского (III в. до н.э.) к первому аттидографу Гелланику⁴¹, является самым подробным из имеющихся в нашем распоряжении, но по своей информативности, пожалуй, всё же уступает фукидидовскому. Херонейский биограф вводит известный эпизод с нитью, которую мятежники будто бы привязали к статуе Афины перед тем, как спуститься на суд с Акрополя, дабы оставаться, держась за нее, под защитой богини; когда же нить неожиданно оборвалась, это послужило для представителей власти «сигналом» к началу резни под тем предлогом, что Афина-де отказала «килоновцам» в покровительстве. Интересны также сведения, приводимые Павсанием (I.28,1; VII.25,3), среди которых бросается в глаза уникальная деталь: оказывается, еще во времена периегета на афинском Акрополе стояла бронзовая статуя Килона!

Существует и ряд других сообщений об интересующем нас инциденте (Aristodem.FGrHist.104 F2; Schol.Aristoph.Equ.445; Schol.Aristid.XIII.120,6; XLVI.130,1; Suid.s.v.

s.v.), но все они в той или иной мере восходят к указанным выше (так, схолиаст к Аристиду прямо ссылается на Фукидида). Эти позднейшие свидетельства добавляют кое-какие неизвестные из предшествующей традиции подробности, правда, неясно, насколько достоверные (так, согласно схолиасту к Аристофану, участники мятежа, оказавшись на Акрополе, ограбили святилище Афины, а судом, перед которым они согласились предстать, был Ареопаг), но в то же время содержат и немало путаницы (в частности, Аристомем и лексикон Суды приписывают убийство мятежников не Мегаклу, а... Периклу, жившему два столетия спустя).

При сопоставлении перечисленных сообщений сразу бросается в глаза ряд противоречий, существующих между ними. Мы попытались отразить взаимное соотношение имеющихся версий в таблице 1 (на предыдущем развороте), которая позволяет сравнить мнения античных авторов об основных моментах заговора и его подавления.

Наибольший интерес исследователей вызывали, что вполне понятно, свидетельства Геродота и Фукидида, имеющие значительный хронологический приоритет перед остальными.

⁴¹ Малинин А.А. Ук.соч. С.501; Schreiner J.H. Op.cit. P.23.

Весьма дискуссионным, как отмечалось выше, был и остается вопрос об их сравнительной оценке, в частности, о наличии или отсутствии субъективной «проалкмеонидовской» тенденции у «отца истории». Существует мнение, что Фукидид полемизировал с Геродотом, обелявшим Алкмеонидов⁴². Большой популярностью пользуется точка зрения, согласно которой и Геродот и Фукидид стояли на одной позиции, дружественной Алкмеонидам⁴³. Наконец, высказывалось предположение, что Геродот не допустил сознательного искажения фактов в угоду Алкмеонидам и в общем дал вполне объективную картину⁴⁴. Предполагалось даже, что его краткий рассказ точнее и достовернее, нежели более поздняя, противоречивая и, если так можно выразиться, «мифологизированная» версия Фукидида⁴⁵.

Попытаемся проследить, насколько обоснованна репутация Геродота как защитника интересов Алкмеонидов, путем анализа «алкмеонидовских» экскурсов в его труде (I.59-64; V.55-73; VI. 121-131). Сразу следует подчеркнуть, что, вне всякого сомнения, ко времени прибытия Геродота в Афины (в середине V в. до н.э.; более точная датировка вряд ли возможна) там в среде интеллектуальной элиты существовали различные тенденции интерпретации тех или иных исторических событий, в том числе и традиция, восходящая к Алкмеонидам, а также традиции, противостоящие этой последней⁴⁶. Именно традиции, во множественном числе, ибо единого антиалкмеонидовского, антиперикловского «фронта» еще не сложилось, хоть к этому и прилагал усилия Фукидид, сын Мелесия. И у аристократов, конкурировавших с Алкмеонидами (прежде всего у тех же Филаидов), и у демоса были свои претензии к этому роду, но они далеко не всегда и не во всем совпадали, хотя по большей части нет возможности проследить конкретные отличия. В

⁴² Bonner R.J., Smith G. Op.cit. V.1. P.129; Wade-Gery H.T. Op.cit. P.144-145.

⁴³ Hignett C. Op.cit. P.69; Williams G.W. The Curse of the Alkmaionidai. I. P.34; Jameson M. Op.cit. P.169; Schreiner J.H. Op.cit. P.23-27; Rhodes P.J. Op.cit. P.79-84; Stanton G.R. Athenian Politics... P.23.

⁴⁴ Wüst F.R. Op.cit.; Jordan B. Op.cit.; Lachenaud G. Mythologies, religion et philosophie de l'histoire dans Hérodote. Lille, 1978. P.153 ss.; Develin R. Op.cit. P.130.

⁴⁵ Lang M. Op.cit. P.244; Строецкий В.М. Геродот и Алкмеониды... С.149.

⁴⁶ Jacoby F. Atthis... P.158 ff.; Thompson W.E. The Archonship of Cleisthenes // CJ. 1960. V.55. No.3. P.217-220; Stroud R.S. Op.cit. P.70.

несколько упрощенном виде борьбу традиций можно опять-таки сопоставить в форме таблицы.

Т а б л и ц а 2

«Проалкмеонидовская» традиция	«Антиалкмеонидовские» традиции
За смерть участников мятежа Килона ответственны «пританы навкраров»	Мятежников убили Алкмеониды
Алкмеониды сыграли главную роль в изгнании тирана Гиппия	Тираноубийцы — Гармодий и Аристоклитон
Алкмеониды всегда были врагами тиранов	При Марафоне Алкмеониды совершили предательство в пользу персов и бывшего тирана Гиппия
Ксантипп (I) — вождь демоса	Мегакл (IV) — друг тиранов
Перикл ликвидировал всевластие Ареопага	Перикл подстроил убийство Эфиальта, ликвидировавшего всевластие Ареопага

Не вызывает сомнений и другое: в пору своего пребывания в Афинах Геродот был близок к кружку Перикла и значительную часть информации для своих афинских логосов получал именно в этой среде. Таким образом, он просто не мог не знать «алкмеонидовской» версии событий⁴⁷. В то же время в его распоряжении были и другие аристократические традиции, в том числе исходящая от рода Филаидов⁴⁸. Не будет ли целесообразным абстрагироваться от крайностей как тех исследователей, которые вслед за Якоби видят в Геродоте чисто «проалкмеонидовского» автора⁴⁹, так и совершенно отрицающих эту тенденцию в его труде⁵⁰ и попытаться найти некую золотую середину? Во многом верный выход, на наш взгляд, предложил

⁴⁷ *Adcock F.E.* Op.cit. P.662; *Roussel D.* Op.cit. P.62.

⁴⁸ *Hignett C.* Op.cit. P.2; *Barth H.* Op.cit.; *Murray O.* Early Greece. L.,1993². P.26.

⁴⁹ *Harvey F.D.* The Political Sympathies of Herodotus // *Historia*. 1966. Bd.15. Ht.2. S.254-255; *Krawczuk A.* Herodot i Alkmeonidzi // *PH*. 1968. T.59. №3. S.406-415; *Waters K.H.* Herodotos on Tyrants and Despots: A Study in Objectivity. Wiesbaden, 1971. P.15; *Podlecki A.J.* The Life of Themistocles: A Critical Survey of the Literary and Archaeological Evidence. Montreal, 1975. P.71; *Lavelle B.M.* Herodotos and the Tyrant-Slayers // *RhM*. 1988. Bd.131. Ht.3/4. S.211-215.

⁵⁰ *Strasburger H.* Herodot und das perikleische Athen // *Historia*. 1955. Bd.4. Ht.1. S.1-25; *Schwartz J.* Op.cit.; *Develin R.* Op.cit.

в отечественной историографии В.М.Строгеецкий⁵¹. По его мнению, даже если порой Геродот оказывается под влиянием алкмеонидовской традиции, это еще не дает повода считать его сознательно «проалкмеонидовским» или «проперикловским» писателем.

Действительно, рассмотрим геродотовские пассажи, считающиеся «обеляющими», выгораживающими Алкмеонидов. Отметим, прежде всего, что связного рассказа об этом роде у Геродота нет. Сообщения о нем – лишь достаточно краткие экскурсы, вводимые историком в связи с теми или иными описываемыми им событиями и для пояснения этих событий. Если бы «отец истории» сознательно задался целью написать труд, прославляющий Алкмеонидов, он мог бы сделать это в более явной форме. Во всяком случае, вряд ли он стал бы заострять внимание на эпизодах, отнюдь не красивших интересующий нас род. К таким эпизодам, безусловно, можно отнести анекдот об обогащении Алкмеона (I) в сокровищнице Креза (VI.125), сведения о близких отношениях Мегакла (II) с Писистратом (I.60-61), рассказ о подкупе Клисфеном Дельфийского оракула (V.63) и др. Не случайно пять веков спустя Плутарх в трактате «О злокозненности Геродота» (Mor.858c; 860cd; 862c – 863b) высказывал решительное убеждение, что Геродот намеренно *очерняет* Алкмеонидов.

Как уже отмечалось выше (гл.I, §2), Геродот ничего не говорит о пилосских корнях Алкмеонидов, на которые прямо указывает Павсаний. Однако вряд ли следует увязывать это умолчание к «проалкмеонидовской» тенденцией галикарнасского историка. Существует множество причин, по которым он мог не коснуться этого вопроса. Возможно, происхождение Алкмеонидов казалось ему не стоящим упоминания ввиду своей общеизвестности, или же просто не подвернулось подходящего случая, чтобы специально рассказать о нем. Наконец, не исключено, что афинские информаторы Геродота из числа Алкмеонидов не сочли нужным посвятить его в детали своей родословной. В любом случае, уже указывалось, что для «отца истории» характерен незначительный по сравнению, скажем, с логографами интерес к легендарным генеалогиям⁵². Хронологические неувязки, встречающиеся в его

⁵¹ Строгеецкий В.М. Геродот и Алкмеониды... С.155. Ср.: Суриков И.Е. Перикл и Алкмеониды... С.26.

⁵² Ср.: Jacoby F. Abhandlungen zur griechischen Geschichtsschreibung. Leiden, 1956. S.116; Connor W.R. The New Politicians... P.14.

труде в связи с историей Алкмеонидов начала VI в. до н.э. (поездка Алкмеона к Крезу), объясняются также не тенденциозностью, а совсем иными факторами, о которых отчасти говорилось выше (гл. I, §3)⁵³.

Серьезную проблему, вне сомнения, представляет тема «Алкмеониды – враги тиранов» в «Истории» Геродота. После публикации в 1939 г. Меритом фрагмента списка архонтов, включавшего имя Клисфена как архонта-эпонима 525/4 г. до н.э., выявившей неточность сообщения историка (VI.123) о том, что Алкмеониды «все время правления тиранов находились в изгнании»

(
(
, казалось бы, укрепились позиции антиковедов, утверждавших, что в эпизодах, связанных с Писистратидами и Алкмеонидами, Геродот проявляет нескрываемую склонность к последним⁵⁴. Однако были и аргументированные выступления с иной точки зрения. Так, справедливо указывалось на то, что у того же Геродота (V.62) есть упоминание, что Алкмеониды были изгнаны Писистратидами, то есть сыновьями Писистрата⁵⁵; на то, что Геродот мог отразить не специально алкмеонидовскую, а просто афинскую традицию, всегда склонную несколько идеализировать Клисфена⁵⁶; на то, что часть Алкмеонидов могла быть в изгнании, а часть – оставаться в Афинах⁵⁷. В конце концов, историк опять же мог и попросту не знать о двух изгнаниях «проклятого» рода – при Писистрате и при Гиппии. Стоит ли вершить, используя выражение Ф.Г.Мищенко, «не в меру строгий суд над Геродотом», подходя к нему прямо-таки с позиций «презумпции виновности», требуя от него абсолютно точной и исчерпывающей информации обо всем и вся? Не следует забывать, что основной темой его сочинения отнюдь не является ни история Алкмеонидов, ни даже история Афин.

Труднее всего приходится «адвокату» Геродота в том месте (VI.121 sqq.), где историк действительно, не скрывая этого,

⁵³ Подробнее см.: Суриков И.Е. Гостеприимство Креза...

⁵⁴ Fornara Ch.W. *Hellanicus and the Alcmaeonid Tradition* // *Historia*. 1968. Bd.17. Ht.3. S.381-383; Krawczuk A. *Op.cit.*; Ehrenberg V. *From Solon to Socrates*... P.83-85; Lavelle B.M. *Herodotos*...

⁵⁵ Лурье С.Я. Клисфен и Писистратиды...; Kinzl K.H. *Note on the Exiles of the Alcmaeonidae* // *RhM*. 1976. Bd.119. Ht.4. S.311-314.

⁵⁶ Develin R. *Op.cit.* P.130.

⁵⁷ Строгоцкий В.М. Клисфен и Алкмеониды...

пытается оправдать Алкмеонидов от обвинений в персидской измене при Марафоне⁵⁸. Необходимо заметить, однако, что в этой апологии «отец истории» руководствуется исключительно собственной аргументацией (). К тому же, в конечном счете, как мы видели выше (гл. I, §3), сами отводимые Геродотом обвинения вряд ли имели под собой серьезные основания, и, следовательно, в данном случае он, скорее всего, был прав, что если и не снимает вопроса о тенденции, то переводит его в существенно иное русло.

Итак, по нашему мнению, Геродот, насколько это от него зависело, стремился быть максимально объективным. Это, конечно, не исключает возможности встретить у него какие-то тенденциозные трактовки событий, но в подавляющем большинстве случаев виной тому не автор, а его информаторы. Во всяком случае, Геродота можно считать тенденциозным писателем не в большей степени, чем, скажем, Фукидида, обычно пользующегося репутацией беспристрастнейшего ученого⁵⁹.

При всем вышесказанном существование в Афинах различных, порой направленных друг против друга традиций и версий трактовки отдельных событий – неоспоримый факт. Для взаимного соотнесения наших источников и выявления их сравнительной ценности необходимо определить место каждого из них в этой борьбе традиций. Интересную попытку подобной реконструкции предпринял Й. Шрейнер⁶⁰. Его построение имеет следующий вид.

Обвинение, предъявлявшееся Периклу и Алкмеонидам в дни Геродота, звучало так: они осквернены, поскольку в архонтат Мегакла (I) Килон и его сторонники были убиты магистратами у статуи Афины на Акрополе. Традиция, оправдывавшая Алкмеонидов, насколько она проявилась у Геродота, вносит в эту картину коррективы: ответственность за жизнь мятежников взяли на себя «пританы навкраров», а не Мегакл, кроме того,

⁵⁸ Bengtson H. Einzelpersönlichkeit... S.51 f.; Gillis D. Marathon and the Alcmaeonids...

⁵⁹ Кстати, на наличие тенденции в труде Фукидида уже давно указывалось в западном антиковедении (Зельин К.К. Из иностранной литературы о Фукидиде // ВДИ. 1950. №4. С.114-122). Совсем недавно этот вопрос был детально – и не в пользу Фукидида – разобран в книге: Badian E. From Plataea to Potidaea... Passim.

⁶⁰ Schreiner J.H. Op.cit. P.23-27.

«килоновцы» покинули убежище, а значит – богиня не была осквернена.

Гелланик, выступавший с антиалкмеонидовских позиций, опровергает в «Аттиде» сведения о «пританах навкраров» и пытается доказать, что Килон был убит на священной земле Афины (указывая в качестве довода на его статую, поставленную на Акрополе, очевидно, в знак искупления), а другие мятежники – тоже в святом месте, у алтарей Эвменид (где позже существовало святилище Килоний). Фукидид в свою очередь спорит с Геллаником (а не с Геродотом, как часто считают). Согласно автору «Истории Пелопоннесской войны», сам Килон вообще бежал, в святилище Афины никто убит не был (лишь некоторые мятежники умерли там от голода, то есть по собственной вине), а большинство «килоновцев» погибло на профанной территории.

Следующим вступает в дискуссию аттидограф Клидем, отрицая факт спасения Килона. В «Аттиде» Андротиона, позитивно относившегося к Алкмеонидам, возникает эпизод с нитью (впоследствии встречающийся у Плутарха и других поздних авторов), призванный косвенно оправдать Мегакла и хотя бы частично снять с его рода «скверну». Следующий аттидограф – Фанодем – вновь обвиняет Алкмеонидов. В такой-то обстановке появляется «Афинская полития» Аристотеля, автор которой в рассказе о событиях комбинирует проалкмеонидовскую и антиалкмеонидовскую версии при преобладании последней⁶¹.

Стоит ли говорить, что всё это построение насквозь гипотетично? Особенно спорной представляется реконструкция воззрений аттидографов на мятеж Килона: дело в том, что их сообщения об этом событии, к великому сожалению, совершенно не сохранились (хотя в том, что они были, сомневаться не приходится)⁶². При определении позиций этих историков Шрейнер исходит из общих соображений, рассуждая

⁶¹ Об источниках «Афинской политии» для описания Килонова дела см.: *Rhodes P.J.* Op.cit. P.28; *Stanton G.R.* Athenian Politics... P.23; *Chambers M.* Aristotle and his use of Sources // AA. P.39-52.

⁶² Об аттидографах, кроме уже упоминавшейся книги Якоби «Аттида», см. также: *Pearson L.* The Local Historians of Attica. Repr.ed. Ann Arbor, 1981. Датировки важнейших «Аттид»: Гелланика – вскоре после 406 г., Климедя – 350-е гг., Андротиона – конец 340-х гг., Фанодема – 330-е гг. (последняя датировка наиболее дискуссионна; так, Пирсон, в отличие от Якоби, помещает Фанодема перед Андротионом).

примерно следующим образом: Андротион занимал умеренную политическую позицию, был сторонником клисфеновской демократии, а, значит, должен был симпатизировать Алкмеонидам; Клидем являлся радикальным демократом и, соответственно, врагом Алкмеонидов, и т.п. Справедливости ради нужно сказать, что по аналогичному пути шел еще Якоби. А ведь постулирование политических взглядов того или иного аттидографа само по себе еще нуждается в развернутой аргументации: скудные и разрозненные фрагменты, дошедшие от авторов сочинений по истории Аттики, допускают различную интерпретацию, а не менее скудные сведения об их личностях мало чем помогают.

Впрочем, при всей спорности конструкции, предложенной Шрейнером, она тоже может оказаться полезной как иллюстрация, бесспорно, имевшей место жесткой борьбы в афинском общественном мнении, выливавшейся в публицистику и историографию. К сожалению, до нас не дошло ни одного источника, отражающего чисто антиалкмеонидовскую, «килоновскую» точку зрения. Но очевидная полемичность сохранившихся свидетельств показывает, что и такая точка зрения наличествовала. В развернувшейся полемике (не только вокруг «Килоновой смуты», но и вокруг многих эпизодов истории Алкмеонидов) использовались, безусловно, чисто пропагандистские, риторические ходы, характерные прежде всего для выступлений ораторов. Так, трактовки Лисия, Андокида, Исократы, Демосфена, относящиеся к Алкмеонидам, отличаются зачастую нарочитой субъективностью и откровенной тенденциозностью, вплоть до искажения фактов⁶³. Но были, конечно, более серьезные и объективные авторы (прежде всего историки), подходившие к делу более ответственно, прибегая к использованию не только произведений своих предшественников, но и документальных свидетельств, и личных наблюдений, и других категорий источников⁶⁴. К последним, вне всякого сомнения, следует причислить и Геродота, и Фукидида, и Аристотеля.

Однако вопрос о про- или антиалкмеонидовской традициях не связан непосредственно с вопросом о достоверности того или

⁶³ XIV речь Лисия, I и IV речи Андокида, XVI речь Исократы, XXI речь Демосфена.

⁶⁴ Rhodes P.J. "Alles eitel Gold"? The Sixth and Fifth Centuries in Fourth-Century Athens // AA. P.53-64.

иного сообщения. В обеих традициях, естественно, присутствовали как элементы исторической правды, так и тенденциозные, необъективные моменты. Острая полемика в историографии V-IV вв. до н.э. по основным проблемам, связанным с историей Алкмеонидов, в частности, по мятежу Килона, говорит о значительном интересе, который вызывали эти вопросы в рассматриваемую эпоху. Родовое проклятие Алкмеонидов («Килонова скверна») отнюдь не была чем-то полузабытым, оно продолжало играть свою роль в общественной жизни, оставаться фактором афинской политической борьбы.

§3. Как же все-таки развивались события?

Мы вполне сознаем, что, пытаясь представить собственную реконструкцию хода Килонова мятежа, вступаем в область гипотез, и потому ни в коей мере не настаиваем на безусловной истинности тех соображений, которые будут изложены ниже. Надеемся только, что нам может существенно помочь сопоставление показаний античных авторов об основных моментах инцидента, произведенное в таблице 1 (см. выше, в §2 этой главы). На эту таблицу мы и будем опираться.

Прежде всего, что касается статуса Килона в полисе, все источники, хоть что-то сообщающие о личности этого афинского аристократа, указывают на его олимпийскую победу. Сомневаться в том, что Килон был олимпиоником, нет никаких оснований, а этот факт уже сам по себе должен был создавать ему особое положение в Афинах и непомерно увеличивать его амбиции. Твердо установленными представляются нам и мегарские связи Килона, его свойство с Феагеном. Правда, Геродот – самый ранний автор из числа писавших о мятеже – никак о подобного рода связях не упоминает, но, видимо, это попросту не входило в его задачу. К тому же сведения Геродота о большинстве пелопоннесских тираний – за исключением разве что коринфских Кипселидов – вообще крайне скудны и противоречивы; судя по всему, эта тема была не самой близкой для «отца истории». Например, совершенно невозможной является его датировка аргосского тирана Фидона, не раз озадачивавшая современных исследователей⁶⁵.

⁶⁵ Г.Берве датирует Фидона серединой VIII в. (*Берве Г.* Ук.соч. С.13), Л.Джеффри – второй четвертью VII в. (*Jeffery L.H.* *Archaic Greece...* P.134), но в любом случае получается полная неувязка с упоминанием Геродотом

Все античные авторы сходятся и в определении цели, которую ставил перед собой Килон, готовя мятеж. Этой целью был захват тиранической власти. Совершенно ясно, что Килон решил последовать примеру собственного тестя Феагена и двух чуть более отдаленных соседей – Орфагора Сикионского и Кипсела Коринфского, незадолго перед тем успешно осуществивших государственные перевороты в своих полисах. Попытка Килона была четвертой из известных нам и первой за пределами Истмийского перешейка и прилегающих к нему территорий⁶⁶. Однако новый претендент на тиранию, вероятно, не учел двух обстоятельств. Во-первых, Кипсел, Орфагор и Феаген (как впоследствии и Писистрат в Афинах) пришли к власти, предварительно отличившись в глазах демоса военными или иными мероприятиями. На счету же Килона, кроме олимпийской победы, еще ничего не было. Он явным образом поторопился, переоценив свой авторитет. Во-вторых, общие условия в Аттике третьей четверти VII в. до н.э. были существенно иными, нежели в истмийских полисах в то же время, и, пожалуй, даже несколько ближе к беотийским. Почва для установления тиранического режима в Афинах созреет лишь почти век спустя, во времена Писистрата. Килон об этом, естественно, знать не мог, но эта непредусмотрительность обернулась для него поражением.

Один лишь Фукидид сообщает о дельфийском оракуле, данном Килону и фактически толкавшем его на свершение задуманного (Аристодем и схолиаст к Аристофану также упоминают об оракуле, но не говорят о его происхождении). Однако же и здесь афинский историк, на наш взгляд, не ошибается. Правда, позже, в VI в. до н.э., в политической линии Дельфов ощущается, некоторая антитираническая направленность, но в VII в., в период контроля «крисейской» группировки над оракулом, дела обстояли иначе (подробнее см. ниже, гл. III, §3). Прав Фукидид, насколько можно судить, и в приурочении мятежа к Олимпийским играм. Высказывалось мнение, что праздником, во время которого произошли рассматриваемые события, могли быть также аттические Диасии⁶⁷, но оно значительно менее убедительно. Ряд весомых

(VI.127) сына Фидона, якобы участвовавшего в сватовстве к Агаристе (I) в 571 г.

⁶⁶ Ср.: *Drews R. Op.cit. P.135.*

⁶⁷ *Day J., Chambers M. Aristotle's History of Athenian Democracy. Berkeley, 1962. P.162-163; Jameson M. Op.cit. P.167-172.*

аргументов привел по этому поводу А.И.Зайцев⁶⁸, мы же лишь добавим, что *олимпионик* Килон, резонно связывавший главный успех своей жизни с играми в честь Зевса Олимпийского и наверняка считавший этого бога своим покровителем⁶⁹, с наибольшей долей вероятности должен был выбрать для своей акции (а ведь для установления тирании тоже необходима помощь богов; вспомним хотя бы торжественный въезд Писистрата на Акрополь с рослой девицей, изображавшей Афину!) именно то празднество, с которым у него были связаны самые яркие воспоминания. Стоило мятежу оказаться удачным – и Килон был бы обречен на долгое и успешное правление в качестве сугубого любимца Зевса, а само совпадение дат истолковали бы как счастливое предзнаменование, да еще и подкрепленное авторитетом дельфийского бога.

На какие силы опирался Килон в своей попытке захвата власти? Следует признать, что на этот вопрос невозможно дать удовлетворительного ответа. Геродот бегло и даже как бы в несколько презрительном тоне говорит о «кружке сверстников» (

Разумеется, слово «гетерия» употреблено здесь не в своем «техническом» значении, получившем распространение во второй половине V в. до н.э. (политический клуб, как правило, антидемократической направленности). Если не считать, что «отец истории» применил к событиям прошлого терминологию, свойственную его времени, остается предположить, что слово употреблено в широком смысле⁷⁰. Ведь гетериями (в буквальном смысле – «товариществами») могли называться в греческом мире самые различные типы объединений: внутривоиспольные подразделения гражданства, аналогичные афинским фратриям, как на Крите, культовые союзы, как на Делосе, философские сообщества, как у пифагорейцев, и т.п. Из кого состояла «гетерия» Килона, включала ли она таких же, как и он сам, молодых аристократов или также и «клиентов» – по этому вопросу источники молчат. Во всяком случае, судя по тому, что Килон так и не сумел ничего толком предпринять, его кружок вряд ли был многочисленным. В 560 г. до н.э. Писистрат с помощью трехсот (Herod.I.59; Polyaeon.I.21,3) или, по другим

⁶⁸ Зайцев А.И. Заговор Килона... С.66-67.

⁶⁹ Ср. Андреев Ю.В. Цена свободы... С.192: «Победа на Олимпийских играх или в каком-нибудь другом агоне всегда расценивалась как знак особого благоволения божества к победителю».

⁷⁰ Ср.: Суриков И.Е. Демократия и гетерии... С.91.

сведениям, даже пятидесяти (Plut.Sol.30) телохранителей, вооруженных всего лишь дубинами (), беспрепятственно захватил Акрополь и стал тираном. И уж совсем несерьезной представляется версия о подкреплении, якобы присланном Килону Феагеном. Довольно сложно представить себе мегарский отряд, незамеченным шествующий через добрую часть Аттики – от границы страны до центра Афин. Эта версия, выдвинутая Фукидидом (и повторенная позже схолиастом к Аристофану), очевидно, родилась в канун Пелопоннесской войны, в самый разгар антимегарского ажиотажа⁷¹. Феаген, конечно, не мог не помочь своему зятю, но вряд ли эта помощь выразилась в прямом военном вмешательстве.

Из конкретных действий, предпринятых Килоном для осуществления своего плана, источники единодушно называют захват Акрополя. Только схолиаст к Аристофану сообщает в связи с этим об ограблении мятежниками святилища Афины. Чисто теоретически подобное ограбление не является невозможным: каменных храмов в VII в. до н.э. на Акрополе еще не было, но какое-то святилище богини – покровительницы города (скорее всего, деревянное), конечно, должно было существовать. Однако не представляется возможным подыскать подходящий контекст для упомянутой схолиастом акции. В самый момент попытки переворота Килону вряд ли пришлось бы на ум грабить храм: это сразу же обеспечило бы ему репутацию разбойника и святотатца и сделало бы весьма проблематичным удержание им власти. Позже же, когда мятежники находились в святилище на положении молящих-гикетов и возлагали на богиню все свои упования, заниматься грабежом для них было бы и вовсе неуместно, да к тому же бессмысленно: речь шла уже о том, чтобы им хотя бы остаться в живых. Версия о кощунстве, на наш взгляд, была надуманной. Впрочем, возникнуть она могла очень рано, уже в тот момент, когда магистраты созывали оговсюду афинян для борьбы с Килоном, естественно, изображая при этом его действия в максимально черных красках. Не исключено также, что мотив ограбления храма сложился уже позже, в кругу Алкмеонидов, как один из возможных ответов на обвинения в «оскверненности».

⁷¹ Об отношении к мегарянам в Афины в эти годы см.: *Суриков И.Е.* Попытка торговых санкций в классической Греции: мегарская псефисма Перикла и ее последствия // *Торговля и торговец в античном мире.* М., 1997. С.29-41.

Итак, Акрополь захвачен. И что же дальше? А дальше, насколько можно судить, планы мятежников не простирались. Очевидно, Килону представлялось, что на этом акцию можно считать законченной, удавшейся. Взяв под свой контроль сакральное «сердце» полиса, к тому же единственный в то время укрепленный пункт (вплоть до эпохи Фемистокла оборонительные сооружения Афин исчерпывались «деревянной стеной» Акрополя), он рассчитывал на пассивную покорность сограждан, да при этом наверняка еще и положился на вещание оракула, предрекавшее ему победу. Однако инициатор мятежа жестоко просчитался. По сообщению Фукидида (I.126,7), афиняне, узнав о случившемся, в полном составе () сбежали с полей и осадили «килоновцев». Собственно, «поля» (т.е. сельская местность, в которой в VII в. проживало еще, безусловно, подавляющее большинство афинских граждан⁷²) начинались едва ли не у подножия Акрополя. К восточному склону центрального холма жалась маленькая «Старая Агора»⁷³ с административными постройками – Пританеем, Буколием, Эпиликием и др.; в этом же районе, простираясь на юг и на восток, лежали немногочисленные еще жилые кварталы. А на северо-западе от Акрополя, на месте будущей всем известной классической Агоры, начавшей формироваться лишь в VI в. (не ранее Солона), находились крестьянские наделы, отдельно стоящие сельские дома, кладбища⁷⁴.

Почему афинское гражданство выказало такое решительное неприятие килоновского переворота? Нам представляются не очень перспективными попытки некоторых исследователей⁷⁵ свести все к клиентельной зависимости крестьян от аристократов. Рядовые афиняне, согласно этой точке зрения, побежали осаждать Акрополь потому, что знатные вожди приказали им сделать это. Однако, повторим, в 560 г. ничего подобного не произошло, Писистрата на Акрополе никто осаждать не пытался, хотя связи клиентелы были в то время еще

⁷² Вплоть до Пелопоннесской войны бо́льшая часть афинян проживала в сельской местности (Thuc.II.16).

⁷³ Robertson N. The City Center of Archaic Athens // *Hesperia*. 1998. V.67. No.3. P.283-302.

⁷⁴

Shear

T.L.

:

The Agora and the Democracy // AAAD. P.226.

⁷⁵ Ehrenberg V. From Solon to Socrates... P.54-55; Ober J. Op.cit. P.60.

не менее сильными. На наш взгляд, ответ на поставленный вопрос следует искать в другом. Полис, еще не познавший на себе все «прелести» стасиса, еще не «чреватый тираном», как выражались лирические поэты (ср. Theogn.40 sq.), не нуждающийся еще в этом горьком лекарстве от междоусобной борьбы (а именно таким полисом, как мы отмечали выше, были Афины в рассматриваемую эпоху), естественно отторгал подобного рода конституционные новшества, будучи, как и любое традиционное общество, консервативно привержен «отеческим» порядкам. Для того, чтобы афиняне смогли наконец принять тиранию, потребовалось многое – и десятилетия кровной мести между аристократами после Килонова мятежа, и смута, повлекшая законодательство Солона, и несколько раз повторявшаяся в начале VI в. «анархия», то есть невозможность избрать высших магистратов (Arist.Ath.pol.13,1), и еще одна попытка захвата власти со стороны некоего Дамасия (Arist.Ath.pol.13,2)... Только после этого в Афинах начались эксперименты с государственным устройством (избрание десяти архонтов из евпатридов, агройков и демиургов и т.д.), приведшие в конечном счете к установлению единовластия Писистрата. А в 636 г. до н.э. весь этот опыт еще не был пройден.

Неизвестно, сколько времени продолжалась осада мятежников. Судя по тому, что некоторые из них начали уже умирать от голода (Thuc.I.126,10-11), речь должна идти о достаточно длительном временном промежутке, не о днях, а как минимум о неделях. Ведь, помимо прочего, на Акрополе должен был наличествовать какой-то (и, наверное, не очень малый) неприкосновенный запас пищи и воды на случай нападения врага (ср. Herod.V.65). Во всяком случае, осада привела к тому, что «килоновцы», истощенные и утратившие надежду на спасение, сели в качестве молящих () в храме или у алтаря Афины. Где именно совершалась эта гикетия – не вполне ясно. Источники говорят то об алтаре (), то о храме (), то о статуе (), то употребляют многозначное слово , то просто называют мятежников «гикетами богини». Такие разногласия совершенно неудивительны: от момента описываемого эпизода до появления самого раннего сообщавшего о нем труда – «Истории» Геродота – прошло более двух веков, в течение которых Акрополь неоднократно и кардинально перестраивался; в его старинной, давно уже не существовавшей топографии вряд ли кто-то хорошо разбирался (только в наши дни она стала

относительно ясной в диахронном разрезе благодаря исследованиям археологов). Как бы то ни было, несомненно, что осажденные прибегли как к последнему средству к защите почитаемого сакрального объекта (о том, что представлял собой институт гикетии, см. ниже, §4 данной главы). Согласно лексикону Суды, моление Килона происходило у алтарей Эвменид (), но здесь вкралась обычная неточность. Как мы вскоре увидим, эти алтари связаны с другим, более поздним моментом рассматриваемого события.

Мы переходим к наиболее сложным и спорным проблемам. К таковым относится прежде всего вопрос о лицах, ведших переговоры с мятежниками и убедивших их сдаться, иными словами, вопрос о пресловутых «пританах навкраров». Ввиду большого количества самых разнообразных гипотез, выдвигавшихся, как мы видели выше, по этому поводу, во избежание новых неверифицируемых предположений или даже фантазий необходимо соблюдать здесь максимальную осторожность. Фукидид сообщает, что осадой мятежников руководили девять архонтов, получившие для этого чрезвычайные полномочия (очевидно, что-то вроде римского *videant consules*), и не доверять его сообщению, на наш взгляд, нет оснований. Действительно, подобного рода ситуации должны были лежать в пределах именно их компетенции. Предположение А.И.Зайцева⁷⁶, что архонтов в этот момент в Афинах не было, поскольку они (все или большинство) отправились на Олимпийские игры, причем «по своей инициативе», уже а priori кажется нам крайне маловероятным. Вряд ли афиняне допустили бы полное или почти полное отсутствие высших магистратов в течение достаточно длительного срока: путешествие в Олимпию и обратно в совокупности с присутствием на играх заняло бы никак не меньше месяца. Не будем забывать и о том, что как раз на этот месяц (не вполне ясно, незадолго до Олимпийских игр или вскоре после них) приходился главный аттический праздник – Панафинеи, на которых присутствие архонтов было обязательно. Да и в принципе бо́льшая часть коллегии архонтов должна была постоянно находиться в Афинах, дабы обеспечивать непрерывное функционирование властных структур. О такой непрерывности афиняне всегда очень заботились и позже, уже в классическую эпоху, ввели с этой

⁷⁶ Зайцев А.И. Заговор Килона... С.66.

целью институт дежурных пританий Совета, находившихся на «рабочем месте» даже ночью.

Усматривать в отношении этого эпизода какое-то очень серьезное противоречие между Геродотом и Фукидидом тоже, как нам кажется, не следует. С одной стороны, Фукидид, строго говоря, не сообщает о том, что переговоры с мятежниками вели архонты. Он упоминает в данной связи «тех из афинян, кому была поручена охрана» (I.126,11). Ясно, что архонты были не единственными афинскими гражданами, осаждавшими Акрополь. С ними должны были находиться и другие должностные лица, и, безусловно, какие-то вооруженные люди. С другой стороны, Геродот не говорит, что «пританы навкраров» осуществляли руководство подавлением мятежа. Они только (мятежников)...

, т.е. уговорили их покинуть святилище, поручившись за их жизнь⁷⁷. Таким образом, пританы навкраров вели (очевидно, по поручению архонтов) непосредственные переговоры с осажденными «килоновцами». Вероятнее всего, под этими пританами следует понимать одну из коллегий магистратов в Афинах VII в. до н.э. О функциях этих магистратов (финансовых, сакральных или каких-либо других) можно только гадать. В любом случае, в названии коллегии нет ничего чуждого афинской властной терминологии, и считать ее вымыслом Геродота нет достаточных оснований.

Чисто в порядке гипотезы позволим себе высказать следующее соображение. На наш взгляд, в формуле второй элемент стоит в *genetivus partitivus*, и она должна быть переводима «пританы из числа навкраров». Кто такие навкрары, хорошо известно из источников. Это были главы 48 навкрарий – округов, на которые делилась Аттика в доклизфеновское время (Arist.Ath.pol.8,3). Вместе взятые, навкрары, видимо, составляли коллегию, подчиненную архонтам. Слово же «притан» обозначало, в сущности, «дежурный председатель», «член какой-либо коллегии или органа, облеченный полномочиями в данный конкретный момент» и могло применяться к различным

77

Слова

стоящие в этом месте в тексте Геродота, на наш взгляд, не дают удовлетворительного смысла и никак не связаны с контекстом. Может быть, это вообще позднейшая интерполяция-гlossa.

магистратам, в том числе даже стратегам. Так, у Геродота (VI.110) однодневный срок командования каждого из афинских стратегов при Марафоне назван пританией. Таким образом, мы считаем, что 48 навкраров по какому-то принципу делились на части (4 части по 12 навкраров, по числу доклисфеновских фил, или 12 частей по 4 навкрара, по числу триттий), и на долю каждой из этой частей выпадало дежурство на определенном отрезке года. Таких дежурных навкраров (их, конечно, не следует понимать как старших над остальными навкрарами, поскольку они не были постоянными, а ротировались) и имеет в виду анализируемый текст Геродота.

В результате переговоров удалось прийти к соглашению, по которому мятежники обязывались предстать перед судом на том условии, что они не будут приговорены к смертной казни, то есть им сохранят жизнь. Именно в этом смысле следует понимать геродотовское

Не стоит считать, опираясь на Фукидида и Аристодема, что власти обещали беспрепятственно выпустить мятежников за пределы Афин. Такого рода безнаказанность неизбежно создала бы возможность новых попыток захвата власти, в том числе и со стороны того же Килона. К тому же в качестве параллели можно привести содержащийся у Геродота (V.72) рассказ о том, как обошлись афиняне в 507 г. до н.э. с Клеоменом I и Исагором, подобным же образом захватившим Акрополь и осажденным. Спартанскому царю с другими лакедемонянами (и только им!) позволили покинуть Атику, а афинские граждане, участвовавшие в этой попытке государственного переворота, были казнены. Килон и его сподвижники были афинскими гражданами (участие в акции мегарского отряда, как мы видели выше, вряд ли имело место), и нет никакого резона предполагать в обращении с ними особенную гуманность.

Какой суд должен был судить мятежников? При попытке ответа на этот вопрос обычно (и вполне оправданно) указывают на закон Солона об амнистии, цитируемый Плутархом (Sol.19). Согласно этому закону, амнистии не подлежали лица, «осужденные в Ареопаге, или в суде эфетов, или в Пританее царями (т.е. архонтом-басилеем и филобасилеями) за убийство, или кровопролития, или попытку установления тирании». Если соотнести каждое из трех поименованных преступлений с тремя типами суда в той последовательности, которую дает Плутарх (убийство — Ареопаг; кровопролития — эфеты; попытка установления тирании — Пританей), то органом, которым

должен был судить (и, очевидно, судил оставшихся в живых) участников мятежа Килона, окажется суд в Пританее⁷⁸. Однако это очень мало согласуется с тем, что мы знаем об этом судилище для классической эпохи: в нем судили неодоушевленные предметы (Demosth.XXIII.76). Глубокий архаизм этого обычая свидетельствует о том, что суд в Пританее с древнейших времен выполнял именно эту функцию.

Нам кажется, что данный закон Солона с равным успехом может иметь хиастическую грамматическую конструкцию (убийство и кровопролития – эфеты и Пританей; попытка установления тирании – Ареопаг; некоторые особенности расположения местоимений и предлогов в тексте закона наводят именно на такую мысль). Может, в конце концов, и просто не быть никакого прямого соотнесения. Во всяком случае, Ареопаг, хотя и являлся прежде всего судом по делам об убийстве, имел в архаическую эпоху также и функцию суда по государственным преступлениям, в том числе и по попыткам установления тирании⁷⁹.

Схолиаст к Аристофану (Equ.445) прямо говорит о том, что осужденные «килоновцы» согласились предстать перед судом Ареопага. Само по себе свидетельство позднего автора не может стать решающим аргументом. Однако с ним хорошо согласуются имплицитные указания Фукидида, Плутарха, лексикона Суды, согласно которым часть мятежников была убита у алтарей Эвменид. Последнее предполагает путь сторонников Килона с Акрополя именно на Ареопаг, на северо-восточном склоне которого находились эти алтари (Aeschyl.Eum.805, 824 sq., 855 sqq.; Eur.El.1258 sqq.; Iph.Taur.961 sqq.; Dinarch.I.64; Paus.I.28,6; VII.25; Lucian.Bis acc.4; Schol.Aeschin.I.188)⁸⁰. Итак, те из мятежников, кто не был перебит Алкмеонидами, предстали перед судом Ареопага, осуждены на вечное изгнание и объявлены

⁷⁸ Ср.: Philippi A. Op.cit.; Bonner R.J., Smith G. Op.cit. V.1. P.129

⁷⁹ Цуканова М.А. Ареопаг до Солона // Вестник ЛГУ. 1972. №8. С.59-65; Суриков И.Е. Афинский ареопаг... С.30.

⁸⁰ О местоположении алтарей Эвменид см. также: Judeich W. Topographie von Athen. München, 1931², S.43, 299-301.

⁸¹ О наказании мятежников см.: Stroud R.S. Op.cit. P.71; Seibert J. Op.cit. Bd.1. S.13. Об Ареопаге как суде над мятежниками см.: MacDowell D.M. The Law in Classical Athens. L., 1978. P.28; Ostwald M. From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Law, Society, and Politics in Fifth-Century Athens. Berkeley,

После этого, основываясь на создавшемся прецеденте, вероятно, был зафиксирован соответствующий⁸².

Уже значительно меньше проблем создает определение конкретных обстоятельств убийства участников мятежа и лиц, непосредственно ответственных за это убийство. Здесь показания источников в основном сходятся, не считая встречающегося лишь у некоторых поздних авторов (Плутарх, схолиаст к Аристофану) эпизода с оборвавшейся нитью. Этот мотив нити, насколько можно судить, является либо пропагандистской версией, призванной частично обелить Алкмеонидов, либо просто риторическим украшением рассказа, и он вряд ли должен быть серьезно принимаем во внимание. Несомненно, во всяком случае, что в тот момент, когда «килоновцы», уже спустившись с Акрополя и направляясь к Ареопагу (дорога между этими холмами наверняка в тот момент была со всех сторон оцеплена вооруженными людьми), проходили, как отмечалось выше, мимо алтарей Эвменид, по команде архонта-эпонима Мегакла (I) была учинена их резня. В результате этой акции мало кто из мятежников уцелел, хотя

() говорит Плутарх. Неясна, в частности, участь самого неудачливого претендента на тиранию. По этому вопросу между античными авторами имеется расхождение. Одни (Геродот, Аристодем, Суда) считают Килона погибшим при подавлении мятежа, другие же (Фукидид, схолиаст к Аристофану) утверждают, что ему удалось заблаговременно бежать.

При попытке сделать правильный выбор между предлагаемыми альтернативами необходимо учитывать следующее обстоятельство. Как известно, позже на афинском Акрополе стояла бронзовая статуя Килона, которую видел еще Павсаний (I.28,1). Высказывалось предположение⁸³, что эта статуя была воздвигнута в ознаменование олимпийской победы Килона, то есть еще до мятежа. Однако против этого можно привести ряд аргументов. Во-первых, сам Павсаний никак не связывает статую с победой Килона. Во-вторых, после

1986. P.9. Возражения (не очень убедительные) см.: Wallace R.W. The Areopagos Council, to 307 B.C. Baltimore, 1989.

⁸² Gagarin M. The Thesmothetai and the Earliest Athenian Tyranny Law // TAPhA. 1981. V.111. P.71-77.

⁸³ Herrmann H.-V. Olympia: Heiligtum und Wettkampfstätte. München, 1972. S.115.

«Килоновой смуты» вряд ли изображение главаря мятежа сохранилось бы в центре Афин, и уж во всяком случае оно не пережило бы разрушения Афин персами в 480 г. В-третьих, материал, из которого была сделана статуя (бронза), уже сам по себе указывает на ее достаточно поздний характер. Наконец, в четвертых, - и это самое главное - можно считать надежно установленным, что первые статуи олимпийщиков появились не раньше середины VI в. до н.э.⁸⁴ Павсаний, описывая олимпийский Альтис, прямо называет (VI. 18,7) первыми статуями атлетов в Олимпии изваяния эгинета Праксидаманта (победителя 544 г. до н.э. в кулачном бою) и Рексибия из Опунта (победителя 536 г. в панкратии). Обе эти статуи, виденные самим периегетом, были сделаны из дерева, а еще не из бронзы.

Гораздо логичнее считать, что статуя Килона на Акрополе была поставлена значительно позже (явно не ранее нашествия Ксеркса) в катартических целях, как искупление кровопролития⁸⁵. О возможном конкретно-историческом контексте этой акции речь пойдет ниже (гл.IV, §2). А в качестве параллели можно привести инцидент со спартанским военачальником Павсанием. При его умерщвлении также было проявлено кощунство, и за это спартанцы впоследствии по рекомендации Дельфов поставили у храма Афины Халкийкос, в котором Павсаний был уморен голодом, две его бронзовые статуи (Thuc.I.134,4; Paus.III.17,7). По аналогии, как нам кажется, уместно заключить, что и Килон был убит Алкмеонидами, коль скоро афиняне воздвигли на Акрополе именно его изображение, а не статую абстрактного мятежника.

Подведем некоторые итоги. При изучении «Килоновой смуты» не может не броситься в глаза какая-то, мы бы сказали, неумелость, проявленная с обеих сторон. Мятежники после овладения Акрополем словно впали в ступор, даже не попытавшись предпринять никаких дальнейших шагов, а представители власти при подавлении мятежа не смогли избежать массового кровопролития, причем тогда, когда в этом уже не было никакой нужды. Создается впечатление, что и те и другие находились в растерянности, в замешательстве, что они толком не знали, как надлежит действовать в подобных обстоятельствах. В не сталкивавшихся до того со сколько-нибудь серьезными

⁸⁴ Gross W.H. Quas iconicas vocant: Zum Porträtcharakter der Statuen dreimaliger olympischer Sieger. Göttingen, 1969. S.6.

⁸⁵ Jameson M. Op.cit. P.171; Stroud R.S. Op.cit. P.71.

потрясениями патриархальных Афинах еще не была выработана ни техника захвата власти, ни техника противодействия таким захватам. Какой контраст со следующим столетием! Писистрат неоднократно и без особых проблем становится тираном, используя при этом самые разнообразные методы – то набирая с согласия демоса отряд телохранителей, то играя на популярных мифологемах, то осуществляя открытое военное вторжение в Аттику. Его противники – опять же неоднократно – лишают его власти. И все эти перевороты обходятся практически без крови, без человеческих жертв. Более того, порой борющиеся стороны как бы демонстрируют нарочитую гуманность. Аристократы, свергнув Писистрата в первый раз, позволяют ему безнаказанно жить в Аттике, а сам тиран после битвы при Паллене гарантирует сражавшимся против него афинянам безопасность и сдерживает свое обещание.

Мятеж Килона и его подавление стали для афинского полиса очень хорошим уроком того, чего *ни в коем случае не следует делать* даже в самых острых перипетиях политической борьбы. И урок этот, насколько можно судить, был весьма прочно усвоен, что прослеживается на материале и архаической, и классической эпох. При том, что соперничество группировок в Афинах всегда было в высшей степени интенсивным, формы этого соперничества в VI-IV вв. до н.э. по большей части отличались умеренностью и сдержанностью⁸⁶. Случались, конечно, досадные эксцессы, как при Тридцати тиранах, но крайне редко, и в целом то, что для большинства греческих государств являлось нормой жизни, в Афинах было лишь исключением. В особенности характерно, что в период между Пелопоннесской войной и Херонейской битвой, когда города Эллады содрогались в конвульсиях почти непрерывного стасиса, Афины совершенно не знали вооруженных гражданских конфликтов, а кипение страстей находило разрядку на ораторских подмостках. Чрезвычайно характерным для афинян способом разрешения внутренних противоречий стали достаточно часто проводившиеся амнистии. Можно сказать, что афинские граждане очень рано как бы отшатнулись от чрезмерной жестокости в политической жизни, стали более склонными искать и добиваться компромисса. И первоотлчком здесь, нужно думать, послужил именно Килонов инцидент.

⁸⁶ Herman G. Honour, Revenge and the State in Fourth-Century Athens // AD. S.43-60.

Впрочем, он весьма значим для истории Афин и в ряде других отношений. Символично и, наверное, отнюдь не случайно, что уже античные авторы особо выделяли этот эпизод. Именно начиная с него афинская история становится связной, целостной, логичной, превращается в цепочку вытекающих друг из друга и обуславливающих друг друга событий. Как мы увидим ниже (гл. III, § 1), немалое влияние дело Килона оказало на первую кодификацию афинского права, осуществленную Драконом в 621 г. С другой стороны, оно же спровоцировало резкую интенсификацию афино-мегарского соперничества, которая, в свою очередь, повела к выдвижению на первый план фигуры Солона. Началась череда процессов, закономерным завершением которых стало формирование классической афинской демократии. По сути дела, Килон и Мегакл, сами не подозревая ни о чем подобном, запустили тот «часовой механизм», по которому шел с этих пор отсчет исторического бытия самого динамичного по темпам развития полиса Эллады.

§4. «Состав преступления» Алкмеонидов

В течение VII-VI вв. до н.э. Алкмеониды изгонялись из Аттики четыре раза (см. прим. 97 к гл. I). Но только один раз, а именно в самом первом случае, ок. 615 г. до н.э. их изгнание было осуществлено не чисто силовыми методами, а правовым, если так можно выразиться, легитимным путем, через официально организованный судебный процесс. Целесообразно попытаться выяснить, какое же конкретно преступление инкриминировалось Алкмеонидам на этом суде, что послужило причиной столь сурового наказания, как вечное изгнание) всего рода и даже удаление за пределы страны останков уже умерших к тому времени его членов.

К сожалению, античные авторы, сообщаящие о процессе, не дают сколько-нибудь точного определения преступления. Аристотель (Ath.pol.1) лишь констатирует, что «было признано наличие скверны ()»; Плутарх (Sol.12,3) не сообщает даже этого. Дело, судя по всему, в двух обстоятельствах. Во-первых, наши источники, отделенные от событиями весьма значительным временным промежутком (Аристотель – тремястами годами, не говоря уже о Плутархе), просто не имели возможности воспользоваться каким-либо документальным или иным аутентичным материалом, который давал бы более

определенные сведения⁸⁷. Во-вторых, не следует забывать, что в данном случае мы сталкиваемся с правовыми реалиями очень ранней эпохи, когда афинское писаное законодательство только начинало оформляться: незадолго до того был составлен очень краткий и несовершенный (см. ниже, гл. III, § 1) свод законов Драконта, а гораздо более всеобъемлющий солоновский корпус был еще впереди. Аттическое право находилось *in statu nascendi*, и ожидать для этого времени четких и ясных формулировок не приходится. Как бы то ни было, идентификация преступления Алкмеонидов, которая эксплицитно нигде не дается, становится задачей исследователей.

Мы решительно не согласны с позицией тех ученых⁸⁸, которые, считая, что на Алкмеонидов не распространялась упоминавшаяся нами выше солоновская амнистия (Plut. Sol. 19), таким образом признают, что они были осуждены за какое-либо из трех преступлений, изъятых из этой амнистии: убийство (), кровопролития () или попытку установления тирании, причем преступники были осуждены в Ареопаге, в коллегии эфетов или в Пританее. Как мы уже видели, Ареопаг судил мятежников-«килоновцев», на которых в законе об амнистии имеется недвусмысленное указание. Что же касается Алкмеонидов, то совершенно ясно, что органом, судившим их ок. 615 г., никак не мог быть ни Ареопаг, ни какой-либо другой из перечисленных судов. Согласно прямым указаниям Аристотеля и Плутарха, судил их особый суд из трехсот судей, избранных по благородству происхождения (), очевидно, специально для этого процесса⁸⁹.

Нетрудно увидеть также, что ни одно из трех преступлений, исключенных из солоновской амнистии, не совпадает со случаем Алкмеонидов. Не говоря уже о стремлении к тирании (заведомо исключенном, поскольку Мегакл (I) выступал как раз *против* установления тирании Килона), нельзя было обвинить членов этого рода также в _____ или _____, несмотря на то, что они действительно убили мятежников: с правовой точки зрения это было убийство, оправданное

⁸⁷ В вопросах суда и права Аристотель в тех случаях, когда мог это сделать, активно опирался на документальный материал: *Stroud R.S. Aristotle and Athenian Homicide* // AA. P.203-221.

⁸⁸ См. прим.33 к гл. I.

⁸⁹ *Bonner R.J., Smith G. Op.cit. V.1. P.102; Moulinier L. La nature et la date... P.197; Jeffery L.H. Archaic Greece... P.87-89.*

интересами полиса, к тому же совершенное по приказу высших должностных лиц – архонтов, находившихся при исполнении обязанностей и даже специально наделенных для подавления мятежа неограниченными полномочиями (Thuc.I.126,8). Таким образом, преступление, инкриминировавшееся Алкмеонидам, нельзя рассматривать как убийство, не за это их судили.

Ключ к решению вопроса, на наш взгляд, дает указание в схолиях к Аристофану (Equ.445): (Алкмеонидов)

Пытаясь определить «состав преступления» Алкмеонидов, необходимо обратиться к сфере, строго говоря, не уголовного, а сакрального, религиозного права. Предварительно, однако, нам придется сказать несколько слов о греческом праве вообще. Оно в несравненно меньшей степени изучено, чем римское, и дело здесь не только в намного худшей сохранности и целостности его памятников, но и в ряде его принципиальных особенностей, в частности, в недостаточной разработанности его положений. В течение всей истории древнегреческого мира (включая эпоху эллинизма) право оставалось явлением чисто эмпирическим. Практически никогда право в греческих полисах не становилось предметом теоретического анализа, да и просто систематизации. С полным основанием греческое право было остроумно названо одним из современных исследователей «правом без юриспруденции»⁹⁰.

В Греции, в отличие от Рима, никогда не сложилось прослойки профессиональных юристов. Были попытки дать ответ на вопрос о причинах этого⁹¹. Указывалось на доступность и простоту языка греческих законов, на широкое распространение грамотности во многих греческих полисах, на участие большинства граждан в судопроизводстве, на отсутствие у часто сменявшихся магистратов специальной правовой компетенции. Всё это вело к тому, что знание права было не сконцентрировано в кругу одной профессиональной

⁹⁰ Jones J.W. The Law and Legal Theory of the Greeks: An Introduction. Oxf., 1956. P.V; cp. Saunders T.J. Penal Law and Family Law in Plato's Magnesia // Symposium 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S.115.

⁹¹ Например: Harris E. Response to Trevor Saunders // Symposium 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S.133-138.

группы, а как бы рассеяно по всему гражданскому коллективу. Следует, однако, заметить, что приведенные аргументы далеко не во всем убеждают. Во-первых, описанная ситуация характерна главным образом для демократических Афин. Но и в тех полисах, где не наблюдалось участия гражданской массы в деятельности судебных органов, положение с правом было точно таким же. Во-вторых, не столь уж велико отличие от римских реалий. И в Риме грамотность была широко распространена, и в Риме магистраты, ведавшие судопроизводством (преторы), ежегодно сменялись. В-третьих, вряд ли следует переоценивать знание законов и правовых норм рядовыми гражданами даже наиболее продвинутых в этом плане Афин. Даже в них право никогда не было предметом организованного, правильного преподавания (государственного или частного). В результате дикасты-присяжные, укомплектовывавшие многочисленные афинские судебные коллегии, отнюдь не отличались хорошим знанием законов и судили больше по «гражданской совести»⁹².

Как бы то ни было, упомянутая несистематизированность и даже аморфность греческих правовых комплексов создает серьезные трудности для их исследователей⁹³. Очень трудно проводить на греческой почве грань между правом сакральным и светским, публичным и частным⁹⁴. В частности, убийство вплоть до последних веков истории греческого мира относилось отнюдь не к сфере государственных преступлений, а считалось

⁹² Jones J.W. Op.cit. P.11. Подробнее о пороках афинского судопроизводства см.: Thür G. Die athenischen Geschworenengerichte – eine Sackgasse? // AD. S.321-331; Суриков И.Е. Новая концепция... С.241-242. Что представлял собой типовой афинский дикаст, каковы были его духовные запросы, как (зачастую достаточно экзотично на наш современный взгляд) он воспринимал суть и смысл своей деятельности – обо всем этом хорошее представление дают хотя бы аристофановские «Осы». Техника судопроизводства в Афинах подробно описана в работе: Boegehold A.L. et al. Op.cit.

⁹³ О проблемах и сложностях, стоящих перед исследователями греческого права, см.: Wolff H.J. Juristische Gräzistik – Aufgaben, Probleme, Möglichkeiten // Symposion 1971. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1975. S.1-22.

⁹⁴ Jones J.W. Op.cit. P.32; Maffi A. Contributo allo studio della terminologia giuridico-sacrale greca // Symposion 1977. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1982. S.23-53; Hansen M.H. Atimia in Consequence of Private Debts // Ibid. S.113-120.

частным делом⁹⁵. Очень слабо был разработан и категориальный аппарат права. Так, даже в афинском праве не было развито правильной концепции собственности⁹⁶ и не существовало, в сущности, даже адекватного термина для ее обозначения.

Удивляться этому не приходится, если учесть, что, по сути дела, в древнегреческом языке отсутствовало даже слово, которое можно было бы без существенных оговорок перевести как «право», иными словами, эквивалент латинского термина *iūs*. С наибольшей степенью приближения на эту роль могло бы претендовать греч. *dike*, что, впрочем, чаще переводится на русский язык как «справедливость». Однако не раз уже проводившийся анализ семантики слова показывает⁹⁷, что в нем имплицитно заложена идея мировой гармонии, порядка, равновесия, нарушение которого влечет за собой неминуемое возмездие. Справедливость (*dike*) контролирует даже физическую вселенную, а отнюдь не регулирует столкновения индивидуальных воль⁹⁸.

Из вышесказанного вытекает определенный «глобализм» древнегреческого правосознания. В сущности, любое правонарушение воспринималось во всей совокупности его космических импликаций. Даже незначительное отклонение от было чревато подрывом той самой мировой гармонии, наносило ущерб нормальным отношениям между людьми и сверхъестественными силами, в общем, угрожало не только непосредственно пострадавшим индивидам, но и всему обществу. В наиболее заостренной форме, даже с эсхатологическими нотками этот мотив звучит, конечно, у Гесиода, но нет серьезных оснований полагать, что в этом вопросе воззрения беотийского аэда сильно отличались от

⁹⁵ *Mélèze Modrzejewski J.* Op.cit.

⁹⁶ *Cohen E.E.* Banking as a "Family Business": Legal Adaptations Affecting Wives and Slaves // *Symposion 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte.* Köln, 1991. S.255.

⁹⁷ О понятии см.: *Hirzel R.* Themis, Dike und Verwandtes: Ein Beitrag zur Geschichte der Rechtsidee bei den Griechen. Lpz., 1907; *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С.303-305. Нас здесь интересует не индоевропейская этимология термина, восходящего к основе **deik*, а его реальное словоупотребление в древнегреческой традиции. О специальном и вторичном употреблении термина для обозначения частного иска в отличие от - иска публичного речь в данном случае тоже не идет.

⁹⁸ *Jones J.W.* Op.cit. P.4, 17, 24-36.

общераспространенных. Если учитывать при этом общую очень большую роль религии в жизни греческих полисов (бывало, что эта роль недооценивалась, но теперь ей, кажется, начинают воздавать должное⁹⁹), то не покажется удивительным, что религиозные воззрения пронизывали собой всю структуру греческого права¹⁰⁰.

Именно на стыке права и религии, на наш взгляд, нужно искать действительное определение преступления Алкмеонидов. В Древней Греции общим наименованием для религиозных преступлений было «асебия» () – нечестие, кощунство¹⁰¹; впрочем, источники далеко не всегда (особенно для ранних эпох) употребляют в соответствующих случаях именно этот термин. Согласно наиболее распространенному определению (Polyb.XXXVII.1,15), в него включались преступления «против богов, родителей и умерших». Такая неопределенность вела к большому разнообразию конкретных казусов, подводившихся под понятие асебии. Так, только за

⁹⁹ Sourvinou-Inwood Chr. What is Polis Religion? // GC. P.304: “Religion became the polis’ central ideology, structuring and giving meaning to all the elements that made up the identity of the polis”. Ibid. P.322: “Religion was the very centre of the Greek polis. Religion provided the framework and the symbolic focus of the polis”. Ср.: Андреев Ю.В. Цена свободы... С.309.

¹⁰⁰ Broadbent M. Op.cit. P.67-68.

¹⁰¹ Об асебии см.: Decharme P. La critique des traditions religieuses chez les Grecs des origines au temps de Plutarque. P.,1904; Drachmann A.B. Atheism in Pagan Antiquity. L.,1922; Nilsson M.P. Greek Piety. Oxf.,1948; Dodds E.R. The Greeks and the Irrational. Boston, 1957. P.179-206; Jacoby F. Diagoras . B.,1959; Schachermeyr F. Religionspolitik...; Cohen D. The Prosecution of Impiety in Athenian Law // Symposium 1985. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1989. S.99-107. В отечественной историографии асебией наиболее углубленно занималась Г.Т.Залюбовина. См.: Залюбовина Г.Т. в общественной жизни эллинов архаического и классического периода // СПИПИАГО. С.30-51; она же. Архаическая Греция: Особенности мировоззрения и идеологии. М.,1992. С.52-59; она же. Борьба за сохранение... Ср. также: Суриков И.Е. Судебные процессы о «нечестии» в Афинах последней трети V в. до н.э.: явные и скрытые мотивы // Среда, личность, общество. М., 1992. С. 56-57; Никитюк Е.В. Процессы по обвинению в нечестии (асебейе) в Афинах во второй половине V в. до н.э. // АМ. С.117-138 (в последней работе парадоксальным образом игнорируется самый знаменитый из процессов о нечестии – суд над Сократом).

короткий срок в конце V – начале IV в. до н.э. обвинение в «нечестии» предъявлялось Анаксагору, Протагору и Сократу – за высказывание шокирующих массу или просто неортодоксальных мнений о божественном, Алкивиаду (заочно) и Диагору Мелосскому – за профанирование мистерий, Фидию и Андокиду – за совершение недопустимых действий по отношению к сакральным объектам, стратегам – победителям при Аргинусах – за непогребение тел погибших воинов и т.д. Не существовало и единой, общепринятой судебной процедуры. В классических Афинах делами об асебии ведал архонт-басилей (Arist.Ath.pol.57,2); такие дела могли разбираться Ареопагом (Lys.VII; Arist.Ath.pol.60,2), секциями гелиеи (Plat.Apol.; Andoc.I; [Lys.] VI), а в экстраординарных случаях – и народным собранием (Xen.Hell.I.7). В качестве наказания применялось изгнание или смертная казнь, но вообще, насколько можно судить по делу Сократа, процесс об асебии имел форму , то есть в каждом конкретном случае мера наказания предлагалась тяжущимися сторонами на альтернативной основе и выбиралась судьями.

До второй половины V в. до н.э. в качестве религиозных преступлений рассматривались исключительно разного рода нарушения, связанные с отправлением культа; к ним применялись нормы неписаного жреческого права ([Lys.] VI.10; Andoc.I.115). Есть все основания рассматривать преступление, инкриминировавшееся Алкмеонидам на процессе конца VII в. именно как асебию, нечестие¹⁰². В таком случае рассматриваемое дело является первым известным нам примером процесса об асебии, причем сам этот термин в сообщениях источников о суде еще не фигурирует. Конкретным содержанием «кошунства» Алкмеонидов было тяжкое преступление в культовой сфере: нарушение сакральной неприкосновенности молящих о защите в святилище¹⁰³. Имеет смысл остановиться в нескольких словах на этом религиозно-правовом институте.

Институт неприкосновенности в греческом праве носил общее название асии (). Первоначально он

¹⁰² Balogh E. Op.cit. P.90; Stroud R.S. Drakon's Law... P.74; Ostwald M. From Popular Sovereignty... P.528 ff.; Littman R.J. Kinship and Politics... P.59.

¹⁰³ Picard Ch. Op.cit. P.262; Schlesinger E. Die griechische Asylie. Giessen, 1933. S.33; Nilsson M.P. Geschichte... Bd.1. S.77-78; Parke H.W. The Oracles of Zeus: Dodona, Olympia, Ammon. Cambridge Mass., 1967. P.131-134; Seibert J. Op.cit. S.368-370.

носил чисто сакральный, культовый характер, но со временем получил распространение и на различные области светских отношений¹⁰⁴ (дарованиями чисто светской асиии полны, в частности, проксенические декреты классической и эллинистической эпох); однако и собственно сакральная асияия продолжала играть немаловажную роль в течение всей античной эпохи. Асияия давалась невинно преследуемым (Aeschyl.Suppl.241 sqq.), рабам и другим несвободным (Herod.II.113; Plut.Thes.36), зачастую даже преступникам (Aeschyl.Eum.232; Thuc.V.16,3; Liv.I.8,5-6). Для получения права асиии обычно нужно было вступить в прямое соприкосновение со святыней – алтарем, статуей божества и т.п. (Aeschyl.Suppl. 224; Eur.Ion 1314), хотя был возможен и опосредованный контакт, например, через протянутый канат или нить (Herod.I.26).

Изначально статус убежища (асияия) имел, насколько можно судить, каждый храм, но со временем выделились отдельные святилища, особо привилегированные и авторитетные как места асиии. Среди них – храм Афины Халкиойкос в Спарте (Paus. III.17,7-9), храм Артемиды в Эфесе (Herod.I.26; Tac.Ann.III.61), храм Афины Алеи в Тегее (Paus.II.17,7; III.5,6; III.7,10), Тесейон в Афинах (Plut.Thes.36), храм Посейдона на мысе Тенар (Paus.4), храм Гебы во Флиунте (Paus.II.13,4) и др. Наряду с этими, наиболее известными, было, безусловно, огромное количество святилищ-убежищ локального значения во всех концах античного мира¹⁰⁵. Институт асиии ни в коей мере не является специфически античным: мы встречаем его, – естественно, со своими особенностями – и в других традиционных культурах: в ветхозаветной Палестине, у древних германцев и т.п.¹⁰⁶

Одним из важнейших и самых распространенных видов асиии была гикетия () – обращение к храму

¹⁰⁴ Из асиии, в частности, вышел весьма популярный в греческих полисах обычай метэкии: *Ehrenberg V. Der Staat der Griechen... Teil 1. S.110.*

¹⁰⁵ Об убежищах см.: *Kahrstedt U. Griechisches Staatsrecht. Bd.1. Göttingen, 1922. S.14; Berchem D. van. Trois cas d'asylie archaïque // МН. 1960. V.17. Fasc.1. P.21-33; Faure P. Op.cit. P.59 ss.; Gauthier P. Symbola: Les étrangers et la justice dans les cités grecques. Nancy, 1972. P.209-284; Gehrke H.-J. Stasis. Untersuchungen zu den inneren Kriegen in den griechischen Staaten des 5. und 4. Jahrhundert v.Chr. München, 1985. S.229-232.*

¹⁰⁶ *Никольский Н.М. Право убежища в древнем Израиле // Ученые записки Института истории РАН ИОН. 1929. Т.3. С.58-72; Henssler O. Formen des Asylrechts und ihre Verbreitung bei den Germanen. Frankfurt, 1954.*

(т.е. божеству), общине или отдельному лицу с просьбой о защите, покровительстве¹⁰⁷. Религиозно-психологически асилия и гикетия связаны с архаическими представлениями о неприкосновенном, «табуированном»¹⁰⁸ сакральном пространстве. Отмечалась, помимо прочего¹⁰⁹, роль представлений о загробном мире, культов плодородия в складывании этих религиозно-правовых институтов. Наконец, необходимо отметить многостороннюю, хотя и неоднозначную связь гикетии¹¹⁰ с основополагающим для древнегреческой цивилизации феноменом культового гостеприимства – ксении ().

Корни асилии и гикетии уходят в глубокую древность. Есть упоминания о них у Гомера (II.XVIII.457; XX.463 sqq.; XXI.65 sqq.; Od.V.445 sqq.; VII.147 sqq.; VIII.546 sq.; IX.266 sqq.; XIV.278 sqq.). Исключительно большое место эти институты занимают в аттической трагедии. Ряд ее произведений (в том числе «Просительницы», «Эвмениды» Эсхила, «Эдип в Колоне» Софокла, «Гераклиды», «Просительницы», «Елена», «Ион» Еврипида) полностью или в значительной степени посвящены связанной с ними проблематике. Трагедииографы обычно рассматривали право сакральной неприкосновенности в общем контексте религиозно-этических проблем, поднимаемых в этом жанре (законы божеские и человеческие, права и обязанности гражданина и т.п.). Важное место, уделяемое гикетии и асилии в той «школе жизни», какой была трагедия, свидетельствует о

¹⁰⁷ Cook A.B. Zeus: A Study in Ancient Religion. V.2. Cambridge, 1925. P.1093-1101; Schlesinger E. Op.cit. S.33-52; Gould J. Hiketeia // JHS. 1973. V.93. P.74-103; об индоевропейских корнях термина и явления см.: Бенвенист Э. Ук.соч. С.385-387.

¹⁰⁸ Frazer J.G. The Golden Bough. V.2. L., 1913³. P.130. О понятии сакрального пространства см.: Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. С.22-47.

¹⁰⁹ Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978. С.106, 159, 306; Burkert W. Structure and History in Greek Mythology and Ritual. Berkeley, 1982. P.43-44; idem. Greek Religion: Archaic and Classical. Cambridge Mass., 1985². P.73, 87.

¹¹⁰ Nilsson M.P. Greek Popular Religion. N.Y., 1940. P.77; Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue Grecque: Histoire des mots. T.2. P., 1970. P.461-462; Lloyd-Jones H. The Justice of Zeus. Berkeley, 1971. P.5; Herman G. Ritualized Friendship... P.54-58.

значимости этих институтов в общественном бытии и сознании архаической и классической Греции¹¹¹.

Нарушение права асии считалось серьезнейшим религиозным преступлением, влекущим за собой кару богов (Aeschyl. Suppl.429 sqq., 927; Pers.809 sq.; Eur.Heraclid.243 sq.; Xen.Ages. 11; Paus.I.20,7; VII.24,6). В классическую эпоху и позже источники отмечают частое нарушение права асии¹¹². Огромную роль в этом сыграла, безусловно, Пелопоннесская война, в значительной степени подорвавшая традиционные ценности греческой религии и морали (Thuc.II.53; III.82-84). Однако необходимо заметить, что даже в этих условиях подобные нарушения всегда без исключения вызывали резко отрицательную реакцию общественного мнения (Herod.VI.75-79, 91; Thuc.III.79-81; Xen. Hell.IV.4,3-5; Plut.Agis.16-19; Iustin.XXXIX.3,10; Athen.XIII. 593b). Компетенции судебных органов такие акции уже не подлежали, но получали безусловное моральное осуждение.

Одним из наиболее известных случаев нарушения гикетии в V в. до н.э. было умерщвление спартанскими эфорами регента Павсания, победителя при Платеях (Thuc.I.128 sqq.; Diod.XI.55, 4-8; Plut.Mor.560f; Paus.III.17,7-9; Polyae.VIII.51; Aelian.Var. hist.IX.41; Aristodem. FGrHist.104 F1,8; [Themistocl.] Epist.XVI; XX). Павсаний, обвиненный в персидской измене, был заживо замурован в святилище Афины Халкиойкос, в котором он укрылся, и уморен там голодом¹¹³. Случай Павсания с религиозной точки зрения был осложнен тем, что он сам считался «оскверненным», к тому же имел репутацию предателя. И даже несмотря на это дельфийское жречество потребовало от спартанцев (при всей своей симпатии к ним) искупления этого проступка. Таким образом, предрасположенность против подобного рода нарушений была в греческом обществе чрезвычайно велика. Не забудем и о том,

¹¹¹ Burian P. Suppliant and Saviour: Oedipus at Colonus // Phoenix. 1974. V.28. No.4. P.408-429.

¹¹² Ehrenberg V. The People of Aristophanes. N.Y.,1962. P.270; Gould J. Op.cit. P.101; Cicciò M. Guerre, e nella Grecia del V secolo a.C. // CISA. 1984. V.10. P.132-141.

¹¹³ Об убийстве Павсания и его последствиях см.: Паршиков А.Е. Павсаний и политическая борьба в Спарте // ВДИ. 1968. №1. С.126-138; Строецкий В.М. Политическая борьба в Спарте в 70-е годы V в. до н.э. (дело Павсания) // Проблемы античной государственности. Л.,1982. С.60-85; Meiggs R. The Athenian Empire. Oxf.,1972. P.465-468; Bengtson H. Griechische Staatsmänner... S.90.

что в 432 г. до н.э. в ответ на требование Спарты об изгнании Алкмеонидов афиняне в качестве ответного дипломатического хода предложили лакедемонянам очиститься именно от «Павсаниевой скверны», хотя к тому времени эта «скверна» по указанию Дельфов уже была очищена (впрочем, равно как и Килонова).

Итак, на основании вышеизложенного можно заключить, что преступление, инкриминировавшееся Алкмеонидам на судебном процессе в конце VII в. до н.э., должно быть отнесено к религиозно-правовой сфере и в наиболее общем виде квалифицировано как асебия, заключающаяся в данном случае в нарушении неприкосновенности молящих о защите (гикетов). Это было серьезное преступление, в те времена еще, очевидно, подлежавшее формальной юрисдикции судебных органов (хотя для процесса пришлось создавать специальное судилище; следовательно, обычные суды не обладали компетенцией по столь сложным и неординарным делам). В этом свете наказание – «вечное» изгнание всех здравствовавших членов рода и удаление из Аттики останков умерших – не выглядит слишком суровым.

Необычность судебного процесса над Алкмеонидами с точки зрения наших представлений о праве заключается в другом обстоятельстве, а именно в том, что, как сообщают источники, осуждены и подвергнуты наказанию были не непосредственные виновники (или, по крайней мере, не только они), а их потомки. Действительно, по словам Аристотеля (Ath.pol.1), «сами виновные () были выброшены из могил, а род () их осужден на вечное изгнание». Иными словами, здесь мы имеем дело с коллективной ответственностью. Подробный разбор этого сюжета заставил бы нас обратиться к религиозно-правовому контексту «Килоновой скверны» (проклятия Алкмеонидов), но это, строго говоря, выходит за непосредственные рамки данной работы, посвященной преимущественно проблемам политической истории. Однако совершенно не коснуться упомянутого вопроса мы тоже не считаем возможным и потому относим соответствующий экскурс в приложение I.

Г л а в а I I I

АЛКМЕОНИДЫ В ИСТОРИИ АФИН

КОНЦА VII – VI вв. до н.э.

§1. Законодательство Драконта и «Килонова скверна»

Многие исследователи истории архаических Афин совершенно справедливо подчеркивали, что близость по времени мятежа Килона (636 г. до н.э.) и составления первого свода законов Драконтом (621 г.) не может быть простым совпадением¹, хотя были и попытки отрицать непосредственную связь между этими событиями². Нет никакого сомнения, что законодательство Драконта, проходившее в общем русле «первоначальной законодательной реформы»³, осуществлявшейся в ту же эпоху во многих греческих полисах, было обусловлено целым рядом объективных факторов. Однако непосредственным поводом кодификации послужили, на наш взгляд, обострение внутренней напряженности и всплеск междоусобных распри после подавления «Килоновой смуты». Ближайшей целью законов было пресечение кровной мести между аристократическими родами, распространение которой грозило стабильности полиса, да и самому его существованию. Представляют интерес конкретные пути связей между Килоновым делом и законами Драконта. Эти пути и нужно попытаться уяснить по возможности точно.

Прежде чем перейти к рассмотрению этого вопроса, нам кажется необходимым сказать несколько слов об историческом контексте первого афинского законодательства и о его общем характере. Такая необходимость вызвана следующими причинами. Во-первых, в силу счастливого стечения

¹ Hignett C. Op.cit. P.86-87; Ruschenbusch E. . Zum Recht Drakons und seiner Bedeutung für das Werden des athenischen Staates // Historia. 1960. Bd.9. Ht.2. S.147; Forrest W.G. The Emergence... P.146; Sealey R. A History... P.105-106; Jeffery L.H. Archaic Greece... P.87-89; Snodgrass A. Op.cit. P.120; Blickman D.R. The Myth of Ixion and Pollution for Homicide in Archaic Greece // CJ. 1986. V.81. No.3. P.200-201; Ober J. Op.cit. P.60; Фролов Э.Д. Рождение... С.131.

² Gagarin M. Drakon and Early Athenian Homicide Law. New Haven, 1981. P.19-21.

³ Фролов Э.Д. Рождение... С.120.

обстоятельств законы Драконта можно изучать не только по скудным и неясным сообщениям поздних авторов (а именно так обстоит дело с остальными раннегреческими номофетами – Залевком, Харондом, Филолаем и др., исключая разве что Солон, традиция о котором обильнее⁴), но также по дошедшему до нас уникальному эпиграфическому памятнику (IG.I³.104) – копии закона об убийстве (), местами даже неплохо сохранившейся⁵. В ходе дискуссий о в конце V – начале IV вв.

до н.э. интерес к драконтовскому законодательству, к тому времени уже полузабытому, значительно возрос. Очевидно, с этим и было связано предпринятое по решению народного собрания в 409/8 г. копирование вышеупомянутого закона с пришедших в негодность деревянных аксонов на каменную стелу. Сомневаться в абсолютной верности копии оригиналу нет оснований: об этом говорит, в числе прочего, архаичность лексики сохранившегося текста закона⁶.

Во-вторых, следует отметить, что в отечественной историографии и по сей день бытуют в отношении законодательства Драконта некоторые устоявшиеся штампы, не вполне соответствующие истинному положению вещей. Так, даже в совсем недавней монографии И.А.Шишовой некритически повторяются довольно спорные положения о введении первого свода писаных законов как уступке евпатридов народным массам «под натиском демоса», о наличии в этом своде законов об охране частной собственности и т.п.⁷ В то же время в западном антиковедении в последние десятилетия появился ряд серьезных работ, во многом заставляющих по-новому осмыслить рассматриваемое нами событие. Кроме вышеназванных книг Страуда и Гагарина,

⁴ Анализ античной традиции о Солоне, в частности, о его законодательстве см. в работах: *Ленцман Я.А.* Достоверность античной традиции о Солоне // Древний мир. М., 1962. С.579-586; *Ruschenbusch E.* : Die Fragmente des solonischen Gesetzwerkes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte. Wiesbaden, 1966. S.39-58; *Oliva P.* Solon im Wandel der Jahrhunderte // *Eirene*. 1973. V.11. P.31-65.

⁵ Лучшее, прямо-таки образцовое издание этого памятника см. в книге: *Stroud R.S.* *Drakon's Law...*

⁶ В частности, в нем употреблены термины родства и , в классическую эпоху уже вышедшие в Афинах из употребления и замененные более широким .

⁷ *Шишова И.А.* Ук.соч. С.56-57.

нельзя не упомянуть весьма интересную статью⁸ известной исследовательницы древнегреческого общества и культуры С.Хамфрис «Исторический подход к закону Драконта об убийстве».

До недавнего времени считалось, что до нас дошел лишь закон о неумышленном убийстве. Указывалось при этом, что текст первого аксона непосредственно после преамбулы конца V в. начинался словами:

. Иными словами, возникало впечатление, что перед нами – не начало закона (!), а его продолжение. Однако такое толкование ставило перед исследователями кажущиеся неразрешимыми проблемы. Где же тогда закон об *умышленном* убийстве? Может быть, он шел после закона о неумышленном? Или такой закон вообще не был записан Драконтом? Или он был впоследствии отменен, перестал применяться, утратил силу? Все эти предположения выдвигались, но сразу же отвергались как не подкрепленные данными источников, да и попросту противоречащие элементарной логике.

Блестящий, на наш взгляд, выход из положения предложил М.Гагарин. Он очень убедительно показал, что сохранившийся закон относился не только к неумышленному убийству, но и ко всем видам этого преступления. В частности, им было продемонстрировано, что конструкция должна переводиться не «и если», а «даже если» (в противном случае в начале фразы стояло бы не , а)⁹. Таким образом, начало закона звучало так: «Даже если один человек убьет другого неумышленно, он должен уйти в изгнание». Имплицитно предполагалось, что в случае умышленного убийства преступник должен тем более поступить так же. Следовательно, наказанием и за умышленное, и за неумышленное убийство по закону Драконта в равной степени было изгнание (а не смертная казнь!).

Но как же быть с вошедшей в пословицу суровостью «драконовского» законодательства, которое, если верить поздним авторам, будто бы предусматривало смертную казнь почти за все преступления, будь то кража, праздность или

⁸ *Humphreys S.C. A Historical Approach to Drakon's Law on Homicide // Symposium 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S.17-45. Сп. Méléze Modrzejewski J. Op.cit.*

⁹ *Gagarin M. Drakon... P.65-101.*

убийство (Plut.Sol.17)? Впрочем, вызывает серьезные сомнения, были ли первые афинские законы действительно столь уж недифференцированными. Что это не вполне так – понимали уже некоторые античные авторы (Paus.IX.36,8: «Когда же впоследствии Драконт писал афинянам свои законы, то в его законах... были установлены случаи, когда убийство не влечет за собой уголовной ответственности»). Они указывали, что Драконт различал умышленное и неумышленное убийство, проявляя к ним разное отношение (Dem.XXI.43: «К тем же, кто совершил убийство нечаянно, они [законы] допускают вполне гуманное отношение и даже могут простить их»), ввел категорию оправданного или дозволенного убийства (Dem.IX.44: «В законах об убийствах есть оговорка насчет таких лиц, для которых в случае их убийства законодатель не допускает судебного разбирательства, но которых считает позволительным убить»; XX.158: «Драконт... установил в законодательном порядке случаи, при которых убийство разрешено»), даже предоставил убийце некий минимум правовых гарантий (Dem.XXIII.28: «Подвергать же пыткам его [убийцу] не разрешается, как не разрешается и взыскивать с него выкуп или требовать от него двойного возмещения стоимости вреда, причиненного им»). Как мы теперь видим, эпиграфический текст закона об убийстве тоже не дает повода говорить о какой-то особой «суровости»: помимо того, что в качестве наказания предлагается не смерть, а изгнание, еще и настойчиво рекомендуется примирение родственников жертвы и убийцы. Таким образом, жестокость драконтовских законов была, очевидно, сильно преувеличена аристократической традицией: в VII в. до н.э. родовая знать уже в самом появлении писаных законов, ограничивавших ее всевластие при толковании устного права, видела ситуацию весьма для себя неблагоприятную.

Но дело, как нам представляется, не только в этом. Мы совершенно согласны с Хамфрис, что Драконт вообще больше не писал никаких законов, кроме законов об убийстве (точнее, одного большого закона, состоящего из ряда параграфов). В ином случае было бы совершенно необъяснимо, почему через каких-нибудь два десятилетия Солону пришлось вводить совершенно новый кодекс¹⁰. Плутарх говорит (Sol.17), что Солон отменил все законы Драконта, кроме законов об убийстве. Но неужели за такой краткий срок ситуация в Аттике настолько

¹⁰ Humphreys S.C. A Historical Approach... P.18.

радикально изменилась, что побуждала к почти полному пересмотру *всего* свода законов? Да такой полный пересмотр был бы и совершенно беспрецедентен в греческом мире. Не будем забывать и о том, что некоторые законы Солона, например: «Кто выколет глаз одноглазому, тому за это выколоть оба глаза», «Чего не клал, того не бери, а иначе смерть» (Diog.Laert.I.57), «Невесте перед тем, как запереть ее с женихом, давать поест айвы» (Plut.Sol.20) и т.п. – никак не производят впечатления «авторского творчества» законодателя. Это, конечно же, архаичнейшие нормы обычного права, уходящие корнями едва ли не в глубины первобытности и в неизменном виде вошедшие в солоновский корпус, который, таким образом, отнюдь не был новым, написанным афинским мудрецом специально для того, чтобы заменить «устаревшие» законы Драконта. Гораздо резоннее предположить, что последние касались *только* убийства, и именно поэтому через достаточно короткий срок Солон должен был кодифицировать остальные сферы обычного права для регулирования иного рода жизненных ситуаций.

Стало быть, пресловутые законы, охраняющие частную собственность и карающие посягательство на нее смертью, являются позднейшей фикцией? В принципе, это нельзя считать исключенным. Известно, что в политической публицистике V-IV вв. до н.э. фигура Драконта, как и других ранних деятелей афинской истории, подверглась значительной мифологизации¹¹. Первому афинскому законодателю был приписан целый ряд мер, никакого отношения к нему не имевших. Безусловно фиктивной является, например, знаменитая «конституция Драконта» (Arist.Ath.pol.4), имеющая характер цензовой политики и измышленная, скорее всего, автором какого-то памфлета эпохи Пелопоннесской войны и олигархических переворотов. И тем не менее даже такой критичный ум, как Аристотель, не распознал этой фальсификации и уже после завершения своего трактата о государственном устройстве Афин «задним числом» ввел туда сведения об этой «конституции»¹².

¹¹ Ruschenbusch E.

. Theseus, Drakon, Solon und Kleisthenes in Publizistik und Geschichtsschreibung des 5. und 4. Jahrhunderts v.Chr. // Historia. 1958. Bd.7. Ht.4. S.398-424.

¹² Fritz K. von. The Composition of Aristotle's Constitution of Athens and the So-called Dracontian Constitution // ClPh. 1954. V.49. No.2. P.73-93; Ruschenbusch E. Die Quellen zur älteren griechischen Geschichte: Ein Überblick über den Stand der Quellenforschung unter besonderer Berücksichtigung der Belange des

И всё же нам кажется, что в традиции, приписывавшей Драконту смертную казнь за кражу, есть зерно истины. Здесь можно говорить скорее не о фикции, а о неточном понимании афинянами классической эпохи одного из положений закона об убийстве. Это положение, находившееся ближе к концу эпиграфической копии (ст.36-39) и потому очень плохо сохранившееся, но восполняемое из цитаты у Демосфена (XXIII.60), звучит так: «Если один человек, защищаясь, убьет другого, уводящего или уносящего что-то с применением силы и вопреки справедливости (под эту категорию подпадают и воры, точнее, грабители – И.С.), причем совершит это на месте

()¹³». Убивший грабителя не нес никакой ответственности. Это-то и могло впоследствии восприниматься как смертная казнь за воровство.

Но, тем не менее, остается не снятым вопрос о том, почему за убийство (и умышленное, и неумышленное) Драконт предписал изгнание, а не смерть. Ответить на него можно, на наш взгляд, лишь учитывая специфику менталитета греков архаической эпохи. Убийство, считавшееся, в принципе, частным, а не государственным преступлением (впрочем, частным в рассматриваемый период скорее для родов, чем для отдельных лиц) затрагивало тем не менее также и интересы полиса, но лишь постольку, поскольку оно было религиозным феноменом. Убийство создавало ситуацию, когда на полисной земле оказывался «оскверненный» индивид – источник некой магической «заразы» для окружающих. Как следовало поступить с таким индивидом? Оставить его безнаказанным было, конечно, невозможно: это *ipso facto* создало бы угрозу осквернения для всех его сограждан, для всего полиса. Но ответ на убийство новым убийством (в виде казни) тоже был не оптимальным решением проблемы: на смену старому возникал новый источник скверны. Самым лучшим в подобном

Rechtshistorikers // Symposion 1971: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1975. S.75 (Рушенбуш считает, что непосредственным источником главы о «конституции Драконта» послужило для Аристотеля сочинение Деметрия Фалерского, появившееся в

середине 320-х гг.).

¹³ Об этом выражении см.: Velissaropoulos-Karakostas J. // Symposion 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S.94-105.

положении казалось именно *изгнание* убийцы, удаление его за пределы страны. Такой выход и ликвидировал непосредственную опасность для государства, и в то же время не приводил к новой насильственной смерти. Убийца, спокойно живущий где-то вдали от Аттики и не претендующий на возвращение, как справедливо замечает Хамфрис, не представлял для законодателя никакой проблемы¹⁴. Поэтому дошедший до нас закон делает особый акцент на более сложных и неоднозначных ситуациях, таких, как неумышленное убийство.

Первое афинское законодательство не должно рассматриваться телеологически, как стадия в прогрессивной эволюции некой «правовой идеи». Драконт не знал и не мог знать, что в достаточно скором времени за его законами последуют законы Солона. Он не задавался целью не только составить целостный свод обычного права, но даже и осветить в равной степени все аспекты того преступления, которому были посвящены его законы, и наказания за него. Строго говоря, законодатель вообще не предписал никакого наказания за убийство. Он устанавливал условия изгнания и примирения, иными словами, ставил проявления кровной мести под контроль государства. Что, пожалуй, самое важное, - Драконт связывал всех жителей Аттики некими общеобязательными процедурами, необходимыми для ликвидации «скверны», вызванной убийством, поскольку, повторим, божественное наказание могло обрушиться на страну в целом¹⁵. Вводить же какие-то санкции со стороны полиса за совершенное преступление не входило в его задачу.

Законы Драконта – не «уголовный кодекс» и даже не часть такового, а конкретный продукт конкретной эпохи, письменная фиксация древнего обычая, причем лишь в тех его пунктах, которые вызывали сомнение и требовали разъяснения и уточнения¹⁶. Последний аспект важно специально подчеркнуть, поскольку он редко принимается во внимание. Именно

¹⁴ *Humphreys S.C. A Historical Approach...* P.36. Конечно, умышленный убийца, не желавший уходить в изгнание или самовольно возвращавшийся из него на родину, подлежал смерти. Таким образом, смертная казнь за убийство в Афинах всё-таки существовала, но существовала скорее *de facto*, нежели *de iure*. Именно так следует понимать ряд пассажей Демосфена (XXI.43; XXIII.28-31).

¹⁵ *Frost F.J. The Rural Demes...* P.173.

¹⁶ *Mélèze Modrzejewski J. Op.cit.* P.8-9.

уточнение спорных вопросов, связанных с убийством и его последствиями, вопросов, которые стали особенно животрепещущими в период внутривойсковых конфликтов, последовавших за подавлением Килонова мятежа (Plut.Sol.12), стало, на наш взгляд, целью рассматриваемой кодификации. И такое уточнение было произведено: в законе оговаривалось, что даже неумышленный убийца не может принуждать родственников жертвы к примирению, которое должно быть результатом добровольного согласия на строго определенных условиях; что убийца, покинувший пределы Аттики, защищен от кровной мести; что отдельные, специально оговоренные случаи убийства не влекут за собой отмщения; разграничивалась компетенция «царей» (архонта-басилея и филобасилеев) и эфетов при проведении следствия и суда и т.п.

Какие силы были в конце VII в. до н.э. заинтересованы в письменной фиксации законодательства об убийстве? В частности, какую позицию по отношению к такой фиксации заняли (или могли занять) Алкмеониды, во главе которых, насколько можно судить, по-прежнему стоял Мегакл (I), руководивший подавлением мятежа и убийством мятежников? Высказывалось мнение, что законодательство Драконта стало возможным благодаря изгнанию Алкмеонидов, которые, таким образом, причислялись к противникам законов¹⁷. Нам, однако, представляется более обоснованной позиция тех исследователей¹⁸, которые зачисляют Алкмеонидов в сторонники законодательства Драконта, демонстрируя те выгоды, которые предоставляло последнее для этого рода.

Как мы видели, первое афинское законодательство в значительной мере подорвало корни варварского обычая не санкционированной государством кровной мести, заменив последнюю судебным процессом. Вооруженные конфликты, терзавшие Афины, отныне становились противозаконными. И это не могло не устраивать Алкмеонидов, страдавших от мести со стороны родственников убитых мятежников. Не менее важным для них было и другое обстоятельство. Если закон об убийстве и не давал точного определения этого преступления, то, во всяком случае, он, отграничивая умышленное убийство от неумышленного, одновременно выделял *оправданное* убийство, совершившие которое освобождались от ответственности.

¹⁷ Колобова К.М. Возникновение и развитие... С.15-17.

¹⁸ Stroud R.S. Drakon's Law... P.70-74; Littman R.J. Kinship and Politics... P.59; Stanton G.R. Athenian Politics... P.26.

Именно под эту последнюю категорию (пусть даже и с некоторой натяжкой) попадали действия Алкмеонидов при подавлении мятежа Килона. Не случайно, как отмечалось выше (гл. II, §4), впоследствии на суде над членами этого рода против них было выдвинуто обвинение не в убийстве, а в религиозном преступлении.

Необходимо отметить, что в данном случае интересы Алкмеонидов объективно совпали с исторической необходимостью. Письменная фиксация хотя бы каких-то частей устного обычного права в любом случае очень скоро должна была встать «на повестке дня». Конечно же, нельзя отрицать и того факта, что демос в результате кодификации Драконта в некоторой степени избавился от всевластия евпатридской знати, полностью державшей до того в своих руках толкование неписаных правовых норм. Не следует, пожалуй, лишь преувеличивать значение этого факта. Вряд ли в VII в. до н.э. сколько-нибудь заметная доля рядовых аттических крестьян владела искусством грамотности. Да и предназначались законы скорее не для них, а для судей. При проведении самого этого мероприятия – записи законодательства об убийстве – вряд ли голос демоса играл решающую роль. Однако, как бы то ни было, можно сказать, что уже с 621 г. до н.э. Алкмеониды пошли по тому пути, на котором впоследствии их крупнейшие представители (Клисфен, Ксантипп, Перикл) оказались во главе демократической группировки и проводили важнейшие реформы, ведущие к становлению и развитию афинской демократии. Разумеется, этот «демократизм» Алкмеонидов был обусловлен не столько принципиальными идейными соображениями, сколько наличием общих интересов в конкретных ситуациях.

§2. Алкмеониды и Солон

Не менее сложным и, во всяком случае, более многоплановым, чем рассмотренный выше, является вопрос об отношении Алкмеонидов к реформам Солона, об их возможной роли в этих реформах. Наиболее радикальная из известных нам попыток разрешить эту проблему была предпринята Э.Френчем¹⁹. Его построение заключается в следующем. Аристотель в описании солоновских нововведений (Ath.pol.5-12) черпает материал преимущественно из стихов самого Солона,

¹⁹ French A. Solon's Act...

причем этих стихов Стагирит попросту не понял. В них законодатель ставит себе в заслугу такие меры, как снятие закладных камней с земельных участков, возвращение изгнанников, освобождение поработенных (Sol.fr.24 Diehl). На деле речь в названных строках идет не о сисахфии, как обычно считается, а о посреднической деятельности Солона в связи с возвращением Алкмеонидов из изгнания. Солон стал посредником между Алкмеонидами и их противниками из других евпатридских родов: «А я меж ними, как на спорном поле столб, стал на меже» (Sol.fr.25 Diehl); «Стал я, могучим щитом своим тех и других прикрывая» (Sol.fr.5 Diehl). Он возвратил на родину изгнанных Алкмеонидов, вернул им земли, отнятые и распроданные после их изгнания, освободил их сторонников и «клиентов», проданных в рабство. Концепция Френча, таким образом, относит один из наиболее содержательных фрагментов Солона (fr.24) целиком к Алкмеонидам, а также отрицает факт солоновской кассации долгов – сисахфии.

При очевидной фантастичности изложенной гипотезы с ходу отвергнуть ее не так уж и просто. Известно, что мнение Аристотеля о сисахфии (поддержанное Плутархом, Sol.15) было не единственным в античной традиции. Так, аттидограф Андротион (FGrHist.324 F34) отождествлял термин «сисахфия» не с отменой долговой кабалы, а с реформой мер, весов и монетной системы (об этой реформе см. Arist.Ath.pol.10)²⁰. При таком понимании сисахфии 24-й фрагмент Солона действительно никак не может быть отнесен к ней и должен иметь в виду именно возвращение Алкмеонидов. Попробуем для уяснения истинного положения вещей в двух словах обрисовать картину внешнего и внутреннего положения солоновских Афин. Следует при этом учитывать, что деятельность Солона и ее исторический контекст – одна из самых загадочных страниц афинской истории. Дать ее однозначную, непротиворечивую и никем не оспариваемую интерпретацию в силу ряда причин вряд ли когда-нибудь

²⁰ *Chambers M.* Op.cit. P.46-49. Монеты Афины во времена Солона еще не чеканили (*Kraft K.* Zur solonischen Gewichts- und Münzreform // *Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte.* 1969. Bd.19. S.7-24; *Crawford M.H.* Solon's Alleged Reform of Weights and Measures // *Eirene.* 1972. V.10. P.5-8), но отрицать проведенную им реформу мер и весов нет серьезных оснований.

удастся²¹. Не случайно и сама политическая фигура Солон получает самые различные оценки, в том числе даже и в отечественной историографии, в которой им занимались мало и редко (и по сей день у нас не существует ни одной монографии, специально посвященной этому деятелю). Самого знаменитого афинского законодателя считают то революционером²², то, напротив того, консерватором, стремившимся сдерживать умеренными преобразованиями революционное движение эпохи²³, то реформатором, стремящимся к компромиссу между различными слоями общества для достижения единства, стабильности полиса²⁴ (не скроем, что именно последняя точка зрения кажется нам наиболее импонирующей, взвешенной, свободной от крайностей, как было свободно от крайностей политическое творчество самого Солон – этого первого известного нам в истории «центриста»).

Первым важным мероприятием Солон (еще до его архонтата в 594 г. до н.э., скорее всего, ок.600 г.), снижавшим ему известность и популярность, была война с Мегарами из-за Саламина. Об этой войне наиболее подробно говорит Плутарх в биографии Солон, но последовательность событий в его изложении, на наш взгляд, нарушена по причине путаницы, возникшей у биографа в связи с посреднической деятельностью Солон (Плутарх относит ее не к возвращению Алкмеонидов, как следовало бы, а к их изгнанию). В действительности вначале Мегары (возможно, находившиеся еще под властью тирана Феагена) около 615 г., то есть после поражения внутри Афин группировки Алкмеонидов и изгнания последних из Аттики, захватили Саламин (Plut.Sol.12), в какой-то степени, не исключено, в качестве мести за неудачу мятежа Килон, зятя и протеже мегарского тирана. А уже позже, около 600 г. до н.э., Солон вновь отвоевал Саламин (Plut.Sol.8-10). Таким образом, в

²¹ Например, Э.Харрис в недавно вышедшей работе (*Harris E. A New Solution to the Riddle of the Seisachtheia // The Development of the Polis in Archaic Greece. L.-N.Y., 1997. P.103-112*) тоже приходит к выводу, что источники, и прежде всего стихотворения Солон, не дают основания считать сисахфию кассацией долгов, и считает эту меру не экономической, а чисто политической, представлявшей собой попытку ослабить власть региональных аристократических лидеров в сельской местности.

²² Колобова К.М. Революция Солон // Ученые записки ЛГУ. №39. Серия ист. наук. Вып.4. Л.,1939. С.25-72.

²³ Лурье С.Я. К вопросу о роли Солон...

²⁴ Фролов Э.Д. Рождение... С.131-135.

этом внешнеполитическом вопросе антимергарская позиция Солона и Алкмеонидов (пребывавших в то время за пределами афинского полиса, но вряд ли совершенно утративших влияние на его дела) полностью совпала, делая их естественными союзниками²⁵.

Требуется, далее, тщательного анализа соотношение нескольких хронологически весьма близких (см. выше, гл. I, §1) событий этого времени: очищения Афин Эпименидом и религиозной реформы, первой Священной войны, законодательства Солона, в том числе закона об амнистии. По нашему мнению, все эти события находились в непосредственной и тесной связи между собой и также демонстрируют полное совпадение интересов Солона и Алкмеонидов.

Уже было отмечено не вполне обычное обстоятельство: стихотворения Солона (едва ли не единственного из архаических лириков) демонстрирует если не равнодушие, то прохладное отношение к Дельфам. Вознося молитвы богам, поэт-законодатель часто апеллирует к Зевсу и Афине, но никогда – к Аполлону²⁶. Имя последнего встречается у него только один раз (fr.1 Diehl, 53), причем в совершенно нейтральном контексте. Однако дело здесь не в каких-то мировоззренческих расхождениях. Нет, Солон и как мыслитель и как практический деятель вполне «аполлоновичен», проникнут духом гармонии, строя, космического миропорядка, претворяющегося на человеческом уровне в идею «благозако́ния» ()²⁷. Причины вышеупомянутого факта следует, насколько можно судить, искать в политической сфере. Очевидно, отношения Солона и Дельфийского оракула были (во всяком случае, до определенного момента) достаточно натянутыми. Не случайно

²⁵ Ср.: *French A.* Solon and the Megarian Question...; *Legon R.P.* Op.cit. P.124-125 (в этих работах предлагается несколько иная последовательность событий).

²⁶ *Smertenko C.M., Belknap G.N.* Op.cit. P.5-12.

²⁷ О важности идеи эвномии в мировоззрении Солона см.: *Reinhardt K.* Solons Elegie // *RhM.* 1916. Bd.71. S.128-135; *Jaeger W.* Solons Eunomie // *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse.* 1926. S.69-85; *Vlastos G.* Solonian Justice // *CIPh.* 1946. V.41. No.2. P.65-83; *Lumpe A.* Solons Einfluss auf Xenophanes // *RhM.* 1955. Bd.98. Ht.4. S.378; *Jones J.W.* Op.cit. P.93; *Webster T.B.L.* Athenian Culture and Society. Berkeley, 1973. P.94.

Солон пригласил для очищения Аттики и содействия в проведении религиозной реформы не дельфийского эмиссара, как чаще всего делалось в таких случаях, а Эпименида, занимавшего антидельфийскую позицию²⁸. И здесь позиция Солона, как видим, совпадает с алкмеонидовской: ведь в свое время именно Дельфы, контролируемые тогда «крисейской» группировкой, спровоцировали мятеж Килона, а впоследствии подняли вопрос о «скверне» и добились изгнания Алкмеонидов.

Религиозные реформы Солона, проведенные чуть раньше политических преобразований 594 г., еще до облечения его полномочиями архонта и посредника-примирителя (), во многом продолжали меры Драконта по пресечению родовой кровной мести. В особенной степени это можно сказать об упрощении и урегулировании погребальных обрядов, широкий размах и экспрессивно-эмоциональный характер которых являли собой прямую угрозу стабильности полиса. Страстные причитания над могилой погибшего ожесточали присутствующих и часто выливались в призывы к мщению, которые могли тут же перерасти в непосредственные действия (как это и происходит, например, в «Хозфорах» Эсхила)²⁹. Разумеется, и эти меры законодателя не могли быть невыгодными для Алкмеонидов.

О целях Афин в первой Священной войне вкратце уже упоминалось выше. Концепция Форреста, согласно которой Афины боролись прежде всего за свое влияние на оракул, за отстранение от власти в Дельфах «крисейской» – антиафинской, антисолоновской и антиалкмеонидовской группировки³⁰, остается наиболее убедительной и практически не имеющей альтернатив. Смена власти в Дельфах способствовала, во-первых, поддержке и освящению оракулом реформ Солона, во-

²⁸ Ср. об этом приглашении: *Nestle W. Griechische Geistesgeschichte von Homer bis Lukian. Stuttgart, 1944*². S.51; *Gomme A.W. A Historical Commentary...* V.1. P.427.

²⁹ Ср.: *Rohde E. Psyche. Le culte de l'âme chez les Grecs et leur croyance à l'immortalité. P.,1928.* P.185; *Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический эгейский мир. М.,1958.* С.482. См. также выше, 108 прим.31 к гл.I.

³⁰ Впервые изложена в работе: *Forrest W.G. The First Sacred War...*P.39-42. Следует отметить, что еще до Форреста сходные мысли о роли Афин, Солона и Алкмеонидов в первой Священной войне высказывались в отечественной историографии: *Глускина Л.М. Дельфы в период Первой священной войны // ВДИ. 1951. №2. С.213-221.*

вторых же – культовому очищению Алкмеонидов от «скверны» при храме Аполлона, что сделало возможным их возвращение в Афины.

С налаживанием отношений между Афинами и Дельфами, очевидно, связано учреждение в Афинах института экзегетов-пифохрестов в противовес более древним экзегетам-свпатридам (не исключено, что последние участвовали в конце VII в. в суде над Алкмеонидами). Высказывалось мнение³¹, что целью введения пифохрестов (толкователей воли Дельфийского оракула) было именно возвращение Алкмеонидов: новые экзегеты должны были публично заявить о конце «Килоновой скверны» ввиду очищения не только Аттики, но и самих «оскверненных».

Посредническая деятельность Солона, как считает большинство исследователей³², была связана не с изгнанием, а именно с *возвращением* Алкмеонидов. Традиция же, приписывающая Солону участие в *изгнании* «проклятых» (именно она отразилась у Плутарха, Sol.12), если не является плодом простой путаницы, должна отражать какую-то тенденцию и восходить, скорее всего, к антиалкмеонидовским кругам. Нельзя исключать, что первым эту версию выдвинул Гелланик³³.

Итак, мы опять наблюдаем полное совпадение интересов Солона и Алкмеонидов. Добавим, что, по авторитетному мнению А.И.Доватура³⁴, весь дух законодательства Солона был направлен на разрушение старых норм коллективной ответственности. Этот же мотив звучит и в солоновских литературных произведениях, в том числе в крупнейшей, наиболее важной для его мировоззрения из дошедших до нас элегий – «К самому себе» (Sol. fr.1 Diehl). Такая позиция по

³¹ Jacoby F. Atthis... P.38 ff.; Parke H.W., Wormell D.E.W. Op.cit. V.1. P.110-112; Parker R. Miasma: Pollution and Purification in Early Greek Religion. Oxf.,1985. P.131.

³² Moulinier L. La nature et la date... P.201; Williams G.W. The Curse of the Alkmaionidai. I. P.46; Gomme A.W. A Historical Commentary... V.1. P.427; Lévy P., Vidal-Naquet P. Op.cit. P.33; Bengtson H. Griechische Geschichte... S.100. Иного мнения придерживается Джеффри (Jeffery L.H. Archaic Greece... P.88), но это, кажется, смущает ее саму. В целом Солон был сторонником Алкмеонидов, говорит исследовательница, но в данной ситуации он ошибся.

³³ Schreiner J.H. Op.cit. P.23 ff.

³⁴ Доватур А.И. Феогнид и его время. Л.,1989. С.106.

соображениям, изложенным выше, также не могла не приветствоваться Алкмеонидами.

Пытаясь воспроизвести исторический контекст преобразований Солона, следует помнить о том, что память о Килоновом мятеже и его последствиях еще тяготела над городом. Более того, этот вопрос как будто становился еще более актуальным в связи с близящейся возможностью нового установления тирании (стихотворения законодателя полны предостережениями против «великих мужей» – потенциальных тиранов, отказами захватить тираническую власть самому и т.п.³⁵). Характерно, что один из солоновских законов (Diog.Laert.I.55; ср. Plut.Sol.23) уменьшал престиж победителей в панэллинских играх (в том числе Олимпийских), сокращая награды за эти победы. Очевидно, Солон учитывал, что единственная имевшая место до его архонтата попытка захвата единоличной власти в Афинах исходила именно от *олимпионика* – Килона³⁶. Эту меру Алкмеониды тоже должны были поддержать; правда, спустя два года тогдашний глава рода Алкмеон (I) сам одержал победу в Олимпии, но в 594 г. своего будущего он, понятно, не мог знать.

Подведем некоторые итоги. Влияние Алкмеонидов на реформы Солона было шире и глубже, чем может показаться на первый взгляд. Наверное, не следует идти так далеко, как Э.Френч, относящий ряд важнейших мер законодателя целиком и полностью к этому роду. Впрочем, мы бы не хотели касаться здесь общей направленности солоновской деятельности. Для нас (да и не только для нас) в традиции о ней слишком много неясного. До IV в. до н.э. у античных авторов содержатся лишь краткие упоминания о Солоне (Геродот, комедиографы Кратин, Аристофан, Евполид, софист Алкидамант). Начиная с Исократа и далее информации о законодателе резко прибывает, но где в этой информации проходит грань между истиной и вымыслом – сказать совершенно невозможно³⁷: Солон предстает совершенно

³⁵ Sol.fr.8, 9, 10, 23 Diehl. Высказывалось мнение, что под тираном в этих фрагментах имеется в виду Дамасий, во время попытки которого удержать за собой власть архонта Солон вернулся в Афины из десятилетнего путешествия: Hammond N.G.L. *Studies in Greek History...* P.160.

³⁶ Vlastos G. *Op.cit.* P.74-75.

³⁷ Ruschenbusch E. ... S.399-409; Ellis J.R., Stanton G.R. *Factional Conflict and Solon's Reforms* // *Phoenix*. 1968. No.2. P.95-110; Mossé C. *Comment s'élabore un mythe politique: Solon, "père fondateur" de la démocratie athénienne* // *Annales: économies, sociétés, civilisations*. 1979. V.34.

мифологизированной фигурой. Едва ли не фантастичен и социально-экономический контекст, в который Аристотель или Плутарх помещают солоновские преобразования. Откуда могли взяться массовая задолженность крестьян и их обезземеливание в Аттике конца VII в. до н.э., где не было ни стенохории, ни денег, ни значительного имущественного расслоения, - нам, признаться, непонятно. Сложность ситуации усугубляется озадачивающим сообщением «Афинской политики» (2,2) о «шестидольниках» (гектеморах), которые назывались так потому, «что на таких арендных условиях

) они обрабатывали поля богачей». Какие же условия имеются в виду? Если речь идет о выплате арендатором богачу одной шестой урожая, то такую норму эксплуатации никак нельзя назвать суровой; напротив, по меркам древних обществ она весьма умеренна и вряд ли сама по себе могла вызвать взрыв социальной напряженности. Противоположное же толкование приведенной цитаты (арендатор, отдающий хозяину пять шестых, а одну шестую оставляющий себе) тоже совершенно невозможно. Столь высокой нормы эксплуатации не знало, наверно, ни одно общество, поскольку она попросту исключала бы физическое выживание эксплуатируемых, тем более на неплодородных греческих почвах. Подобного рода не поддающиеся интерпретации высказывания сильно снижают совокупную ценность свидетельства о досолоновских Афинах. В целом можно сказать только, что весь этот вопрос нуждается в дополнительном изучении и должен стать предметом отдельной работы.

Для нас в данной ситуации важно другое. Алкмеониды в силу ряда объективных причин, прежде всего ввиду совпадения их позиции с позицией Солона по многим вопросам первостепенной значимости как во внешней, так и во внутренней политике, оказались в большей степени, нежели любой другой аттический род, естественными союзниками законодателя, поддержавшими его нововведения³⁸. Подчеркиваем, что эта наша мысль не имеет ничего общего с

№3. P.425-437; *David E. Solon, Neutrality and Partisan Literature of Late Fifth-Century Athens* // МН. 1984. V.41. Fasc.3. P.129-138; *Hansen M.H. Solonian Democracy in Fourth-Century Athens* // СМ. 1989. V.40. P.71-99.

³⁸ Ср.: *Jacoby F. Atthis...* P.39 ff.; *Hignett C. Op.cit.* P.105, 109-110; *Кыйв М.* Три «партии» в Аттике в VI в. до н.э. в контексте социально-политической истории архаических Афин // АП. С.64-66.

высказывавшейся некоторыми старыми авторами³⁹ идеей, согласно которой и Солон и Алкмеониды являлись выразителями интересов «торгово-ремесленных» слоев. Главным источником богатств Алкмеонидов, как показал исследовавший этот вопрос Дж. Дейвис⁴⁰, были, как и у других аристократов, земельные владения. К тому же мы и вообще далеки в данном случае от того, чтобы объяснять перипетии политической борьбы социально-экономическими факторами. Непосредственной и недвусмысленной корреляции между этими двумя сферами почти никогда не бывает даже в наше время.

Насколько можно судить, Солон отвечал Алкмеонидам взаимностью, добившись политической, юридической и религиозной реабилитации «оскверненного» рода. Не случайно, думается, что в поздней традиции имена двух современников – Солона и Алкмеона (I) – подверглись даже некоему «красису», когда деяния одного были приписаны другому. Так произошло в случае с первой Священной войной. Некоторые античные авторы считают, что афинянами в этом конфликте руководил Солон, хотя убедительное свидетельство дельфийских (ap.Plut.Sol.11) отводит эту роль

Алкмеону. Возможно, следы аналогичного смещения можно обнаружить и в традиции о визитах Алкмеона и Солона в Сарды, ко двору лидийского царя (см. выше, гл.I, §3). Таким образом, солоновские реформы и их конечный успех не в меньшей мере, чем законодательство Драконта, оказались связаны с рядом перипетий истории Алкмеонидов. Этот род вновь (и далеко не в последний раз) оказался на «магистральном пути» формирования демократического афинского полиса.

§3. Алкмеониды и Дельфы

Важность Дельфов в греческом мире, колоссальное влияние, оказанное этим культовым центром на многие стороны религиозной, культурной, политической жизни Эллады – всё это оправдывает наш интерес к контактам между оракулом и знаменитейшим аттическим родом. Интерес этот тем более обоснован, что связи Алкмеонидов и Дельфов были прочными, многолетними и в то же время претерпевавшими неоднократные изменения в своем характере. Связи эти, с одной стороны, были обусловлены рядом характерным особенностям истории

³⁹ Например: *Wilbrandt M.* Op.cit. S.182.

⁴⁰ *Davies J.K.* Op.cit. P.384-385.

Алкмеонидов, в том числе наличием родового проклятия, «Килоновой скверны». С другой стороны, отношения с дельфийским жречеством, в свою очередь, во многом предопределили судьбу «проклятого» рода, повлияли на основные черты его политики и жизни⁴¹. Длительные контакты подчеркиваются довольно большим количеством типичных для Алкмеонидов имен, встречающихся в просопографии Дельфов (Мегакл, Калликсен, Аристоним, Диномаха)⁴². Эти имена вообще редки в греческом мире, и по их количеству Дельфы уступают лишь Эретрии (о связях которой с Алкмеонидами мы уже говорили) и самим Афинам.

Не исключено, что определенную роль при налаживании связей Дельфов и Алкмеонидов сыграла общность культа. Наиболее важным культом аттической Паралии (области, с которой всегда связывали свою деятельность Алкмеониды, в которой они в первую очередь находили опору) был культ Аполлона⁴³. Культ этот изначально пришел в прибрежные районы Аттики, скорее всего, не из Дельфов, а с Делоса, тесные связи с которым Афины поддерживали всегда, вплоть до классической и эллинистической эпох. Возможно, однако, что культы Аполлона Делосского и Аполлона Пифийского могли достаточно рано вступить во взаимодействие, создавая для дельфийского жречества и Алкмеонидов единую базу для общения. Если у Алкмеонидов действительно отсутствовал собственный локальный культовый центр (как мы видели в гл. I, §2, этот вопрос нельзя считать однозначно решенным), это тоже должно было играть свою роль, вызывая стремление рода найти сакральную опору «на стороне». Однако непосредственным поводом к началу активных контактов послужило подавление Алкмеонидами мятежа Килона.

Первоначально, впрочем, ничто не говорило о будущих дружественных связях. Более того, стороны находились в состоянии прямой враждебности. Стоявшая в конце VII в. до н.э. у власти в Дельфах группировка, ориентировавшаяся на приморский город Крису, практически инициировала выступление Килона в 636 г., дав благоприятный оракул.

⁴¹ *Ibid.* P.369; Vernant J.-P. Op.cit. T.1. P.213-214; Webster T.B.L. Op.cit. P.89-93.

⁴² Cromei R.D. Op.cit. P.146.

⁴³ Этот вопрос наиболее подробно разобран в работе: Зельин К.К. Борьба политических группировок... С.139-145. На выводах К.К.Зельина в основном базируется и наше дальнейшее изложение в этом абзаце.

Впоследствии, видимо, эта же группировка, опираясь на авторитет дельфийского храма в вопросах «скверн» и очищений, подняла вопрос об «оскверненности» Алкмеонидов, что повлекло, как мы уже знаем, их первое изгнание из Аттики⁴⁴. Поэтому нет никаких оснований считать⁴⁵, что годы этого изгнания (на рубеже VII-VI вв. до н.э.) Алкмеониды провели в Дельфах. С большим основанием можно утверждать, что местом их пребывания в этот период была Эретрия (см. выше, гл. I, §3).

Переломным моментом стала первая Священная война, связь которой с делом Килона и Алкмеонидами отмечают многие исследователи⁴⁶. Алкмеон (I), командовавший в этой войне афинским контингентом (Plut.Sol.11), судя по всему, формально еще находился в изгнании⁴⁷. Как бы то ни было, у Алкмеонидов имелись свои счеты с обвинившими их в «оскверненности» крисейскими Дельфами, что обусловило их активную роль в этом вооруженном конфликте. Война, начавшаяся около 596-595 гг., закончилась к 590 или 586 г.⁴⁸, но уже к 594 г. Дельфы, из-за которых она, собственно, и разгорелась, были освобождены от влияния Крисы. К власти в них пришла иная, гораздо более лояльно настроенная по отношению к Афинам группировка, вскоре же санкционировавшая авторитетом оракула солоновские реформы. Тогда же было снято формальное препятствие к возвращению в Аттику Алкмеонидов. Они получили в новых Дельфах культовое очищение. Прямых указаний на это в источниках нет⁴⁹, но эта акция, вне всяких сомнений, должна была состояться. Помимо общетеоретических

⁴⁴ Daux G. *Athènes et Delphes* // ASPF. P.37; Andrewes A. *The Greek Tyrants*. N.Y., 1963. P.60; Lévêque P., Vidal-Naquet P. *Op.cit.* P.35; Mastrocinque A. *Ricerche...* II. P.6; Burn A.R. *The Lyric Age...* P.202.

⁴⁵ Так считают: Toepffer J. *Alkmaionidai...* Sp.1559; Williams G.W. *The Curse of the Alkmaionidai*. I. P.38; Parke H.W., Wormell D.E.W. *Op.cit.* V.1. P.111.

⁴⁶ Jacoby F. *Atthis...* P.39; Forrest W.G. *The First Sacred War...* P.39-42; Ellis W.M. *Op.cit.* P.2; Глускина Л.М. Дельфы в период...

⁴⁷ Forrest W.G. *The First Sacred War...* P.42; Hammond N.G.L. *Studies in Greek History...* P.161; Burn A.R. *The Lyric Age...* P.202. Возражения см.: Robertson N. *The Myth...* P.66-68, но автор этой статьи вообще отрицает историчность первой Священной войны.

⁴⁸ По хронологии см.: Petersen J.C.W. *Op.cit.* P.83; Sordi M. *La prima guerra sacra* // RFIC. 1953. V.31. Fasc.4. P.320-346; Mastrocinque A. *Ricerche...* II. P.9; Jeffery L.H. *Archaic Greece...* P.73-74; Stahl M. *Op.cit.* S.208-209.

⁴⁹ Podlecki A.J. *The Political Background of Aeschylean Tragedy*. Ann Arbor, 1966. P.86-87; Dodds E.R. *The Ancient Concept of Progress...* P.50.

соображений, на эту мысль наводит ряд имплицитных аллюзий в «Эвменидах» Эсхила, ассоциирующих Ореста с Периклом⁵⁰.

Почему же вопрос о проклятии Алкмеонидов не был просто снят после их ритуального очищения и неоднократно впоследствии возрождался? Видимо, по той же причине, по которой афиняне в 432 г. до н.э. припомнили спартанцам «скверну» Павсания, тоже давно искупленную. Помимо всего прочего, существовало представление, что очищение может и не возыметь надлежащего эффекта. Вспомним для примера хотя бы тот же миф об Оресте. Гонимый Эриниями, этот герой получает очищение в Дельфах от самого Аполлона, но это оказывается безрезультатным. Затем его судит и оправдывает афинский суд Ареопага, но и это не умиряет окончательно гнев богинь мщения. В конце концов Орест вынужден отправиться в далекую Тавриду, чтобы привезти оттуда древнюю статую Артемиды, и только после этого искупительного акта ощущает себя свободным от «скверны». Другой аналогичный пример – герой Алкмеон (отметим совпадение имен!), также, согласно мифу, очищавшийся от пролитой крови многократно и безуспешно.

Во всяком случае, именно с победой коалиции, в которую входили Афины, в первой Священной войне связано утверждение влияния Алкмеонидов в Дельфах. К моменту прибытия к оракулу Аполлона посольства лидийского царя (по нашим расчетам, около 593 г. до н.э., см. гл. I, § 1) Алкмеон (I) был уже настолько авторитетен в кругах дельфийского жречества, что смог оказать послам содействие, причем содействие весьма серьезное, судя по тому, что в ответ на эту услугу он удостоился приглашения в Сарды (Herod. VI.125). Итак, установленные контакты сразу оказались прочными и многообещающими.

Эти контакты, как можно заключить из дальнейшего, не прерывались в течение всего VI в. до н.э. Отнюдь не случаен тот факт, что в период своих следующих изгнаний из Афин, в 546–527 и 514–510 гг. до н.э., Алкмеониды избрали местом своего пребывания именно Дельфы. Как мы видели выше, Эретрия или Сикион вряд ли могут в это время рассматриваться как места их изгнания: первый из двух вышеназванных полисов находился под влиянием Писистратидов, а во втором база поддержки Алкмеонидов должна была исчезнуть с ликвидацией дружественной им тирании Орфагоридов.

⁵⁰ Суриков И.Е. Афинский ареопаг... С.37–39.

Дельфийский оракул был крайне нерасположен к Писистрату и Писистратидам. Впрочем, афинские тираны платили ему взаимностью. Рассказ о том, что четвертый дельфийский храм Аполлона, сгоревший в 548 г. до н.э., был якобы подожжен Писистратидами (Philoch. FGrHist.328 F115), вряд ли соответствует действительности, но он, безусловно, отражает традицию о вражде Дельфов и писистратовских Афин. Писистратида покровительствовали частным прорицателям (, ср. Herod.I.62), хранили на афинском Акрополе большую коллекцию тайных оракулов, не имевших отношения к Дельфам (Herod.V.90), поощряли деятельность орфического экзегета Ономакрита (Herod.VII.6). Всё это вряд ли могло быть симпатичным дельфийскому жречеству, настаивавшему на единственной авторитетности собственных оракулов. Судя по всему, Писистратида вели курс на превращение Афин в один из крупнейших самостоятельных религиозных центров Греции, независимых от Дельфов. В русле этой политики находилось основание таких празднеств, как Великие Панафиней, Великие Дионисии, по замыслу своему общегреческих. Пытались Писистратида установить в Аттике и собственный культ Аполлона Пифийского (IG.I².761; Thuc.VI.54,6-7; Hesych.s.v. ; Suid.s.v.)⁵¹.

Тем большее влияние имели в Дельфах Алкмеониды, демонстративные (в то время) враги Писистрата. У них был, помимо чисто политических мотивов, и личный счет к тирану: именно он в период своего второго прихода к власти, ок. 556 г., возродил старое обвинение в «Килоновой скверне» (Herod.I.61;

⁵¹ Насколько нам известно, в настоящее время ни один серьезный исследователь, за исключением стоящего в этом вопросе на несколько гиперкритических позициях И.А.Макарова (*Макаров И.А.* Тирания и Дельфы... С.122), не оспаривает традиции о напряженности, существовавшей между династией афинских тиранов и дельфийским святилищем. Из обширной литературы вопроса см.: *Colin G. Le culte d'Apollon Pythien à Athènes.* P.,1905. P.1-19; *Parke H.W., Wormell D.E.W.* Op.cit. V.1. P.144-150; *Parke H.W.* Op.cit. P.131-134, 185-186; *Kolb F.* Die Bau-, Religions- und Kulturpolitik des Peisistratiden // *JDAI.* 1977. Bd.92. S.99-138; *Boardman J.* Op.cit.; *Littman R.J.* Kinship and Politics... P.153-155; *Залюбовина Г.Т., Щербаков В.И.* Ук.соч. С.29; *Кулишова О.В.* Ук.соч. С.17-19. О религиозной политике Писистрата см. также: *Маринович Л.П.* Гражданин на празднике Великих Дионисий и полисная идеология // *Человек и общество в античном мире.* М.,1998. С.303-309.

Arist. Ath.pol.15,1). Высказывалось предположение, что в период своего изгнания Алкмеониды даже чеканили в Дельфах монету со своей родовой эмблемой (три человеческие ноги, расходящиеся из одного центра, т.е. что-то вроде трехконечной свастики)⁵². Такие монеты, относящиеся к группе т.н. *Warpenmünzen*, действительно существуют. Связь именно этого типа монет с родом Алкмеонидов уловлена Селтманом, который первым выдвинул эту гипотезу, на чисто интуитивном уровне. Достаточно убедительных доказательств в ее пользу он не привел, ограничившись весьма косвенными данными. Известно, что в Афинах действительно были родовые эмблемы (), некие подобию гербов, носимые обычно на щитах (Plut.Alc.16). Изображения ноги и трех расходящихся ног встречаются в вазописи алкмеонидовского круга; намеки на какую-то связь Алкмеонидов с эмблемой белой или черной ноги, правда, смутные и неясные, существуют в источниках (Aristoph.Lys.664 cum schol.; Hesych.Suid.s.v.). Не имея специальной нумизматической компетенции, мы не возьмем на себя смелость однозначно высказаться по столь сложному и запутанному вопросу и оставим его открытым. Отметим только, что, в принципе, материальное положение Алкмеонидов даже в изгнании вполне позволяло им иметь собственную чеканку. Согласно еще одной гипотезе, выдвигавшейся в связи с пребыванием Алкмеонидов при оракуле Аполлона, именно по их инициативе в дельфийский круг Семи мудрецов был введен афинянин Солон – их давний покровитель⁵³. Нам такой вывод кажется совершенно не обязательным. Связь канона Семи мудрецов именно с Дельфами скорее, чем с каким-либо другим местом, вряд ли подлежит сомнению⁵⁴. Но к Солону Дельфы после первой Священной войны благоволили и сами по себе, без какого-либо влияния Алкмеонидов. Если уж всерьез касаться этой проблемы, с бóльшим основанием можно утверждать обратное: Алкмеониды в начале VI в. до н.э. получили в Дельфах «протекцию» от очень авторитетного там Солона.

После вторичного изгнания Алкмеонидов из Афин Гиппием в 514 г., когда их новое примирение с тиранами стало по

⁵² *Seltman C.T.* Op.cit. P.79-84; *Зельин К.К.* Борьба политических группировок... С.140.

⁵³ *Defradas J.* Op.cit. P.219.

⁵⁴ Ср.: *Виц-Маргулес Б.Б.* Семь городов – семь мудрецов // ВЧОАМ. С.40 (легенды, связывающие Семь мудрецов и Дельфы).

существо невозможным (дело дошло даже до прямых военных действий при Липсидрии), Дельфы возложили на них особые надежды. Именно им был дан подряд на завершение строительства пятого дельфийского храма, и, без сомнения, это было сделано в пику Писистратидам. Предыдущий (по традиции – четвертый) храм Аполлона, построенный, как считали сами античные авторы, легендарными зодчими Трофонием и Агамедом (Cic.Tusc.I. 47,114; Strab.IX.421; Paus.IX.36,4-5; X.5,9-13; Schol.Aristoph. Nub.508), а по археологическим данным относящийся к концу VII – началу VI вв. до н.э.⁵⁵, сгорел, как отмечалось выше, в 548 г. (Herod.П.180). Храм, в сооружении которого принимали участие Алкмеониды, был разрушен землетрясением в 373 г. до н.э.; шестой храм, пришедший ему на смену, простоял до конца античной эпохи (Paus.X.5,13).

Пятый дельфийский храм, – пожалуй, наиболее значительное свидетельство связей Алкмеонидов с оракулом, демонстрирующее, что связи эти были отнюдь не чем-то второстепенным, преходящим, а имели действительно глубокий, прочный, можно сказать, взаимно-доверительный характер⁵⁶. Раскопки храма производились в 30-40-е гг. XX в. французскими археологами⁵⁷. Установлены с достаточной точностью части постройки, принадлежащие Алкмеонидам: оба фронтона, вероятно, также, карниз, фриз и эпистиль. О художественных достоинствах этих деталей храма даже после раскопок сказать что-то определенное трудно: самое время его завершения нельзя определить с полной точностью, хотя

⁵⁵ Об этом храме см.: *Pomtow H.* Die drei Brände des Tempels zu Delphi // *RhM.* 1896. Bd.51. Ht.3. S.329-380; *Fontenrose J.* Op.cit. P.5; *Sourvinou-Inwood Chr.* The Myth of the First Temples at Delphi // *ClQ.* 1979. V.29. No.2. P.231-251; *Maass M.* Op.cit. S.11.

⁵⁶ Г.Т.Залюбовина высказала мнение, что строительная деятельность Алкмеонидов в Дельфах имела искупительный характер: *Залюбовина Г.Т.* Грех кровопролития в древней Эллад: очищение и искупление (мифы, легенды, история) // VI чтения памяти профессора В.Д.Блаватского. М.,1999. С.55. Нам кажется, что в этом акте всё же было значительно больше политических мотивов, хотя, конечно, религиозный фактор исключать тоже нельзя (ведь всё, что происходило в Дельфах, не могло не нести а priori религиозной окраски).

⁵⁷ *Plassart A.* Op.cit.; *La Coste-Messelière P. de.* Op.cit.; *Lévêque P., Vidal-Naquet P.* Op.cit. P.85-89; *Tomlinson R.A.* Greek Sanctuaries. N.Y., 1976. P.66-67.

датировка с 514 г. и позже кажется наиболее приемлемой (см. прим.41 к гл.I). Во всяком случае, все перечисленные детали принадлежат к завершающим.

Особенно важна атрибуция Алкмеонидам фронтонов храма. Как известно, фронтоны несли совершенно особую семантическую нагрузку в образной системе греческого святилища; именно изображения на них были обычно наиболее концептуализированными, зачастую выстраиваясь даже в определенную идеологическую программу⁵⁸. Высказывалось предположение⁵⁹, что скульптором, выполнившим фронтонные статуи, был Антенор, тесно связанный с Алкмеонидами⁶⁰, а впоследствии создавший первую скульптурную группу тираноубийц Гармодия и Аристоклитона (Paus.I.8,4). Как бы то ни было, не приходится сомневаться, что искусство – и особенно монументальное искусство – выполняло в эпоху архаики, как и позже, важные политические функции. Вполне естественным и наверняка имевшим место было стремление Алкмеонидов провести в этих произведениях определенные идеи, отвечавшие интересам рода. Конечно, о том, как конкретно эти идеи могли проводиться, можно судить только гипотетически. В частности, французский ученый А.Плассар⁶¹, опираясь на анализ ряда найденных при раскопках скульптурных фигур с восточного фронтона⁶² дельфийского храма (архаические коры), высказал предположение, что экфразу этого фронтона представляет собой начало эсхиловских «Эвменид» (ст.1-20), и эта точка зрения, не скроем, нам импонирует. В таком случае центральной сценой фронтона должно было быть прибытие Феба в Дельфы, причем в сопровождении афинян (см. схолии к этому месту)⁶³. Под этими афинянами,

⁵⁸ О значении фронтонов см.: *Lapalus E.* Le fronton sculpté en Grèce des origines à la fin du IVe siècle: Étude sur les origines, l'évolution, la technique et les thèmes du décor tympanal. P.,1947.

⁵⁹ *Lévêque P., Vidal-Naquet P.* Op.cit. P.12.

⁶⁰ *Cloché P.* Le siècle de Périclès. P.,1970⁵. P.14.

⁶¹ *Plassart A.* Op.cit. P.293 ss.

⁶² Восточный фронтон в греческих храмах, считавшийся главным («передним»), обычно нес изображения иератического, сакрального, культово важного для данного храма характера: *Childs W.A.P.* Op.cit. P.3; *Соколов Г.И.* Олимпия. М.,1980. С.92.

⁶³ Заметим, что Эсхил (и, следовательно, скульптор?) отступает от традиционного дельфийского мифа (Homer.Hymn.III): Аполлон приходит у

пришедшими с богом-вещателем, вполне возможно, могли подразумеваться сами Алкмеониды.

Во многом благодаря расположению со стороны Дельфов Алкмеонидам удалось в 510 г. до н.э. вернуться на родину, добившись изгнания тиранов спартанским войском (Herod.V.63-65; Aristoph.Lys.614 sqq., 1150 sqq.; Arist.Ath.pol.19,4-6). Высказывалось мнение, что в ликвидации афинской тирании была более всего заинтересована сама Спарта, использовавшая и Дельфы, и Алкмеонидов лишь для прикрытия⁶⁴. Безусловно, эта акция прекрасно укладывалась в русло общей антитиранической политики Спарты в VI в. до н.э.⁶⁵; освобождение Афин, помимо прочего, могло способствовать вовлечению этого крупного полиса в спартанскую сферу влияния, вплоть до включения его в Пелопоннесский союз, что, судя по всему, и было на краткий срок (до 507 г.) сделано. Однако, по нашему мнению, нельзя сбрасывать со счетов и религиозный авторитет Дельфов, и большое значение, придававшееся их оракулам (в частности, только Дельфы могли санкционировать разрыв ксении, связывавшей Спарту с Писистратидами), и, наконец, действительно серьезное отношение спартанцев к религии, в особенности к оракулам⁶⁶. При этом вовсе не обязательно принимать буквально версию Геродота о прямом подкупе оракула Клисфеном. Всех богатств Алкмеонидов, безусловно, попросту не хватило бы на то, чтобы подкупить жречество богатейшего в Греции святилища. Собственно, подкуп как таковой был и не нужен: Дельфы и без того симпатизировали Алкмеонидам как в силу их давних

него в Дельфы не морем в виде дельфина с критскими мореходами, а с Делоса через Аттику с афинянами и, насколько можно судить, в человеческом облике.

⁶⁴ Parke H.W., Wormell D.E.W. Op.cit. V.1. P.144-150; Sealey R. A History... P.146; Zahrt M. Delphi, Sparta und die Rückführung der Alkmeoniden // ZPE. 1989. Bd.76. S.297-307; Littman R.J. Kinship and Politics... P.125-130; Макаров И.А. Тирания и Дельфы... С.130; он же. Формы идеологического обоснования... С.22.

⁶⁵ Мы пока не видим достаточных оснований разделять тотальный скептицизм И.А.Макарова (Макаров И.А. Тирания и Дельфы... С.129-131) по отношению к весьма ранней и авторитетной (Herod.V.92,1; Thuc.I.18,1) традиции об антитиранической тенденции во внешней политике позднеархаической Спарты. Подробнее см.: Cawkwell G.L. Op.cit. Passim.; Курилов М.Э. Ук.соч. С.7.

⁶⁶ Залюбовина Г.Т. Архаическая Греция... С.51; Lewis D.M. The Tyranny of the Pisistratidae // CAH². V.4. 1988. P.300-302; Robinson E.W. Op.cit.

взаимоотношений, так и в связи с реставрацией храма (Herod.V.62,3), и в любом случае были заинтересованы в том, чтобы утвердить в Афинах дружественный им род взамен слишком самостоятельных Писистратидов.

В то же время мы не видим основания сомневаться в том, что главой Алкмеонидов в их дельфийском изгнании являлся будущий реформатор Клисфен. Соображения, высказанные В.М.Строгецким в пользу того, что Клисфен оставался в Афинах и был союзником Гиппия⁶⁷, не кажутся нам убедительными. Помимо прямого указания такого раннего автора, как Аристофан (Lys.614 sqq.), называющего освободителем афинян именно Клисфена, свидетельством этого может служить явно доброжелательно-покровительственное отношение Дельфов к Афинам в период клисфеновских реформ, их безусловная поддержка. Близость Клисфена и Алкмеонидов к Дельфам проявилась, в частности, в благожелательном ответе Пифии на запрос афинян, связанный с переименованием фил (Arist.Ath.pol. 21,6). При негативном отношении к реформам оракул мог бы дать прямо отрицательное, как в аналогичной ситуации Клисфену Сикионскому (Herod.V.67,3), или двусмысленное прорицание⁶⁸.

Очевидно, не без этой причины закончилась полным крахом попытка Исагора и Клеомена I изгнать Алкмеонидов из Афин, вновь воспользовавшись предлогом «Килоновой скверны»: это требование вряд ли могло быть поддержано стоявшими на стороне Клисфена Дельфами и потому не имело религиозной силы. Кроме того, есть основания утверждать, что во времена Клисфена было произведено еще одно очищение Афин, причем, возможно, с использованием привезенных с Крита оракулов или иных святынь, связанных с именем Эпименида: впоследствии это ввело в заблуждение Платона, датировавшего визит Эпименида в Аттику рубежом VI-V вв.(Legg.I.642de)⁶⁹.

В том случае, если сообщение Элиана (Var.hist.XIII.24) об остракизме Клисфена несет в себе какое-то зерно истины, то есть если реформатор действительно был изгнан из Афин (конечно, не путем остракизма), то наиболее вероятным местом

⁶⁷ Строгецкий В.М. Клисфен и Алкмеониды...

⁶⁸ Picard Ch. Op.cit. P.265; Schachermeyr F. Die frühe Klassik... S.68; Shapiro H.A. Religion and Politics in Democratic Athens // AAAD. P.123.

⁶⁹ Huxley G. Op.cit.; ср.: Mastrocinque A. Ricerche... II. P.9.

его пребывания должны были стать те же Дельфы⁷⁰. В любом случае, как мы отмечали выше (гл.I, §1), в 500-е гг. до н.э. в Дельфах еще достраивался Алкмеонидами храм Аполлона, явно не заверченный к моменту возвращения их из изгнания на родину.

После Клисфена, в начале V в. до н.э., симпатии Дельфов к Алкмеонидам не прекращаются. Умеренно проперсидская позиция, занятая Алкмеонидами в Афинах накануне мидийских войн (подробнее см. ниже, гл.IV, §1), вполне совпадала с позицией дельфийского жречества⁷¹ и не могла ему не импонировать. Отнюдь не случайно Мегакл (IV), изгнанный из Афин остракизмом в 486 г., практически сразу оказался в Дельфах, где в том же году стал победителем в Пифийских играх⁷². На эту его победу написал седьмую Пифийскую оду великий Пиндар. Этот близкий к Дельфам, проникнутый «аполлоновским» духом поэт, певец скорее аристократического этоса, чем греческого патриотизма, находился, судя по всему, в весьма тесных отношениях с Алкмеонидами. Известно, что ему принадлежала также надгробная песнь () на смерть Гиппократа (I) – отца вышеупомянутого Мегакла и брата Клисфена (Pind.fr.137)⁷³.

Седьмая Пифийская отличается более интимным, личным тоном, чем большинство других од Пиндара. Чувствуется, что автор лично знает заказчика, его семью, находится с ним в дружеских отношениях. В оде проходят аллюзии на постройку Алкмеонидами храма Аполлона (ст.10-12), на их победы в панэллинских играх (ст.13-17), на недавний остракизм Мегакла (ст. 18-19). Ни словом не упоминается Марафон, где роль Алкмеонидов была двусмысленной.

Однако впоследствии, особенно в годы фактического правления Перикла, отношения Дельфов к Афинам вообще и Алкмеонидам в частности претерпели серьезные изменения. Эта

⁷⁰ Crome R.D. Op.cit. P.147. Причиной такого изгнания, возможность которого все-таки нельзя совершенно исключать (уж слишком внезапно исчезает Клисфен с афинской политической арены), могло стать, например, недовольство граждан чрезмерными уступками Персии, сделанными афинским посольством в Сардах (Herod.V.73).

⁷¹ Parke H.W., Wormell D.E.W. Op.cit. V.1. P.162.

⁷² Ср.: Burn A.R. Pericles and Athens... P.13.

⁷³ Об Алкмеонидах и Пиндаре см.: De Sanctis G. Pericle. Milano, 1944. P.15-16; Schachermeyr F. Die frühe Klassik... S.246-247; Ehrenberg V. From Solon to Socrates... P.174-175; Webster T.B.L. Op.cit. P.168-169; Dickie M.W. Op.cit.

тема слишком сильно выходит за хронологические рамки данной главы и будет рассмотрена в соответствующем месте (гл.IV, §2).

§4. Алкмеониды и тирания

Алкмеониды, пожалуй, в большей степени, нежели любой другой афинский род, имели устойчивую репутацию борцов против тирании. Традиция эта встречается уже у Геродота, который в своей апологии Алкмеонидов в шестой книге «Истории» неоднократно прилагает к ним эпитет (VI.121; VI.123). Геродоту вторит Фукидид (VI.59,4; VI.89,4). Такая характеристика Алкмеонидов охотно воспринимается ораторами IV в. до н.э. (Isocr.VII.16; XV.232; XVI.25-26; Demosth.XXI.144), Аристотелем (Arist.Ath.pol.20,4) и становится общим местом в сочинениях позднейших авторов (Plut.Mor.858c; Schol.Pind.Pyth.VII.hypoth.; Schol.Demosth.XXI. 144; Nonn.Abb.36,1060 Migne; Cosmas Hierosol.38,561 Migne; Tzetz.Chil.I.197-208).

В действительности же, как это обычно и бывает, ситуация гораздо менее однозначна. Прежде всего – и это сразу бросается в глаза – нельзя говорить о принципиальной вражде Алкмеонидов к тирании уже потому, что Мегакл (II), как мы видели выше, в 571 г. до н.э. (всего лишь за десятилетие до прихода к власти Писистрата) породнился с династией сикионских тиранов Орфагоридов. Да и вообще вряд ли можно говорить для этого времени о принципиальном неприятии каким-либо аристократическим родом тирании и тиранов. Скорее глава каждого знатного рода, напротив, рассматривал себя как потенциального претендента на единоличную власть: идея тирании на определенных этапах греческой истории просто-таки носилась в воздухе⁷⁴.

Мы совершенно солидарны с И.А.Макаровым, в недавнем исследовании в результате углубленного анализа источникового материала пришедшим к выводу о том, что тираны архаического эпохи не являлись выразителями интересов демоса или «торгово-ремесленных слоев», что старшая тирания была феноменом чисто аристократическим – и по социальным корням, и по своей идеологии⁷⁵. В то же время мы не можем

⁷⁴ Ehrenberg V. From Solon to Socrates... P.78; Roussel D. Op.cit. P.58; Burn A.R. The Lyric Age... P.188.

⁷⁵ Макаров И.А. Формы идеологического обоснования... Passim.

принять другого принципиального вывода И.А.Макарова – об отсутствии какого-либо позитивного вклада архаической тирании в развитие греческого полиса. На наш взгляд, необходимо чуть подробнее остановиться на этом вопросе, хотя это и будет в некоторой степени отступлением от общего хода изложения. Дело в том, что в самое последнее время на ту же точку зрения о чисто негативной роли старшей тирании встал такой авторитетный исследователь, как Э.Д.Фролов⁷⁶. Не скроем, что нам это представляется отходом от иной, более взвешенной и не столь отрицательной оценки этого явления, высказывавшейся в его прежних работах⁷⁷.

Мы не в силах удержаться от целого ряда недоуменных вопросов. А как же быть с тем, что многие полисы позднеархаической эпохи именно под властью тиранов достигли могущества и процветания (Коринф при Кипселидах, Афины при Писистратидах, Сикион при Орфагоридях, Сиракузы при Дейноменидах, Самос при Поликрате и др.)? Неужели это развитие имело место исключительно *вопреки* деятельности представителей старшей тирании? Далее, случайно ли, что именно наиболее передовые полисы (в том числе практически все те, в которых впоследствии сложилась демократия) прошли через стадию тирании, а большинство тех греческих государств, которые этого опыта не знали, как бы застыли в несколько стагнирующей позиции? Почему аттические крестьяне с ностальгией вспоминали годы правления Писистрата как золотой век, «жизнь при Кроне», причем сообщает об этом Аристотель (Ath.pol.16,7) – отнюдь не поборник или апологет тирании, а просто добросовестный и скрупулезный ученый? Как объяснить тот факт, что великий Пиндар увековечил доблести сицилийских и киренских тиранов, а другой выдающийся лирик – Симонид, на склоне лет прославившийся как певец побед греков над персами, до того несколько десятилетий провел при дворах целого ряда представителей старшей тирании? Всё ли дело здесь в каком-то сверхъестественном цинизме и беспринципности этих гениальных художников или же лучше поискать иного, более многогранного объяснения феномена? Стоит ли забывать, наконец, что традиция включала некоторых тиранов (Периандра, Клеобула, а зачастую – и того же Писистрата) в перечень Семи мудрецов, и, стало быть, сами

⁷⁶ Фролов Э.Д. Фукидид и тирания... С.28.

⁷⁷ Например: Фролов Э.Д. Рождение... С.158-162.

греки считали их достойными стоять в одном ряду с Солоном, Хилоном, Фалесом⁷⁸?

Одним словом, мы не уверены в том, что «общественно-политическая мысль и историческая наука древних греков с редким единодушием вынесли отрицательный вердикт об архаической тирании», как пишет Э.Д.Фролов. На наш взгляд, скорее можно говорить о двойственном отношении: с негативной в целом оценкой режима единоличной власти как такового сочеталось и переплеталось восхищенное удивление (даже с оттенком благоговейной оторопи) к личностям и делам конкретных представителей старшей тирании. Высказав эту нашу принципиальную позицию, мы можем вернуться к основному предмету настоящего параграфа.

Среди афинских аристократических родов эпохи архаики довольно трудно отыскать такой, который не был бы как-то связан с тиранией и тиранами (в родном полисе или за его пределами). Род Килона, как мы видели выше, породнился с Феагеном Мегарским. Такой прославленный род, как Филаиды, уже очень рано, в VII в. до н.э., вступил в матримониальную связь с коринфскими Кипселидами. Это следует как из прямого указания Геродота (VI.128), так и из наличия имени Кипсел в ономастике Филаидов (Herod.VI.34-36). Род Бузигов (из которого впоследствии происходил по мужской линии Перикл) до того, как вступить в союз с Алкмеонидами, а, может быть, и одновременно с этим, был близок к Писистрату и Писистратидам (Р.Оху.IV.664,101-102). Если нам и встречаются какие-то аристократы – ненавистники тиранов, как, например, Каллий, сын Фениппа из рода Кериков (Herod.VI.121), то не приходится сомневаться, что эта вражда была обусловлена личными, а не принципиальными причинами. Исключением из правила, конечно, не были Алкмеониды, тем более что их отношение к Писистрату осложнялось рядом немаловажных нюансов.

Насколько можно судить, изначально Мегакл (II) – глава Алкмеонидов в середине VI в. до н.э. – и Писистрат были союзниками. Оба они вышли из круга сторонников Солона, оба, видимо, принадлежали к паралиям, пока Писистрат не создал

⁷⁸ Уже некоторых позднеантичных авторов смущало это обстоятельство. Так, моралист Плутарх, не желая принять в respectable компанию мудрецов кровавого Перияндра, поставил на его место скифа Анахарсиса (Mor.152ab).

отдельную группировку диакриев (Herod.I.59)⁷⁹. В связи с этим нельзя не обратить внимания на то, что уже впоследствии, в период существования «трехпартийной» системы (педиеи, паралии, диакрии), Писистрат неоднократно вступал в коалицию с Мегаклом, но нам ничего не известно о каких-либо его сближениях с Ликургом, вождем педиеев.

Около 557-556 гг. до н.э. именно такая коалиция с Мегаклом позволила Писистрату, изгнанному из Афин, во второй раз прийти к власти. Именно к этому моменту относится известная с торговой венками Фией в обличье богини Афины, причем автором этой уловки, судя по всему, был именно глава Алкмеонидов (Arist.Ath.pol.14,4)⁸⁰. Новый альянс отразился и в сфере ономастики: и Мегакл, и его брат Алкмеонид (I) называли своих сыновей, родившихся в этот период, именем Гиппократ⁸¹ (по отцу Писистрата). Подобные ономастические манипуляции были вообще в высшей степени характерны для Алкмеонидов.

Но главным актом, закрепляющим коалицию, должен был стать брак Писистрата и Кесиры (II) – дочери Мегакла и Агаристы (I). По иронии судьбы он-то и вызвал вскоре распад этого союза. История неудачного брака Писистрата и Кесиры, в ходе которого тиран (со своей молодой супругой) (Herod.I.61), обычно не воспринимается исследователями серьезно. На наш взгляд, однако, значение этого фактора не следует недооценивать. Во-первых, была задета аристократическая честь

⁷⁹ О первоначальной близости Алкмеонидов и Писистрата см.: *Arnheim M.T.W.* Op.cit. P.135-136; *Littman R.J.* Kinship and Politics... P.81 ff.; *Lavelle B.M.* The Sorrow and the Pity... P.95-101; *Кыїв М.* Ук.соч. С.65.

⁸⁰ *Dabdal Trabulsi J.A.* Dionysisme: pouvoir et société en Grèce jusqu'à la fin de l'époque classique. P., 1990. P.98. Ю.В.Андреев полагал, что мифологическим прототипом Писистрата в данном случае является Диомед (*Андреев Ю.В.* Тираны и герои... С.4). Такой ход мысли не кажется нам бесспорным. Неизвестно о какой-либо связи Писистратидов (или Алкмеонидов) с фигурой этого героя. Более убедительно, на наш взгляд, мнение Дж.Бордмана, согласно которому следует говорить о «подражании» Гераклу (*Boardman J.* Material Culture // САН². V.4. 1988. P.421). Образ «Афина и Геракл на колеснице» популярен в эти годы и в вазовой живописи.

⁸¹ Это соответственно Гиппократ (I) и Гиппократ (II) наших генеалогических таблиц (приложение III). Гиппократ, сын Мегакла, известен из письменных источников, а имя Гиппократа, сына Алкмеонида, сохранилось на острака 480-х гг. до н.э.

Мегакла, что само по себе немаловажно. Во-вторых, он лишился надежды видеть своих будущих внуков у власти в Афинах. В-третьих, как мы видим из сообщения Геродота, в связи с этим делом вновь был поднят вопрос о родовом проклятии, надолго забытый после очищения Алкмеонидом в Дельфах. Писистрат фактически создал прецедент, которым потом неоднократно пользовались враги этого рода⁸².

Однако даже изгнание Алкмеонидов из Аттики, последовавшее за третьим приходом к власти Писистрата (ок. 546 г. до н.э.), не поставило их в ряды безусловных и непримиримых противников тирании Писистратидов. После смерти Писистрата в 527 г. Гиппий, по всей видимости, решил укрепить свои политические позиции, встав на путь примирения с наиболее могущественными аристократическими родами – Алкмеонидами, Филаидами, Кериками. Именно к этому времени относится известный фрагмент списка архонтов, опубликованный Б.Мериттом в 1939 г.⁸³ Имена эпонимных магистратов в этом фрагменте, охватывающем промежуток с 527/6 по 522/1 гг. до н.э., идут в следующей последовательности: Онетор(ид?)⁸⁴, Гиппий⁸⁵, Клисфен⁸⁶, Мильтиад⁸⁷, Каллиад⁸⁸, (Писи)страт⁸⁹. Обнаружение в списке

⁸² О браке Писистрата и Кесиры см.: *Williams G.W. The Curse of the Alkmaionidai. I. P.48; Shear T.L. Koisyra...; Connor W.R. The New Politicians... P.15 f.; Vernant J.-P. Myth and Society in Ancient Greece. Brighton, 1980. P.54; Stahl M. Op.cit. S.56; Littman R.J. Kinship and Politics... P.96 ff.*

⁸³ *Meritt B.D. Op.cit.*

⁸⁴ Очевидно, архонт, избранный на свою должность еще при жизни Писистрата.

⁸⁵ Первое, что делает новый тиран, приняв бразды правления, - занимает годичную эпонимную должность. Отметим неожиданное обстоятельство: поскольку архонтом позволялось быть лишь единожды в жизни, получается, что Гиппий, будучи при жизни отца уже взрослым человеком и его активным помощником на государственном и военном поприщах, еще не занимал тем не менее эту магистратуру. Или для него было сделано исключение, и он стал архонтом повторно?

⁸⁶ Нет никаких сомнений, что это – будущий законодатель, уже в то время, очевидно, глава Алкмеонидов; не исключено, впрочем, что он просто являлся старшим из членов рода, еще не отправлявших должность архонта.

⁸⁷ Скорее всего, будущий марафонский победитель (хотя с точностью утверждать этого нельзя). Во всяком случае, несомненно, что это представитель рода Филаидов.

имени Клисфена, интересующего нас в первую очередь, может вызвать несколько разных предположений: либо Алкмеониды, примирившись с тиранами, возвратились в Афины, либо это сделал один Клисфен, либо часть Алкмеонидов с Клисфеном всегда оставалась в Афинах, либо изгнания 546 г. вообще не было. Наиболее вероятным выглядит первое предположение; оно-то и принято большинством исследователей (см. прим.38 к гл.I). В таком случае показательно, что Клисфен стал архонтом непосредственно после тирана Гиппия. В этом виден знак либо наибольшего авторитета Алкмеонидов среди других знатных родов, либо их наибольшей близости к Писистратидам, а скорее всего – и того и другого вместе.

Новый союз был, как и предыдущий, закреплён брачными узами. Согласно весьма вероятной гипотезе П.Бикнелла⁹⁰, в этот период за Гиппократом (I), брата Клисфена, была выдана замуж дочь самого Гиппия (имя неизвестно), ставшая впоследствии матерью Мегакла (IV) и Агаристы (II), матери Перикла. Этим во многом объясняются те факты, что Мегакл был изгнан остракизмом в 486 г. до н.э. как

(Arist.Ath.pol.22, 5-6), а Перикл имел внешнее сходство с Писистратом (Plut. Pericl.7): ведь тиран, таким образом, оказывался его прапрадедом. Характерный нюанс: в те же 520-е гг. на сестре Гиппократа и Клисфена (имя ее опять же неизвестно⁹¹) женился Арифрон из рода Бузигов, очевидно, близкого в этот период и к Алкмеонидам, и к Писистратидам. От этого брака на свет появился отец Перикла Ксантипп (I), который был, таким образом, наполовину Алкмеонидом⁹². Мы

⁸⁸ Имя Каллиад (как и Каллий) было в Афинах наиболее распространено в среде рода Кериков.

⁸⁹ Меритт, публикуя надпись, не склонен был считать, что речь может идти о Писистрате Младшем, сыне Гиппия. Однако более подходящего варианта восстановления имени, кажется, не найти. Да и выглядит такая последовательность вполне логично: эпонимная магистратура после Гиппия как бы проходит по кругу трех наиболее влиятельных родов и вновь возвращается в семью Писистратидов.

⁹⁰ Bicknell P.J. Athenian Politics... P.152 ff.

⁹¹ Одной из самых больших сложностей, встающих в связи с занятиями аттической просопографией, является именно крайне редкое упоминание источниками женских имен. См. по этому поводу: Gomme A.W. The Population of Athens... P.80-81. В классических Афинах упоминать все личные имена женщин из порядочных семей было просто не принято (Schaps D. Op.cit.).

⁹² Суриков И.Е. Перикл и Алкмеониды... С.17.

почти зримо ощущаем, как разные «алкмеонидовские» ниточки связываются в узел грядущей биографии еще не родившегося афинского «олимпийца».

В очередной раз альянс Алкмеонидов и Писистратидов был разорван в 514 г. до н.э. Не приходится сомневаться, что этот разрыв напрямую связан с состоявшимся в том же году неудачным заговором Гармодия и Аристогитона. Алкмеониды вряд ли были непосредственными участниками заговора, но, судя по всему, так или иначе были причастны к нему. П.Бикнелл, опираясь на ономастические данные, высказал предположение, что некая женщина из рода Алкмеонидов была выдана около этого времени замуж за представителя Гефиреев⁹³. Это, вероятно, и стало поводом к новому изгнанию Алкмеонидов. Брак Гиппократа и дочери Гиппия, скреплявший коалицию, был, конечно, расторгнут. Впоследствии (ок.511 г.) Гиппократ женился вторично, на этот раз на собственной племяннице (имя неизвестно), происходившей из рода Бузигов, родной сестре Ксантиппа (I), отца Перикла. Сын, родившийся от этого брака, также получил имя Ксантипп. Этот Ксантипп (II), сын Гиппократа, был впоследствии архонтом-эпонимом 479/8 г. до н.э. (Marm.Par.A52; Diod.XI.27,1); не следует путать его с его тезкой (отцом Перикла), который в том же году был стратегом (Diod.XI. 27,3)⁹⁴.

В период изгнания 514-510 гг. до н.э. Алкмеониды, безусловно, были настроены по отношению к Писистратидам наиболее непримиримо. Именно тогда они пытались укрепить Липсидрий, а после неудачи этого предприятия добились-таки своего возвращения на родину через свержение спартанцами тирании в Афинах. И всё же говорить об Алкмеонидах как о принципиальных противниках тиранов даже в это время нет достаточных оснований. Главной задачей для них была отнюдь не ликвидация тирании, а именно их собственное возвращение в Аттику – любой ценой. Другое дело, что в сложившейся обстановке эта задача никоим образом не могла быть выполнена, пока Гиппий оставался у власти, а рассчитывать на новое примирение не приходилось. Можно сказать, что в период тирании Алкмеониды не перешли к открытому военному противостоянию, пока не испытали всех возможных мирных средств (альянсы, коалиции и т.п.).

⁹³ Bicknell P.J. Studies... P.34.

⁹⁴ О Ксантиппе, сыне Гиппократа, см.: Figueira T.J. Xanthippos, Father of Pericles, and the Prutaneis of the Naukraroi // Historia. 1986. Bd.35. Ht.3. S.257.

В исследовательской литературе, кстати, высказывалось мнение, что в своей политической деятельности 500-х гг. до н.э. Алкмеониды наиболее последовательно продолжали линию Писистрата и Гиппия, как бы завершали их дело; Клизфен, таким образом, выступал едва ли не в качестве преемника или наследника тиранов⁹⁵. При всей парадоксальности этого положения здесь есть над чем подумать. Действительно, в течение всего времени пребывания Писистратидов у власти они, насколько можно судить, ни разу не столкнулись с каким-либо протестом или отторжением со стороны рядового демоса. Атические крестьяне вообще прямо-таки боготворили, по крайней мере, первого тирана (об их отношении к Гиппию сведений не сохранилось, но есть основания полагать, что оно было таким же). Вокруг фигуры Писистрата сложился целый ряд в высшей степени благожелательных анекдотов – о его встрече с крестьянином (Arist.Ath.pol.16,6), о явке его на суд Ареопага (Arist.Ath.pol.16,9) и т.п. Создается впечатление, что мелкие земледельцы видели в нем такого «добротного царя», защищающего простой народ от произвола знати. Отнюдь не случайно, что в конечном счете тирания в Афинах была свергнута только благодаря внешнему вмешательству; если бы не Спарта, народного движения против Писистратидов, похоже, пришлось бы ждать еще очень и очень долго⁹⁶.

Вся оппозиция афинским тиранам, все выступления против них исходили только от аристократических родов. Не было исключением и заговор Гармодия и Аристогонита. И вызывает сильные сомнения, что демос хоть как-то поддерживал эти выступления. К аристократии он всегда относился достаточно настороженно. Это показывает выбор, сделанный рядовым гражданством во время борьбы Клизфена и Исагора. Исагор был не менее, если не более, активным участником ликвидации тирании Писистратидов (хотя принципиальную враждебность к тирании и у него заподозрить трудно: он происходил из рода Филаидов⁹⁷, которому, как мы видели по списку архонтов, тоже приходилось сотрудничать с тиранами, а один из представителей этого рода – Мильтиад Младший в это самое

⁹⁵ Bicknell P.J. Whom did Kleisthenes Enfranchise? // PP. 1969. Fasc.124. P.34-37.

⁹⁶ Ср.: Строецкий В.М. Клизфен и Алкмеониды... С.99.

⁹⁷ Bicknell P.J. Studies... P.84-88.

время еще сидел тираном на Херсонесе Фракийском⁹⁸). Но к нему демос, как становится ясно из дальнейшего, испытывал ярко выраженную антипатию. Очевидно, его рассматривали как представителя аристократии, желающей воспользоваться ликвидацией власти Гиппия в своих корыстных целях.

Фактически в 507 г. до н.э. Клизфена поддерживали против Исагора и спартанцев те самые силы, которые еще совсем недавно составляли социальную опору Писистратидов. Возьмем на себя смелость утверждать, что, если бы Клизфен захотел в этот период установить собственную тиранию, он вряд ли встретил бы сколько-нибудь массовое сопротивление. Однако глава Алкмеонидов предпочел последовать примеру Солона, который в свое время «тирании власть суровую не взял» (Sol.fr.23 Diehl), несмотря на то, что сподвижники толкали его к этому. Если такой выбор Солон в начале VI в. до н.э. казался чем-то очень оригинальным и неожиданным и даже требовал оправдания, то для Клизфена на исходе того же столетия аналогичный выбор был уже куда более естественным. Тирания становилась анахронизмом; в Балканской Греции, кажется, вообще уже не осталось ни одного режима личной власти. Тираны в довольно большом количестве (не считая далекого и специфического великогреческого региона) встречались еще в Восточной Эгее, но все они были вассалами Великого царя и проводниками персидского владычества. Эти правители не являлись суверенами, да и вообще за редким исключением играли довольно-таки неблагоприятную роль (что имело свое, пока в должной степени не оцененное, значение для дискредитации самого понятия тирании, как бы делая синонимами понятия «тиран» и «персофил»). У Клизфена не мог не быть перед глазами негативный пример Гиппия, жившего в Сигее в качестве именно такого вассального тирана. Кроме того, Клизфен был человеком уже очень немолодым (около 60 лет) и не имел сыновей⁹⁹, то есть был лишен

⁹⁸ В 493 г. до н.э. Мильтиад, бежав с Херсонеса в Афины, был привлечен к суду как бывший тиран (Herod.V.104), но удивительно легко оправдался от всех обвинений (хотя сам факт его многолетней тирании опровергнуть было никак нельзя!), тут же стал стратегом и оказался одним из наиболее влиятельных политиков. Как видим, демос относился к бывшим тиранам более чем снисходительно.

⁹⁹ У Клизфена были только дочери (Cic.De leg.II.41). Одна из них, Кеси́ра (III), по вычислениям П.Бикнелла, впоследствии стала женой Мегакла (IV), своего двоюродного брата.

возможности основать династию. Все эти соображения, очевидно, оказались решающими при выработке главой Алкмеонидов своей политической линии¹⁰⁰. Как бы то ни было, можно утверждать с достаточной долей уверенности, что о принципиальных, «идейных» расхождениях Писистратидов и Алкмеонидов не может быть и речи.

Это подтверждается еще и тем, что отношения двух указанных родов не заканчиваются в 510 г. до н.э. Еще в начале V в., в период постоянно накалявшейся внешнеполитической атмосферы, фиксируется наличие связей между Алкмеонидами и политической группировкой оставшихся в Афинах «друзей тиранов», возглавляемой Гиппархом, сыном Харма, - родственником изгнанного Гиппия¹⁰¹. В историографии высказывались различные мнения о степени этой близости и ее основах¹⁰², но сам ее факт остается фактом. Отнюдь не случайно, что в течение 487-485 гг. до н.э. были изгнаны остракизмом Гиппарх и два Алкмеонида, все трое в качестве (Arist.Ath.pol.22,4-6)¹⁰³.

Алкмеониды, конечно, вряд ли могли желать реставрации в Афинах тирании престарелого Гиппия, но это, как мы видим, не мешало им заключать для конкретных политических целей альянсы с его сторонниками. Перед нами еще один аргумент, развенчивающий миф о принципиальном и неизменном «антитиранизме» Алкмеонидов.

Этот миф сложился в Афинах в течение V в. до н.э., уже ко времени Геродота, в ходе жесткой борьбы в общественном мнении, выразившейся в противостоянии «алкмеонидовской» и

¹⁰⁰ Впрочем, нельзя с уверенностью утверждать, что у Клисфена совершенно не было планов на тиранию. Афинское посольство в Сарды и формальное признание послами сюзеренитета персидского царя (см. выше, гл.I, §3) заставляют даже несколько усомниться в этом.

¹⁰¹ Нам представляется совершенно неубедительной недавняя попытка (Arnush M.F. The Career of Peisistratos Son of Hippias // *Hesperia*. 1995. V.64. No.2. P.135-162) доказать, что в 490-х гг. в Афинах находился Писистрат Младший – старший сын Гиппия.

¹⁰² How W.W., Wells J. Op.cit. V.2. P.359-360; Bengtson H. The Greeks and the Persians... P.42; *idem*. Griechische Geschichte... S.132, 137; Lintott A. Violence, Civil Strife and Revolution in the Classical City, 750-330 B.C. Baltimore, 1982. P.126.

¹⁰³ Подробнее о роли Алкмеонидов и «друзей тиранов» в политической борьбе начала V в. до н.э. см. ниже, гл.IV, §1.

«антиалкмеонидовских» традиций¹⁰⁴. Естественно, что обе версии освещали факты в той или иной степени субъективно и тенденциозно. Реально можно говорить о следующем. Заслуга освобождения Афин действительно во многом принадлежит Алкмеонидам (хотя и нельзя приписывать ее исключительно им). Однако это было обусловлено, повторим, отнюдь не принципиальным противостоянием Алкмеонидов и тиранов. Главной целью, которую ставили перед собой Алкмеониды в VI в. до н.э., было упрочение своего положения, достижение власти и влияния в Афинах. В борьбе за эту цель Алкмеониды могли использовать самые разные методы, прибегать к самым разнообразным коалициям. Если это сулило им политические выгоды, они неоднократно вступали в союз с Писистратом и Писистратидами, но не останавливались и перед тем, чтобы перейти в лагерь их противников, - опять же если этого требовала изменившаяся обстановка. В их позиции играло определенную роль и наличие родового проклятия – «Килоновой скверны», вопрос о которой был по крайней мере один раз поднят тиранами (Писистратом в 556 г. до н.э.). Кстати, этот религиозный фактор, строго говоря, никогда полностью не забывался и вновь встал на повестку дня уже в 507 г., т.е. почти сразу после изгнания Гиппия. Всеми вышеперечисленными моментами и обуславливалось отношение Алкмеонидов к тиранам и тирании¹⁰⁵.

§5. Алкмеониды и демос

В репутацию Алкмеонидов, наряду с разобранной выше враждебностью к тиранам, входил еще один устойчивый компонент. Они всегда считались наиболее приверженным демократии () из всех аттических знатных родов. Эту традицию также можно назвать весьма ранней, восходящей к V в. до н.э. Если у Геродота мы еще не находим ее в эксплицитном виде, то уже Фукидид (VI.89) устами Алкивиада дает довольно развернутую характеристику Алкмеонидов-демократов. В начале IV в. эта традиция еще подвергается сомнению (Lys. XIV; Andoc. IV), но, подкрепленная панегирическими характеристиками Исократа (VII.16; XVI.25-

¹⁰⁴ Ehrenberg V. From Solon to Socrates... P.85; Schreiner J.H. Op.cit. P.35-46; Thompson W.E. Op.cit. P.217 f.; Lavelle B.M. The Sorrow and the Pity... Passim.

¹⁰⁵ Ср.: Зельин К.К. Борьба политических группировок... С.143; Arnheim M.T.W. Op.cit. P.138.

26) и Демосфена (XXI.143-145), она полностью принимается Аристотелем (Ath.pol.20,4; 21,1; 23,2) и далее воспринимается всей античной традицией.

В современном антиковедении весьма сильна позиция тех исследователей, которые, доверяя в целом традиции, считают, что демократические и «либеральные» тенденции в политике Алкмеонидов, их близость к демосу имели место уже с очень раннего времени, с VII в. до н.э.¹⁰⁶ В прошлом, впрочем, высказывались и иные мнения: Алкмеонидов могли относить к выразителям интересов «среднего торгового класса»¹⁰⁷ или даже к олигархам¹⁰⁸. В последние десятилетия, как мы уже отмечали, появилась концепция «регионализма», согласно которой Алкмеониды представляли интересы не какого-либо социального слоя, а конкретного региона Аттики (либо Афин, либо городских демонов)¹⁰⁹. Наконец, набирает силу точку зрения, согласно которой Алкмеониды в течение своей истории не имели принципиальной политической позиции, будучи озабоченными лишь борьбой за власть и готовыми в этой борьбе использовать в принципе любую политическую программу, если она напрямую не противоречила их интересам¹¹⁰. Следует отметить, что именно эта последняя гипотеза уже а priori привлекает наибольшее внимание. Действительно, чуть выше мы имели возможность убедиться, что в случае с «ненавистью к тиранам» дело обстояло именно таким образом. Попытаемся, однако, вкратце проанализировать факты, говорящие о «демократизме» Алкмеонидов.

Их выступление против Килона никак нельзя считать признаком демократической позиции, поскольку о демосе как о самостоятельной политической силе в то время не могло еще

¹⁰⁶ *Wilbrandt M.* Op.cit. S.176 ff.; *Ehrenberg V.* Neugründer des Staates: Ein Beitrag zur Geschichte Spartas und Athens im VI. Jahrhundert. München, 1925. S.82; *Cloché P.* La politique des Alcmeonides... P.279; *Jacoby F.* Atthis... P.168; *Williams G.W.* The Curse of the Alkmaionidai. I. P.32; *Stroud R.S.* Drakon's Law... P.70 ff.; *Châtelet F.* Op.cit. P.106;

// AAAD. P.134.

¹⁰⁷ *Wright J.H.* Op.cit. P.74; *Grundy G.B.* Op.cit. V.1. P.131.

¹⁰⁸ *Vischer W.* Op.cit.; *Botsford G.W.* Op.cit.

¹⁰⁹ *Sealey R.* A History... P.98-99, 124.

¹¹⁰ *Hignett C.* Op.cit. P.125; *Forrest W.G.* The Emergence... P.146; *Vickers B.* Towards Greek Tragedy: Drama, Myth, Society. L., 1973. P.104; *Зельин К.К.* Борьба политических группировок... С.143-144.

быть и речи. В данном случае имела место борьба за власть между двумя аристократическими группировками. Затем Алкмеониды поддержали два безусловно прогрессивных (но тоже еще не демократических в строгом смысле слова) начинания – законодательство Драконта и реформы Солона. Но, как мы видели выше (§1 и 2 данной главы), эта поддержка была обусловлена собственными интересами Алкмеонидов: Драконт в какой-то мере освободил их от опасности кровной мести со стороны приверженцев и родственников Килона, а Солон законом об амнистии позволил им возвратиться на родину из казавшегося «вечным» изгнания. Таким образом, хотя связь Алкмеонидов с вышеназванными тенденциями была налицо, она, тем не менее, не имела принципиального характера. После солоновских реформ, в первой половине VI в. до н.э. Алкмеониды выступают как чисто аристократические региональные вожди. Если можно говорить в то время о деятелях, стремившихся заручиться поддержкой демоса, то это были скорее Писистратиды¹¹¹.

Наиболее весомым аргументом исследователей, говорящих о демократической позиции Алкмеонидов, является, конечно, деятельность Клисфена. В нашу задачу здесь отнюдь не входит сколько-нибудь подробная трактовка этой деятельности. Данная тема всегда была популярна в антиковедении, по ней существует очень большое количество работ, и что-то новое сказать в этой области трудно. Мы лишь в максимально краткой форме суммируем некоторые соображения, ни в коей мере не претендуя на их оригинальность.

Никто не сомневается, что клисфеновские реформы стали

¹¹¹ Вся литература о политических ориентациях аттических группировок VI в. до н.э. зиждется на известном пассаже Аристотеля (Ath.pol.13,4), согласно которому педии стремились к олигархии, диахии – к демократии, а паралии (Алкмеониды) – к среднему государственному устройству (

). Однако характерно, что Геродот (I.59), на котором основывает в этом месте свое повествование Аристотель (порой вплоть до дословных совпадений), абсолютно ничего не говорит о политических пристрастиях этих группировок, несмотря на то, что у «отца истории» есть вполне четкое представление о программных установках сторонников различных форм правления (вспомним хотя бы спор трех знатных персов о достоинствах и недостатках демократии, олигархии и монархии, Herod.III.80-82). Создается впечатление, что Стагирит просто снабдил взятую им у Геродота фактологию категориальным аппаратом своего времени – второй половины IV в. до н.э.

важнейшим этапом в формировании политической системы афинской демократии. То, что объективно Алкмеониды оказались в этих обстоятельствах полностью на стороне демоса, - бесспорный факт. Сложнее вопрос о субъективных мотивах реформатора. Многие исследователи подчеркивают, что Клисфен, проводя реформы, имел в виду не в последнюю очередь укрепление позиций собственного рода, собственной политической группировки¹¹². Высказывалось, впрочем, и несогласие с этими соображениями¹¹³. Взвешенную позицию занимает С.Г.Карпюк, рассматривающий реформы Клисфена в общем контексте социально-политической борьбы в Афинах, отмечая как субъективные, так и объективные моменты этих преобразований¹¹⁴.

Рассмотрим конкретно, какие выгоды могли получить Алкмеониды от клисфеновских реформ, опираясь на уже достигнутые в антиковедении результаты. Новое деление гражданского коллектива афинского полиса на филы, триттии и демы учитывало интересы этого рода. Так, три дема, в которых в конце VI в. до н.э. находились пригородные резиденции Алкмеонидов (Алопека, Агрила, Ксипета), оказались в составе городских триттий трех разных фил (Антиохиды, Эрехтеиды, Кекропиды). Городские триттии по целому ряду причин имели, безусловно, наибольшее значение в своих филах. Таким образом, Алкмеониды получали весьма влиятельную позицию¹¹⁵ (мы не хотели бы употреблять категоричного слова «контроль») сразу в трех из десяти новых аттических фил. Ранее, по всей

¹¹² *McGregor M.F.* Op.cit. P.78; *Eliot C.W.* Coastal Demes of Attica: A Study of the Policy of Kleisthenes. Toronto, 1962. Passim; *Schachermeyr F.* Die frühe Klassik... S.68; *Martin J.* Von Kleisthenes zu Ephialtes: Zur Entstehung der athenischen Demokratie // *Chiron*. 1974. Bd.4. S.5-42; *Littman R.J.* The Greek Experiment: Imperialism and Social Conflict, 800-400 B.C. Honolulu, 1974. P.141; *Stanton G.R.* The Tribal Reform of Kleisthenes the Alkmeonid // *Chiron*. 1984. Bd.14. S.1-41; *idem.* Athenian Politics... P.155-159.

¹¹³ *Ehrenberg V.* From Solon to Socrates... P.87, 207-208; *Meier Chr.* Die Entstehung des Politischen bei den Griechen. Frankfurt am Main, 1980. S.91-143; *Строгоцкий В.М.* Греческая историческая мысль классического и эллинистического периодов об этапах развития афинской демократии. Горький, 1987. С.19-20.

¹¹⁴ *Карпюк С.Г.* Клисфеновские реформы...

¹¹⁵ Ср.: *Lewis D.M.* Cleisthenes and Attica... P.40; *Bicknell P.J.* Studies... P.1-53; *Sealey R.* A History... P.162; *Littman R.J.* Kinship and Politics... P.135-152; *Stanton G.R.* The Rural Demes and Athenian Politics // *AAAD*. P.218-219.

вероятности, не имея возможности влиять на рядовое население через локальный культовый центр, они теперь отчасти восполнили этот пробел через свою роль в филах.

Разрушение традиционных культовых связей, ликвидация монополии знатных родов в религиозной сфере способствовали достижению той же цели¹¹⁶. Была в значительной мере сломана старая аристократическая организация религии, религиозные структуры были хотя и не заменены, но как бы оттеснены на второй план светскими (введение демов наряду, а фактически вместо фратрий, стратегов наряду, а фактически вместо архонтов). Эксплуатация культового контроля в политических целях была подорвана, что повредило многим древним родам, но осталось почти без последствий для Алкмеонидов. По-жалуй, религиозный аспект деятельности Клисфена, обычно не принимаемый во внимание, вообще несколько значительнее, чем может представиться на первый взгляд. Не случайно реформы проводились с санкции Дельфов и сопровождались очищением Аттики. Может быть, чрезмерно категорично суждение Дж. Уильямса, что именно реформы Клисфена сломили мощь родового проклятия Алкмеонидов¹¹⁷. Но тем не менее остается фактом, что после них и вплоть до 432 г. до н.э. вопрос о «Килоновой скверне» не ставился на государственном уровне. Правда, на нескольких остраконах 480-х г. отдельные представители Алкмеонидов называются оскверненными¹¹⁸. Но, следует думать, эти инвективы отражают лишь личное мнение писавших.

Отмечалось, что единственной группой аристократии, выигравшей от реформ, была городская знать в ущерб сельской¹¹⁹. Именно аристократы из Афин и их окрестностей получили, можно сказать, настоящее засилье в политической жизни полиса вплоть до конца V в. до н.э. Такое положение было достигнуто прежде всего благодаря возрастанию роли народного собрания, в котором ведущую роль играли горожане. Тот же результат имело и принятие Клисфеном новых граждан, живших, судя по всему, главным образом близ города и ставших серьезной опорой для городских родов, прежде всего

¹¹⁶ *Farrington B.* Science and Politics in the Ancient World. N.Y., 1940. P.67 ff.; *Wade-Gery H.T.* Op.cit. P.154; *Arnheim M.T.W.* Op.cit. P.162; *Ostwald M.* From Popular Sovereignty... P.137-171.

¹¹⁷ *Williams G.W.* The Curse of the Alkmaionidai. III. P.70-71.

¹¹⁸ *Brenne S.* Ostraka... P.16-17; *Супуков И.Е.* По поводу... С.143-144.

¹¹⁹ *Sealey R.* Regionalism... P.163; *Littman R.J.* Kinship and Politics... P.135 ff.

для Алкмеонидов¹²⁰. Какой-нибудь новый Писистрат теперь уже не смог бы прийти к власти, опираясь на группировку отдаленных диакриев.

Необходимо подчеркнуть: мы ни в коей мере не хотели бы умалять значения клисфеновских реформ для становления афинской демократии. Это значение огромно, и, заметим в скобках, сами Алкмеониды весьма скоро почувствовали это на себе. Мы настаиваем лишь на том, что на реформы конца VI в. до н.э. не следует смотреть телеологически. Мы с двухтысячелетней дистанции видим, к чему они привели, но Клисфен не сознавал и не мог сознавать, сколь роковыми окажутся последствия его нововведений для аристократии и сколь далеко идущими для демоса. Он не знал и не мог знать, что за ним придут Фемистокл, Эфиальт, Перикл и в конце концов Клеон с Гиперболом. Реформатор видел увеличивающуюся мощь демоса в Афинах и стремился путем уступок в его пользу найти в нем нового мощного союзника. Кроме того, он, как истинный Алкмеонид, не мог не позаботиться о ряде преимуществ и гарантий для собственного рода и его сторонников.

На отношение Алкмеонидов к демосу, как и на многие аспекты их политической деятельности, оказало некоторое влияние родовое проклятие. В определенной мере отчужденный от других аристократических родов пятном «Килоновой скверны», этот род вынужден был искать (и успешно делал это) новые, не-традиционные механизмы влияния, всегда занимать, так сказать, наиболее динамичную позицию. Одним из этих новых механизмов стала апелляция к демосу, достигшая апогея при Клисфене и впоследствии продолженная Периклом.

¹²⁰ *Bicknell P.J.* Whom did Kleisthenes...; *Stanton G.R.* Athenian Politics... P.165.

Г л а в а I V

АЛКМЕОНИДЫ В ЖИЗНИ АФИН V в. до н.э.

§1. Политическая борьба в раннеклассических Афинах и Алкмеониды

Первые десятилетия V в. до н.э. – один из наиболее важных и интересных и в то же время наиболее загадочных периодов истории политической жизни Афин. После реформ, проведенных в конце предыдущего столетия Клисфеном, делала свои первые шаги классическая афинская демократия. Сам «политический климат» стремительно менялся, претерпевали радикальную ломку условия политической деятельности, механизмы политической борьбы. Такого рода переломные моменты истории не могут не привлекать внимания исследователей, особенно если скудные и противоречивые свидетельства источников оставляют свободу для множества самых различных интерпретаций.

В политической борьбе этих лет исключительно важное место (более важное, чем когда-либо в афинской истории) занимал феномен остракизма, о котором поэтому следует сказать несколько слов. Остракизм был введен в ходе преобразований Клисфена¹, хотя сам этот способ изгнания, скорее всего, не является изобретением реформатора. Античная традиция (правда, достаточно поздняя, но восходящая по меньшей мере к Феофрасту) называет первым лицом, подвергшимся остракизму, Тесея², и вряд ли совершенно бесосновательно. Высказывалось предположение, что остракизмом пользовались еще во времена Писистратидов³, но

¹ Наиболее подробно вопрос о введении остракизма рассмотрен в монографии: *Thomsen R. Op.cit.*

² Schol.Aristoph.Plut.627; Euseb.Chron.II.50 Schoene;
Suid.s.v. (со ссылкой на Феофраста);
; Eustath.ad Hom.II.IX.666 (со ссылкой на Феофраста).

Для более подробной трактовки вопроса о «предыстории» остракизма см.: *Hall L.G.H. Remarks on the Law of Ostracism // Tyche. 1989. Bd.4. S.91-100; Mirhady D.C. The Ritual Background to Athenian Ostracism // Ancient History Bulletin. 1997. V.11. No.1. P.13-19; Молчанов А.А., Суриков И.Е. У истоков остракизма...*

³ На Агоре найден остракон (черепок сосуда геометрического стиля конца VIII в. до н.э.) с именем Писистрата. Этот памятник пока не получил удовлетворительной интерпретации. О нем см.: *Meritt B.D. Op.cit; Hands A.R.*

процедура была иной – например, прерогатива в этом вопросе могла принадлежать Совету четырехсот. На это, кажется, указывает один текст византийского времени (XV в.), согласно свидетельству которого вначале вопрос об ostracismе решал Совет (), а для изгнания требовалось набрать более 200 голосов (

)⁴, то есть простое большинство. Возможно, Клисфен первым вынес ostracism в прерогативу народного собрания и придал его применению систематический характер⁵.

По сообщениям античных авторов (Arist.Pol.V.1302b18; Di-od.XI.86,5 – 87,6; Schol.Aristoph.Equ.855) и по данным археологических раскопок, существование ostracismа или аналогичных процедур зафиксировано в целом ряде дорийских полисов – Аргосе⁶, Мегарах⁷, Сиракузах⁸, Кирене⁹, а возможно – и в Херсонесе Таврическом¹⁰. Нельзя полностью исключать, что

Ostraka and the Law of Ostracism // JHS. 1959. V.79. P.69-78; Harvey F.D. Literacy in the Athenian Democracy // REG. 1966. V.79. P.591; Jeffery L.H. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxf., 1969. P.70; Lang M. Graffiti and Dipinti (The Athenian Agora. V.21). Princeton, 1976. P.17; Develin R. Cleisthenes and Ostracism: Precedents and Intentions // Antichthon. 1977. V.11. P.10-21; idem. Bouleutic Ostracism Again // Antichthon. 1985. V.19. P.7-15; Arnush M.F. Op.cit.

⁴ Vaticanus Graecus 1144, fol.222^{rv}. Текст свидетельства см.: Keaney J.J., Raubitschek A.E. A Late Byzantine Account of Ostracism // AJPh. 1972. V.93. No.1. P.87-91; Pecorella Longo Ch. La bulé e la procedura dell'ostracismo: considerazioni su Vat.Gr.1144 // Historia. 1980. Bd.29. Ht.3. S.257-281.

⁵ Недавно выдвинутая гипотеза, согласно которой ostracism был передан в ведение народного собрания лишь в 480-х гг. (Doenges N.A. Ostracism and the Boule of Kleisthenes // Historia. 1996. Bd.45. Ht.4. S.387-404), основывается на ряде неverified натяжек.

⁶ Pariente A., Piérart M., Thalmann J.-P. Argos: Agora // BCH. 1986. V.110. №2. P.764-765.

⁷

// . 1987. .5. .59-73.

⁸ Guarducci M. Epigrafia greca. V.2. R., 1969. P.525; Berger S. Democracy in the Greek West and the Athenian Example // Hermes. 1989. Bd.117. Ht.3. S.304-306.

⁹ Bacchielli L. L'ostracismo a Cirene // RFIC. 1994. 122. 2. P.257-270.

¹⁰ Соломоник Э.И. Inedita // Иноземна філологія. Вип.85. Львів, 1987. С.114; Vinogradov J.G., Zolotarev M.I. L'ostracismo e la storia della fondazione di Chersonesos Taurica // МЕР. 1999. V.2. P.111-131.

идея остракизма пришла в Афины из дорийского мира. Имеется, по меньшей мере, одна важная параллель. Реформа фил в Афинах отнюдь не была изобретением Клисфена, на что указывал уже Геродот (V.67-69). Действительно, известно о схожих реформах фил, проводившихся в греческих полисах в архаическую эпоху (Кипселом в Коринфе, Клисфеном – дедом афинского законодателя – в Сикионе, Демонактом в Кирене). И все эти полисы – дорийские! Не получилось ли так же и в случае с остракизмом? Оставим в рамках данной работы этот вопрос открытым.

Если верить Аристотелю (Ath.pol.22,4), чье сообщение восходит к Андротиону (FGrHist.324 F6), закон об остракизме был направлен Клисфеном против Гиппарха, сына Харма. Это кажется странным: вряд ли Гиппарх уже в 500-х годах мог представлять для реформатора серьезную опасность, а закон об остракизме должен был быть одним из первых клисфеновских нововведений. После злополучного посольства в Сарды (507/6 г.) «отец-основатель» афинской демократии уже не имел достаточной популярности для проведения столь серьезной меры¹¹. А.Раубичек высказывал, правда, предположение, что престарелый Клисфен возвратился из политического «небытия» после Марафонской битвы именно с тем, чтобы ввести закон об остракизме (см. прим.43 к гл.I). Но эта экзотическая гипотеза, в сущности, ни на чем не основанная, не была поддержана, кажется, больше никем из исследователей. Весьма убедительной представляется, напротив, гипотеза, согласно которой закон об остракизме был направлен Клисфеном против Исагора¹². Однако в то время закон не пригодился, поскольку Исагор пал и без применения остракизма, скомпрометировав себя призыванием в Афины спартанцев. Согласны мы и с замечанием С.Г.Карпюка, что процедура остракизма была в определенном отношении внесением «правил игры» в политическую борьбу: изгнание остракизмом не сопровождалось конфискацией имущества и преследованием семьи, не вело оно и к поражению в правах¹³.

¹¹ Cp.: *Hands A.R.* Op.cit. P.69 f.

¹² *Stanton G.R.* The Introduction of Ostracism... P.180 ff.; *Knight D.W.* Op.cit. P.13-32; *Thomsen R.* Op.cit. P.141; *Littman R.J.* Kinship and Politics... P.151.

¹³ *Карпюк С.Г.* Клисфеновские реформы... С.24. О положительных чертах института остракизма см. также: *Kagan D.* The Origin and Purposes of Ostracism // *Hesperia*. 1961. V.30. No.4. P.401; *Thomsen R.* Op.cit. P.141-142

Сообщение Элиана (Var.hist.XIII.24) об изгнании остракизмом самого Клисфена представляется совершенно невероятным, противореча всей остальной нарративной традиции и не находя себе подтверждения в материале острака. Но в любом случае встает серьезный вопрос: почему остракизм был впервые успешно применен лишь в 487 г. до н.э.? Возможны два варианта ответа: либо до того он вообще не применялся, либо применялся безуспешно. Соответствующий пассаж Аристотеля (

Ath.pol.22,3) в принципе допускает и ту, и другую интерпретацию. Для того, чтобы попытаться ответить на вопрос с достаточной долей вероятности, необходимо проанализировать внутривосточную ситуацию в Афинах начала V в. до н.э.

Но предварительно должна быть решена чрезвычайно сложная проблема: что представляет собой число 6000, фигурирующее в источниках в связи с остракизмом, - кворум для признания процедуры состоявшейся или минимальное количество голосов для изгнания? В историографии наличествуют обе точки зрения¹⁴. В пользу первого предположения (о кворуме) свидетельствует Плутарх (Aristid.7)¹⁵. Однако не менее, если не более, авторитетный писатель – аттидограф Филохор (FGrHist.328 F30) – дает противоположное толкование этой цифры¹⁶. Аналогичное

¹⁴ Например: Brenne S. Ostraka... P.22; Карпюк С.Г. Гипербол, «человек негодный» // ВДИ. 1998. №4. С.150 (кворум); Hands A.R. Op.cit. P.74; Гинзбург С.И. Малоизвестный византийский источник об остракизме // Античное общество и государство. Л.,1989. С.41-51 (минимальное число голосов для изгнания).

¹⁵

¹⁶ Попытка А.Раубичека доказать, что на деле у Филохора речь также идет о кворуме (Raubitschek A.E. Philochoros frag.30 (Jacoby) // Hermes. 1955. Bd.83. Ht.1. S.119-120), не кажется нам убедительной. Вот текст Филохора:

Филохору свидетельство содержит цитировавшийся выше византийский текст, опирающийся, судя по всему, на ранний и аутентичный источник, скорее всего на Феофраста¹⁷. Следует добавить, что в сообщении этого источника присутствует внутренняя логика, исключая какую-либо путаницу. Действительно, если в связи с остракофориями в Совете фигурирует число 200, то это никак не может быть кворум: кворум для Совета должен составлять значительно большее число¹⁸. Коль скоро 200 черепков не являются кворумом, то, следовательно, кворумом не могут быть и 6000 для более поздней эпохи.

Если, доверяя Плутарху, признать, что кворум для остракизма все-таки существовал, то он мог выражаться в какой-то другой, значительно большей цифре, что обусловлено важностью самого мероприятия. На остракофорию, в отличие от обычных народных собраний, собирались отнюдь не только горожане. Сходились в Афины в эти дни даже полуграмотные крестьяне из дальних демов (об этом свидетельствует и вышеуказанное место Плутарха, и тексты на самих острака, написанные зачастую совершенно неумелой рукой, зачастую – возможно, профессиональными писцами, присутствовавшими на Агоре специально для такого рода надобностей¹⁹). В подобных условиях вопрос о 6000 голосах как о кворуме даже не мог вставать: эта цифра превосходилась автоматически²⁰.

¹⁷ *Keaney J.J., Raubitschek A.E. Op.cit. P.91.* Если это действительно так, то у Плутарха, отделенного от описываемых событий временной дистанцией в полтысячелетия и к тому же не указывающего здесь свой источник, оказываются весьма мощные «противники»: Феофраст, специально занимавшийся остракизмом (*Raubitschek A.E. Theophrastos on Ostracism // CM. 1958. 19. P.73-109; Keaney J.J. Theophrastus on Ostracism and the Character of his // AA. P.261-278*), и Филохор, который по долгу аттидографа должен был в высшей степени скрупулезно изучить афинскую историю.

¹⁸ Ср.: *Гинзбург С.И. Ук.соч. С.47.*

¹⁹ О методах работы таких писцов см.: *Суриков И.Е. К интерпретации острака с северного склона Акрополя // ПИФК. 1998. Вып.6. С.30-33.*

²⁰ Общее количество взрослых граждан мужского пола, имевших право участвовать в остракофориях, составляло в Афинах V в. до н.э. никак не менее 30-40 тысяч, а возможно, доходило и до 60 тысяч. См.: *Hansen M.H. Three*

Впрочем, неясно, существовало ли вообще в Афинах начала V в. до н.э. представление о кворуме для народного собрания (в нашем понимании). Согласно убедительным соображениям О.Меррея²¹, главной целью политики в полисном мире было единство, а не компромисс; политическая жизнь была основана не на балансе противоборствующих интересов и сил, а на формировании единой, целостной воли к действию. В этих условиях ключевым понятием должен был стать не кворум, а именно степень единства, единомыслия (), что, видимо, и выражалось в требовании минимума в 6000 голосов, направленных против одного лица.

* * *

Специфика проблемы внутривполитической борьбы в Афинах первых десятилетий V в. до н.э. заключается в том, что для ее решения, помимо свидетельств нарративной традиции, могут быть привлечены уникальные вещественные и эпиграфические памятники – острака, то есть глиняные черепки, на которых в день остракофории афинские граждане писали имя того или иного неудобного им политика с целью добиться его изгнания. Анализ острака в настоящее время становится, без преувеличения, одним из наиболее перспективных направлений в изучении афинской истории²². За последние несколько десятилетий в распоряжении ученых оказался колоссальный материал²³. Первый остракон был опубликован в 1870 г.²⁴, и с

Studies in Athenian Demography. Copenhagen, 1988. P.10, 25-27; Медовичев А.Е. Политическая идеология и практика функционирования афинской демократии: факторы стабильности (зарубежная историография) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. РЖ ИНИОН. Сер.5. История. 1998. №4. С.26.

²¹ Murray O. Cities of Reason // GC. P.21.

²² Суриков И.Е. Острака как источник...; он же. По поводу...

²³ Исчерпывающая сводка зарубежных исследований об острака и остракизме дана в обзоре: Martin A. L'ostracisme athénien: un demi-siècle de découvertes et de recherches // REG. 1989. V.102. P.124-145. Из более новых работ следует назвать: Phillips D.J. Observations on Some Ostraka from the Athenian Agora // ZPE. 1990. Bd.83. S.123-148; Willemsen F. Op.cit.; Siewert P. Accuse contro i "candidati" all'ostracismo per la loro condotta politica e morale // CISA. 1991. V.17. P.3-14; Kinzl K.H. AP 22.4: The Sole Source of Harpokration on the Ostrakismos of Hipparkhos Son of Kharmos // Klio. 1991. Bd.73. Ht.1. S.28-45; Mattingly H.B. The Practice of Ostracism at Athens // Antichthon. 1991. V.25. P.1-

тех пор количество этих памятников постоянно возрастало. Острака исчислялись единицами, затем десятками, затем сотнями. К середине 1960-х гг. общее число найденных острака составляло 1658, основными местами находок были Агора и (в меньшей степени) Керамик. В 1966 г. произошел настоящий переворот: в ходе раскопок в высохшем русле речки Эридан на внешнем Керамике немецкими археологами было обнаружено более 8,5 тыс. острака, т.е. в несколько раз больше, чем общее количество этих памятников, известных до того. Таким образом, общее число найденных острака приближается на сегодняшний день к 11 000. К сожалению, публикация новых экземпляров затянулась и продвигается крайне медленно. Даже теперь, тридцать лет спустя после находки, опубликованы лишь очень немногие из них. Общее количество опубликованных острака (в том числе найденных и до 1966 г.) не превышает 2 тысяч, что, безусловно, значительно осложняет работу с ними²⁵. Отсутствует и обобщающая, написанная на современном уровне

26; *Christ M.R.* Ostracism, Sycophancy, and Deception of the Demos // *CIQ*. 1992. V.42. No.2. P.336-346; *Brenne S.* "Portraits"...; *idem.* Ostraka...; *Musti D.* La chronologie du chapitre 22 de l' sur l'ostracisme // *AA*. P.251-259; *Keaney J.J.* Op.cit.; *Doenges N.A.* Ostracism...; *Mirhady D.C.* Op.cit.; *Culasso Gastaldi E.* Il doppio ostracismo di Megakles Hipokratous // *Rendiconti dell'Accademia nazionale dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche*. 1997. V.8. Fasc.2. P.253-271. В отечественной историографии вопрос почти не затрагивался. См.: *Гинзбург С.И.* О дате издания закона об остракизме в Афинах // *ГГАМ*. С.44-55; *он же*. Остракизм как орудие политической борьбы в Афинах V в. до н.э. // *Государство, политика и идеология в античном мире*. Л., 1990. С.32-42. Разумеется, отдельные замечания об остракизме можно встретить в работах общего характера (С.Я.Лурье, Л.М.Глускина, Л.П.Маринович, Э.Д.Фролов, В.М.Строгеецкий, С.Г.Карпюк и др.).

²⁴ Это остракон с именем Мегакла (IG.I².908.1), найденный в 1867 г. на Акрополе. Граффито с именем Менестрата (IG.I².915), найденное еще в 1853 г., вряд ли является остраконом (*Thomsen R.* Op.cit. P.70).

²⁵ Сравнительно недавно осуществлена полная научная публикация острака с Агоры: *Lang M.* Ostraka (The Athenian Agora. V.25). Princeton, 1990 (впрочем, как нам стало известно, со времени этой публикации уже были новые находки). Старые публикации острака с Керамика: *Peek W.* Inschriften, Ostraka, Fluchtafeln (Kerameikos. Bd.3). В., 1941. С.51-87; *Willemsen F.* Ostraka // *MDAI(A)*. 1965. Bd.80. S.100-126. Для огромного массива находок 1966 г. пока существует лишь перечень (*Willemsen F.*, *Brenne S.* Op.cit.) и разрозненные публикации отдельных интересных экземпляров.

работа об остракизме: монографии Ж.Каркопино²⁶ и А.Кальдерини²⁷ в свете новых находок порядком устарели, а из более новых трудов книга Ю.Вандерпула²⁸ слишком кратка и конспективна, а монография Р.Томсена²⁹ посвящена одной специальной проблеме – возникновению процедуры остракизма. Да и этим двум работам уже почти 30 лет, и они еще в очень небольшой степени принимают в расчет новые данные с Керамика.

Для исследователя истории классических Афин и, в частности, истории Алкмеонидов, информация, содержащаяся на острака, воистину неоценима. Она в значительной мере уточняет и корректирует краткие сведения Аристотеля, Плутарха и других античных авторов³⁰ об остракизмах 480-х гг. В этот период едва ли не ежегодно проводились остракофории, почти всегда оканчивавшиеся изгнанием того или иного политика. В ходе этих остракофорий из Афин был изгнан ряд членов «проклятого» рода и близких к нему лиц. Помимо острака, называющих ранее известных лиц (Мегакла (IV), Ксантиппа – отца Перикла, Алкивиада Старшего, Аристида и др.) и уточняющих датировку их остракизмов, есть и группа других, на которых значатся имена прежде неизвестных политиков, бывших, как минимум, «кандидатами» на изгнание. Характерно, что и среди них чрезвычайно большую долю составляют Алкмеониды. Наиболее заметны по числу найденных острака Калликсен, сын Аристонима (280 экземпляров) и особенно Каллий, сын Кратия (763 экземпляра)³¹; последний ныне не без основания отождествляется с не названным по имени в «Афинской политике» Аристотеля (22,6) политиком, изгнанным в 485 г. до н.э.³² Изгнание же Калликсена, если оно имело место (а этого

²⁶ Carcopino J. L'ostracisme athénien. P., 1935².

²⁷ Calderini A. L'ostracismo. Milano, 1945.

²⁸ Vanderpool E. Op.cit.

²⁹ Thomsen R. Op.cit.

³⁰ Arist. Ath. pol. 22; Plut. Aristid. 7; Them. 22; Nic. 11; cp. Andoc. IV. 34-35; Androtion FGrHist. 324 F6; Philoch. FGrHist. 328 F30; Diod. XI. 55, 1-3.

³¹ Цифры приводятся по: Lang M. Ostraka. P. 65-66.

³² Bicknell P.J. Studies... P. 64-76; Thomsen R. Op.cit. P. 99; Schreiner J.H. The Origin of Ostracism Again // CM. 1976. V. 31. P. 88; Williams G.M.E. The Kerameikos Ostraka // ZPE. 1978. Bd. 31. S. 103-113; Rhodes P.J. A Commentary... P. 274; Mattingly H.B. Op.cit. P. 2; Murray O. Early Greece... P. 285-286.

нельзя утверждать с уверенностью), состоялось в 483 г.³³ Калликсен безусловно был Алкмеонидом; с немалой долей уверенности это можно сказать и о Каллии³⁴. Абсолютным «рекордсменом» по числу упоминаний на острака является также Алкмеонид – Мегакл, сын Гиппократ, изгнанный в 486 г. (4662 экземпляра).

На многих острака, помимо имени, присутствуют разного рода приписки. Приписки эти весьма важны как современные и безусловно аутентичные свидетельства о борьбе в афинском общественном мнении, о пропагандистских приемах, применявшихся в политической жизни³⁵. Так, Калликсен назван на острака «предателем» () и «бесчестным» (), Каллий – «мидянином» () или ; на одном его остраконе изображена карикатура – человек в персидском пл Датиса», персидского полководца (

), Мегакл (IV) – «развратником» (), Фемистокл обвинен в гомосексуализме (), Кимона попрекают сестрой ()... Наконец, один из острака, направленный против Ксантиппа, содержит целую эпиграмму (элегический дистих):

Более всех преступен из оскверненных пританов -
Сей черепок гласит – сын Аррифрона Ксантипп³⁶.

³³ Vanderpool E. Op.cit. P.9 ff.; Bicknell P.J. Agora Ostrakon P7103 // AC. 1974. V.43. P.334-337; Seibert J. Op.cit. S.35; Phillips D.J. Athenian Ostracism // Hellenika: Essays on Greek Politics and History. North Ryde, 1982. P.28; Stein-Hölkeskamp E. Op.cit. S.193-205; Brenne S. "Portraits"... S.162.

³⁴ О них см.: Stamires G.A., Vanderpool E. Op.cit.; Shapiro H.A. Kallias Kratiou...

³⁵ Об этих приемах см.: Siewert P. Op.cit.; Brenne S. Ostraka...

³⁶ Первая публикация остракона: Raubitschek A.E. The Ostracism of Xanthippos // AJA. 1947. V.51. No.3. P.257-262. Интерпретации этой надписи посвящена немалая литература. Последние работы: Merkelbach R. Nochmals das Xanthippos-Ostrakon // ZPE. 1986. Bd.62. S.57-62; Figueira T.J. Op.cit. Мы придерживаемся, как наиболее убедительного, чтения А.Вильгельма (Wilhelm A. Zum Ostrakismos des Xanthippos, des Vaters des Perikles // Anzeiger der Österreich. Akad. der Wiss. Philosoph.-hist. Kl. 1949. Bd.86. Ht.12. S.237-243),

Употребленное здесь слово), как мы увидим ниже, традиционно прилагалось именно к Алкмеонидам и их «скверне».

* * *

Как отмечалось выше, внутривосточная борьба начала V в. до н.э., — пожалуй, один из наиболее неясных и дискуссионных моментов всей афинской истории³⁷. Информации, предоставляемой источниками, недостаточно много, чтобы нарисовать однозначную картину, но в то же время недостаточно мало, чтобы просто отказаться от любых реконструкций. К случайным и разрозненным сообщениям Геродота, Фукидида, спорным и не всегда аутентичным сведениям Диодора, Плутарха, Непота и других поздних авторов в конце прошлого века прибавился, пожалуй, наиболее ценный источник — «Афинская политика» Аристотеля (или какого-то автора из его круга³⁸). Именно на этом трактате долго основывалась реконструкция афинской внутренней политики рассматриваемого периода.

которое приняли также Мейгс и Льюис: - *genetivus pluralis* (*partitivus*) от (с обычным для гексаметра растяжением предпоследнего гласного в целях сохранения размера), с ним согласовано

³⁷ Из обширной литературы вопроса см.: *Meyer Ed.* Op.cit. Bd.6. S.284-295; *Cloch  P.* La politique des Alc monides...; *Robinson C.A.* The Struggle for Power...; *idem.* Athenian Politics, 510-486 B.C. // *AJPh.* 1945. V.66. No.3. P.243-254; *McGregor M.F.* Op.cit.; *Gillis D.* Marathon and the Alcmaeonids...; *Knight D.W.* Op.cit. P.13-32; *Badian E.* Archons and Strategoi // *Antichthon.* 1971. V.5. P.1-34; *Karavites P.* Realities and Appearances, 490-480 B.C. // *Historia.* 1977. Bd.26. Ht.2. S.129-147; *Williams G.M.E.* Athenian Politics...; *Ostwald M.* The Reform of the Athenian State by Cleisthenes // *CAH .* V.4. 1988. P.303-346; *Littman R.J.* Kinship and Politics... P.165-191. В отечественной историографии вопрос освещен в значительно меньшей степени. См.: *Блаватский В.Д.* Ук.соч. С.195-200; *Строговский В.М.* Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991. С.35-44; *Ставнюк В.В.* Особенности политической борьбы в Афинах в начале V в. до н.э. // *Античность и раннее средневековье.* Нижний Новгород, 1991. С.26-37.

³⁸ Об авторстве «Афинской политики» см.: *Hignett C.* Op.cit. P.27-30; *Rhodes P.J.* A Commentary... P.58-63; *Whitehead D.* 1-41, 42-69: A Tale of Two Politeiai // *AA.* P.25-38; *L vy E.* Politeia et politeuma chez Aristote // *AA.* P.65-90; *Суриков И.Е.* Рецензия на: *Aristote et Ath nes...* С.210-211.

Однако со временем отношение к памятнику стало – и не без основания – значительно более критичным. Естественно, Аристотель, не будучи непосредственным свидетелем описываемых им событий, вынужден был черпать информацию из предшествующей традиции. Несомненна его значительная зависимость от риторической историографии IV в. до н.э. (прежде всего от аттидографов), сложившейся под влиянием политической публицистики конца V – первой половины IV вв. При этом автор «Афинской политики» дает порой упрощенную и одностороннюю картину событий. Он в определенной степени модернизирует ситуацию, судит о более ранней эпохе с помощью категориального аппарата своего времени (во многом чуждого реалиям ранней классики), сквозь призму дихотомии «демократы – олигархи». Есть все основания полагать, что реальная картина политической борьбы была намного сложнее, чем «двухпартийная схема», предлагаемая Стагиритом: политическая жизнь раннеклассических Афин была не биполярной, а полицентричной³⁹.

Давно не нуждается в доказательствах то положение, что политические группировки этого периода не были «партиями» в нынешнем смысле слова⁴⁰. И дело даже не столько в отсутствии формальных признаков партии (программа, устав, фиксированное членство, аппарат и т.п.), сколько в том, что они базировались не на каких-либо принципиальных идейных убеждениях, а на личной, семейной, локальной основе, на связях и соперничестве аристократических групп и их окружения («клиенты»). Однако нельзя отрицать, что всё же имело место различие позиций этих группировок, иначе становилось бы бессмысленным само их существование. Но в таком случае это различие должно было лежать в сфере не внутренней, а внешней политики⁴¹.

³⁹ Кстати, тот же полицентризм, «сегментация политической жизни» обнаруживается даже в Афинах эпохи самого Аристотеля (Маринович Л.П. Греки и Александр Македонский. М., 1993. С.56-134).

⁴⁰ Следует отметить, что применительно к Афинам политические группировки анализировались в литературе преимущественно на материале IV в. до н.э., например: *Strauss B.S.* Athens after the Peloponnesian War: Class, Faction and Policy, 403-386 B.C. Croom Helm, 1986. P.11-41; *Hansen M.H.* The Athenian Assembly... P.72-86; *Маринович Л.П.* Греки... С.56 слл. Однако всё, что будет сказано, не в меньшей, если не в большей мере относится к группировкам V в.

⁴¹ Ср.: *McGregor M.F.* Op.cit. P.87; *Thomsen R.* Op.cit. P.123; *Littman R.J.* Kinship and Politics... P.155 ff.

Действительно, как мы уже имели возможность убедиться на примере Алкмеонидов, отдельные знатные семьи имели тяготения или пристрастия родственного, дружеского и иного характера (в том числе, возможно, и экономического) именно во внешнеполитическом плане. Один аристократический род имел тесные связи со Спартой, другой – с Ионией, третий – скажем, с Аргосом или Фивами. Это и определяло позицию группировки, сложившейся вокруг данного рода. Ключевым вопросом борьбы было отнюдь не социально-политическое устройство (аристократия, демократия, олигархия), а именно внешняя ориентация, диктуемая как традицией, так и конкретной ситуацией.

Какова могла быть в рассматриваемый период суть разногласий по вопросам этой ориентации? Двумя наиболее важными проблемами в данной сфере являлись, безусловно, отношения с Персией и со Спартой. Персия была сильнейшим и опаснейшим восточным соседом, Спарта – главным конкурентом и партнером Афин в самой Элладе. Позиции, занятые той или иной группировкой относительно этих двух центров, и лежали в основе внешнеполитических расхождений. При внимательном рассмотрении можно обнаружить в Афинах начала V в. (выберем условной точкой отсчета 490 г. до н.э., год Марафонского сражения) по меньшей мере четыре политических группировки.

Относительно слабая группировка «друзей тиранов» (), возглавлявшаяся после изгнания Гиппия его родственником Гиппархом, сыном Харма (Arist.Ath.pol.22,4), вне сомнения, придерживалась выраженно проперсидской ориентации, поскольку сам Гиппий находился в Персии (Thuc.VI. 59,4). Должны были «друзья тиранов» в какой-то степени симпатизировать и Спарте, так как незадолго до того, около 506-504 гг. до н.э., спартанский царь Клеомен I предпринял попытку восстановить тиранию Гиппия в Афинах (Herod.V.91-94).

Группировка, возглавлявшаяся родом Алкмеонидов, привлекала наибольшее внимание исследователей⁴², поскольку была в это время, судя по всему, наиболее влиятельной. Лидером группировки в начале V в., после Клизфена, был либо племянник реформатора Мегакл (IV), сын Гиппократ, либо, что

⁴² *Cloché P.* La politique des Alcmaéonides...; *Gillis D.* Marathon and the Alcmaeonids...; *Williams G.M.E.* The Image...; *Lavelle B.M.* The Sorrow and the Pity... P.27-42.

более вероятно, Ксантипп, тесно породнившийся с Алкмеонидами⁴³. Алкмеониды, как мы видели выше (гл. I, §3), еще с начала VI в. до н.э. поддерживали контакты с Востоком, с лидийским царством Мермнадов. После превращения Лидии в персидскую сатрапию они были, безусловно, заинтересованы в сохранении этих налаженных и выгодных связей. Именно этой цели, в числе прочих, должно было послужить афинское посольство 506 г. ко двору персидского сатрапа в Сардах (Herod.V.73)⁴⁴. Клисфен, глава рода, простат демоса и наиболее влиятельное лицо в тогдашних Афинах, никак не мог быть непричастен к этому посольству. Можно с уверенностью утверждать, что именно он явился его инициатором⁴⁵. Впрочем, на том этапе, еще до начала греко-персидских войн, в подобного рода посольстве не было и не могло быть ничего предосудительного.

И впоследствии Алкмеониды стремились до последней возможности избежать полного разрыва отношений с Персией и начала прямых военных действий. Их отношение к этому государству в начале V в. диктовалось рядом факторов. Помимо нежелания окончательного прекращения восточных контактов, Алкмеониды должны были рассматривать державу Ахеменидов как своего рода противовес Спарте, стремившейся вернуть Афины в сферу своего влияния. Но в то же время их вряд ли устраивала ориентация персов на реставрацию тирании Гиппия (ср. Herod.V.96). Таким образом, позиция Алкмеонидов была умеренно персофильской, причем с возраставшим отталкиванием от Персии. Отношение же этого рода к Спарте, как мы указывали в соответствующем месте, было в целом негативным.

Сильная политическая группировка создавалась вокруг рода Филаидов, главой которого в этот период был Мильтиад Младший. Мильтиад, безусловно, придерживался выраженной антиперсидской ориентации, поскольку имел к персам личные счеты: во время карательных экспедиций персидского флота в Эгееде в 493 г. он был вынужден бежать с Херсонеса Фракийского в Афины (Herod.VI.41; Marcellin.Vita Thuc.18-19). К Спарте же Мильтиад, насколько можно судить, питал симпатии. Его сын Кимон впоследствии снискал репутацию едва ли не самого знаменитого афинского лаконофила

⁴³ Суриков И.Е. Перикл и Алкмеониды... С.18-19.

⁴⁴ См. Berve H. Fürstliche Herren... S.20.

⁴⁵ Thomsen R. Op.cit. P.109 ff.

(Plut.Cim.16). Такая позиция Кимона не могла, разумеется, возникнуть спонтанно; она должна была быть унаследована им от отца.

Остается охарактеризовать группировку Фемистокла, в начале рассматриваемого периода незначительную, но крайне быстро набравшую силы. Данную группировку в историографии было принято обозначать как радикально-демократическую⁴⁶. Для определения ее реальных внешних ориентаций этот вопрос не имеет существенного значения, поскольку само понятие «радикально-демократический» для начала V в. не наполняется определенным содержанием. Задача заключается скорее в том, чтобы, абстрагировавшись от общих дефиниций, по возможности конкретно очертить место данной группировки в заданной выше системе координат.

Антиперсидская направленность деятельности Фемистокла с полной ясностью прослеживается на протяжении двух первых десятилетий V в. до н.э. Но и ориентации на Спарту в его мероприятиях мы не находим, а на основании косвенных данных можно предположить прямое отсутствие таковой. Морская программа Фемистокла⁴⁷ - нечто совершенно не спартанское, в корне противоречащее установкам Лакедемона на приоритет сухопутной мощи. Не говорим уже о том, что для чуть более позднего времени враждебность Фемистокла к Спарте зафиксирована вполне определенно (Plut.Them.20).

Итак, позицию Фемистокла во внешнеполитических вопросах можно обозначить как «опору на собственные силы». Следует оговорить, что это отнюдь не какая-то принципиальная идеологическая установка. Причины подобной ориентации – проще и прозаичнее. Еще А.Гомм заметил, что Фемистокл – едва ли не единственный афинский политик вплоть до эпохи Пелопоннесской войны, происходивший не из городского, а из сельского дема (Фреарры)⁴⁸. Очевидно, этим и объясняется его положение как *homo novus* в кругу афинской знати, а не его часто постулируемым «неполноценным» происхождением. Отец Фемистокла был аристократом из боковой ветви рода

⁴⁶ *Строгоцкий В.М.* Полис и империя... С.36.

⁴⁷ О ней см.: *Labarbe J.* La loi navale de Themistocle. P.,1957; *Строгоцкий В.М.* Морская программа Фемистокла... Из работ о Фемистокле см. также: *Frost F.J.* Themistocles' Place...; *Podlecki A.J.* The Life of Themistocles...; *Lenardon R.J.* The Saga of Themistocles. L.,1978; *Piccirilli L.* Themistocle, Aristide, Cimone, Tucidide di Melesia fra politica e propaganda. Genova, 1987.

⁴⁸ *Gomme A.W.* The Population of Athens... P.37-39.

Ликомидов (Plut.Them. 1)⁴⁹, а статус матери до закона Перикла о гражданстве 451 г. до н.э. не принимался во внимание, чего не учитывает Плутарх⁵⁰. Итак, Фемистокл – представитель сельской, неафинской аристократии, которая, в отличие от блестящей городской знати, не имела связей за пределами Аттики. У этого политика не было каких-то традиционных интересов или пристрастий во внешнеполитической сфере; отсюда – его «изоляционистская» позиция.

Ни одна из перечисленных четырех группировок не могла претендовать на безусловное лидерство. Для борьбы за власть приходилось создавать коалиции. Есть основания полагать, что вся политическая борьба рассматриваемого периода есть цепь таких коалиций, порой на наш современный взгляд достаточно «беспринципных». Предлагаемая далее реконструкция, безусловно, является в значительной мере гипотетичной. Но, возможно, она поможет объяснить ряд событий этого времени, в том числе связанных с применением закона об остракизме.

После 507 г. до н.э. Алкмеониды, всецело завладевшие симпатиями демоса, являлись сильнейшей группировкой⁵¹. Судя по всему, поначалу к ним примыкал и Фемистокл. Характерно, что в его родном деме, Фреаррах, находились родовые поместья Алкмеонидов⁵². Жена Фемистокла Архиппа происходила из дема Алопека (Plut.Them.32), где располагалась главная резиденция Алкмеонидов. Позже Фемистокл, воспользовавшись, вероятно, непопулярностью проперсидской позиции Алкмеонидов, отколол от них значительную часть их сторонников, образовав собственную группировку⁵³. Первым значительным успехом этой группировки стало избрание ее лидера архонтом-эпонимом на 493/2 г. (Thuc.I.93,3; Dion.Hal.Antiq.VI.34,1).

Алкмеониды, видимо, еще несколько раньше были

⁴⁹ Ср. Harvey F.D. Neokles...

⁵⁰ Кстати, П.Бикнелл пытался путем сложных и, на наш взгляд, не очень убедительных эмендаций текста Плутарха доказать, что мать Фемистокла была не фракиянкой и не кариянкой, а гречанкой из Кардии на Херсонесе Фракийском (Bicknell P.J. Themistokles' Father and Mother...).

⁵¹ Thomsen R. Op.cit. P.129.

⁵² Eliot C.W. Where...; Bicknell P.J. Studies... P.1-53, 74; Littman R.J. Kinship and Politics... P.81-106.

⁵³ Как мы видели выше (гл.III, §4), примерно так же несколькими десятилетиями раньше поступил Писистрат (Herod.I.59).Ср.: Lavelle B.M. The Sorrow and the Pity... P.90-101.

вынуждены вступить в союз с «друзьями тиранов», воспользовавшись общим тяготением к Персии. Результатами союза стали избрание Гиппарха, сына Харма, архонтом-эпонимом на 496/5 г. (Dion.Hal.Antiq.V.77,6; VI.1,1), отзыв военной помощи восставшим ионийцам (Herod.V.103), наказание трагического поэта Фриниха за поставленную им в год архонтства Фемистокла (и, очевидно, не без его содействия) антиперсидскую трагедию «Взятие Милета» (Herod.VI.21).

В том же 493 г. в Афины прибывает такая мощная политическая фигура, как бывший тиран Херсонеса Фракийского Мильтиад Младший, вокруг которого не могла не сформироваться группировка антиперсидской направленности. Весьма значительное состояние Мильтиада, его авторитет, богатый опыт – всё это естественно выдвигало его в лидеры борьбы с «персидской угрозой». Это предвидели Алкмеониды; наиболее вероятно, что именно они сразу по прибытии Мильтиада возбудили против него судебный процесс (Herod.VI.104), впрочем, без всякого успеха. Фемистокл в новой ситуации был вынужден на время отойти в тень и стать союзником Мильтиада. Плодом перечисленных перипетий явилось поведение афинян при Марафоне, не отличавшееся последовательностью.

В 489 г. до н.э., воспользовавшись охлаждением демоса к чрезмерно «возгордившемуся» Мильтиаду, Алкмеониды добились временного успеха и избавились от опасного соперника: Мильтиад был осужден по обвинению Ксантиппа⁵⁴. Фемистокл, судя по всему, не препятствовал процессу, ибо не мог не видеть в Мильтиаде заслоняющего его конкурента; к тому же ему не должны были импонировать проспартанская позиция последнего и его опора на сухопутное войско.

Приверженцы Мильтиада, лишившись лидера, автоматически оказывались в лагере Фемистокла как наиболее близкого по ориентации. Тогда же присутствие Гиппия в персидском войске при Марафоне (Herod.VI.107-109) совершенно скомпрометировало группировку «друзей тиранов». Таким образом, в начале 480-х гг. до н.э. в Афинах оказались две крупные, противостоящие друг другу группировки: Алкмеониды и сторонники Фемистокла. На какое-то время

⁵⁴ Herod.VI.136. О суде над Мильтиадом см.: Carawan E.M. Eisangelia and Euthyna: The Trials of Miltiades, Themistocles, and Cimon // GRBS. 1987. V.28. No.2. P.192-196.

политическая борьба действительно приобрела биполярный характер.

Теперь-то и была впервые подготовлена почва для успешного применения закона об остракизме. Теперь была надежда на то, что кто-либо из «кандидатов» на изгнание наберет необходимое число голосов – 6000. Если ранее остракофории и проводились (пока нельзя однозначно решить этот вопрос⁵⁵), то они в принципе не могли увенчаться успехом ввиду разброса голосов граждан как минимум по четырем группировкам. Так в современных демократиях при отсутствии устоявшейся двухпартийной системы практически невозможна победа одного из кандидатов в первом туре. После же вышеописанных событий вопрос в Афинах практически стоял в следующей форме: или Фемистокл, или кто-либо из Алкмеонидов или их сторонников.

Поэтому 480-е гг., время наиболее острого дуального противостояния, и ознаменовались крупнейшей в афинской истории серией остракизмов, в ходе которых Алкмеониды потерпели полное поражение. Если изгнание Гиппарха, сына Харма, в 487 г. было во многом предрешиено неким *consensus omnium* (даже Алкмеониды, видимо, пытались отстраниться от столь скомпрометированного союзника), то дальнейшие остракофории продемонстрировали незаурядные тактические способности Фемистокла. Он и вышел из борьбы безусловным победителем.

Нельзя сказать, чтобы остракофории происходили в обстановке кристально честной политической борьбы. И античные авторы, и данные раскопок свидетельствуют о безусловном использовании разного рода манипуляций, вплоть до прямых подтасовок. Впрочем, на наш взгляд, значение последних в исследовательской литературе порой

⁵⁵ Однозначно отрицательный ответ на него Р.Томсена основывается на том факте, что среди тысяч найденных острака нет ни одного, хотя бы с малой долей уверенности относимого к периоду до 487 г. (*Thomsen R. Op.cit. P.61-108*, с подробным анализом острака). С самим этим наблюдением мы в целом согласны (если иметь в виду V в. до н.э.), но не стали бы делать далеко идущих выводов *e silentio*. Учтем, что на сегодняшний день найдена лишь малая доля существовавших острака, а эти черепки практически неуничтожимы, да, следует думать, никто их и не уничтожал. Иными словами, археологи просто обречены на новые крупные находки острака. А какие сюрпризы преподнесет каждая из подобных находок – об этом можно только гадать.

преувеличивается. Так, стало уже хрестоматийным и повторяется из работы в работу положение, что 190 остраконов⁵⁶, надписанных лишь 14 почерками и найденных в 1937 г. в колоде на северном склоне афинского Акрополя, являются плодом деятельности некой гетерии политических противников Фемистокла. Однако в другом месте⁵⁷ мы постарались показать, что это – лишь одна из возможных интерпретаций данной группы памятников, к тому же не самая убедительная. Другим примером нечистоплотного политиканства считается сговор Никия и Алкивиада против Гипербола перед последней остракофорией (416 или 415 г. до н.э.), приведший к изгнанию этого демагога. Но данный эпизод тоже не свободен от целого ряда серьезных проблем. Если буквально воспринимать сообщения традиции о нем, получится, что весь афинский гражданский коллектив в конце V в. был расколот на две-три большие «партии», настолько хорошо организованные, что их лидеры могли контролировать голоса тысяч (!) своих приверженцев, подчиняя их строгой партийной дисциплине. Однако подобная картина, и в наши-то дни не частая, совершенно чужда политической жизни Греции рассматриваемого периода, не знавшей крупных политических объединений рядовых граждан⁵⁸. Весь этот вопрос о «сговоре» – что он собой представлял, каким образом был воплощен в конкретные действия и т.п. – настоятельно нуждается в специальном рассмотрении, но оно уже выходит за рамки настоящей работы.

Нам кажется, что при подготовке афинских политиков к остракофории, в ходе этой своеобразной «избирательной кампании» (со знаком «минус») главным были не фальсификация и не сговоры, а активная пропаганда, направленная на дискредитацию соперников и выливавшаяся в выдвижение громких обвинений, то есть соответствующее формирование общественного мнения. Следует сказать, что общественное мнение в классической Греции было фактором вряд ли менее важным, чем в наши дни⁵⁹ (а пожалуй, и более важным, если учесть прямой характер античных демократий). В

⁵⁶ Broneer O. Excavations on the North Slope of the Akropolis, 1937 // *Hesperia*. 1938. V.7. No.2. P.228 ff. Все острака несут имя Фемистокла и относятся почти несомненно к 482 г.

⁵⁷ Суриков И.Е. К интерпретации острака...

⁵⁸ Hansen M.H. The Athenian Assembly... P.72 ff.

⁵⁹ Ср.: Bengtson H. The Greek and the Persians... P.160.

частности, в Афинах его роль всё более возрастала по мере демократизации полиса, когда на смену старым механизмам власти приходила прямая апелляция к демосу. Разумеется, в эпоху античности, в условиях во многом устной культуры и традиции⁶⁰, многочисленных еще не изжитых элементов архаического сознания, феномен общественного мнения отличался большой специфичностью. Не было столь мощного рычага воздействия на сознание и подсознание, как современные средства массовой информации. Их место занимали драма (как трагедия, так и комедия), ораторское искусство, а также другие методы пропаганды, в том числе и невербальные. Пропаганда систематически и зачастую весьма успешно использовалась в политической жизни классических Афин. Приемы этой пропаганды были развитыми и хорошо отработанными; они не зависели от конкретных группировок и лиц, а являлись, так сказать, общей принадлежностью политического арсенала эпохи. Так, обвинение в близости к тиранам выдвигалось как Алкмеонидами против их противников (например, Исагора), так и их противниками против них самих. Кто бы ни прибегал к этим механизмам формирования общественного мнения, он мог с достаточным основанием рассчитывать на успех.

Как известно, одна из главнейших задач любой пропаганды – создание «образа врага». Афинские политики раннеклассической эпохи преуспели в этом: на протяжении V в. до н.э. было создано несколько таких образов (можно даже сказать, шаблонов, в принципе, приложимых едва ли не к кому угодно), использование которых использовало серьезное влияние на политическую борьбу. Среди них – образ «предателя» (), особенно активно формировавшийся в эпоху греко-персидских войн; тесно связанный с ним образ «друга тиранов» (), впервые насколько можно судить, сформированный Алкмеонидами применительно к Исагору (ср. Arist.Ath.pol.20,1), но потом против них же и обращенный; образ «оскверненного» (), встречающийся тоже чаще всего в связи с Алкмеонидами, что и не удивительно; ближе к концу V в. – образ «нечестивца» или «безбожника»

⁶⁰ Резкое возрастание письменного элемента в культуре и жизни начинается лишь в IV в. до н.э.: *Seidensticker B. Dichtung und Gesellschaft im 4. Jahrhundert. Versuch eines Überblicks // AD. S.190-191.*

(), породивший, между прочим, несколько волн настоящей религиозной истерии. Обвинения такого рода отразились как в нарративной традиции, так и в надписях на острака. Ш.Бренне показал⁶¹, что между принятием решения о проведении остракофории и самим голосованием было достаточно времени для проведения пропагандистских мероприятий. В частности, как раз в этом временном промежутке проходили два праздника дионисийского цикла – Малые Дионисии с их фаллическими песнями, справлявшиеся по демам, и Ленеи, праздновавшиеся уже на общепolisном уровне, с постановкой комедий. То, что комический жанр в V в. до н.э. активно использовался для разного рода инвектив, ни у кого не вызывает сомнения⁶². Запущенные комедиографами с подмостков, эти словесные шаржи затем широко распространялись в среде гражданского коллектива и могли серьезно повлиять на индивидуальные позиции афинян.

Именно с этой точки зрения интересно рассмотреть остракизмы 480-х гг. Какие обвинения предъявлялись Алкмеонидам и близким к ним лицам? Если верить Аристотелю (Ath.pol.22,5-6), среди них мы встречаем такие, как «друзья тиранов» (Мегакл (IV) и, возможно, Каллий, сын Кратия). Однако отмечалось⁶³, что это свидетельство не подкреплено данными самих острака. Ни на одном остраконе «кандидат» на изгнание не ставится в связь с тиранией. Правда, следует учитывать, что в рассматриваемые годы в Афинах были тесно связаны между собой понятия «друг тиранов» и «персофил». Что же касается обвинений в персидской измене, то их на острака, как мы видели, немало (Каллий, сын Кратия, Калликсен, Аристид). Вне сомнения, эти обвинения следует поставить в связь с мнимой изменой Алкмеонидов при Марафоне. Инвективы задевают и частную жизнь отдельных лиц. Помимо приводившихся выше случаев с «бесчестием» и «развратом», упомянем еще такой эпитет, прилагаемый к имени Мегакла (IV) на одном из острака: ; на другом его же остраконе – изображение всадника. Мегакл, как известно, содержал четверку лошадей и через несколько месяцев после своего изгнания одержал победу в Пифийских играх.

⁶¹ Brenne S. Ostraka... P.13.

⁶² Суриков И.Е. Черты народной смеховой культуры в творчестве Аристофана // АВ. Вып.2. 1994. С.172.

⁶³ Schreiner J.H. The Origin... P.87; Siewert P. Op.cit. P.6.

Характерно, что в связи с остракофориями 480-х гг. вновь всплыло и старое обвинение в «Килоновой скверне». До недавнего времени это предполагалось с определенной долей гипотетичности⁶⁴. Приведенная нами эпитафия на остраконе, направленном против Ксантиппа, называет его , т.е. «оскверненным, проклятым». Как мы упоминали выше (гл. III, §4), Ксантипп, скорее всего, не только имел жену из Алкмеонидов, но и сам был по матери Алкмеонидом и, таким образом, был причастен к родовому проклятию, ввиду крайне сложного переплетения семейных связей воспринимаясь всецело в «алкмеонидовском» контексте. В последние годы в пользу этого появились новые и, как нам кажется, уже решающие аргументы. На двух опубликованных в 1994 г. остраконах Мегакла (IV) – несомненного Алкмеонида – также фигурирует эпитет . Характерно, что на одном из острака это слово не дописано до конца и кем-то (вероятно, самим же автором надписи) полностью выскоблено. Более того, есть и остракон, где Мегакл прямо назван⁶⁵. Характерно, что надпись на этом последнем черепке сделана крайне неровным, неразборчивым почерком, видимо, неумелой рукой, к тому же снизу вверх, с грамматической ошибкой и одним недописанным словом. Писавший, - судя по всему, малограмотный крестьянин – оказался, очевидно, под влиянием пропагандистской кампании против Алкмеонидов, но не вник толком в суть дела, назвав Мегакла сторонником или потомком Килона, в то время как тот был потомком его убийцы.

Может быть, в том же смысле следует трактовать и странное обвинение против Аристиды – «прогнавший молящих о защите», поскольку преступление Алкмеонидов заключалось именно в нарушении сакральной неприкосновенности гикетов. Однако на этом тезисе мы отнюдь не настаиваем и, наоборот, сами понимаем его достаточно спорный характер. Аристид не был Алкмеонидом, и ничего неизвестно о его родстве с ними. Определенные, весьма косвенные, связи прослеживаются в нескольких фактах. Во-первых, Аристид был в родстве с домом

⁶⁴ *Raubitschek A.E.* The Ostracism of Xanthippos...; *Williams G.W.* The Curse of the Alkmaionidai. II. P.10 ff.; *Homo L.* Op.cit. P.9; *Lévêque P., Vidal-Naquet P.* Op.cit. P.113-117; *Rhodes P.J.* A Commentary... P.274.

⁶⁵ О вышеуказанных острака см.: *Суриков И.Е.* По поводу... С.143-144; *Berti M.* Op.cit. P.96-100.

Кериков (семья Каллия – Гиппоника)⁶⁶, а этот последний, в свою очередь, еще с VI в. до н.э. поддерживал тесные отношения, в т.ч. матримониальные, с Алкмеонидами. Вторых, в начале своей политической карьеры Аристид был Алкмеонида Клисфена (Plut.Aristid.2) – но ведь то же можно сказать и о Фемистокле. Одним словом, Аристиду на основании одного остракона вряд ли можно рассматривать непосредственно в контексте Алкмеонидов, тем более что при подавлении мятежа Килона гикетов не прогнали, а убили. Очевидно, остракон намекает на какой-то другой эпизод, нам ближе неизвестный.

Тем не менее, уже острака Мегакла и Ксантиппа достаточно, чтобы заявить со всей ответственностью: вопрос о «Килоновой скверне» в 480-е гг. до н.э. поднимался. Такое сближение религии и политики не должно нас удивлять. Уже неоднократно отмечался тот факт, что в институте остракизма, казалось бы, совершенно секуляризованном, присутствуют определенные религиозные элементы⁶⁷. Та форма остракизма, которая применялась в V в. до н.э., была продуктом длительного развития, протекавшего в течение десятилетий или даже веков. В конечном счете мы имеем дело с остаточной формой древнего магического ритуала – изгнания «козла отпущения» (греч. ⁶⁸). Остракизм, как, в принципе, и любое изгнание, носил на себе следы старинного представления об удалении «оскверненного» индивида из полиса для предотвращения распространения скверны (выше мы уже встречали это представление, как оно проявилось в законе Драконта об убийстве). Не случайно, думается, бок о бок на острака встречаются обвинения в скверне и персидской измене: предательство носило определенную религиозную окраску.

(предатели и оскверненные) – таковы были два сопутствовавших друг другу штампа в политической пропаганде 480-х годов (ср. Lycurg.Leocr.117).

⁶⁶ Plut.Aristid.25. Как считается, его отец Лисимах взял в жены одну из трех дочерей Каллия, сына Фениппа, знаменитого врага Писистрата (*Shapiro H.A. Kallias Kratiou...*).

⁶⁷ *Ranulf S. The Jealousy of the Gods and Criminal Law at Athens: A Contribution to the Sociology of Moral Indignation. V.2. Copenhagen, 1934. P.280; Moulinier L. Le pur et l'impur... P.222; Parker R. Op.cit. P.269-270; Mirhady D.C. Op.cit; Лурье С.Я. История античной общественной мысли. М.-Л., 1929. С.154.*

⁶⁸ *Hall L.G.H. Op.cit. Passim; Siewert P. Op.cit. P.8.*

Отметим, насколько велика доля Алкмеонидов среди изгнанных и подвергавшихся опасности изгнания в эти годы. Помимо бесспорно изгнанных Мегакла и Ксантиппа, возможно, подверглись остракизму, как отмечалось выше, Каллий и Калликсен; высказывалось предположение, что к тому же периоду относится гипотетический первый остракизм близкого к Алкмеонидам Алкивиада Старшего⁶⁹. Подвергался угрозе остракизма еще целый ряд Алкмеонидов (неизвестных из письменных источников, но упоминаемых на острака): Гиппократ, сын Алкмеонида; Гиппократ, сын Анаксиля⁷⁰; Ксантипп, сын Гиппократа; Алкмеон, сын Аристонима; Менон, сын Мегакла; Мегакл, сын Каллисфена; Мегакл, сын Гиппократа, сына Алкмеонида; Мегакл из Анагирунта; Мегакл из Анафлиста; Мегакл из Ахарн; Арифрон, сын Ксантиппа⁷¹ и др.⁷² Создается впечатление, что в какой-то степени возродилась идея коллективной ответственности, что политические противники Алкмеонидов во главе с Фемистоклом стремились изгнать их как род, как целое.

⁶⁹ Лисий (XIV.39) утверждает, что Мегакла (сына Гиппократа) и Алкивиада Старшего изгоняли остракизмом по два раза (). До недавнего времени к этому сообщению относились с недоверием; признавали единственный остракизм Алкивиада, который датировали 485 г. (*Carcopino J.* Op.cit. P.111-112; *Calderini A.* Op.cit. P.46-48). Позже, исходя из формы букв на острака с именем Алкивиада, датировку его остракизма сместили к 460 г. (*Vanderpool E.* The Ostracism of the Elder Alkibiades // *Hesperia.* 1952. V.21. No.1. P.1-8). В настоящее время, однако, некоторые исследователи начинают больше доверять Лисию и соответственно постулировать два остракизма Алкивиада, первый из которых падает на начало 470-х гг. (*Bicknell P.J.* Was Megakles...). Второй остракизм Мегакла, если он действительно имел место, должен относиться к тому же времени (*Rhodes P.J.* A Commentary... P.274; *Willemsen F.* Ostraka einer Meisterschale...).

⁷⁰ Правда, его принадлежность к Алкмеонидам оспаривается: *Shapiro H.A.* Hippokrates Son of Anaxileos // *Hesperia.* 1980. V.49. No.3. P.289-293.

⁷¹ Высказывалось мнение (*Lewis D.M.* Megakles and Eretria...), что это сын Ксантиппа (I), старший брат Перикла. На наш взгляд, данного Арифрона резоннее отождествить с отцом Ксантиппа (I), дедом Перикла.

⁷² Имена всех этих персонажей убедительно говорят об их происхождении из рода Алкмеонидов или, по меньшей мере, об их родстве с ним (*Bicknell P.J.* Studies... P.64-76).

Переломный 480 год принес досрочное возвращение всех изгнанников ввиду персидской опасности⁷³. Приблизительно к то-му же году относится, пожалуй, самый удачный из политических союзов, заключенных Алкмеонидами. Им удалось породниться со своими старыми соперниками Филаидами; подтверждением союза стал брак Кимона и Исодики из рода Алкмеонидов. К альянсу был подключен и еще один влиятельный афинский род – Керики: его представитель Каллий (будущий знаменитый дипломат) женился на сестре Кимона Эльпинике⁷⁴.

Новая коалиция, направленная, несомненно, против Фемистокла, сразу приступила к успешным действиям. Уже в 479/8 г. архонтом-эпонимом стал Ксантипп (II), сын Гиппократы, а другой Ксантипп – отец Перикла – в качестве стратега одержал победу при Микале. Интересно рассмотреть состав афинского посольства в Спарту перед Платейской битвой (Plut.Aristid.10). В его состав вошли Филаид Кимон и глава группировки Алкмеонидов Ксантипп. Третий член посольства Миронид, как мы видели выше (гл.II, §1) вполне мог быть выходцем из рода Керики⁷⁵. Характерно, что Фемистокл в это крайне важное посольство не вошел. Инициатором посольства был Аристид. Нет достаточных оснований утверждать, как иногда делается⁷⁶, что этот политик примыкал к Алкмеонидам. Но тот факт, что он был убежденным противником Фемистокла, не подлежит никакому сомнению. Очевидно, близкий к Керикам Аристид также был привлечен к вновь созданному альянсу. В дальнейшем, уже в конце 470-х гг. до н.э., борьба объединившихся аристократов против ослабленной группировки Фемистокла привела к его ostracismu, а затем – к обвинению в измене и заочному осуждению (о причастности

⁷³ *Figueira T.J.* Residential Restrictions on the Athenian Ostracized // GRBS. 1987. V.28. No.3. P.281-305.

⁷⁴ Этот брачный альянс датируют рубежом 480-470-х гг.: *Hignett C.* Op.cit. P.396; *Bowra C.M.* Periclean Athens. N.Y.,1971. P.23; *Davies J.K.* Op.cit. P.305; *Bicknell P.J.* Studies... P.89-95; *Littman R.J.* Kinship in Athens... P.17; *idem.* Kinship and Politics... P.190. Об Эльпинике см.: *Суриков И.Е.* Женщины в политической жизни... С.46-47.

⁷⁵ Ср.: *Строгоцкий В.М.* Греческая историческая мысль... С.48.

⁷⁶ *Bicknell P.J.* Athenian Politics... S.146ff.

Алкмеонидов к осуждению Фемистокла см. Plut.Aristid.25; Them.23; Mor.805c)⁷⁷.

Впрочем, в целом альянс давних соперников, созданный для конкретной цели, не мог оказаться достаточно долговечным. Выиграл от него в первую очередь Кимон; этот молодой, но уже широко известный благодаря славе отца политик и военачальник уже в скором времени, к началу 460-х гг. стал наиболее влиятельной фигурой в Афинах. Алкмеониды же фактически сошли с политической сцены и как бы ушли в тень⁷⁸: их репутация была всё же значительно подорвана серией остракизмов и дискредитирующей пропагандой. В «закате» Алкмеонидов сыграло свою роль и то обстоятельство, что род в течение определенного времени не мог выдвинуть сильного лидера, достойного соперника Кимона. Когда же такой лидер появился в лице Перикла, политические конstellации были уже совершенно иными. Былые противоречия, характерные для начала V в. до н.э., остались в прошлом; не в последнюю очередь это было связано с тем, что полностью изменились внешнеполитические условия, расстановка сил на «международной» арене. Соответственно претерпели перемены и позиции политических групп.

§2. Перикл и Алкмеониды

Штрихи к генеалогии Перикла. Наверное, ни одна из многочисленных работ, посвященных Периклу, не обходится без упоминания о его принадлежности по женской линии к роду Алкмеонидов. Некоторые исследователи прямо называют Перикла Алкмеонидом⁷⁹. Однако дальше констатации факта дело обычно не идет: при характеристике родословной Перикла приводятся некоторые общие сведения из истории Алкмеонидов, иногда дается стемма и... этим, как правило, экскурс заканчивается. В качестве наиболее значимого исключения из данного правила следует назвать в высшей степени интересную

⁷⁷ *Строгоцкий В.М.* Полис и империя... С.42-43; *Hignett C.* Op.cit. P.190; *Knight D.W.* Op.cit. P.42-44; *Bengtson H.* Griechische Geschichte... S.148; *Podlecki A.J.* The Life of Themistocles... P.131; *Kagan D.* The Outbreak of the Peloponnesian War. Ithaca, 1981². P.59.

⁷⁸ Ср.: *Davies J.K.* Op.cit. P.381.

⁷⁹ Например: *Burn A.R.* Pericles and Athens... P.240; *Knell H.* Perikleische Baukunst. Darmstadt, 1979. S.2; *Schmidt G.* Op.cit. P.17; *Lavelle B.* The Sorrow and the Pity... P.62.

статью Р.Сили «Вступление Перикла в историю», впервые опубликованную в 1956 г. (см. прим.39 к введению), в которой предпринимается аргументированная попытка проследить связь между происхождением Перикла и его политической деятельностью. Однако статья эта появилась уже почти полвека назад, кроме того, многие ее положения спорны и даже сознательно-дискуссионны. Безусловно, попытки связать «политику и генеалогию» в жизни и деятельности Перикла предпринимались и позднее, но не в специальных работах об этом деятеле, авторы которых (П.Бикнелл, Р.Литтман и др.), естественно, не задавались целью осветить проблему в совокупности всех аспектов и трактовали ее неизбежно бегло.

Вопрос, прежде всего встающий в свете отмеченной выше родственной связи Перикла с Алкмеонидами, заключается в следующем: проявлялась ли эта связь в его жизни и деятельности, и если проявлялась, то каким образом, когда и при каких обстоятельствах? Данный вопрос представляет интерес еще и потому, что не только Перикл – уникальная фигура в греческой истории, но и Алкмеониды, как мы видели, были родом уникальным во многих отношениях: и по своей роли в жизни Афин, и по сравнительному обилию относящегося к нему источникового материала, и, наконец, в религиозном плане – постольку, поскольку над ним тяготело старинное родовое проклятие (этот последний фактор не следует сбрасывать со счетов: связанная с ним античная традиция не позволяет пренебречь им как маловажным). Памятуя о том, что весьма важная роль родственных связей в политической жизни Афин V в., особенно для старой аристократии, со времен исследований Р.Коннора, Р.Сили⁸⁰ и др. стала – и по справедливости – в определенной степени общим местом историографии, уже а priori представляется маловероятным предположение, что «алкмеонидовское» происхождение Перикла не влекло за собой никаких последствий.

В антиковедении существуют различные точки зрения относительно того, отражала ли политика Перикла интересы Алкмеонидов или же он руководствовался исключительно благом афинского полиса. Первого взгляда придерживался в свое время Эд.Мейер⁸¹. Маститый немецкий историк считал даже, что Перикл планировал ввести в Афинах некое подобие

⁸⁰ Connor W.R. The New Politicians... P.10-14; Sealey R. A History... P.157.

⁸¹ Meyer Ed. Op.cit. Bd.6. S.532. Критику взгляда см.: Kagan D. The Archidamian War. Ithaca, 1974. P.125.

наследственного правления Алкмеонидов с Алкивиадом в качестве преемника, хотя это последнее предположение, на наш взгляд, не находит абсолютно никакого подтверждения в источниках. В несколько смягченной форме тезис о Перикле как проводнике влияния Алкмеонидов высказывался и позже, в упоминавшихся выше работах Р.Сили, П.Бикнелла, Р.Литтмана.

Нет недостатка и в примерах противоположной точки зрения. Так, В.Эренберг считал, что Перикл не руководствовался интересами Алкмеонидов, несмотря на родственные связи с ними; ведь аналогичные связи с этим родом (по жене Исодике) были и у Кимона, политического противника Перикла⁸². М.Финли полагал, что Перикл (как за столетие до него Писистрат), напротив, принципиально боролся с влиянием аристократических родов⁸³. По мнению Дж.Обера, хотя по происхождению и богатству Перикл был выходцем из традиционной аристократии, по типу практиковавшихся им в политической деятельности методов и связей он принадлежал уже к новому типу «элиты» в демократическом полисе⁸⁴. Нам кажется, что представители обоих изложенных точек зрения по-своему правы, но правы не во всем. Для правильного ответа на вопрос об отношениях Перикла и Алкмеонидов нам придется в дальнейшем соединить эти точки зрения, но не по типу поиска свободной от крайностей «золотой середины», а в плане хронологическом. Именно к такому выводу привел нас анализ источников, к изложению результатов которого мы и приступаем.

Но перед этим оговорим следующее. Кто бы ни писал о Перикле, каких бы взглядов на его деятельность он ни придерживался, - пожалуй, в любом случае подчеркивается, что Перикл – переходная фигура, знаменующая собой определенную границу, веху в истории политической борьбы (да и мы уже упоминали об этом во введении). Методы этой борьбы, механизмы влияния, да и сами действующие лица в послеперикловскую эпоху совсем иные, нежели до нее. Перикла по достоинству можно назвать последним представителем старой аристократии у власти в Афинах⁸⁵. Этот резкий перелом произошел именно в годы длительного фактического правления «первого человека» (Thuc.I.139,4), и ясно, что он, как никто

⁸² Ehrenberg V. From Solon to Socrates... P.207-208.

⁸³ Finley M.I. Politics... P.47.

⁸⁴ Ober J. Op.cit. P.90.

⁸⁵ Ср.: Залобовина Г.Т. Динамика становления... С.20.

другой, своей деятельностью способствовал перемене. Как же выйти из столь парадоксальной ситуации: Перикл – знатнейший аристократ и Перикл – политик, резко снизивший роль аристократии, расчистивший дорогу демагогам? Безусловно, в пределах данного параграфа мы не ставим перед собой задачу дать ответ на столь глобальный вопрос. Мы рассмотрим лишь те его аспекты, которые прямо связаны с Алкмеонидами.

Перикл, сын Ксантиппа из Холарга, по мужской линии происходил из знатного аттического рода Бузигов, о чем свидетельствует комедиограф Евполид (Aristid.XLVI. 130 cum schol. = Eupolis fr.96 Kock). Правда, в конце прошлого века У.Виламовиц выступил против такой идентификации⁸⁶, опираясь на тот факт, что Бузигом в другом месте у Евполида (fr.97 Kock = Schol.Ari-stoph.Lys.397), а также у Аристофана (Lys. 397 – точнее, «Холозигом»,) назван Демострат, оратор конца V в. до н.э. Однако, насколько можно судить, данный аргумент иррелевантен. Если Демострат был Бузигом, из этого отнюдь не вытекает, что Перикл таковым не являлся. В таком случае они были родственниками, что, кстати, косвенно подтверждается двумя обстоятельствами. Во-первых, в пародийном «Холозиге» Аристофана (смесь слов «желчь», и) явственно слышится еще и аллюзия на дем Холарг, к которому, очевидно, принадлежал Демострат. Перикл, как известно, тоже был из Холарга. Во-вторых, в 415 г. до н.э. Демострат выступал как активный сторонник Алкивиада (Aristoph.Lys.391 sqq.; Plut.Alc.18; Nic.12), близкого родственника Перикла. Таким образом, отрицать принадлежность Перикла к Бузигам нет достаточных оснований⁸⁷.

Род Бузигов не относился к числу наиболее блестящих и влиятельных афинских родов, как Филаиды или Алкмеониды, но также был весьма древним и почтенным. Род этот был жреческим (, ср. Schol.Aristid.XLVI.130), т.е. контролировал локальный культ (впрочем, такой контроль осуществляла, скорее всего, одна определенная семья рода, и вряд ли это была семья, из которой происходил Перикл). Это

⁸⁶ Wilamowitz-Moellendorff U. von. Op.cit. Bd.2. S.86. Ср.: Ehrenberg V. Sophocles and Pericles... P.75.

⁸⁷ Из работ последнего времени, где признается принадлежность Перикла к Бузигам, см.: Schwarze J. Die Beurteilung des Perikles durch die attische Komödie und ihre historische und historiographische Bedeutung. München, 1971. S.130; Châtelet F. Op.cit. P.105-111; Строецкий В.М. Полис и империя... С.55.

был культ легендарного основоположника рода, героизированного под именем Эпименид (Hesych.s.v.). Этот Бузиг-Эпименид принадлежал к окружению известного земледельческого героя Триптолема и почитался как первый человек, впрягший быков в ярмо (отсюда – название рода). Статуя Эпименида стояла в Афинах рядом с храмом Триптолема и медным изваянием быка (Paus.I.14,4, где он смешан с Эпименидом Критянином). Таким образом, Бузиг входил в круг элевсинских героев (Serv.in Verg.Georg.I.19), что подтверждается жреческими обязанностями рода Бузигов в Элевсине по содержанию священных быков уже в историческую эпоху (Schol.Aristid.loc.cit.)⁸⁸. А это говорит о том, что сам род, вероятнее всего, элевсинского происхождения.

Однако одна из ветвей рода, а именно та, из которой происходил Перикл, очевидно, уже в весьма раннюю эпоху переселилась в Афины и заняла там достаточно влиятельное положение. В списке пожизненных афинских архонтов (Castor FGrHist.250 F4) фигурирует имя некоего Арифрона. Арифрон – очень редкое имя, в Афинах зафиксированное только у Бузигов. Это дает основание полагать, что уже в период ранней архаики Бузики находились в отношениях родства с правящей династией Медонтидов⁸⁹. Кстати, как мы видели, аналогичное родство с Медонтидами наблюдается в это же время и у Алкмеонидов.

Резиденцией данной семьи рода Бузигов уже тогда, судя по всему, был Холарг – дем, после клисфеновских реформ относившийся к городской триттии филы Акамантиды и находившийся в долине Кефиса, к северо-западу от Афин, по соседству с внешним Керамиком⁹⁰. Именно в Холарге проживал отец Перикла Ксантипп на момент деятельности Клисфена, к этому дему были приписаны и все его потомки (ср. Plut.Pericl.3). Проживание на аттической равнине (), в непосредственной близости от города для знатной и состоятельной семьи не могло не повлечь за собой раннее участие в политической жизни, контакты с другими влиятельными родами. И действительно, из предыдущего изложения мы видели, что уже в VI в. до н.э. можно обнаружить тесные связи Бузигов (так мы для краткости будем впредь

⁸⁸ О связи Бузигов с культом Деметры см. также: Williams Th. The Curses of Bouzyges: New Evidence // Mnemosyne. 1962. V.15. Fasc.4. P.396-398.

⁸⁹ Arnheim M.T.W. Op.cit. P.42 ff.

⁹⁰ Homo L. Op.cit. P.7; Gomme A.W. The Population of Athens... P.37-39.

называть семью Перикла по мужской линии) как с Писистратидами, так и с Алкмеонидами. Возникшее в результате многочисленных «политических» браков крайне сложное переплетение семейных связей не могло не повести к тому, что уже Ксантипп, а за ним – и его сын Перикл воспринимались современниками всецело в контексте Алкмеонидов⁹¹. Связь афинского «олимпийца» с Алкмеонидами была глубже и уходила древнее, чем может показаться на первый взгляд. С большой долей уверенности можно утверждать, что Перикл был даже не наполовину, а на три четверти Алкмеонидом. К тому же роду принадлежала и его первая жена, имя которой неизвестно⁹².

Начало политической карьеры Перикла и Алкмеониды.

Детство Перикла пришлось на десятилетие между Марафоном и Саламином, рассмотренное нами в предыдущем параграфе. На него, вне всякого сомнения, оказали тягостное впечатление очередные «гонения» на Алкмеонидов, развернувшиеся в это время⁹³. В 486 г. до н.э. был изгнан ostracismом его дядя по матери Мегакл (IV), два года спустя – его отец Ксантипп. Подвергались угрозе изгнания многие другие члены рода. На Алкмеонидов сыпались обвинения в «Килоновой скверне», персидской измене, связях с тиранами. Когда сам Перикл позже вступил на политическую арену, обвинения подобного рода должны были предъявляться и ему лично; не случайно, по замечанию Плутарха (Pericl.7), в молодости Перикл очень боялся ostracisma.

Первое упоминание о Перикле как о практическом деятеле относится к 472 г. до н.э. (IG.II².2318,9-11). В этом году Перикл выступил в качестве хорега при постановке эсхилиовских «Персов». На этом эпизоде карьеры начинающего политика стоит остановиться подробнее. В 472 г. Перикл был юношей 22 лет, и вряд ли хорегия была возложена на него лично. Судя по

⁹¹ См. генеалогическую таблицу: Суриков И.Е. Перикл и Алкмеониды... С.18.

⁹² Bicknell P.J. Studies... P.77-83; Cromey R.D. Perikles' Wife: Chronological Calculations // GRBS. 1982. V.23. No.3. P.203-212. Впоследствии Р.Кромей идентифицировал жену Перикла с Диномахой, матерью Алкивиада (*idem*. On Deinomache // Historia. 1984. Bd.33. Ht.4. S.385-401). Однако при всей заманчивости этой гипотезы ее приходится отвергнуть (подробнее см.: Суриков И.Е. Женщины в политической жизни... С.47-48). Первая жена Перикла была родной сестрой Диномахи, дочерью Мегакла (IV) и Кесиры (III).

⁹³ Burn A.R. Pericles and Athens... P.13.

всему, изначально литургом был Ксантипп, но он умер в конце 473 или начале 472 г.⁹⁴, и хорегию перенял его сын.

Хорегия, как и всякая литургия, была в Афинах прекрасной возможностью зарекомендовать себя с наилучшей стороны для любого гражданина, вступающего на политическое поприще (ср. Thuc. VI.16,3 – в связи с Алкивиадом). Думается, совершенно не случайно в ходе этой хорегии рядом оказались имена Перикла и Эсхила. Связи хорега и драматурга не были, как правило, вызваны простым совпадением. Они знаменовали личную и политическую близость (как, например, у Фемистокла и Фриниха). В связи с этим упомянем два интересных факта. Во-первых, Эсхил был родом из Элевсина, откуда, как мы выяснили, происходил род Бузигов. Во-вторых, известно имя последнего афинского пожизненного архонта (755/4 – 754/3 гг. до н.э.), упоминаемое Кастором, – Алкмеон, сын Эсхила. Нам уже не раз приходилось говорить выше, что имена в среде афинской аристократии давались отнюдь не случайно. В данном случае можно с немалой долей вероятности утверждать, что личные связи Эсхила и Перикла были давними, унаследованными от предков. Кстати, Эсхил был ровесником или почти ровесником Ксантиппа.

Неоднократно отмечалось, что в ряде драм Эсхила присутствуют аллюзии на личность Перикла, на историю рода Алкмеонидов, в том числе в связи с «Килоновой скверной»⁹⁵. Такие аллюзии почти несомненны в «Эвменидах» и вообще в «Орестее», весьма вероятны в трагедии «Семеро против Фив», возможны в «Прометее». Цель их в общем можно определить как оказание поддержки молодому Периклу на заре его политической деятельности, в частности, оправдание начинающего и перспективного политика от дискредитирующих его наветов, связанных с Алкмеонидами, от обвинений в родовом проклятии.

Вероятно, уже тогда у Перикла возникло желание избавиться от обременительного наследия Алкмеонидов, по возможности уменьшить свою зависимость от «проклятого» рода. Но это было для него еще совершенно невозможно: любая политическая деятельность в первой половине V в. до н.э. обуславливалась прежде всего поддержкой родственников⁹⁶. Перикл же начинал

⁹⁴ После 479 г. Ксантипп исчезает из источников (*Schaefer H. Xanthippos // RE. Reihe 2. Hlbd.18. 1967. Sp.1346*).

⁹⁵ Библиографию вопроса см.: *Суриков И.Е. Афинский ареопаг... С.37-39.*

⁹⁶ *Connor W.R. The New Politicians... P.10-18.*

свою карьеру по всем правилам афинской политики. После хорегии 472 г. мы встречаем его в конце 460-х годов в качестве стратега (Plut.Cim.13). Эта, судя по всему, первая стратегия Перикла странным образом была упущена из вида Ч.Форнарой. В своей монографии об афинских стратегах V в. до н.э. он датирует первую стратегию Перикла лишь 454/3 г. (Thuc.I.111,2)⁹⁷. Э.Бадян, первым обративший серьезное внимание на указанный пассаж Плутарха (точнее, Каллисфена, на которого тот ссылается), относит его к 465-463 гг.⁹⁸. Кажется, внутри этого временного промежутка можно обозначить и более точную дату. Принимая 494 г. до н.э. как год рождения Перикла⁹⁹ и помня о возрастном цензе для занятия должности стратега (30 лет), мы должны будем отнести первую стратегию Перикла к 464/3 г. Кстати, он исполнял эту магистратуру совместно с Эфиальтом, к группировке которого в тот период примыкал (Arist.Pol.1274a10; Plut.Pericl.9; Mor.812d). Естественно, уже с молодости выступал Перикл и в качестве оратора в народном собрании и судах, сразу снискав себе репутацию великолепного мастера красноречия.

Итак, уже с первых лет политической деятельности Перикла в ней сочетались и соперничали две тенденции: опора на Алкмеонидов, на их обширные связи и еще сохраняющееся могущество, и отталкивание от них. Будучи реалистом, Перикл не мог не понимать, что без поддержки рода успеха достичь практически невозможно¹⁰⁰, и поэтому в первый период его карьеры, до середины 440-х гг., первая тенденция безусловно преобладала. Набирающий силу политик действовал поначалу всецело в ключе традиционных для Алкмеонидов механизмов

⁹⁷ Fornara Ch.W. The Athenian Board of Generals from 501 to 404. Wiesbaden, 1971. P.47. Кстати, и эту стратегию Перикла резоннее датировать 455/4 г. (Badian E. From Plataea to Potidaea... P.102).

⁹⁸ Badian E. From Plataea to Potidaea... P.13-14, 101.

⁹⁹ Суриков И.Е. Перикл и Алкмеониды... С.18. Датировка рождения Перикла ок. 500 г. или ранее (Fornara Ch.W., Samons L.J. Op.cit. P.24) значительно менее вероятна.

¹⁰⁰ Безусловно, юридически аристократия в Афинах V в. не имела ровно никаких привилегий. Однако нам кажется справедливым остроумное замечание Р.Литтмана, что, будь Перикл, скажем, бедняком откуда-нибудь из Марафона, выходцем из безвестной семьи, не имевшей разветвленных родственных связей, вряд ли ему, при всех его политических талантах, удалось бы стать «первым гражданином» (Littman R. Kinship and Politics... P.210).

влияния¹⁰¹, в первую очередь укрепляя внутриродовые и межродовые связи. В середине 450-х годов он женился на своей двоюродной сестре, бывшей жене Гиппоника из рода Кериков (ср. Plat.Prot.314e; Plut.Pericl.24)¹⁰². Этим, кстати, укреплялись уже существовавшие с VI в. связи Алкмеонидов с названным родом. Характерно, что старший из двух сыновей, родившихся от первого брака Перикла, был назван Ксантиппом (по деду), а второй – Паралом (), что должно было засвидетельствовать связь с Паралией, простатами которой издавна выступали Алкмеониды.

Перикл расширил матримониальные связи Алкмеонидов на ветвь рода Саламиниев: есть веские основания полагать, что брак свояченицы Перикла Диномахи с его старым другом и соратником Клинием (Plat.Alc.I.105d, 123c) состоялся именно по его инициативе. Не случаен тот факт, что после гибели Клиния в 447 г. опекуном его малолетнего сына, будущего знаменитого Алкивиада, стал именно Перикл (Isocr.XVI.28; Plat.Alc.I.104, 118e, 124c; Plut.Alc.1;3). Они были достаточно близкими родственниками: Алкивиад приходился самому Периклу двоюродным племянником, а его жене – родным (о генеалогии Алкивиада см. ниже, §3 данной главы). Греческие авторы называют Алкивиада Перикла. Правда, Корнелий Непот (Alc.2) считает, что Алкивиад был его «пасынком» (privignus)¹⁰³, но это стоящее особняком сообщение – скорее всего плод нередкой у римского биографа путаницы.

Неровно развивались отношения Перикла с Филаидами. Связи родства, безусловно, не могли не давать о себе знать: Перикл и Исодика, жена Кимона, были троюродными братом и сестрой. С другой стороны, отцы Перикла и Кимона были врагами: Ксантипп в свое время добился осуждения Мильтиада. Напряженность между семьями была отчасти снята брачным

¹⁰¹ Впечатляющую картину действий Перикла в этом ключе дает Р.Сили (Sealey R. The Entry of Pericles... Passim), хотя порой она, на наш взгляд, страдает преувеличениями и односторонностью.

¹⁰² Именно в такую последовательность ставит эти браки Плутарх. Попытки ряда исследователей (Сили, Дейвиса) «поменять» их местами (вначале брак с Периклом, затем – с Каллием) заставляют прибегать к произвольным эмендациям текста источника и, кроме того, приводят к противоречиям в хронологии: Каллий, сын этой женщины от Гиппоника, был, несомненно, старше ее детей от Перикла.

¹⁰³ Именно на этом свидетельстве строит свою гипотезу Р.Кромби (см. прим.92 к этой главе).

альянсом 480 г., но в целом в отношениях Перикла и Кимона¹⁰⁴, насколько можно судить, чередовались периоды коалиции и конфликта.

Во введении мы говорили о законе Перикла о гражданстве 451 г. до н.э. (Arist.Ath.pol.26,4; Plut.Pericl.37; Aelian.Var.hist.VI.10; XIII.24) как о важной мере, подорвавшей влияние знатных родов. Но, как ни парадоксально, еще и этот закон во многом лежит в русле родовой, аристократической политики. Если ранее в сфере пользования гражданскими правами действовал старинный принцип, учитывавший лишь принадлежность отца и не принимавший в расчет происхождение матери (этот принцип прослеживается еще у Эсхила, ср. Eum.657-666), то Перикл привлек внимание афинян к женской линии. Этим, помимо прочего (а, может быть, и в первую очередь) наносился удар по Кимону, матерью которого была фракийская царица Гегесипила (Plut.Cim.4; Marcellin.Vita Thuc.17). Интересно, что в данном случае Перикл вел довольно рискованную игру: возбуждение интереса к материнской линии косвенно ударяло и по нему, напоминая, что он причастен к Алкмеонидам и «Килоновой скверне» по матери (впрочем, как мы видели, и по отцу тоже). Однако, будучи изошренным и талантливym политиком, Перикл не боялся удара по этой «болевым точкам»: он знал, что возбуждать вопрос о родовом проклятии отнюдь не в интересах Кимона, имевшего детей от «оскверненной» Исодики.

Вопрос о детях Кимона относится к числу дискуссионных. Памфлетист V в. до н.э. Стесимброт в сочинении «О Фемистокле, Фукидиде и Перикле» (FGrHist.107 F6) называет Лакедемония и Улия (Элея) рожденными от матери-аркадянки (из города Клитор); в таком случае только Фессал оказывается сыном Исодики. Однако Стесимброт не пользуется репутацией авторитетного источника¹⁰⁵. Видимо, ближе к истине сообщение периегета Диодора (FGrHist.372 F37), согласно которому все три сына Кимона были рождены в законном браке с Исодикой¹⁰⁶.

¹⁰⁴ Наиболее подробно этот сюжет освещен в работе: Sealey R. The Entry of Pericles... Впрочем, серьезные возражения вызывает характеристика, даваемая Сили Периклу как политику из окружения Кимона. Их противостояние, согласно всей античной традиции, всё же имело место, и отрицать его нет никаких оснований. Ср.: Cox C.A. Incest, Inheritance and the Political Forum in Fifth-Century Athens // CJ. 1989. V.85. No.1. P.34-36.

¹⁰⁵ О нем см.: Pearson L. Op.cit. P.49 f.

¹⁰⁶ Высказывалось даже мнение (Raubitschek A.E. The Ostracism of Xanthip-

Очевидно, Перикл, ведя не вполне чистую политическую игру, попросту публично клеветал на сыновей Кимона, попрекая их матерью-неафинянку (Plut.Pericl.29) и этим заставляя их самих раскрывать свое истинное происхождение от «проклятых».

Разрыв. К середине 440-х гг. до н.э. Перикл достиг полного успеха, покончив со всеми сколько-нибудь серьезными соперниками (в 444 г. был изгнан остракизмом Фукидид, сын Мелесия, породнившийся с Филаидами) и занял исключительное положение в афинском полисе. Теперь он, в принципе, не нуждался в существенной поддержке рода или какой-либо политической группировки и мог опираться на собственные силы, выступая от имени всего демоса.

В этих условиях произошло быстрое отчуждение Перикла от Алкмеонидов. Около 445 г. он развелся со своей первой женой и вступил в брак с неафинянкой Аспасией (Plut.Pericl.24; Lucian. Gall.19; Athen.XI.533d; Schol.Aristoph.Ach.527). Вокруг Перикла, насколько можно судить, именно в период его близости к Аспасии сложился знаменитый кружок деятелей культуры, не имевший ничего общего с традиционными гетериями, строившимися на принципах родства, клиенты и политической дружбы ()¹⁰⁷. Новые соратники Перикла не были ни его родственниками, ни в большинстве случаев даже афинянами. Анаксагор происходил из Клазомен, Протагор – из Абдеры, Геродот – из Галикарнасса; Фидий, хотя и являлся афинским гражданином, был, как и большинство художников, мало привязан к какому-то конкретному полису, работая во многих городах Эллады – Дельфах, Олимпии, Платеях и др.¹⁰⁸

pos...

Piccirilli

L.

moglie di Cimone // RFIC. 1982. V.110. Fasc.3. P.278-282; Cromei R.D. The Mysterious Woman of Kleitor // AJPh. 1991. V.112. No.1. P.87-101), что в кодексы Плутарха вкралась ошибка переписчика и вместо
следует читать

(«оскверненной»). Однако оснований для такой конъектуры явно недостаточно.

¹⁰⁷ Connor W.R. The New Politicians... P.25-32; Суриков И.Е. Демократия и гетерии... С.92-93.

¹⁰⁸ Schrader H. Das Zeusbild des Pheidias in Olympia // JDAI. 1941. Bd.56. S.4-5; Buschor E. Phidias der Mensch. München, 1948. S.25-26; Mallwitz A., Schiering W. Die Werkstatt des Pheidias in Olympia. B.,1964. S.272-277; Gauer W. Das Athenerschatzhaus und die marathonischen Akrothina in Delphi // For-

Здесь необходимо отметить, что «кружок Перикла» зачастую приобретает в литературе чрезмерно широкие, расплывчатые очертания¹⁰⁹. Порой в него стремятся включить едва ли не всех представителей греческой интеллектуальной элиты V в. до н.э., так или иначе связанных с Афинами. Так, по распространенному мнению, к этому кружку примыкал Софокл. Однако несомненно, что, во всяком случае, в начале своей деятельности Софокл пользовался поддержкой Кимона (Plut.Cim.8), как Эсхил – поддержкой Перикла. Виктор Эренберг посвятил специальную монографию¹¹⁰ доказательству того, что по крайней мере в области мировоззрения Перикл и Софокл были антиподами. Софокл являлся характерным представителем традиционного, консервативного благочестия, что с особой силой сказывалось на его неизменно пиетическом отношении к Дельфам¹¹¹. Но это неизбежно должно было противопоставить его Периклу и в политической сфере, поскольку, как мы увидим чуть ниже, в течение Пентеконтаэтии отношения между Афинами и Дельфами неуклонно ухудшались, и не в последнюю очередь благодаря Перикловой политике. С другой стороны, нет оснований отрицать близость к Периклу Геродота (вспомним об участии последнего в основании Фурий), хотя из этого, разумеется, отнюдь не вытекает с неизбежностью мнимая «проперикловская» тенденция историка (этот вопрос мы разбирали выше, гл.II, §2). Интересно, что Геродот, судя по всему, был близок к Софоклу (ср. Plut.Mor.785b).

Именно к периоду после 445 г. следует, судя по всему, отнести и свидетельство Плутарха (Pericl.7) о едва ли не демонстративном отказе Перикла от тесного общения с друзьями и родственниками. Даже на свадебном пире своего

schungen und Funde. Innsbruck, 1980. S.129 f.; *Mattusch C.* The Eponymous Heroes: The Idea of Sculptural Groups // AAAD. P.74-75.

¹⁰⁹ Ср., например: *Schachermeyr F.* Religionspolitik... S.46. Критику данной тенденции см.: *Stadter Ph.* Pericles among the Intellectuals // ICS. 1991. V.16. No.1/2. P.111-124.

¹¹⁰ *Ehrenberg V.* Sophocles and Pericles...

¹¹¹ Из обширной литературы о мировоззрении Софокла см.: *Nestle W.* Sophokles und die Sophistik // CIPh. 1910. V.5. P.129-157; *Whitman C.H.* Op.cit.; *Méautis G.* Sophocle. Essai sur le héros tragique. P., 1957; *Kitto H.D.F.* Sophocles: Dramatist and Philosopher. L., 1958; *Казапов Е.Г.* Очерк религиозных воззрений Софокла. Киев, 1909; *Радицз С.И.* К вопросу о мировоззрении Софокла // ВДИ. 1957. №4. С.37-48.

двоюродного брата Евриптолема (II)¹¹² он не остался до конца.
Традиция сохранила изречение Перикла

(Plut.Mor. 186b; 531c; 808ab), очевидно пользовавшееся популярностью и означавшее, что он не поступится ради дружбы законностью и общественной пользой. Иными словами, Перикл отказался от услуг гетерии. Характерно, что его главный политический противник – Фукидид, сын Мелесия, – опирался в своей деятельности именно на созданную им гетерию (Plut.Pericl.11). Периклову стратегию можно истолковать как сознательную антитезу действиям конкурента¹¹³.

Чрезвычайно интересен еще один факт. Автором декрета (IG. I².77), относящегося, судя по всему, именно ко второй половине 440-х годов (или чуть позже) и устанавливающего наследственные почести потомкам тираноубийц Гармодия и Аристогитона, был именно Перикл, если верно никем не оспариваемое восстановление его имени из сохранившегося [...] ¹¹⁴. Таким образом, и в данном вопросе Перикл если и не опровергал прямо, то, во всяком случае, отнюдь не разделял бытовавшую среди Алкмеонидов традицию, согласно которой честь освобождения Афин от тирании принадлежала их роду, а не тираноубийцам. В противовес «алкмеонидовской» версии событий опирался на общеафинскую, особенно популярную в широких слоях демоса.

Внешняя политика Перикла во многих отношениях также не только вышла из русла алкмеонидовской традиции¹¹⁵, но и приобрела противоположную направленность. Особенно ясно это видно в отношении Перикла к Дельфам. Как мы видели выше (гл. III, §3), вплоть до Перикла многолетние связи Алкмеонидов и Дельфов отличались прочностью и стабильностью. Однако около середины V в. до н.э. произошел

¹¹² Скорее всего, это сын Мегакла (IV): *Bicknell P.J. Studies...* P.89 ff.

¹¹³ Ср.: *Суриков И.Е. Демократия и гетерии...* С.96.

¹¹⁴ *Podlecki A.J. The Political Significance of the Athenian "Tyrannicide"-Cult // Historia. 1966. Bd.15. Ht.2. S.129-141; Lavelle B.M. The Sorrow and the Pity... P.41, 52; Forrest W.G. Aristophanes, Lysistrata 231 // ClQ. 1995. V.45. No.1. P.240.*

¹¹⁵ Так, в центре внешнеполитических притязаний Перикла в 440-430-е гг. оказались регионы, никогда ранее не входившие в сферу интересов Алкмеонидов: Великая Греция, бассейн Понта Эвксинского (подробнее см.: *Суриков И.Е. Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. 1999. №2. С.98-114.*)

достаточно серьезный перелом. Весь «Периклов век» стал временем резкого ухудшения отношений между Афинами и Дельфами. К моменту начала Пелопоннесской войны оракул оказался всецело на стороне Спарты (Thuc.I.118,3). В самом требовании «изгнать скверну», направленном спартанцами афинянам в 432 г. (Thuc.I.126-127; Plut.Pericl.33), ошутимо дельфийское влияние¹¹⁶. Таким образом, при Перикле традиционная дружба Дельфов с его родом решительно пресеклась.

Думается, причина недружелюбия дельфийского жречества к Периклу та же, что в свое время к Писистрату и Писистратидам. Имперские притязания перикловых Афин распространялись не только на политическую, но и на религиозную и культурную сферы. И тут они вступали в прямое противоречие с интересами Дельфов, по-прежнему отстаивавших свой авторитет как главного панэллинского религиозного центра. Вся деятельность Перикла и объективно, и субъективно была направлена на подрыв этого дельфийского авторитета. В замыслах афинского «олимпийца» именно его родной полис, а не Дельфы и не какое-либо другое место, должен был стать первой святыней Эллады¹¹⁷.

Антидельфийская направленность видна во многих мероприятиях Перикла. Следует отметить предпринятую им в 448 г. (после возобновления Каллиева мира) попытку созыва в Афинах общезэллинского конгресса, главными вопросами которого должны были стать культовые – восстановление сожженных персами греческих храмов и благодарственные жертвоприношения по поводу победы (Plut.Pericl.17). В случае удачи этой акции Афины, несомненно, приобрели бы огромное значение в религиозной жизни Греции (если учитывать еще и проперсидскую позицию Дельфов в период похода Ксеркса). Однако усилиями лакедемонян конгресс был сорван. Открыто афино-дельфийская враждебность проявилась во второй Священной войне (наиболее вероятная дата – 448 г.¹¹⁸; можно рассматривать ее как одну из кампаний Малой Пелопоннесской войны). В ходе военных действий Дельфы были временно

¹¹⁶ Ср.: Nilsson M.P. Geschichte... Bd.1. S.640.

¹¹⁷ Knox B. Sophocles and the Polis // *Entretiens sur l'antiquité classique*. 1983. V.29. P.27.

¹¹⁸ Хронологию см.: Badian E. From Plataea to Potidaea... P.103. Подробнее о войне см.: Hornblower S. The Religious Dimension to the Peloponnesian War // *HSCPh*. 1992. V.94. P.177-184.

отбиты Периклом у дельфийского жречества, поддерживаемого Спартой, и переданы под контроль фокидян (Thuc.I.112,5; Plut.Pericl.21).

В этом же контексте следует рассматривать основание в 443 г. по инициативе Перикла и под эгидой Афин общегреческой колонии Фурии в Италии (Strab.VI.263; Plut.Pericl.11)¹¹⁹. Данная акция не могла не быть прямым вызовом дельфийскому Аполлону, традиционно считавшемуся покровителем колонизации. О религиозном значении основания Фурий говорит уже тот факт, что ойкистом колонии (по крайней мере, со стороны афинян) был назначен известный прорицатель Лампон (Diod.XII.10; Plut.Mor.812d; Hesych.s.v. ; Schol.Aristoph.Nub. 332). Лампон был заметной фигурой в перикловых Афинах¹²⁰. Он являлся не только прорицателем (

(, ср. Schol.Aristoph.Av.521), но и жрецом (, и экзегетом (Eupolis fr.297 Kock), а кроме того, принадлежал к ближайшему окружению Перикла (Arist.Rhet.1419a2; Plut.Pericl.6).

Наконец, следует сказать несколько слов и о грандиозной строительной программе Перикла, в ходе реализации которой город украсился архитектурными памятниками, величием и красотой превосходившими всё, что дотоле приходилось видеть афинянам, да и не только им (ср. Plut.Pericl.12-13). Безусловно, мы не имеем здесь возможности подробно рассмотреть этот вопрос, которому посвящена колоссальная (в первую очередь искусствоведческая) литература. Было бы непростительным упрощением трактовать эту программу только в рамках афино-дельфийского соперничества, однако есть серьезные основания полагать, что и этот аспект в ней также присутствовал. Перикл стремился сделать родной город не только политическим гегемоном греческого мира, но и его важнейшим культурным, религиозным центром; он видел в Афинах не только столицу морской державы, но и «школу Эллады» (Thuc.II.41,1)¹²¹. Если же в предшествующую эпоху какой-нибудь город и мог претендовать

¹¹⁹ О проблемах основания Фурий см.: Ehrenberg V. Polis und Imperium... S.298-315; Строгоцкий В.М. Политика Афин в Западном Средиземноморье в середине V в. до н.э. и проблема основания колонии Фурии // ГГАМ. С.55-79.

¹²⁰ О нем см.: Schachermeyr F. Religionspolitik... S.26 ff.

¹²¹ Ср.: Маринович Л.П. Греция в V в. до н.э. // История Европы. Т.1. Древняя Европа. М.,1988. С.288.

на столь почетное наименование, то это были именно Дельфы, санкционировавшие своим авторитетом ряд важных новшеств в идейном развитии архаической эпохи (в частности, феномен раннего греческого законодательства). Теперь эту роль готовились перенять перикловы Афины, что никак не могло быть встречено с энтузиазмом в Аполлоновом святилище.

Отметим в связи со сказанным два интересных обстоятельства. Во-первых, начало строительства на афинском Акрополе относится к 440-м гг. до н.э., т.е. как раз к тому периоду, когда произошло отчуждение Перикла от Алкмеонидов. Во-вторых, среди перикловых построек мы обнаруживаем почти исключительно храмы и другие культовые сооружения. Афинский «олимпиец» совершенно пренебрегал гражданской архитектурой, общественными зданиями утилитарного назначения¹²². Не удивительно, что обновленные Афины буквально сразу же стали центром паломничества греков (ср. Aristoph.Nub.300 sqq.).

В то время как перикловы Афины демонстративно противопоставляли себя Дельфам, Спарта систематически подчеркивала свое почтение к оракулу, давая понять, что она не претендует на духовное господство в Элладе, довольствуясь политической гегемонией. Это и обусловило недвусмысленно лаконофильскую позицию жречества Аполлона в Пелопоннесской войне. Характерно, что и в самих Афинах противники Перикла, лаконофилы высказывали пиетет к Дельфам. Так, Кимон посвятил в дельфийский храм скульптурную группу работы Фидия (Paus.X. 10,1)¹²³. Итак, и в отношениях с Дельфами Перикл *не* явился продолжателем традиций Алкмеонидов.

«Возмездие». Годы фактического правления Перикла, второй период его деятельности можно назвать временем нарастания рационализма в афинском обществе¹²⁴. Опора на

¹²² К таковым можно отнести разве что Одеон, однако и в сооружении такого назначения религиозная семантика должна была быть не менее значимой, чем политическая. В высшей степени интересно наблюдение И.А.Макарова (*Макаров И.А. Формы идеологического обоснования... С.23*), что аналогичная «религиозная» и «демонстративная» направленность строительной политики характерна для тиранов архаической эпохи, в частности, для Писистратидов. Резкий контраст представляет эпоха Клисфена с решительным преобладанием гражданских построек.

¹²³ *Mattusch C. Op.cit. P.73-74.*

¹²⁴ Ср.: *Зайцев А.И.* Перикл и его преемники...

личные отношения уступала место безличным соображениям законности и государственного интереса. Личный пример лидера, демонстративно порывающего с семейными, родовыми связями, должен был стать парадигматичным для властных структур полиса. Кстати, не лишено оснований предположение, что именно к «Периклову веку» относится изменение порядка избрания стратегов: теперь они избирались не по филам, как прежде, а из всего состава граждан (Arist.Ath.pol.61,1; ср. Philoch. FGrHist.324 F38)¹²⁵. Это означало тот же крен от традиционных связей и структур к рациональной консолидации полиса.

Судя по всему, рационалистом был Перикл¹²⁶ и в религиозной области (ср. Cic.De rep.I.16,25; Plut.Pericl.35; 38). По мнению Ф.Шахермейра, он являлся человеком глубоко религиозным, но представителем новой, «просвещенной» религиозности, приходившей в столкновение со старой, традиционной. К тому же Перикл не мог не понимать важности почитания богов для внутренней и внешней политики. Даже скептически относясь к приметам, он как государственный деятель в случае появления таковых не вправе был пренебречь консультацией экзегета (Plut. Pericl.6; ср.13)¹²⁷.

Однако традиционное мировоззрение было еще, в сущности, непоколебимо в массе рядовых афинян; не удалось пошатнуть его устои и Периклу. Во второй половине 430-х гг. до н.э. вновь набрала силу оппозиция афинскому «олимпийцу», в которой на этот раз слились как его старые аристократические противники (возвратившийся из изгнания Фукидид, сын Мелесия), так и радикальные демагоги (Клеон). Тех и других при всех различиях (за одними было будущее, другие же отходили в прошлое) объединяло неприятие именно рациональных начал в

¹²⁵ *Ehrenberg V. Pericles and his Colleagues between 441 and 429 B.C. // AJPh. 1945. V.66. No.2. P.113-134; Fornara Ch.W. The Athenian Board... P.26* (Ч.Форнара относит эту реформу к чуть более раннему времени). М.Хансен (*Hansen M.H. The Athenian Board of Generals // Studies in Ancient History and Numismatics Presented to R.Thomsen. Aarhus, 1988. P.69-70*) без серьезных оснований относит эту реформу к середине IV в. до н.э., но такая датировка крайне маловероятна.

¹²⁶ Мировоззрение Перикла наиболее подробно освещено в книгах: *Ehrenberg V. Sophocles and Pericles...; Schachermeyr F. Religionspolitik...*

¹²⁷ Наиболее характерные места источников, свидетельствующие о религиозных взглядах Перикла: Thuc.II.64,2; [Lys.] VI.10; Plut.Pericl.8 in fine. Все эти пассажи претендуют быть цитатами из речей самого Перикла.

перикловой политике: с одной стороны, его пренебрежения связями родства, с другой – его «просвещенной» религиозности, подрывавшей устоявшиеся представления о богах и божественном¹²⁸.

Оппозиция, в кругах которой сложилась настоящая антиперикловская традиция (ярче всего проявившаяся у авторов древней комедии, цитатами из которых буквально усеяна плутарховская биография Перикла¹²⁹), наносила удар за ударом по стареющему первому стратегу, в том числе и по одной из главных его болевых точек – по алкмеонидовскому происхождению Перикла, о котором он так хотел бы забыть. В который раз всплывали старые обвинения Алкмеонидов в дружбе с тиранами, в персидской измене, в родовом проклятии. Периклу и его «мозговому центру» пришлось вступить в эту войну пропаганды, изыскивая опровержения и оправдания.

Атака на Перикла достигла апогея в череде судебных процессов против членов его кружка. Как известно, в это время с большим или меньшим успехом подверглись обвинению и суду Анаксагор, Фидий, Аспасия. Характерно, что во всех этих процессах фигурировала асебия или аналогичные категории. С одной стороны, в этом виден протест против рационализма Перикла и его окружения в религиозных вопросах; с другой – древнее преступление Алкмеонидов во время подавления мятежа Килона, навлекшее на них «скверну», было именно асебией (см. выше, гл. II, §4).

В контексте антиперикловских выступлений следует рассматривать и требование «изгнать скверну» (), предъявленное в 432 г. афинянам Спартой (Thuc.I.126-127; Plut. Pericl.33; ср. Aristoph.Equ.442 sqq.). В антиковедении существует тенденция недооценивать роль этого требования, сводить его к обычному

¹²⁸ Корзун М.С. Социально-политическая борьба... С.40 слл.; Залюбовина Г.Т. ... С.37-42; Kienast D. Der innenpolitische Kampf in Athen von der Rückkehr des Thukydides bis zu Perikles' Tod // Gymnasium. 1953. Bd.60. Ht.3. S.210-229; Frost F.J. Pericles, Thucydides Son of Melesias and Athenian Politics before the War // Historia. 1964. Bd.13. Ht.4. S.385-399; Schachermeyr F. Religionspolitik... S.71 ff.; Mansfeld J. Op.cit.; Ostwald M. From Popular Sovereignty... P.191-198; Châtelet F. Op.cit. P.233-234.

¹²⁹ См.: Schwarze J. Op.cit. Passim; Ferrarese P. Caratteri della tradizione antipericlea nella "Vita di Pericle" di Plutarco // CISA. 1975. V.3. P.21-30.

пропагандистскому маневру, к тому же не достигшему цели¹³⁰. Впрочем, встречаются и попытки отнестись к инциденту более внимательно. Так, по замечанию Э.Берна, спартанцы, помимо обычного для них выбора религиозного *casus belli*, еще и направляли свой удар персонально против Перикла, стремясь подорвать доверие к нему¹³¹. По мнению М.Нильсона, спартанское требование показало влияние Дельфов и живучесть представлений о родовом проклятии¹³². Как отмечал Г.Бенгтсон, данное требование свидетельствует о важной роли общественного мнения в рассматриваемую эпоху¹³³. Л.Пранди, Д.Кэген находят прямую связь между спартанским ультиматумом и пошатнувшимся внутренним положением Перикла¹³⁴.

Весьма вероятно, что спартанцы переняли лозунг «удаления скверны» у афинских противников Перикла. Безусловно, они не рассчитывали на его немедленное изгнание. Их планы были более реалистичными, но также далеко идущими: дискредитировать афинского лидера, добиться подрыва его

¹³⁰ Ср., например: *Nesselhauf H.* Die diplomatische Verhandlungen vor dem Peloponnesischen Kriege (Thukydides I, 139 ff.) // *Hermes.* 1934. Bd.69. Ht.3. S.294; *Delcourt M.* Périclès... P.213; *De Sanctis G.* Pericle... P.239-240; *Bowra C.M.* Periclean Athens... P.245; *Ste Croix G.E.M. de.* The Origins of the Peloponnesian War. Ithaca, 1972. P.322; *Sealey R.* The Causes of the Peloponnesian War // *CIPh.* 1975. V.70. No.2. P.108; *Lévy E.* Athènes devant la défaite de 404: Histoire d'une crise ideologique. P., 1976. P.53; *Rhodes P.J.* Thucydides on the Causes of the Peloponnesian War // *Hermes.* 1987. Bd.115. Ht.2. S.154-165; *Châtelet F.* Op.cit. P.234.

¹³¹ *Burn A.R.* Pericles and Athens... P.200 f. На это указывает и ряд других авторов: *Pearson L.* Propaganda in the Archidamian War // *CIPh.* 1936. V.31. No.1. P.43-45; *Homo L.* Op.cit. P.309; *Schachermeyr F.* Religionspolitik... S.71; *Adcock F., Mosley D.J.* Diplomacy in Ancient Greece. N.Y., 1975. P.141; *Fornara Ch.W., Samons L.J.* Op.cit. P.1-2.

¹³² *Nilsson M.P.* Geschichte... Bd.1. S.640. Ср. также: *Доватур А.И.* Феогнид... С.103-105; *Parker R.* Op.cit. P.183 f.; *Ellis W.M.* Op.cit. P.3.

¹³³ *Bengtson H.* The Greeks and the Persians... P.160; *idem.* Griechische Staatsmänner... S.136.

¹³⁴ *Prandi L.* Op.cit.; *Kagan D.* The Outbreak... P.316 ff. Вопрос подробно разобран Э.Бадияном (*Badian E.* From Plataea to Potidaea... P.152 ff.), принимающим в расчет все вышеуказанные обстоятельства и даже пытающимся спрогнозировать ход событий в случае удовлетворения спартанского требования. Специально трактующая вопрос статья Г.Шмидта (*Schmidt G.* Op.cit.) довольно поверхностна.

авторитета. На первых порах это не удалось: афиняне (очевидно, по инициативе самого Перикла) отпарировали ответным требованием к спартанцам – очиститься от «собственных» скверн (Thuc.I.128).

Однако первые годы Пелопоннесской войны изменили ситуацию. Особую роль сыграла разразившаяся в Афинах эпидемия – «чума» (), по определению Фукидида (II.54,3). Афиняне скоро связали болезнь со своим лидером, причем на двух уровнях. С одной стороны, осознавалось, что эпидемия и ее размах стали во многом следствием избранной Периклом оборонительной тактики с эвакуацией сельского населения в город, вызвавшей перенаселение Афин и антисанитарные бытовые условия (ср. Thuc.II.17). С другой стороны, на уровне религиозных представлений чума, неизменно ассоциировавшаяся со «скверной», была расценена значительной частью населения как новая кара богов за родовое проклятие Алкмеонидов. В сочетании с обвинениями против Перикла как представителя этого рода, со спартанским ультиматумом 432 г., наконец, с однозначно антиафинской позицией Дельфов – всё это повело к новой и наиболее серьезной атаке на Перикла. «Первый гражданин» и фактический командующий вооруженными силами, стремительно впад в немилость, был досрочно отстранен от должности стратега¹³⁵. Судя по всему, именно в этот период состоялся и судебный процесс против Перикла по обвинению в финансовых злоупотреблениях (Thuc.II.65,3; Plut.Pericl.32; 35). Как мы видели выше, есть основания утверждать, что тогда же, в начале Пелопоннесской войны, совершалось очищение Аттики и, возможно, в очистительных целях на Акрополе была поставлена статуя Килона.

Около 429 г. до н.э. была поставлена трагедия Софокла «Эдип-царь»¹³⁶. Творчеству Софокла, как и Эсхила, отнюдь не были чужды аллюзии на конкретные политические события, в

¹³⁵ Алексеев А.Н. О так называемой чуме в Афинах // ВДИ. 1966. №3. С.141 сл.; Delcourt M. Périclès... P.241-242; Allison J.W. Pericles' Policy and the Plague // Historia. 1983. Bd.32. Ht.1. S.14-33; Schwartz J.D. Human Action and Political Action in Oedipus Tyrannos // Greek Tragedy and Political Theory. Berkeley, 1986. P.196; Giuliani A. Op.cit. P.90; Badian E. From Plataea to Potidaea... P.153. О просчетах оборонительной стратегии Перикла см. также: Ober J. Thucydides, Pericles, and the Strategy of Defense // CrAH. P.171-188.

¹³⁶ Датировку см.: Whitman C.H. Op.cit. P.55.

той или иной мере проявлявшиеся в отдельных его драмах¹³⁷. Не следует забывать и о том, что сам драматург был активным политиком – занимал должность эллинотамия, как минимум дважды был стратегом (о второй стратегии Софокла см.: Plut.Nic. 41; Anonym.Vita Sophocl.9), уже в преклонных годах входил в состав коллегии пробулов (Arist.Rhet.1419a25)¹³⁸. Вполне резонно поэтому попытка обнаружить в «Эдипе» отклик на общеизвестные перипетии времени, в которое он был поставлен.

Софокл пошел по тому же пути, что и Эсхил в «Эвменидах»¹³⁹, уже в первых строках драмы задавая контекст, вызывающий вполне определенные ассоциации. Описание чумы в Фивах (Oed.Rex 1-30) является очевидной параллелью к афинской эпидемии; в этих условиях Эдип в сознании зрителей должен был практически неизбежно отождествляться с Периклом. Это отождествление затем подкрепляется обращением жреца к Эдипу (Oed.Rex 33):

; ср.

- так античные авторы (например, Thuc.I.139,4) обычно характеризуют положение Перикла в Афинах. Связь чумы с родовым проклятием Эдипа рождает аллюзию на «скверну» Алкмеонидов даже у исследователей XX в.¹⁴⁰

В дальнейшем цепь ассоциаций продолжается¹⁴¹. Эдип в изображении Софокла предстает просвещенным правителем, рационалистически подходящим к религиозным вопросам (Oed. Rex 387 sqq., 964 sqq.), в частности, неоднократно высказывающим сомнение в правоте вещаний Дельфийского оракула. Кстати, само введение дельфийской темы напоминает о роли и позиции Дельфов в начале Пелопоннесской войны. Во многих чертах интеллектуально одаренной, рассудительной, красноречивой Иокасты видится Аспасия. Финал драмы –

¹³⁷ См.: Fuscagni S. Sacrilegio e tradimento nell'Atene del V secolo // CISA. 1981. V.7. P.66; Vickers M. Alcibiades on Stage: *Philoctetes* and *Cyclops* // Historia. 1987. Bd.36. Ht.2. S.171-197.

¹³⁸ Отметим, что все должности, занимавшиеся Софоклом, замещались на выборной основе, а не по жребию.

¹³⁹ См.: Суриков И.Е. Афинский ареопаг... С.38.

¹⁴⁰ Wilamowitz-Moellendorff U. von. Der Glaube der Hellenen. Bd.1. Basel, 1959³. S.293. Vernant J.-P., Vidal-Naquet P. Op.cit. T.1. P.,1981. P.117 s.

¹⁴¹ Литературу о наличии «перикловских» аллюзий в «Эдипе-царе» см. в прил.52 к гл.I.

крушение всех планов и надежд Эдипа, его вынужденное признание правоты оракула (Oed.Rex 1182) – вызывает в памяти тяжелую предсмертную болезнь Перикла, кончину его детей, опалу, духовный кризис в конце жизни.

На лексическом уровне слова, и производные от них, исключительно часто употребляемые Софоклом в отношении Эдипа (Oed.Rex 28, 98, 100, 255, 263, 402, 418, 656, 805, 921, 1261, 1426), вполне могут быть реминисценцией вышеупомянутого требования спартанцев, имеющего в виду Алкмеонидов и Перикла. Следует сказать, что ученый-филолог прошлого века Дж.Магаффи даже отрицал датировку «Эдипа-царя» первыми годами Пелопоннесской войны, считая, что в таком случае это была бы проспартанская, антиафинская и антиперикловская драма¹⁴². Действительно, такая направленность выглядит достаточно странно, если считать Софокла членом кружка Перикла.

Но так ли это? В.Эренберг в упоминавшейся монографии «Софокл и Перикл», кажется, достаточно убедительно показал, что Перикл и Софокл были представителями разных, а то и противоположных мировоззрений. По политическим убеждениям Софокл, скорее всего, был приверженцем «правления лучших», не исключено, что и лаконофилом; об этом говорят и его близость к Кимону, и его участие в коллегии пробулов и установлении олигархии Четырехсот. В религиозной же области для Софокла характерна недвусмысленно продельфийская ориентация. Несмотря на прямую враждебность к Афинам со стороны Дельфов, в обстановке распространившегося в среде афинян скептицизма и индифферентности по отношению к прорицаниям и мантике вообще (Thuc. II.17,1; V.103,2; VIII.1,1) драматург занял позицию полного приятия и почтения к оракулу Аполлона. В трех из четырех дошедших до нас его трагедий периода Пелопоннесской войны («Эдип-царь», «Электра», «Эдип в Колоне») важнейшую роль играют именно дельфийские прорицания. Ф.Ф.Зелинский относил к продельфийским также дошедшие во фрагментах трагедии Софокла «Гермиона» и «Креуса»¹⁴³. В этих условиях позиция поэта поневоле становилась не только религиозной, но и политической. В свете

¹⁴² *Магаффи Дж.* История классического периода греческой литературы. Т.1. М., 1882. С.272.

¹⁴³ *Zieliński Th.* L'évolution religieuse d'Euripide // REG. 1923. V.36. P.459–479.

вышесказанного не кажется столь необычной направленность анализируемых аллюзий в «Эдипе-царе». Направленность эта явно не в пользу Перикла.

В общем и целом противникам Перикла (как внешним, так и внутренним) удалось добиться своего. Измученный преследованиями и болезнью, в последнюю пору своей жизни «афинский олимпиец» переживал тяжелый душевный кризис (Plut.Pericl.36; 38)¹⁴⁴. Бремя родового проклятия Алкмеонидов всей своей тяжестью легло на политика, который приложил в течение своей карьеры максимум усилий, чтобы от него избавиться.

§3. Последние Алкмеониды и их окружение

Настоящая работа не является специальным генеалогическим исследованием. Поэтому по ее ходу мы не останавливались подробно на тех представителях рода Алкмеонидов, которые ничем себя не проявили в афинской истории и известны только по именам. Их родственные связи между собой уже были достаточно детально разобраны в просопографических трудах Кирхнера, Дейвиса, Бикнелла. По возможности мы отразили место каждого из них в системе рода Алкмеонидов, составляя генеалогические таблицы (приложение III). Именно такого способа изложения мы будем придерживаться и в данном параграфе. Известно о довольно большом количестве Алкмеонидов, живших в V в. до н.э., но *expressis verbis* будет сказано лишь о тех, которые, на наш взгляд, того заслуживают.

Писианакт, относившийся к одной из боковых линий Алкмеонидов, был братом Исодики – жены Кимона. Очевидно, с этим связано то обстоятельство, что в 460-е гг. он сотрудничал с Кимоном в обустройстве афинской Агоры. Именно по заказу и на средства Писианакта была построена знаменитая Расписная Стоя (), впоследствии давшая имя философской школе стоиков; поэтому этот портик называли еще и Писианактовым (Plut.Cim.4; Diog.Laert.VII.5; Schol.Aeschin.III.186). Стоя была украшена картинами знаменитого Полигнота – друга Кимона и члена его «культурного кружка»; как считается, это архитектурно-

¹⁴⁴ Ср.: Burn A.R. Pericles and Athens... P.240.

художественное сооружение в целом должно было символизировать союз Алкмеонидов и Филаидов¹⁴⁵.

Достаточно видной фигурой в Афинах конца V в. до н.э. был сын Писианакта – Евриптолем (III). Он принадлежал к окружению Алкивиада и даже был его доверенным лицом. По поручению Алкивиада он вел переговоры с персидским сатрапом Фарнабазом (Xen.I.3,12-13), в 407 г. встречал в Пирее Алкивиада, триумфально возвращавшегося на родину, но имевшему всё же некоторые основания опасаться за свою жизнь и свободу (Xen. Hell.I.4,19; Plut.Alc.32). Лишь увидев в толпе встречающих Евриптолема, Алкивиад понял, что ему ничего не грозит. Еще об одном эпизоде из жизни Евриптолема, связанном с Аргинусским сражением, речь пойдет чуть ниже.

Представитель основной ветви рода Алкмеонидов Мегакл (V) был, судя по упоминаниям в источниках, блестящим аристократом, именно в таком качестве вышучиваемым Аристофаном в ряде комедий («Ахарняне», «Облака»). В 436 г. до н.э. он возобновил уже порядком подувядшую славу Алкмеонидов – победителей в панэллинских играх, став олимпийщиком в состязании колесниц-четверок (Schol.Pind.Pyth.VII.hypoth.). После этого, в 428/7 г. он занимал достаточно ответственную финансовую должность секретаря казначеев Афины (

); в этом качестве его имя встречается в нескольких аттических надписях. Наконец, в первые годы Пелопоннесской войны (но до 425 г.) он был послом в Персию (Aristoph.Ach.614 sq. cum schol.); цели и результаты этого посольства остаются неизвестными.

В комедиях Аристофана неоднократно подвергается самому разнузданному осмеянию некий Клисфен, сын Сибирия. Из других источников о нем ничего не известно. Однако имя Клисфен, как мы видели выше, пришедшее в свое время в род Алкмеонидов (и в Афины в целом) из Сикиона, вряд ли было дано этому человеку случайно. Скорее всего, перед нами – выходец из какой-то ветви Алкмеонидов, возможно, по женской линии¹⁴⁶.

Выше (гл.I, §2) упоминалось об Агаристе (III), жене Алкмеонида (III), совершившей в 415 г. до н.э. донос на Алкивиада в связи с делом о пародировании мистерий (An-

¹⁴⁵ Bicknell P.J. The Euryptolemos... P.390.

¹⁴⁶ О нем см.: Roux G. Les grimaces de Clisthène (Aristophane, Grenouilles, v.422-430) // REG. 1967. V.80. P.165-175.

doc.I.16). Эпизод этот очень темный, он ставит ряд вопросов, ответить на которые вряд ли представляется возможным. Ситуация осложняется еще и тем, что первым (до Алкмеонида) мужем Агаристы был близкий сподвижник Перикла музыкант Дамон. Что подвигло Агаристу – несомненную представительницу рода Алкмеонидов, супругу Алкмеонида, судя по всему, еще и близкую к кружку Перикла¹⁴⁷, – сделать донос на собственного родственника (Алкивиад, как мы сейчас же увидим, был Алкмеонидом по матери) и к тому же бывшего подопечного Перикла, да при этом еще и нарушить золотое правило афинских женщин, предельно четко сформулированное тем же Периклом (Thuc.II.45,2): «Та женщина заслуживает величайшего уважения, о которой меньше всего говорят среди мужчин, в порицание или в похвалу»¹⁴⁸? Какие трения у Агаристы или ее семьи могли быть с Алкивиадом? Не пытался ли Алкивиад, по образцу Перикла, отстраниться от Алкмеонидов? Пока этот вопрос придется оставить открытым. Отметим только, что в ходе тех же событий был временно взят под стражу (и тоже по доносу, но уже не со стороны Агаристы) еще один Алкмеонид – Каллий, сын Алкмеона (Andoc.I.47).

Еще одной нередко упоминаемой в источниках представительницей рода Алкмеонидов в V в. была Диномах, дочь Мегакла (IV) и Кесиры (III). Впрочем, эта женщина была известной не сама по себе, а ввиду того, что ее сыном являлся один из самых ярких афинских политических деятелей эпохи Пелопоннесской войны – Алкивиад. Поскольку последний имеет самое непосредственное отношение к Алкмеонидам, на некоторых вопросах, связанных с ним, имеет смысл остановиться подробнее. При этом мы, не претендуем на то, чтобы нарисовать целостную картину деятельности Алкивиада. Это выходит за рамки монографии, посвященной истории Алкмеонидов, и могло бы стать предметом особой работы (к сожалению, на русском языке такой специальной работы об Алкивиаде пока не имеется).

* * *

¹⁴⁷ Если верить догадке П.Бикнелла (см. прим.96 к гл.I), Агариста вообще была племянницей Перикла.

¹⁴⁸ Ср.: *Schaps D.* Op.cit.

Генеалогия Алкивиада, сына Клиния из Скамбонид, была в течение долгого времени объектом острых дискуссий¹⁴⁹. Новые данные, особенно в связи с находками острака, заставляли корректировать стемму, порой серьезно, и, наконец, в ходе этих корректировок общую картину, кажется, удалось восстановить достаточно определенно (родословную Алкивиада см. в генеалогической таблице 9 в приложении III).

Не подлежит никакому сомнению, что по женской линии Алкивиад принадлежал к Алкмеонидам. Он был правнуком законодателя Клисфена, двоюродным племянником Перикла и родным племянником его жены. По отцовской же линии Алкивиад происходил из ветви рода Саламиниев, возводившего свои корни к легендарному Аяксу (сыну Теламона). Впрочем, эта семья уже с конца VI в. до н.э. находилась в близких отношениях с Алкмеонидами: Алкивиад (I), прадед Алкивиада, был соратником Клисфена (Isocr.XVI.26). Современные исследователи нередко прямо называют знаменитого Алкивиада Алкмеонидом¹⁵⁰ и, в принципе, имеют на это не меньший резон, чем в случае с Периклом, хотя, конечно, с формальной стороны ни тот, ни другой не считались членами этого рода.

Сами Алкмеониды, как видно из случая с Агаристой, достаточно настороженно относились к Алкивиаду. Возможно, их отталкивала чрезвычайная экстравагантность всех его поступков. В то же время враги Алкивиада не упускали случая уязвить его предками с материнской стороны. В сохранившихся речах (Lys.XIV; XV; Andoc.IV), прямо или косвенно направленных против Алкивиада, обязательно указывается, в частности, на то обстоятельство, что Алкмеонид Мегакл (IV) – дед Алкивиада по матери – изгонялся из Афин остракизмом. По адресу Алкивиада раздавались и другие обвинения, типичные для Алкмеонидов. В то же время характерно, что в наших

¹⁴⁹ Dittenberger W. Die Familie des Alkibiades // Hermes. 1902. Bd.37. Ht.1. S.1-13; Hatzfeld J. Op.cit. P.5; Taeger F. Alkibiades. München, 1943. S.12; Vanderpool E. The Ostracism of the Elder Alkibiades...; Raubitschek A.E. Zur attischen Genealogie // RhM. 1955. Bd.98. Ht.3. S.258-262; Thompson W.E. The Kinship of Pericles and Alkibiades // GRBS. 1970. V.11. No.1. P.27-33; idem. Attic Kinship Terminology // JHS. 1971. V.71. P.110-113; Bicknell P.J. Studies... P.96-100; Kagan D. The Peace of Nicias... P.63; Stanley P.V. The Family Connection of Alcibiades and Axiochus // GRBS. 1986. V.27. No.2. P.173-181; Ellis W.M. Op.cit. P.1-9.

¹⁵⁰ Meyer Ed. Op.cit. Bd.6. S.482; Burn A.R. Pericles and Athens... P.239; Williams G.W. The Curse of the Alkmaionidai. III. P.63; Ellis W.M. Op.cit. P.2.

источниках нет сведений¹⁵¹ о предъявлении Алкивиаду на том или ином этапе его карьеры обвинений в «Килоновой скверне» (хотя она должна была распространяться на него в той же степени, что и на Перикла).

На наш взгляд, объяснить это молчание можно несколькими причинами. Во-первых, крайне неоднозначная деятельность Алкивиада давала множество поводов для более конкретных нареканий. Его противникам было просто незачем далеко ходить, вороша события двухсотлетней давности, как в случае с Периклом: Алкивиад и без того был слишком уязвимой мишенью. Во-вторых, *argumentum e silentio* – еще не достаточное основание для отрицания фактора «скверны» в судьбе Алкивиада. Есть основания утверждать, что родовое проклятие всё же подспудно, незримо тяготело над этим политиком. От человека, принадлежащего к «оскверненным», готовы были в любой момент ждать какого-нибудь святотатства. Потому-то так охотно и без малейших сомнений были восприняты обвинения против него в связи с делами о гермокопидах и о пародировании мистерий¹⁵². Теперь Алкивиад как бы получил клеймо собственного «нечестия», затмившее давнюю тень проклятия Алкмеонидов.

Интересно, что Алкивиад продолжал в своей деятельности матримониальную политику, характерную для этого рода. Он женился на Гиппарете из издавна связанного с Алкмеонидами рода Кериков. Эта традиция сохранилась и в потомстве Алкивиада: его дочь (имя неизвестно) вышла замуж за Гиппоника (III), тоже Керика. В гетерии Алкивиада (хорошо известной персонально по событиям 415 г.) исследователи выявляют немалое количество «алкмеонидовских» имен¹⁵³.

Крайне противоречивые мнения существуют в историографии относительно общей оценки личности и деятельности Алкивиада. В нем видят то «тип эллина классической эпохи со всеми его достоинствами и

¹⁵¹ *Lévêque P., Vidal-Naquet P. Op.cit. P.117; MacKendrick P. Op.cit. P.68-69; Ellis W.M. Op.cit. P.3.*

¹⁵² См. об этих делах: *Фролов Э.Д. Социально-политическая борьба в Афинах в конце V века до н.э. Л., 1964; Lewis D.M. After the Profanation of the Mysteries // Ancient Society and Institutions. Oxf., 1966. P.177-191; Aurenche O. Op.cit.; Powell C.A. Religion and the Sicilian Expedition // Historia. 1979. Bd.28. Ht.1. S.15-31.*

¹⁵³ *Aurenche O. Op.cit. P.59-65; Littman R.J. Kinship and Politics... P.193.*

недостатками»¹⁵⁴, то «гениального вождя в слишком маленьком мире»¹⁵⁵, предтечу эллинистических сверхчеловеков, то талантливого неудачника¹⁵⁶, оказавшегося злым гением родины, то последователя афинских политиков в традициях Фемистокла и Перикла¹⁵⁷.

На наш взгляд, Алкивиад был последним (и даже анахронистическим) аристократическим лидером в духе доперикловского и даже доклисфеновского времени. В кардинально изменившейся обстановке он пытался играть «по старым правилам», использовать традиционные механизмы влияния, характерные для афинской знати VII-VI вв. Мы уже упоминали об укреплении Алкивиадом межродовых связей (брак с Гиппаретой, заметим в скобках, дочерью Гиппоника (II), считавшегося богатейшим человеком в Элладе, *Lys.*XIX.48), о его поразительно обширных внешних контактах (гл. I, §3)¹⁵⁸. Особенно много было сделано Алкивиадом для завоевания престижа, в том числе путем демонстративного расходования богатства. Он неоднократно принимал на себя разного рода литургии: триерархии (*Thuc.*VI.61,5), хорегии (*Andoc.*IV.20-21; *Thuc.*VI.16,3; *Plut.*Alc. 16), эпидосисы (*Plut.*Alc.10), чрезвычайно активно участвовал в панэллинских играх. Помимо упоминавшегося триумфального выступления на Олимпийских играх 416 г. (первое, второе и третье места), он стал также победителем в Немейских (*Plut.*Alc.16; *Paus.*I.22,7; *Athen.*XII.534d) и Пифийских играх (*Athen.*XII.534d). Наконец, тому же престижу служил и весь стиль жизни Алкивиада, необычайно пышный и роскошный (*Plut.*Alc.16).

Однако эпоха была уже совсем другой. Не связан ли крах всех начинаний Алкивиада (порой действительно гениальных) с тем обстоятельством, что он был как бы из иного времени, нежели вся окружавшая его обстановка? Но это могло бы стать предметом отдельного исследования.

* * *

¹⁵⁴ *Babelon J.* Alcibiade, 450-404 avant J.-C. P., 1935. P.7.

¹⁵⁵ *Taeger F.* Alcibiades... S.235-236; cp.: *idem.* Charisma: Studien zur Geschichte des antiken Herrscherkultes. Bd.1. Stuttgart, 1957. S.162.

¹⁵⁶ *Hatzfeld J.* Op.cit. P.355; cp.: *Bloedow E.* Alcibiades 'brilliant' or 'intelligent'? // *Historia.* 1992. Bd.41. Ht.2. P.139-157.

¹⁵⁷ *Ellis W.M.* Op.cit. P.XIX.

¹⁵⁸ О внешних контактах Алкивиада см. также: *Luppino E.* La laicizzazione della prossenia. Il caso di Alcibiade // *CISA.* 1981. V.7. P.73-79.

Последним крупным событием афинской истории, которое имело хотя бы косвенное отношение к Алкмеонидам, был скандально известный судебный процесс по делу стратегов – победителей в Аргинусском морском сражении (406 г. до н.э.)¹⁵⁹. Интересно, что среди осужденных был Перикл Младший, сын Перикла от Аспасии. В условиях всеобщего возбуждения против подсудимых лишь два человека все-таки рискнули защищать их (хотя и безуспешно) перед судом народного собрания. Этими двумя были уже упоминавшийся Евриптолем (III), представитель одной из ветвей Алкмеонидов, друг и доверенное лицо Алкивиада (Xen.Hell.I.7,12; 16 sqq.)¹⁶⁰, а также Аксиох, двоюродный брат Алкивиада (Plat.Axioch.368de). Таким образом, здесь мы также можем видеть проявление родовой солидарности Алкмеонидов и близких к ним семей. Кстати, Евриптолем и не скрывал, что Перикл Младший – его родственник и что это стало одним из главных побудительных мотивов для его защиты (Xen.Hell.I.7,16). Перикл Младший, Евриптолем, Аксиох – все эти лица были связаны друг с другом именно черед род Алкмеонидов. Отметим еще один достаточно загадочный момент: главным обвинителем в процессе стратегов был некий Калликсен (Xen.Hell.I.7,8-9) – носитель крайне

¹⁵⁹ Об этом судебном процессе написано, пожалуй, больше, чем о любом другом в афинской истории V в. до н.э. Из обширной литературы см.: *Hatzfeld J.* Socrate au procès des Arginuses // REA. 1940. V.42. P.165-171; *Andrewes A.* The Arginousai Trial // Phoenix. 1974. V.28. No.1. P.112-122; *Roberts J.T.* Arginusae Once Again // Classical World. 1977. V.71. No.2. P.107-111; *MacDowell D.M.* Op.cit. P.186-188; *Mehl A.* Für eine neue Bewertung eines Justizskandals. Der Arginusenprozess und seine Überlieferung vor dem Hintergrund von Recht und Weltanschauung im Athen des ausgehenden 5. Jh. v.Chr. // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. 1982. Bd.99. S.32-80; *Németh G.* Der Arginusen-Prozess. Die Geschichte eines politischen Justizmordes // Klio. 1984. Bd.66. Ht.1. S.51-57; *Kagan D.* The Fall of the Athenian Empire. Ithaca, 1987. P.354-375; *Lavelle B.M.* Adikia, the Decree of Kannonos and the Trial of Generals // CM. 1988. V.39. P.19-41.

¹⁶⁰ Русский перевод С.Я.Лурье в этом месте содержит неточность.

«Евриптолем, сын Писианакта» – он почему-то переводит «Евриптолем, Писианакт...». Эта ошибка сохранилась и в последнем переиздании «Греческой истории» петербургским издательством «Алетейя», в ходе которого, по заверению издателей, перевод Лурье был заново отредактирован и сверен с оригиналом.

редкого в Афинах имени, зафиксированного только у Алкмеонидов. В свете того, что говорилось выше об афинской аристократической ономастике, это не может не заинтриговать. Но, увы, какие бы закулисные комбинации ни создавали в эти дни временно затаившиеся гетерии, в каких бы альянсах и противостояниях друг с другом ни принимали участие в значительной мере утратившие политическое единство Алкмеониды, всё это остается для нас неизвестным.

После бурных перипетий конца V в. до н.э. в политической жизни Афин окончательно наступила новая эпоха. В ней уже не было места для аристократических родов¹⁶¹. Это ни в коей мере не означает, что, скажем, род Алкмеонидов прекратил существование, пресекся. Ничего подобного не наблюдается. Его представители (Алкмеонид, Фрасидей, Мелет, Гиппократ, Гегесий, Писианакт, Евриптолем, несколько Мегаклов) спорадически встречаются в источниках (главным образом эпиграфических) еще и в IV, и в III в. до н.э. О некоторых из них даже кое-что известно, например, факты заклада имущества¹⁶²: очевидно, прославленное богатство рода ушло далеко в прошлое. Но главное даже не это, а то, что факты биографий этих отдельных Алкмеонидов уже не являются фактами истории Афин. Алкмеониды как единое целое, как род, разделили судьбу всей остальной старой знати и сошли с политической сцены.

Безусловно, говорить о полном и бесповоротном «закате» аттической аристократии было бы слишком категоричным. Период от Эгоспотамов до Херонеи внес в ее историю существенный, но не абсолютный дисконтинуитет. Уже в эллинистическую эпоху знатные роды и семьи вновь обретают значительную роль, а для Афин римского времени можно говорить даже о некоем подобии «аристократического ренессанса». Новая знать лишь частично совпадала по своему составу со старой; среди нее было немало потомков «новых политиков» V-IV вв. Однако определенный, неширокий, но стабильный круг знатнейших семей (Керики и некоторые другие) сумел практически полностью сохранить свои генеалогические традиции и вновь стал не только сакральным, но и политическим «сердцем» афинского полиса. К

¹⁶¹ О персоналиях афинских политиков IV в. до н.э. см.: *Hansen M.H.* The Athenian Ecclesia II... P.1-72; *Mossé C.* La classe politique...; *Мапинович Л.П.* Греки... С.56 слл.

¹⁶² *Davies J.K.* Op.cit. P.385.

Алкмеонидам, однако, вышесказанное не относится: для них всё осталось в области воспоминаний.

З а к л ю ч е н и е

Подходя к концу исследования, достаточно детально проследив перипетии политической судьбы рода Алкмеонидов на протяжении трех столетий (столетий, заметим, ключевых, в высшей степени значимых в истории Афин), мы затрудняемся дать ответ на вопрос, чего же было больше в истории этого рода: уникального, только ему свойственного или же типичного для афинской аристократии и афинского полиса в целом? С одной стороны, казалось бы, многое говорит в пользу уникальности. Ни об одном аттическом роде не известно столько, сколько об Алкмеонидах, хотя бы просто в количественном отношении. Этеобуталы, Ликомиды, Евмолпиды – все эти гордые имена, в сущности, так и остаются для нас именами, *nomina nuda*. Если появляется в источниках упоминание, скажем, об одном-двух известных политиках, принадлежавших к какому-либо из этих родов, уже и это – счастье для историка-просопографиста. Как некие целостные единства, они вырисовываются слабо, смутно, неясно – и всё дело в недостатке конкретики. Лучше обстоят дела, скажем, с Филаидами, Кериками, Писистратидами – но и в этих случаях далеко не удовлетворительно. Самое большее, что удастся сделать, – как бы высветить из тьмы веков отдельные связанные с ними эпизоды, как тирания Писистрата и его сыновей, или военные успехи Мильтиада и Кимона, или дипломатия Кериков...

Алкмеониды здесь не имеют себе равных. Для них не только восстанавливается подробная генеалогическая стемма (настолько подробная, что в целях большего удобства восприятия ее приходится при начертании дробить на несколько ветвей, как нами и сделано в приложении III), пусть кое в чем и гипотетичная. Важно, что если не все, то многие имена из этой стеммы наполняются плотью и кровью. Поскольку значительных лакун в истории рода нет или они поддаются заполнению, ощущается некая живая преемственность, а это тоже немаловажно.

Но именно по причине этого (относительного, конечно) обилия материала об Алкмеонидах и стоит задаться вопросом о пресловутой уникальности. Имеют ли собранные нами данные и сделанные на их основе выводы лишь частный характер, значимый лишь для истории одного, пусть и знаменитого, рода? Или же их значение всё же несколько шире?

С одной стороны, конечно, ни один другой афинский род не строил храма в Дельфах, не проводил (в лице Клизфена) конституционных реформ, повлекших установление демократии, и т.п. Это, так сказать, уровень единичного. Есть ли уровень общего? Думается, да, и он прослеживается во многих аспектах, в том числе, как ни парадоксально, даже в религиозном. То что, казалось бы, отделяло Алкмеонидов от прочей аристократии, - наличие родового проклятия, - одновременно делало их плотью от плоти этой самой аристократии. Насколько можно судить, ко времени Пелопоннесской войны в Афинах не осталось или почти не осталось знатных семей, никак не причастных (по мужской или женской, прямой или боковой линии) к «Килоновой скверне». Законодательное запрещение Периклом брать себе жен за пределами Афин должно было действовать в том же направлении, сделав процесс «взаимного перемешивания» аристократии еще более интенсивным. Нельзя не сказать, что в конечном счете это не могло не приводить к известному «обезличиванию» аристократии.

Но дело даже не столько в кровных связях, сколько в ином. «Килонова скверна» и отношение к ней самих Алкмеонидов прекрасно иллюстрирует аристократическую систему ценностей, аристократический менталитет. С полным основанием было отмечено, что история Алкмеонидов являет собой отражение в малом масштабе интеллектуального развития всего греческого мира¹. Во всяком случае, к Афинам это относится со всей безусловностью. И речь можно вести не только об интеллектуальном развитии. В сущности, вся история архаических и раннеклассических Афин, как в капле воды, отразилась в истории рода Алкмеонидов. Переход от пожизненного архонтата к десятилетнему, знаменовавший становление аристократического правления (последним пожизненным архонтом, как отмечалось выше, был Алкмеон); первая попытка установления тиранического режима, подавленная Мегаклом (I); первое письменное законодательство, введенное Драконом; реформы Солона; становление связей Афин с Дельфами, Спартой, Лидией, а впоследствии Персией; длительная история тирании Писистратидов; деятельность Клизфена, знаменовавшая установление классической демократии; Греко-персидские войны; расцвет Афин при Перикле... Вот едва ли не полный перечень основных событий

¹ Williams G.W. The Curse of the Alkmaionidai. III. P.71.

внутреннего и внешнего бытия афинского полиса на рассматриваемом хронологическом отрезке. И ко всем без исключения из этих событий в той или иной мере были причастны Алкмеониды. В одних случаях эта причастность совершенно очевидна и не требует развернутых доказательств, как в эпизодах с Килоном, Писистратом и – в особенности – Клисфеном; в других случаях она эксплицируется из анализа данных традиции, как это было нами сделано в отношении мероприятий Драконта и Солона. Но повсюду роль Алкмеонидов бесспорна или практически бесспорна.

Можно ли на основании этого делать какие-то заключения, касающиеся афинской аристократии в целом? На наш взгляд, и нет, и да. Нам, скажем, равным счетом ничего не известно о позиции Филаидов или Кериков в событиях VII в. до н.э. Эти роды, конечно, уже и тогда существовали, участвовали в политической жизни и имели в ней немалый вес. Но чего-то конкретного, повторим, мы по этому поводу сказать не можем. Известно, например, что около того же времени, когда в Афинах подавлялся мятеж Килона, т.е. в 630-х гг., Филаиды породнились с коринфскими тиранами Кипселидами²: представитель их рода по имени Агаместор, по всей очевидности взял в жены дочь основателя династии Кипсела. Так имя Кипсел вошло в ономастику Филаидов, которые, таким образом, не могут считаться противниками тирании и, казалось бы, на этом основании должны противопоставляться Алкмеонидам, прибегнувшим даже к ненужным жестокостям при расправе с «килоновцами». Но проходит несколько десятилетий – и картина меняется: два афинянина, Алкмеонид Мегакл (II) и Филаид Гиппоклид, борются за руку дочери *тирана* Клисфена Сикионского. А затем начинается эпопея с Писистратидами, и в ней оба рода ведут себя, на наш современный взгляд, в высшей степени непоследовательно, то вступая с тиранами в альянс, то ссорясь с ними. В случае Алкмеонидов это обусловлено факторами, подробно рассмотренными по ходу исследования, в частности, особенностями их политики, стремлением по мере возможности заключать выгодные межродовые союзы, но и отречься от них, когда они становились по той или иной причине обременительными. А в случае Филаидов? Этот род в целом имеет репутацию менее гибкого в перипетиях политической борьбы. Известно, например, что Филаиды, в отличие от

² Davies J.K. Op.cit. P.293 ff.

Алкмеонидов, так и не смогли в должной мере приспособиться к условиям демократического полиса в V в. до н.э., найти с демосом некий *modus vivendi*, чем во многом обусловлена трагичная судьба последних крупных представителей рода – Мильтиада Младшего и Кимона. Но это уже классическая эпоха. В период же архаики, как видим, поведение Филаидов ничем принципиально не отличается от поведения их вечных соперников Алкмеонидов. Положение усложняется тем, что конкретная история Филаидов известна значительно хуже, и соответственно, о руководивших ими мотивах можно зачастую только гадать. Что говорить, если неустановленной является даже их принадлежность к какой-либо из трех регионально-политических группировок VI в. до н.э.³? Филаидов относили то к педиям, то к диакриям (и всякий раз приводя более или менее веские аргументы).

Другой пример. Алкмеониды производят впечатление рода, практически лишенного ксенофобских комплексов, в определенной мере свойственных грекам. Ориентация на варварский мир в течение рассмотренного исторического периода была одной из наиболее характерных для их внешних контактов. От «золотой» поездки Алкмеона (I) в Сарды в начале VI в. до н.э. до посольств членов рода в Персию в конце V в., т.е. на протяжении почти двух столетий, эта ориентация достаточно очевидна. Но опять же, если мы возьмем для сравнения Филаидов, картина будет, конечно, отличающейся в деталях, но не принципиально иной. У Филаидов, имелась, правда, иная «сфера интересов» в варварском мире, а именно Фракия. И история их отношений с этим регионом также длительна и плодотворна – от колонизационной деятельности Мильтиада Старшего на Херсонесе Фракийском до перипетий судьбы историка Фукидида (в самом патронимике которого – сын Олора – недвусмысленно слышатся фракийские связи). Но Фракией дело не ограничивается. У того же Мильтиада Старшего были какие-то отношения с лидийскими царями, которые вроде бы протежировали Алкмеонидам⁴. Неясен характер этих отношений, но они были достаточно тесными, чтобы Крез вступился за Мильтиада, захваченного в плен жителями Лампсака, и при этом угрожал прибегнуть к жестким мерам, вплоть до полного уничтожения их города (Herod.VI.37).

³ Ср.: Hopper R.J. "Plain", "Shore" and "Hill" in Early Athens // ABSA. 1961. No.56. P.205-206.

⁴ Суриков И.Е. Гостеприимство Креза... С.78.

Всё сказанное – к тому же вопросу об «уникальности» Алкмеонидов. Пожалуй, с относительной уверенностью о степени этой уникальности можно будет судить лишь тогда, когда появятся подробные монографические исследования по истории хотя бы нескольких других аттических родов (например, тех же Филаидов или Кериков), которые позволили бы в деталях проследить, конечно, насколько это позволят источники, и их позицию по тем или иным вопросам, и отдельные перипетии их судьбы, и, возможно, какие-то проявлявшиеся в них тенденции. Пока этого, увы, нет.

* * *

Итак – поставим вопрос в наиболее заостренной форме, - дает ли история Алкмеонидов, исследованная выше, что-либо принципиально новое для общей истории Афин? На наш взгляд – безусловно, и по двум причинам. Первая из них имеет, если так можно выразиться, иллюстративный характер. Во введении к данной работе мы в неизбежно краткой и общей форме изложили некоторые соображения о месте аристократии в афинском полисе, о политической роли знатных аттических родов и эволюции этой роли. На примере Алкмеонидов, который наиболее удобен именно в связи с уже отмечавшейся относительно лучшей освещенностью в источниках и, соответственно, изученностью перипетий его судьбы сравнительно с другими родами, эти общие соображения наполняются конкретикой. Во всяком случае, общий характер эволюции и ее динамика таковы. Как минимум, с начала архаической эпохи Алкмеониды – один из ведущих родов. Их представители принадлежат к самому высшему слою тогдашней «политической элиты», находятся в свойстве с «порфирородным» домом Медонтидов (да, насколько можно судить, и в прямом родстве, если помнить о традиции, вряд ли беспочвенной, выводящей и тех и других из Пилоса), занимают высшие должности, вплоть до эпонимного архонтата. И самое главное – Алкмеониды уже тогда стоят в самой гуще политической борьбы. Не случайно, думается, что и в дальнейшем именно в связи с такой борьбой находятся практически все наши сведения об их истории. Алкмеониды – род политический *par excellence*, и судя по всему, не мысливший жизни без политики, причем обязательно на родине, в Аттике. Сколько раз противники добивались их изгнания! За это время Алкмеониды, при их разветвленных связях в греческом мире и

за его пределами, при желании достаточно легко могли бы найти для себя «экологическую нишу» в другом месте, без труда вписаться в политические структуры какого-нибудь государства. Осесть в Дельфах, где они пользовались чрезвычайным почетом и уважением; перебраться на восток, «под крыло» лидийских царей, а затем персидских сатрапов, как ничтоже сумняшеся поступили Писистратиды; побороться за «сикионское наследство»... Вариантов было более чем достаточно. Но все они несли с собой дилемму, выбор между свободой, самостоятельностью, могуществом – или родиной. Дилемма нередкая в истории древнегреческой политической борьбы, обусловившая, с одной стороны, колонизацию Средиземноморья, а с другой – феномен изгнанников, в течение десятилетий, а порой и веков (как мессениане) мечтавших о возвращении.

В подобной ситуации, скажем, Филаиды сделали вполне однозначный выбор. Мильтиад Старший, «тяготясь владычеством Писистрата» (

, Herod. VI. 35), рад был добровольно покинуть Афины и переселиться на Херсонес Фракийский. Он и его преемники осели там надолго, очевидно, и не помышляя о возвращении – даже после отстранения от власти Писистратидов. Лишь карательные меры персов после подавления Ионийского восстания заставили Мильтиада Младшего, тогдашнего херсонесского тирана, в спешном порядке и, конечно, отнюдь не по своей воле бежать в Афины. Да и его неудачная экспедиция на Парос в 489 г. небезосновательно может рассматриваться, помимо прочего, как попытка обзавестись новым доменом взамен утраченного Херсонеса.

Алкмеониды тоже неоднократно делали – и не на словах, а на деле – свой выбор в означенной дилемме. И их выбор был также вполне однозначным, но полярно противоположным филаидовскому. Из всех изгнаний их, насколько можно было судить, властно влекло на родину. Они готовы были идти на компромиссы, даже временно поступаться своим влиянием и репутацией, в общем, платить достаточно большую цену за возможность возвращения. Повторим, для рода со столь разветвленными и эффективными внешними связями это даже несколько неожиданно.

О.Меррей справедливо указал, что политика (а, скажем, не религия, как во многих традиционных обществах, и не экономика, как зачастую в обществе современном) была

стержнем греческой истории, основой некой «тотальности», соединявшей и структурировавшей социум⁵. Политика же в Греции была не только этимологически, но и сущностно производной от полиса, возможной только в полисе. Причем, следует подчеркнуть, за редчайшими исключениями – только для гражданина полиса в его родном полисе. Каким бы, скажем, ярко выраженным политическим темпераментом ни обладал в Афинах Лисий, как бы ни был он умен, развит, состоятелен, – из политической жизни он был полностью исключен и вынужден был размениваться на ремесло логографа, в то время как в родных Сиракузах, если бы не тирания столь ненавидимого им Дионисия, он, безусловно, играл бы роль, сопоставимую с ролью Демосфена. На чужбине возможна была богатая, вольготная жизнь, даже влияние и власть (как у Фемистокла в персидских владениях) – всё, что угодно, только не политика. То, что Алкмеониды так стремились на родину, в Афины, лишний раз подчеркивает именно политическую интенцию этого рода и делает его ярким выразителем греческого менталитета.

Влияние и политическая роль Алкмеонидов, разумеется, не оставались неизменными в отдельные конкретные моменты афинской истории. Вторгались различные обстоятельства характера как внутреннего, так и внешнего, как объективного, так и субъективного. Судя по всему, очень могущественным был род на момент подавления мятежа Килона. Не только Мегакл (I) занимал должность архонта-эпонима, что само по себе еще мало что означало бы, но и в целом политическая жизнь Афин, видимо, в известной мере находилась под контролем Алкмеонидов. В ситуации с Килоном они, однако, взяли на себя еще и роль карающей Фемиды, что в конечном счете поставило их в двусмысленное положение. Пресекая попытку захвата власти, они сами нарушили древние сакральные установления. Это стало поводом к объединению против них других знатных родов, и отнюдь не только связанных с мятежниками. Отправленные по суду в «вечное» изгнание, Алкмеониды, как, наверное, казалось их противникам, навсегда выбыли из политической борьбы в Афинах. Расчеты эти, однако, оказались ошибочными: уже начиная с солоновских реформ представители рода вновь на первых ролях в афинском полисе. Совершил ли Солон, обеспечив их возвращение из изгнания, просто акт доброй воли, обусловленный его личными симпатиями к ним,

⁵ *Murray O. Cities of Reason... P.19.*

или же у Алкмеонидов оставались многочисленные сторонники в Аттике, без умиротворения которых нельзя было приступить к реформам, - не вполне ясно. Вероятнее второе. Можно даже предполагать, что представляли собой эти сторонники. Очевидно, речь следует вести о паралиях – тех самых паралиях, простатами которых Алкмеониды были и позже, на протяжении VI-V вв. А если учесть, что паралии с их приморским образом жизни были наиболее динамичной и наверняка не самой бедной частью граждан (что не означает, конечно, вульгарного социологизаторства и попыток напрямую отождествить эту региональную группировку с каким-либо общественным слоем), ясно, что с ними нельзя было не считаться.

Находясь во главе паралиев, Алкмеониды достигли во второй четверти VI в. до н.э. нового пика своего влияния. Мегакл (II), находившийся в родстве, свойстве, ксенических или иных отношениях со знатью Эретрии и тиранами Сикиона, дельфийским жречеством и царским домом Лидии, был одним из самых блестящих аристократов позднеархаической Греции. В истории с Писистратом он даже выступил в завидной роли *king-maker*⁶, едва ли не более почетной, чем положение самого тирана⁶. Но затем игра интриг между Писистратом и Мегаклом закончилась не в пользу последнего. Алкмеониды вновь на несколько десятилетий утратили накопленный политический вес, находясь то в изгнании (546-527 и 514-510 гг.), то на относительно безбедном, но вовсе не почетном положении сателлитов Писистратидов (527-514 гг.).

После свержения тирании и особенно после клисфеновских реформ род вновь полностью восстановил все утраченные позиции, но это было уже в последний раз. Наступала классическая эпоха, стали появляться политики совершенно нового типа (первым их образчиком был Фемистокл). Алкмеониды пытались приспособливаться к переменам, но в целом афинская политика V в. до н.э. – уже не политика родов, как в предыдущем столетии, а политика личностей, пусть и аристократических. А как раз с такого рода личностями у Алкмеонидов возник дефицит. Если они и появлялись (мы, конечно, имеем в виду в первую очередь Перикла), то старались, как только могли это сделать, дистанцироваться от рода. В случае с Периклом вообще сложилась парадоксальная ситуация. Сам он, как мы подробно говорили выше, не хотел быть связанным с Алкмеонидами никаким образом, но его враги

⁶ Ср.: *Lavelle B.M. The Sorrow and the Pity... P.95.*

видели в нем Алкмеонида. В результате род не имел практически никаких позитивных результатов от того, что его представитель полтора десятилетия находился у власти в Афинах, а вот негативные следствия такой ситуации, в частности, обилие разного рода ненавистников, были для него налицо.

Таким образом, история Алкмеонидов являет один из важнейших вариантов политической судьбы афинского аристократического рода. Существовали, безусловно, и иные варианты, но по большому счету различия между ними сводятся к более или менее значимым деталям. Если взять, скажем, историю Филаидов, то в ней мы встретим несколько иное сочетание тех же основных элементов. Череду усиления и ослаблений, изгнания (в том числе не только добровольные) и возвращения, ухудшение и улучшение отношений с тиранами, установление внешних связей и их утрата. Во многом аналогичная картина – у Кериков, да и у Писистратидов, если отвлечься от уникального факта полувековой тиранической власти последнего из перечисленных родов. Всё это значит, что при всех частностях в истории Алкмеонидов очень много типичного, а следовательно – и общезначимого. Во всяком случае, на их примере достаточно хорошо видны механизмы деятельности аристократических родов в политике посредством одной, наиболее влиятельной семейной группы – потомков Мегакла (I). Аналогичная картина наблюдается у Филаидов, Кериков и др.

Но, на наш взгляд, история Алкмеонидов – не только полезный *exemplum* для изучения тех или иных вопросов афинской политической борьбы; ее роль этим не исчерпывается. История Алкмеонидов имеет и самостоятельное значение, поскольку этот род оказал немаловажное влияние на ряд важнейших событий в развитии афинского полиса. По ходу работы мы попытались показать, в чем состояло и как проявлялось это влияние; настало время подвести некоторые итоги.

Алкмеониды сыграли первостепенную роль в пресечении первой в афинской истории попытки установления тирании (дело Килона). Перипетии их дальнейшей судьбы оказали влияние на первую в афинской истории письменную кодификацию права – законодательство Драконта. Позиция Алкмеонидов способствовала реформаторской деятельности Солона. При серьезном участии Алкмеонидов проходила первая Священная война, закрепившая роль и значение этого рода и

Афин в целом в Дельфах; последнее, в свою очередь, не могло не повлиять на историю самого Дельфийского оракула. Разветвленные внешние связи Алкмеонидов, установленные ими в результате неоднократных изгнаний, внесли много важного и нового в налаживание внешнеполитических контактов Афин, в отношения их как с другими полисами, так и с внегреческими государствами. Это было особенно актуально на рубеже VI-V вв. до н.э., когда формировалась позиция Афин по отношению к важнейшим центрам окружавшего их мира – Спарте и Персии.

Роль Алкмеонидов в политической борьбе VI в. до н.э. повлияла на конкретные особенности установления и функционирования тирании Писистратидов в Афинах. Важнейший этап в становлении политической системы афинской демократии – реформы Клисфена – несет на себе абсолютно несомненный отпечаток влияния Алкмеонидов. В политической жизни начала V в. до н.э. был внедрен столь важный для истории демократических Афин институт, как остракизм, и вся история этой конституционной процедуры, особенно на своих первых этапах, также была неразрывно связана с историей «проклятого» рода. В политической судьбе, жизни и деятельности самого великого Перикла отношения с Алкмеонидами, «Килонова скверна» и ее последствия сыграли важнейшую и даже в чем-то роковую роль. Весьма многие предприятия афинского «олимпийца» были (прямо или косвенно, позитивно или негативно) обусловлены фактором тяготевшего над ним родового проклятия.

В ходе борьбы общественного мнения вокруг Алкмеонидов и «Килоновой скверны» в Афинах получили распространение противоречивые, зачастую тенденциозные традиции и трактовки многих событий. Последние из области пропаганды и публицистики переключались в сферу историографии. В результате различные моменты истории Алкмеонидов нашли то или иное, и зачастую детализированное, отражение в трудах крупнейших античных писателей и ученых – Геродота, Фукидида, аттидографов, Аристотеля, позже – Плутарха, Павсания, схолиастов, лексикографов и др. Вышесказанное относится и к творчеству аттических драматургов – Эсхила, Софокла, Аристофана, у которых аллюзии на Алкмеонидов также нередки.

Вероятно, этот перечень можно было бы продолжать и далее. Но, кажется, перечисленного уже достаточно. Если в ходе исследования нам удалось в какой-то мере аргументированно и

непротиворечиво реконструировать историю Алкмеонидов, показать роль этого рода в политической жизни Афин, мы могли бы считать нашу задачу в основном выполненной.

Приложение I

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВОВОЙ КОНТЕКСТ ПРОКЛЯТИЯ АЛКМЕОНИДОВ

§1. Понятие «скверны» в древнегреческой религии

и другие термины для обозначения скверны.

Все без исключения античные источники прилагают к Килоновой скверне определение . Такое единодушие заставляет более внимательно отнестись к самому этому термину. Действительно, в греческом языке существует еще ряд слов для обозначения скверны:

¹. Но термин занимает среди них особое место. Его смысл, пожалуй, наиболее интенсивен: - худший вид скверны, в нем уже на раннем этапе слились воедино идеи собственно скверны (т.е. религиозной нечистоты) и родового проклятия². Последнее для нас особенно важно: в случае с Алкмеонидами скверна и проклятие как раз были неразрывными, тяготея над родом в течение двух веков.

Этимология слова , которая во многом помогла бы нам понять его значение, - одна из интересных проблем греческой лингвистики. В настоящее время в среде специалистов почти безоговорочно утвердился тезис о прямой связи этого слова со словами (священный, религиозно чистый), о наличии в них общего корня , восходящего к индоевропейской основе (ср. санскр. уај)³. В таком случае несомненна связь с глаголом

¹ Cp.: *Latte K.* Schuld und Sünde in der griechischen Religion // Archiv für Religionswissenschaft. 1920-1921. Bd.20. S.260; *Rudhardt J.* Notions fondamentales de la pensée religieuse et actes constitutifs du culte dans la Grèce classique. Genève, 1958. P.46-50; *Chantraine P.* Op.cit. T.3. P., 1974. P.700-701, 725-726.

² *Dodds E.R.* The Greeks and the Irrational... P.37.

³ *Williger E.* Hagios: Untersuchungen zur Terminologie des Heiligen in den hellenisch-hellenistischen Religionen. Giessen, 1922. S.18-37; *Chantraine P., Masson O.* Sur quelques termes du vocabulaire religieux des Grecs: la valeur du mot et de ses dérivés // Sprachgeschichte und Wortbedeutung. Bern, 1954. S.85-167; *Nilsson M.P.* Geschichte... Bd.1. S.70-71; *Kerényi C.* La religion antique, ses lignes fondamentales. Genève, 1957. P.81; *Rudhardt J.* Op.cit. P.41-43; *Chantraine P.* Op.cit. T.1. P., 1968. P.13; *Vernant J.-P.* Myth and Society... P.110-

, означаящим религиозное благоговение, почитание, страх. Тогда и и будут обозначать некий предмет священного страха, нечто неприкосновенное (или неприкасаемое), табуированное, но в двух противоположных смыслах: либо по причине своей оскверненности, «заразности», либо, напротив, из-за своей сакральной чистоты.

Подобная амбивалентность не должна нас удивлять. Для многих (если не для всех) архаических религий амбивалентно само понятие святости. Так, предметы, священные в «плохом» и «хорошем», позитивном и негативном смысле, можно встретить в индийской традиции⁴. В латинском языке аналогичной амбивалентностью отличается слово *sacer*, означающее и «священный» и «проклятый»⁵. Предлагались разные объяснения этого явления, но для нас сейчас важно то, что термин , прилагавшийся к «Килоновой скверне», фиксировал не просто оскверненность Алкмеонидов, а некий более высокий статус, статус, если можно так выразиться, святости со знаком «минус». Это обстоятельство обеспечило для Алкмеонидов, помимо всего прочего, признание их значимости, хотя бы в негативном плане. был важным признаком, выделявшим Алкмеонидов из числа других родов в религиозном отношении, подобно тому, как некоторые роды выделялись обладанием собственными святилищами или контролем полисных культов.

Сущность и генезис понятия скверны. Понятие скверны как ритуальной нечистоты является ключевым практически для любой архаической религии, да и в более развитых религиозных представлениях, вплоть до современных, это понятие, претерпев значительную трансформацию и изменившись порой до

129; *Garland R.* Op.cit. P.46. Возражения: *Burkert W.* *Greek Religion...* P.270-271.

⁴ *Dumont L., Pocock D.* *Pure and Impure // Contributions to Indian Sociology.* 1959. V.3. P.9-39.

⁵ *Фрейдсберг О.М.* Ук.соч. С.54, 91; *Guepin J.-P.* *The Tragic Paradox: Myth and Ritual in Greek Tragedy.* Amsterdam, 1968. P.84. Особенно активно занималась разработками в области амбивалентности сакрального французская школа социологии религии, восходящая к Эмилю Дюркгейму: *Durkheim E.* *The Elementary Forms of the Religious Life.* N.Y., 1965. P.455-461; *Caillois R.* *L'homme et le sacré.* P., 1988. P.41-76.

неузнаваемости, тем не менее присутствует⁶. В частности, на Балканах идея скверны и очищения, зачастую в весьма архаичной форме, зафиксирована⁷ среди некоторых племен Черногории и Албании еще в первой половине XX в., причем ряд обычаев, связанных со скверной (обрезание волос, омовение и т.п.) имеет поразительное сходство с соответствующими обрядами в античной Греции, не исключено, свидетельствуя о генетическом родстве. В Греции же скверна на протяжении длительных исторических периодов была ключевой, основополагающей категорией во всей системе религиозных представлений.

Как отмечается практически всеми исследователями, скверна тесно связана с понятием табу, неприкосновенности (неприкасаемости). Скверна фиксировала вступление человека в контакт с некими могущественными и неизвестными силами: миром богов (особенно хтонических), миром смерти, миром тьмы⁸. Характерно, что изначально, насколько можно судить, понятие скверны было чисто физическим, внешним по отношению к человеку; оно не несло на себе никакой этической нагрузки и отождествлялось скорее с миром природных явлений, чем с внутренним миром человека. Отсюда, кстати, и само определение этого феномена как «скверны», т.е. загрязнения, полученного откуда-то извне, а не «греха» в нашем смысле как внутренней проблемы индивида⁹. Скверна зачастую воспринималась просто как заразная болезнь, от которой нужно излечиться (т.е. очиститься) либо отдельному человеку, либо целому коллективу. В частности, очищение от скверны после преступления (порой выражавшееся в весьма жестких мерах, вплоть до изгнания преступника и даже его смерти) не имело

⁶ См. об этом: *Guilt or Pollution and Rites of Purification*. Leiden, 1968; *Douglas M. Purity and Danger. An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo*. L., 1970.

⁷ *Durham M.E. Some Tribal Origins, Laws and Customs of the Balkans*. N.Y., 1929. P.188, 222, 312.

⁸ *Фрейденоберг О.М.* Ук.соч. С.96-97; *Latte K.* Op.cit. S.260; *Frazer J.G.* Op.cit. V.2. P.138-145, 224; *Chantraine P., Masson O.* Op.cit. P.107; *Burkert W.* *Greek Religion...* P.87.

⁹ *Фрейденоберг О.М.* Ук.соч. С.287, 439; *Adkins A.W.H.* *Merit and Responsibility: A Study in Greek Values*. Oxf., 1960. P.115; *Lloyd G.E.R.* *Magic, Reason and Experience*. Cambridge, 1979. P.44.

ничего общего с наказанием (): эти два акта находились в разных сферах¹⁰.

Особенно велика была опасность скверны при пролитии крови, вне зависимости от его причин. Так, «нечистой», оскверненной считалась женщина после родов, в период менструаций и т.п.¹¹. Но наибольшая опасность такого рода была связана, вне сомнения, с убийством¹². При этом не имело принципиального значения, было ли убийство умышленным или неумышленным, оправданным или неоправданным: само по себе кровопролитие оскверняло убийцу.

Выйти из состояния оскверненности, т.е., в архаическом понимании, заразной болезни, для отдельного индивида было возможно путем разного рода очистительных (катартических) ритуалов, а для коллектива, в частности, полиса, - путем изгнания оскверненного, чем достигалось нераспространение скверны на сограждан, а затем по возможности общего очищения¹³. В противном случае последствием скверны могли стать эпидемии и другие превратности судьбы, обрушивающиеся на данную общину. Эпидемия, как правило, рассматривалась именно как результат чьей-то скверны, даже если не удавалось сразу установить, кто конкретно виновен (именно на этом построен, в частности, сюжет трагедии Софокла «Эдип-царь»).

Эволюция идеи скверны. Поразительно малую роль играет концепция скверны в древнейшем памятнике греческой литературы – гомеровском эпосе. Ряд исследователей высказывал даже мнение, что Гомеру понятие скверны просто незнакомо¹⁴. Такая точка зрения, на наш взгляд, слишком категорична. Несколько мест, связанных со скверной и очищениями, с представлением о ритуальной чистоте (II.I.313-314; VI.266-268) в эпосе всё же можно найти. Но они действительно крайне редки. Гомер ни разу не употребляет

¹⁰ Bonner R.J., Smith G. Op.cit. V.2. Chicago, 1938. P.192 ff.; MacDowell D.M. Athenian Homicide Law in the Age of the Orators. Manchester, 1963. P.3-5.

¹¹ Томсон Дж. Ук.соч. С.219-222; Sokolowski F. Lois sacrées de l'Asie Mineure. P.,1955. P.186.

¹² Frazer J.G. Op.cit. V.2. P.165-190; Wilamowitz-Moellendorff U. von. Der Glaube... Bd.1. S.293; MacDowell D.M. Athenian Homicide Law... P.142.

¹³ Bonner R.J., Smith G. Op.cit. V.2. P.192 ff.; Hammond N.G.L. A History of Greece to 322 B.C. Oxf.,1959. P.156.

¹⁴ Gillies M.M. Purification in Homer // ClQ. 1925. V.19. No.2. P.71-74; Nilsson M.P. Greek Piety... P.41-47; Gagarin M. Drakon... P.17-18.

слово . И, что особенно интересно, он нигде не связывает скверну с убийством. Единственное последствие преступления для убийцы в эпосе – выкуп, который необходимо заплатить родственникам убитого; никаких религиозных санкций убийство за собой не влечет (II.IX.632 sqq.)¹⁵.

Причина такого положения вещей, на наш взгляд, заключается отнюдь не в том, что идея скверны – позднего происхождения и еще не существовала во времена Гомера. Представления о скверне относятся к числу наиболее архаичных, в той или иной форме они встречаются даже у первобытных народов. Дело, думается, в обратном: гомеровский эпос, созданный в основном в Ионии, передовой области тогдашнего греческого мира, уже отошел от понятия скверны. В то же время в материковой Греции еще очень долгое время сохранялись обычаи, уходившие корнями в незапамятную древность. Более того, они были еще и актуализированы в связи с набиравшим всё большую силу культом Аполлона Дельфийского (см. ниже)¹⁶.

Имела место дискуссия, присутствует ли понятие о скверне в законе Драконта об убийстве¹⁷, хотя нам, откровенно говоря, не вполне понятно ее пафос и, в частности, причина отрицания такими видными специалистами по греческому праву, как Д.Макдауэлл и М.Гагарин, наличия этой категории в первом афинском законодательстве. Достаточно посмотреть на текст сохранившейся копии закона (IG.I³.104,26-29). В нем ясно указано, что одной из мер, направленных против убийцы, является запрещение ему посещать агору, состязания и святыни (или священнодействия -), связанные с амфикифонией; в случае выполнения им этих предписаний он не подлежит кровной мести. Таким образом, убийца отстраняется от святынь (агора также являлась сакральным пространством), вне сомнения, с целью предотвратить их осквернение. Таким образом, представление о скверне у Драконта налицо.

¹⁵ Ср.: *Зелинский Ф.Ф.* Идея возмездия в античной трагедии и жизни // *Русская мысль.* 1912. №11. С.1 слл.; *Latte K.* Op.cit. S.260; *Adkins A.W.H.* Op.cit. P.86.

¹⁶ См. об эволюции этого круга идей: *Зелинский Ф.Ф.* Из жизни идей. Т.1. Пг.,1916³. С.1-45 (а также работу Ф.Ф.Зелинского, указанную в предыдущем примечании).

¹⁷ Отрицают наличие категории скверны у Драконта: *MacDowell D.M.* Athenian Homicide Law... P.142; *Gagarin M.* Drakon... P.165-167; *Parker R.* Op.cit. P.115-116. Признают наличие этой категории: *Bonner R.J., Smith G.* Op.cit. V.1. P.153; *Blickman D.R.* Op.cit. P.200 f.; *Frost F.J.* The Rural Demes... P.173.

Интерес к указанным проблемам не спадает и в V в. до н.э. Исключительно большое место занимают проблемы, связанные со скверной и ее очищением, в аттической трагедии (одно только перечисление соответствующих пассажей заняло бы едва ли не полстраницы, и поэтому мы от него сознательно отказываемся)¹⁸, немалое – и у других авторов этого столетия – Геродота и даже Фукидида¹⁹. Впрочем, в этот период в известной мере изменяется отношение к скверне. Она перестает пониматься как нечто внешнее, не зависящее от человека, всё более переносится из физической в этическую сферу. Раздается даже критика старого, примитивного отношения к скверне как к болезни, требующей ритуального очищения (Heraclit.22B5 DK). Однако эта рационализирующая тенденция набирала силу медленно и в целом оставалась достоянием лишь интеллектуальной элиты, да и то не без оговорок. Масса рядовых греков, в том числе и афинян, смотрела на вещи по-прежнему.

Скверна и культ Аполлона. Выдвижение в позднеархаическую и раннеклассическую эпохи проблемы скверны на важный план в религиозных воззрениях греков, а также усвоение скверной определенной этической окраски неразрывно связаны с культом Аполлона, прежде всего в ипостаси Аполлона Катарсия (неизвестной Гомеру). В этой своей ипостаси Аполлон стал богом-блустителем чистоты, сперва в чисто ритуальном, механическом ее понимании. Очистительная функция Аполлона приобрела большое значение в ряде главных культовых центров этого божества, прежде всего в Дельфах, выдвинувшихся в число основных очистительных мест в Греции. Не случайно в дельфийской среде сложилась легенда, согласно которой сам Аполлон после убийства Пифона подвергся ритуальному очищению (Plut.Mor.293c-f; Paus.Π.7,7-8; 30,3; X.7,2; 16,5; Euseb. Praep.evangel.V.31,2), причем, по основной версии, на Крите.

Связь Дельфов с Критом (ср. Hom.Hymn.Π.297 sqq.) в этом отношении вполне закономерна. По мнению многих авторитетных исследователей, в становлении культа Аполлона-

¹⁸ О проблемах скверны в трагедии см.: Ehrenberg V. Sophocles and Pericles... P.114-116; Delcourt M. Oreste et Alcmeon. Étude sur la projection légendaire du matricide en Grèce. P.,1959. P.48 ss., 92; Vickers B. Op.cit. P.138-156; Visser M. Vengeance and Pollution in Classical Athens // Journal of the History of Ideas. 1984. V.45. No.2. P.193-201; Burian P. Op.cit.

¹⁹ Lloyd-Jones H. Op.cit. P.55; Lévy E. Athènes... P.53.

очистителя важную роль сыграла именно критская катартическая практика, тесно связанная с культом хтонических божеств²⁰. Сам культ Аполлона Дельфийского имел немало хтонических черт, весьма отличных от героической религии Гомера²¹.

Пользуясь тем, что Дельфийский оракул надолго стал главным религиозным авторитетом в греческом мире, его жречество успешно внедрило в религиозное сознание уже начавшую было забываться, отходить на второй план концепцию скверны и очищения. Одним из примеров такого внедрения был как раз эпизод с «Килоновой скверной»: именно из Дельфов пришло впервые обвинение Алкмеонидов в «оскверненности», именно в Дельфах они впоследствии и очистились. Во многом благодаря культу Аполлона Дельфийского произошло и усвоение некоторых этических стандартов греческой религией²²: «скверна» и «чистота» всё в большей степени начинали рассматриваться не в физическом, а в моральном плане. Впоследствии падение престижа оракула в годы Пелопоннесской войны во многом способствовало упадку этих этических стандартов.

Греческая катартика. Тесно связанная с представлением о скверне идея культового очищения также всё более получала этическую окраску. Однако в рассматриваемый исторический период этот процесс был еще очень далек от своего завершения. Очищение () в массовом сознании еще отнюдь не стало отвлеченным катарсисом Аристотеля; это очищение было во многом чисто физическим²³.

Практиковались различные виды очищений. Прежде всего необходимо различать очищения отдельных индивидов и очищения полисов. В первом случае применялись разного рода катартические ритуалы с использованием крови жертвенных животных, воды, огня и т.п. Чаще всего такие ритуалы использовались в отношении убийц, нуждавшихся в

²⁰ *Defradas J.* Op.cit. P.193; *Jeffery L.H.* Archaic Greece... P.191-192.

²¹ *Лосев А.Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С.313 слл.; *Eliade M.* A History of Religious Ideas. V.1. Chicago, 1978. P.270 ff.

²² *Croiset M.* La morale de Delphes // *Revue des cours et conférences.* 1914. V.22. №13. P.431-446; *Nilsson M.P.* Geschichte... Bd.1. S.625-633.

²³ *Фрейденберг О.М.* Ук.соч. С.287, 439; *Lloyd G.E.R.* Op.cit. P.29, 44. О понятии катарсиса у Аристотеля и его корнях см.: *Schlesier R.* Lust durch Leid: Aristoteles' Tragödien-theorie und die Mysterien. Eine interpretations-geschichtliche Studie // AD. S.389-415.

очищении²⁴. Полис очищался от скверны иначе. В первую очередь из него изгонялись прямые виновники осквернения ().²⁵ Если таких нельзя было найти, использовался ритуал фармака, широко известный хотя бы по древнееврейскому обычаю «козла отпущения» (Levit. 16,5 sqq.)²⁶. Специально предназначенные для этого люди (обычно преступники, но иногда и добровольцы) после совершения над ними определенных обрядов, перекладывавших на них с общины тяжесть скверны, изгонялись (в более раннюю эпоху – убивались). Однако зачастую и этого было недостаточно, и тогда применялись особые катартические обряды для очищения полиса как целого, в том числе его территории²⁷.

В последнем случае катартика выходила за рамки культовых очищений. В греческом сознании тесно ассоциировались между собою, почти отождествлялись понятия скверны, чумы и гражданской смуты (). Последняя считалась, в сущности, некой разновидностью эпидемии и рассматривалось как последствие осквернения полиса. Известно немало случаев приглашения отдельными полисами со стороны, часто по указанию Дельфов, специальных лиц, которые и осуществляли ритуальные пурификации, и содействовали прекращению распри. Эти деятели выступали, таким образом, в двойной роли очистителей () и посредников-устроителей () – функции, настолько связанные, что понимались по сути дела как одна. Именно отсюда, от очистителей-устроителей, в определенной мере

²⁴ Hewitt J.W. The Necessity of Ritual Purification after Justifiable Homicide // TAPhA. 1910. V.41. P.99-113; Delcourt M. Oreste... P.48 ss.

²⁵ Мы совершенно согласны с Г.Т.Залюбовиной, что необходимо строго разграничивать категории очищения и искупления. Тем не менее, на наш взгляд, изгнание оскверненных является не искупительным, а именно *очистительным* актом. Если скверна есть некая «инфекция», выражаясь современным языком, то первейшим условием для избавления от нее должно стать удаление ее источника.

²⁶ О «козле отпущения» и фармаках см. подробнее: Frazer J.G. Op.cit. V.6. L., 1920³. Passim; Gebhard V. Die Pharmakoi in Ionien und die Sybakchoi in Athen. München, 1926.

²⁷ Nestle W. Griechische Geistesgeschichte... S.51; Long W.R. Greeks, Carians, and the Purification of Delos // AJA. 1958. V.62. No.3. P.297-306; Parker R. Op.cit. P.257-280; Brock R. Thucydides and the Athenian Purification of Delos // Mnemosyne. 1996. V.49. Fasc.3. P.321-327.

пошел и феномен раннегреческого законодательства, кстати, всесторонне поощрявший дельфийским жречеством. Особенно часто прибегала к призыванию «варягов» ранняя Спарта: миссии лесбосца Терпандра, гортинца Фалета, афинянина Тиртея в этом полисе понимались и как очистительные, и как посреднические (Pat.Legg.I.629a; Philodem.De mus. P.18 Kemke; Plut.Mor.1134b-f.; 1146bc; Paus.I.14,4; Aelian.Var.hist.XII.50)²⁸.

Инициаторами таких акций, впрочем, не всегда были дельфийские эмиссары. В частности, не менее важным (и, вероятно, более древним, восходящим еще к минойской эпохе) центром катартики был Крит, одно из самых почитаемых священных мест Эллады²⁹. Известен целый ряд мифических, полумифических и вполне исторических критских жрецов-очистителей, начиная с легендарного Карманора, по преданию, очистившего самого Аполлона. Критская катартика, судя по всему, не находилась под непосредственным контролем Дельфов; напротив, не исключено, что очистители из Кносса и Гортины выступали в какой-то степени «конкурентами» дельфийского бога.

Наиболее известной и, пожалуй, самой колоритной фигурой среди критских катартов был не раз уже упоминавшийся Эпименид. В настоящее время уже мало кто из ученых считает его «чисто романической фигурой»³⁰; достаточно твердо установилось мнение о его историчности³¹. Этому, повторим, отнюдь не противоречит ореол мифов и легенд, рано сложившийся вокруг его личности (ср. Пифагора, а в поздней традиции – даже Платона). Более того, даже в некоторых из этих легенд можно обнаружить зерно истины. Так, рассказ о 57-летнем сне Эпименида в Диктейской пещере, с помощью которого он получил свои сверхъестественные способности (Diog.Laert.I.109; Max.Tyr. Diss.X.1), свидетельствует о его связи

²⁸ О ранних очистителях см.: Лосев А.Ф. Античная мифология... С.328; Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII-V вв. до н.э. Л., 1985. С.39-60; Faure P. Op.cit. P.127 ss.; Burkert W. Greek Religion... P.75-84.

²⁹ О критской катартике см.: Kern O. Die Religion der Griechen. Bd.1. B., 1926. S.139; Persson A.W. The Religion of Greece in Prehistoric Times. Berkeley, 1942. P.149; Willetts R.F. Cretan Cults and Festivals. N.Y., 1962. P.311-312.

³⁰ Gebhard V. Op.cit. S.20; Delcourt M. L'oracle de Delphes... P.169-170.

³¹ См. прим.20 к гл.I, а также: Nilsson M.P. The Minoan-Mycenaean Religion and its Survival in Greek Religion. Lund, 1950². P.582; *idem*. Geschichte... Bd.1. S.618-619; Burkert W. Greek Religion... P.75 ff.

с хтоническими культами критских пещер, влияние которых на складывание катартических обрядов мы отмечали выше. Датировка жизни и деятельности Эпименида также становится достаточно ясной. Почти вся античная традиция называет его современником Семи мудрецов (особенно Солона) и одним из наставников Пифагора.

Отсутствие прямой связи Эпименида с Дельфами, более того – его, насколько можно судить, определенное противостояние оракулу Аполлона (ср. Plut. Mor.409f) также отмечается исследователями³². Античная традиция связывает с Эпименидом очищение ряда полисов – Делоса (Plut.Mor.157d-158b), Спарты (Diog.Laert.I.114-115; Paus.III. 11,11; 12,11; Tatian.Ad Graec.41) и других (Strab.X.479; Paus.I. 14,4). Но чаще всего упоминаемое в связи с ним событие – знаменитое очищение Афин от «Килоновой скверны» (Arist.Ath.pol.1; Polemo fr.53; Ne-anth.FGrHist.84 F16; Cic.De leg.II.11,28; Plut.Sol.12; Paus.I.14,4; Diog.Laert.I.110-112; Max.Tyr.Diss.XXXVIII.3; Athen.XIII.602cd; Clem.Alex.Protr. II.26 cum schol.; Euseb. Chron. II.93 Schoene; Suid. s.v.). Это, пожалуй, вообще наиболее известный пример греческой катартики³³.

Высказывалось мнение, согласно которому визит Эпименида в Афины имел антиалкмеонидовский характер и был инициирован аттической евпатридской знатью, противниками Алкмеонидов³⁴. Однако сторонники этого мнения сами противоречат друг другу, что, конечно, в данном случае говорит не в их пользу. Далее, «антиалкмеонидовские» черты рассказа о миссии Эпименида, если они и есть, восходят к враждебному Алкмеонидам Гелланику³⁵ и не могут поэтому приниматься на веру. Да и в целом антиалкмеонидовская направленность миссии Эпименида исключила бы его дружественные отношения с Солоном, как раз в это время готовившим возвращение «проклятого» рода на родину (см. выше, гл. III, §2). По всем этим соображениям нам представляется более

³² Decharme P. Op.cit. P.36-38; Wilamowitz-Moellendorff U. von. Der Glaube... Bd.2. S.37; Parke H.W., Wormell D.E.W. Op.cit. V.1. P.111; Defradas J. Op.cit. P.109. Связывают Эпименида с Дельфами: Treston H.J. Poine: A Study in Ancient Greek Blood-Vengeance. L.,1923. P.152; Rhodes P.J. A Commentary... P.79.

³³ Nestle W. Vom Mythos zum Logos: Die Selbstentfaltung des griechischen Denkens von Homer bis auf die Sophistik und Sokrates. Aalen, 1966². S.59-60.

³⁴ Parke H.W., Wormell D.E.W. Op.cit. V.1. P.111; Rhodes P.J. A Commentary... P.79 ff.

³⁵ Schreiner J.H. Aristotle and Perikles... P.23.

убедительным иная версия событий: Эпименид был приглашен в Афины Солоном (о чем, кстати, прямо сообщает античная традиция). Визит его имел тройную цель: во-первых, провести очищение Аттики и умиротворение гражданской смуты, содействовать в проведении религиозных реформ, во-вторых, снять одно из препятствий к возвращению в Афины Алкмеонидов, в-третьих, продемонстрировать недоверие к крисейским Дельфам в преддверии первой Священной войны³⁶.

Интересен вопрос об отношении Эпименида к афинскому культу Эвменид (). По словам Диогена Лаэртция (I.112), этот культ был основан именно им. Однако это сообщение противоречит всему, что мы знаем об этом древнем аттическом культе. По самой ранней из дошедших до нас версий соответствующего мифа («Эвмениды» Эсхила), его учреждение относится к героическим временам, а конкретно – приурочено к суду над Орестом на Ареопаге. Во всяком случае, нет оснований сомневаться в существовании святилища Эвменид к моменту мятежа Килона, т.е. к 636 г. до н.э., что подтверждается и археологическими данными³⁷. На наш взгляд, в традиции, передаваемой Диогеном, получило косвенное отражение не основание, а очищение святилища Эвменид. вполне возможно, что проведение катартических ритуалов на территории всей Аттики было начато именно с этого святилища (ср. Diog.Laert.I.110). Вряд ли это было связано с отведением гнева мстящих Эвменид, как полагал В.Нестле³⁸. Скорее всего, здесь сыграло свою роль то обстоятельство, что их святилище было единственным местом в Афинах, уже ранее подвергшимся очищению (см. выше, гл.I, §1) и потому формально неоскверненным.

* * *

Одной из наиболее известных в раннеклассическую эпоху скверн, наряду с Килоновой, была «Павсаниева скверна», возникшая после умерщвления в 467 г. до н.э. в спартанском

³⁶ Ср.: Rohde E. Op.cit. P.185, 343; Hammond N.G.L. Studies in Greek History... P.159-160; Alexiou M. Op.cit. P.14-15.

³⁷ Stroud R.S. Drakon's Law... P.74; Колобова К.М. Древний город Афины... С.40-44; Суриков И.Е. Афинский ареопаг... С.29-30.

³⁸ Nestle W. Griechische Geistesgeschichte... S.51.

храме Афины Халкиойкос регента Павсания³⁹. Судя по всему, с этим же инцидентом связано и убийство спартиатами группы илотов, искавших убежища в святилище Посейдона на мысе Тенар (Thuc.I.128,1; Paus.IV.24,5-7; VII.25,3; Schol.Aristoph.Ach.510; Equ.1225; Suid.s.v. ; s.v.)⁴⁰. Скверны Килона и Павсания имеют ряд весьма сходных черт. Прежде всего, в обоих случаях убитые были преступниками, спасающимися от преследования. Более того, согласно ряду источников, Павсаний сам был осквернен убийством девушки, от которого он якобы так и не смог очиститься (Aristodem. FGrHist.104 F1,8; Plut.Cim.6; Paus.III.17). Далее, в обоих случаях убиты были гикеты. В обоих же случаях из Дельфов пришло требование об искуплении и были поставлены посвященные статуи (соответственно Килону в Афинах и Павсанию в Спарте). Наконец, оба инцидента вновь вышли на первый план в 432 г., в афино-спартанских переговорах перед началом Пелопоннесской войны. Хотя о «Павсаниевой скверне» известно значительно меньше, чем о Килоновой, есть достаточные основания полагать, что вокруг нее велась аналогичная (пусть и в меньших масштабах) борьба в общественном мнении, вылившаяся в череду обвинений и оправданий.

Анализ понятия скверны в греческой религии демонстрирует, на наш взгляд, следующее. Категория скверны была весьма важной, особенно в тот период, когда наибольшее влияние на религиозную жизнь греков оказывал дельфийский культ Аполлона. При определенной эволюции идеи скверны в основе своей она всё же оставалась весьма статичной, традиционной, уходящей корнями в глубокую древность. Представления об оскверненности полиса как причине всяческих бед, о благотворном воздействии очистительного изгнания и катартических обрядов были еще в V в. до н.э. достаточно сильны. Килонова скверна может служить одним из свидетельств такого положения вещей.

³⁹ О дате см.: *Wolski J.* Pausanias et le problème de la politique spartiate (480-470) // *Eos.* 1954. V.47. Fasc.1. P.75-94; *White M.E.* Some Agiad Dates: Pausanias and his Sons // *JHS.* 1964. V.84. P.140-152; *Lippold A.* Pausanias von Sparta und die Perser // *RhM.* 1965. Bd.108. Ht.4. S.320-341; *Berve H.* Gestaltende Kräfte... S.143; *Bengtson H.* Griechische Staatsmänner... S.90; *Badian E.* From Plataea to Potidaea... P.100.

⁴⁰ *Martin V.* La vie internationale dans la Grèce des cités (VIe - IVe s. av.J.-C.). Genève, 1940. P.62; *Wolski J.* Pausanias... P.90.

§2. Килонова скверна и эволюция идеи коллективной ответственности в греческом праве

Хорошо известно, что в греческих религиозно-этических представлениях существовала важная концепция коллективной ответственности рода за деяния, совершенные отдельными его членами. Ниже (§3 данного приложения) мы подробно остановимся на роли этой концепции в складывании представления о «Килоновой скверне». Но прежде всего нас интересуют более конкретные вопросы: распространялась ли эта идея не только на религиозную, но и на правовую сферу? Понимался ли род как единое целое в категориях не только религии, но и права? И если да, то до какого времени?

Для ответа на эти вопросы необходимо рассмотреть в сравнении два внешне очень похожих изгнания Алкмеонидов – в 615 и в 507 гг. до н.э. Важно установить следующее: сопровождалось ли второе изгнание, подобно первому, а) судебным процессом и б) удалением за пределы Аттики трупов умерших. Единого мнения на этот счет среди исследователей нет. Одни из них полагают, что трупы удалялись в обоих случаях⁴¹, другие – что этот акт имел место лишь в 507 г.⁴², наконец, третьи считают, что уже первый суд в конце VII в. был судом не над потомками, а лишь над прямыми виновниками происшествия⁴³. Попытаемся установить, как обстояло дело в действительности.

Наиболее ранний и наиболее подробный источник по второму изгнанию – Геродот (V.70-72) ничего не говорит о том, что оно имело судебный характер; Клеомен I просто через глашатая «объявил об изгнании () Клизфена и с ним многих других афинян, назвав их оскверненными». Не упоминает Геродот и об удалении трупов. Фукидид (I.126,12) сообщает о том, что «оскверненных изгоняли и сами афиняне, изгонял их позже и лакедемонянин Клеомен сообща с афинянами, устроившими распрю (); многие были изгнаны, а останки умерших выкопаны и удалены». О суде здесь не говорится ни слова; что же касается

⁴¹ Williams G.W. The Curse of the Alkmaionidai. I. P.39.

⁴² Wade-Gery H.T. (Review:) A Historical Commentary on Thucydides. Vol.1 // JHS. 1949. V.69. P.83-85.

⁴³ Cauer F. Op.cit. S.63 ff.; Hignett C. Op.cit. P.105.

удаления останков, то ввиду не-определенности синтаксиса трудно понять, к какому из изгнаний Фукидид его относит. Аристотель (Ath.pol.20,2-3) почти до-словно повторяет рассказ Геродота, видимо, считая его заслуживающим наибольшего доверия.

В целом можно заключить, что у нас нет ни одного прямого и определенного свидетельства об удалении останков умерших Алкмеонидов в 507 г.; с еще большей уверенностью это можно утверждать о судебном процессе. Таким образом, изгнание Алкмеонидов Исагором и Клеоменом, хотя и имело своим предлогом «Килонову скверну», не носило формально-юридического облика. Следовательно, к концу VI в. до н.э. концепция коллективной ответственности рода, имея большой вес в религиозной сфере и в общественном мнении, уже не являлась элементом греческого права.

С другой стороны, в VII в. эта идея имела еще вполне правовой характер. Помимо рассматриваемого нами суда над потомками преступников, об этом ясно свидетельствует древнейший афинский закон о тирании (Arist.Ath.pol.16,10), согласно которому атимии подвергалось не только лицо, пытавшееся установить тиранию, но и его род. Этот закон обычно относят либо к Драконту, либо даже к додраконтовскому времени. Есть основания полагать, что он был записан именно в связи с делом Килона, послужившим в данном случае прецедентом⁴⁴. Данный закон, очевидно, имела в виду и солоновская амнистия (Plut.Sol. 19), из которой исключались осужденные за попытку захвата тиранической власти.

Интересно рассмотреть в данной связи наиболее крупный афинский документальный памятник этого времени – не раз уже упоминавшийся закон Драконта об убийстве. В сохранившейся части его текста важное место занимает категория рода как единого целого, сородичей как его частей. Слово , правда, в законе не употребляется, но мы и не обязаны его там ожидать, поскольку, как говорилось выше, техническим термином, неизбежным для правовой лексики, оно не было. Важно другое: согласно закону, примириться с убийцей могут только все родственники сообща, хотя бы один голос «против» делает соглашение недействительным (). Собрание родственников как единая организация, должно официально начать судебное преследование, сделав объявление на площади

⁴⁴ Gagarin M. The Thesmothetai...

(), и далее вести его. Всё это свидетельствует о том, что во времена Драконта уголовное право оперировало еще категориями не отдельной личности, а более крупного социального организма, будь то семья, род, фратрия. Во всяком случае, такая ситуация существовала в законодательстве об убийстве⁴⁵, но нет оснований полагать, что в сфере религиозных преступлений, асебии было иначе. Прав, на наш взгляд, Н.Хэммонд, считавший, что в судебном процессе над Алкмеонидами «можно видеть... идею родовой ответственности за деяния индивидов»⁴⁶.

Итак, концепция коллективной ответственности рода (в широком смысле) действительно существовала в VI в. до н.э., но, как мы видели выше, к концу VI в. целиком ушла из области права в религиозно-этическую сферу. Более того, кажется, уже в середине VI в. Писистрат, изгоняя Алкмеонидов из Аттики, не предпринимал никаких попыток обставить это изгнание формально-юридическими мерами, несмотря на то, что он при случае использовал предлог «Килоновой скверны» для борьбы с противниками (Herod.I.61; Arist.Ath.pol.15,1). Вероятно, таких юридических средств в его руках уже не было.

Когда же идея родовой ответственности перестала быть компонентом права? На наш взгляд, начало этому процессу положило уже законодательство Драконта. Несмотря на то, что родовые, коллективные категории всё еще играют в нем важную роль, оно, по справедливому замечанию Р.Страуда⁴⁷, ослабляло солидарность рода уже тем, что подрывало основы кровной мести. Это, помимо прочего, заставило противников Алкмеонидов изменить тактику, выдвинув против них обвинение в асебии и оскверненности. Однако в архаичной сфере неписаного жреческого права, компетенции которого подлежали религиозные преступления, понятие о коллективной ответственности оказалось более живучим. Именно поэтому Алкмеониды были осуждены как *род*, т.е. как единое целое. Кем бы ни был обвинитель Алкмеонидов Мирон из Флии – выходцем из рода Ликомидов, как полагал С.И.Радциг, или же Кериком, как считаем мы, - в любом случае он принадлежал к одному из старинных жреческих родов, в ведении которых

⁴⁵ Cornford F.M. From Religion to Philosophy. A Study in the Origins of Western Speculation. N.Y., 1957. P.57; Littman R.J. Kinship and Politics... P.57.

⁴⁶ Hammond N.G.L. A History of Greece... P.156.

⁴⁷ Stroud R.S. Drakon's Law... P.72.

находилось толкование подобного рода неписаных установлений.

Изъятие же положения о родовой ответственности из афинских правовых установлений можно с большой долей вероятности отнести ко времени солоновских реформ. Дав целостную и всеобъемлющую для своего времени систему законодательства, Солон охватил ею и те вопросы, которые ранее находились в руках евпатридского жречества. Мы уже видели, что при содействии Эпименида он реформировал ряд религиозных (в частности, погребальных) обрядов (Plut.Sol.12; 21). Кроме того, он ввел новшества в установления о браках (ibid.20), провел реформу календаря (ibid.25). Введя вполне светский суд присяжных – гелиею, он урезал таким образом полномочия жреческих судилищ, подобных тому, которое осудило на изгнание Алкмеонидов (Arist.Ath.pol.9,1; Plut.Sol.18). Особенно важно предоставление возможности каждому желающему выступать в суде по делам, прямо его не касающимся. Это окончательно вывело право из узких рамок рода на простор всего гражданского коллектива полиса. В общем курсе этих преобразований лежал и закон об амнистии. Не случайно, очевидно, именно в ходе солоновских реформ в Афины возвратились Алкмеониды; больше на протяжении всей их истории мы практически не встречаем попыток устроить над потомками «оскверненных» судебный процесс. «Килонова скверна» ушла из области права в сферу религии, политики, общественного мнения.

§3. Родовое проклятие и родовая ответственность Алкмеонидов

В термине , применявшемся к «Килоновой скверне», как мы видели, концепция собственно скверны слилась воедино с концепцией родового проклятия. Имеет смысл поэтому остановиться и на этой последней, на ее проявлениях в истории Алкмеонидов.

В греческой религии представление о коллективной ответственности сообщества людей (семьи, рода, полиса) за деяния его отдельных членов было весьма распространено⁴⁸, свидетельства чего в высшей степени многочисленны у

⁴⁸ Cp.: Glotz G. Op.cit. P.557-576; Moulinier L. Le pur et l'impur... P.229-242; Adkins A.W.H. Op.cit. P.120; Willetts R.F. Op.cit. P.197-198; Parker R. Op.cit. P.191-206.

античных авторов всех эпох (достаточно сказать, что верования в родовое проклятие сохранялись на Балканах еще в XX веке)⁴⁹. Согласно этому представлению, действия одного члена рода влияют на всех его сородичей и потомков даже много лет спустя. Жертва наследственного проклятия уже не принадлежит себе, она становится игрушкой неведомых сил, причем опасной игрушкой, поскольку она может принести вред и другим. Родовые проклятия – один из излюбленных сюжетов греческой мифологии. Истории гибели домов Тантала (Пелоп – Атрей – Агамемнон – Орест) и Кадма (Полидор – Лабдак – Лай – Эдип – Этеокл и Полиник) стали в своем роде парадигматичными для греческого сознания⁵⁰.

Истоки представлений о коллективной ответственности коренятся, естественно, в дополисной древности, в глубинах первобытного общества. Именно тогда, когда в качестве основной мыслимой единицы, первичной ячейки социума рассматривался не отдельный индивид, а сообщество, род, а его представители считались лишь составными частями этого большого организма, идея ответственности только и могла быть коллективной. Особенно ясно это видно на примере распространенного (в т.ч. и в ранней Греции) архаичного обычая кровной мести. В ней два рода выясняли отношения именно как два больших социальных (если не биологических) организма, а отдельные индивиды лишь выполняли их волю. Характерно, что даже в классической Греции убийство относилось к категории частного (), а не публичного () права; расследование по нему, возбуждение судебного процесса лежало на обязанности не полиса, а группы родственников. Ключевым понятием для кровной мести, как и в представлении о скверне, была кровь. Кровь в рассматриваемой системе представлений была собственностью всего рода, а не отдельного его представителя, который, таким образом, не мог ей полноправно распоряжаться⁵¹.

Понятие коллективной ответственности, как в принципе, и любое понятие религиозного круга, имело статичный,

⁴⁹ *Durham M.E.* Op.cit. P.279-281; *Alexiou M.* Op.cit. P.178-181.

⁵⁰ Ср.: *Лосев А.Ф.* Античная мифология... С.80 сл.; *Butterworth E.A.S.* Op.cit. P.47-51.

⁵¹ *Finley M.I.* The World of Odysseus. N.Y., 1965. P.77-78; *Орел В.Э.* Об одном институте индоевропейского права. Опыт лингвистического комментария // ВДИ. 1986. №1. С.130-144.

консервативный характер. Тем не менее в этом случае легче, чем в случае со скверной, проследить определенную эволюцию идеи. Отмечалось, что Гомеру понятие о родовом проклятии практически чуждо⁵². Это можно объяснить за счет общих особенностей гомеровского эпоса и историко-культурного контекста его создания, которых мы касались в вопросе о скверне. В материковой же Греции важную роль идеи коллективной ответственности мы встречаем уже у Гесиода (Орр.240-241):

Целому городу часто в ответе бывать приходилось
За человека, который грешит и творит беззаконье⁵⁴.

Выше мы попытались продемонстрировать, как рассматриваемая концепция перешла из области права в чисто религиозную сферу. Это в основном совершилось ко времени реформ Солона, причем сам законодатель внес в это изменение немалый вклад. Дальнейшую эволюцию идеи уже как религиозно-этического представления проследил А.И.Доватур⁵⁵. По его наблюдению, Солон (fr.1,31-32 Diehl) выражает полную уверенность в страдании невинных потомков за преступления предков, но воздерживается от комментариев по этому поводу, лишь констатируя факт. Феогнид (ст.373-392), также не выражая сомнения в родовой ответственности, критикует богов за несправедливость. Наконец, Эсхил (Ag.750-766) пытается выйти из положения и восстановить веру в разумную справедливость божества, признавая, что старые преступления порождают в потомках наглость (), за которую они, в свою очередь, и наказываются. Таким образом, в страдания невинных Эсхил не верит; родовое проклятие замещается для него законом воздаяния. При этом «выход из общинно-родового тупика возникает на путях афинской государственности и гражданственности»⁵⁶.

⁵² Томсон Дж. Ук.соч. С.129.

⁵³ Отметим глагол, явно родственный не раз уже возникавшему на страницах нашей работы прилагательному

⁵⁴ Перевод В.В.Вересаева.

⁵⁵ Доватур А.И. Феогнид... С.102-113.

⁵⁶ Лосев А.Ф. Античная мифология... С.81. Ср.: Ярхо В.Н. Кровная месть и божественное возмездие в «Орестее» Эсхила // ВДИ. 1968. №4. С.56-69; Rich-

Линию, намеченную А.И.Доватуром, можно продолжить. У Софокла мы наблюдаем определенное отступление назад, к доэсхилоским представлениям. Пожалуй, к его взглядам ближе концепция Солона. Драматург признает существование родового проклятия, которое может и не совпадать с личной виной, моральной ответственностью (коллизия трагедии «Эдип в Колоне»). При этом к осуждению богов Софокл никоим образом не приходит. Еврипид – дитя своего века, времени «разрушения ро-до-племенного уклада жизни и традиционных норм поведения в Древней Греции»⁵⁷, - в этом вопросе, как и в любом другом, не энтузиаст-реформатор, как Эсхил, и не благочестивый традиционалист, как Софокл, а скептик и резонер. Мстящие Эринии дома Атридов для него – не более, чем галлюцинации душевнобольного Ореста (трагедия «Орест»).

Итак, в среде интеллектуальной элиты кипели оживленные споры, на театральных подмостках выплескивавшиеся за ее пределы и, нужно думать, становившиеся достоянием определенной части более широких слоев населения. Однако в целом, если речь идет не о круге передовых мыслителей, а об уровне массовых представлений, не приходится сомневаться, что идея коллективной ответственности рода была вполне актуальной в Афинах еще в конце V в. до н.э. А именно с этим уровнем нам преимущественно и приходится сталкиваться.

* * *

Представление о коллективной ответственности не раз проявлялось в истории Алкмеонидов. Здесь мы не можем согласиться с Р.Паркером, полагающим, что «Килонова скверна» быстро перестала быть источником религиозной озабоченности, став лишь из факторов в общей репутации рода⁵⁸. Ближе к истине, на наш взгляд, Л.Мулинье, подчеркивающий долгую цепь последствий этого инцидента⁵⁹. Первым проявлением «солидарности» рода стал судебный процесс 615 г., повлекший изгнание всех Алкмеонидов и даже, как мы уже отмечали, удаление из Аттики останков умерших. Сложнее сказать то же об изгнании рода Писистратом в 546 г.

ard G. L'impureté contagieuse et la magie dans la tragédie grecque // REA. 1935. V.37. №3. P.301-321.

⁵⁷ *Зайцев А.И. Культурный переворот... С.39.*

⁵⁸ *Parker R. Op.cit. P.17.*

⁵⁹ *Moulinier L. Le pur et l'impur... P.46-47.*

Г.Глотц видел в этом событии также проявление коллективной ответственности⁶⁰. Однако не будем забывать, что данное изгнание имело не религиозный, а чисто политический характер. Писистрат мог воспользоваться религиозным обвинением в оскверненности, и рассказ о его браке с дочерью Мегакла, не исключено, косвенно свидетельствует о том, что он это сделал. Но рассматриваемое изгнание, равно как и изгнание Алкмеонидов Гиппием в 514 г., судя по всему, всё же не имело прямого отношения к родовому проклятию, хотя, вероятно, подспудно этот мотив присутствовал.

Следующий момент, уже безусловно фиксирующий веру в родовую ответственность, - изгнание Клизфена и Алкмеонидов Клеоменом I в 507 г. до н.э. Как бы ни решать вопрос о 700 семействах, изгнанных из Афин в этот период (см. выше, гл. I, §2), важно то, что в любом случае мы имеем дело с коллективным изгнанием Алкмеонидов по религиозным мотивам. Характерно, что сам Клизфен немедленно подчинился требованию спартанского царя и покинул родину⁶¹.

В V в. тень родового проклятия Алкмеонидов упала на целый ряд событий: на остракофорию 480-х гг., на некоторые перипетии политической судьбы Перикла, а также на матримониальную политику этого рода. С одной стороны, мы встречаем в среде Алкмеонидов ряд внутриродовых, эндогамных браков (Мегакл (IV) и Кесиры (III); Ксантипп, отец Перикла, и Агариста (II); Перикл и его двоюродная сестра; Алкмеонид (III) и Агариста (III) и др.). С другой стороны, в это время складывались их брачные альянсы с Филаидами, Кериками, Саламиниями. В сочетании этих тенденций можно увидеть, с одной стороны, некоторое нежелание многих знатных родов устанавливать родственные связи с «оскверненными», с другой же – стремление самих Алкмеонидов прорвать эту изоляцию, пользуясь удачным стечением обстоятельств⁶². Помимо прочего, с помощью такой политики «скверна»

⁶⁰ Glotz G. Op.cit. P.472 ss.

⁶¹ М.Оствальд даже считает возможным поставить вопрос, рассматривал ли он себя как реально оскверненного (*Ostwald M. Nomos...* P.185).

⁶² Именно таков случай брака Кимона и Исодики. Никогда до того ни один Филаид не связывал свою жизнь с представительницей рода Алкмеонидов: настолько велико было соперничество между ними. Но на рубеже 480-470-х гг. положение Кимона было, мягко говоря, незавидным (отец его Мильтиад умер в тюрьме, оставив сыну в наследство колоссальный штраф), и выбирать ему не приходилось. Этим-то и воспользовались Алкмеониды.

распространялась на другие роды, освобождая Алкмеонидов от единоличной ответственности.

Характерна подмечаемая Э.Берном⁶³ черта всех крупных представителей рода Алкмеонидов – стремление во всём быть первыми или среди первых. Не проявилось ли в этом в какой-то степени чувство коллективной «вины» рода, стремление искупить ее деяниями во благо Афин? Исследовавший историю «Килоновой скверны» на всем ее протяжении Дж.Уильямс полагал, что мощь этого проклятия была сломлена Клисфеном, сумевшим перевести атаки противников из религиозной в чисто политическую сферу⁶⁴. Действительно, история Алкмеонидов отразила в малом масштабе интеллектуальное развитие всего греческого мира, процесс (непростой и небыстрый) перехода от концепции коллективной ответственности к индивидуальной. И тем не менее в той же мере она отразила и долговечность старых представлений о родовом проклятии. «Килонова скверна» после Клисфена отнюдь не была забыта, она просто вновь перешла на иной – теперь уже политический – уровень. Есть основания полагать, что и сам Клисфен, и последующие представители рода реально ощущали серьезность тяготеющего над ними обвинения и принимали различные меры к улучшению собственного положения. История взаимоотношений Перикла с Алкмеонидами (гл.IV, §2), думается, показывает, насколько обоснованно это наше предположение.

⁶³ *Burn A.R.* Pericles and Athens... P.240.

⁶⁴ *Williams G.W.* The Curse of the Alkmaionidai. III. P.71.

Приложение II

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

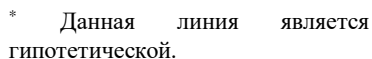
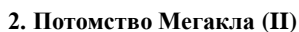
событий, связанных с историей Алкмеонидов

(все даты до н.э.)

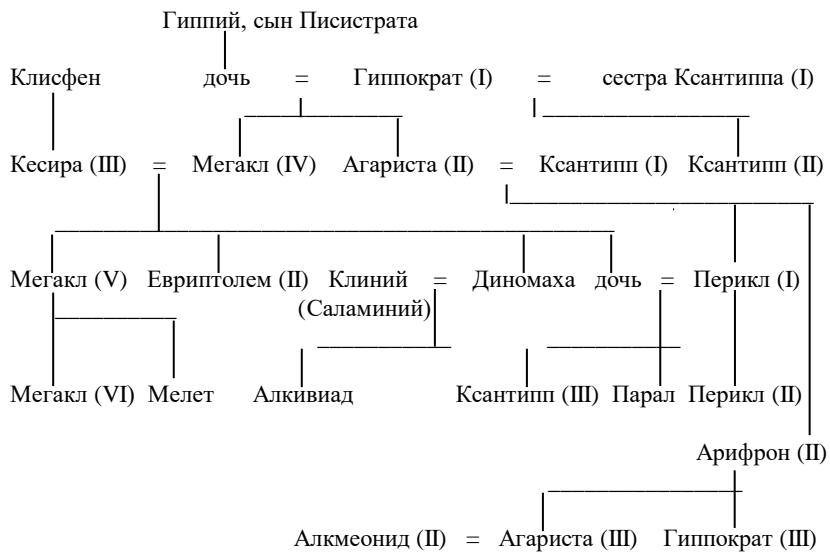
755-753	Алкмеон, сын Эсхила, - последний пожизненный архонт Афин.
640	Олимпийская победа Килона.
636	Архонтат Мегакла (I). Мятеж Килона и подавление его Алкмеонидами.
621	Законодательство Драконта.
Ок. 615	Суд над Алкмеонидами и их первое изгнание. Очищение святилища Эвменид.
Рубеж VI-V вв.	Алкмеониды в Эретрии. Брак Алкмеона (I) и Кесиры (I).
596	Очищение Аттики Эпименидом.
595	Начало первой Священной войны. Очищение Алкмеонидов в Дельфах.
594	Возвращение Алкмеонидов в Афины. Архонтат и реформы Солона.
593	Визит Алкмеона (I) в Сарды.
592	Олимпийская победа Алкмеона (I) в состязаниях колесниц.
571	Брак Мегакла (II) и Агаристы (I), дочери Клисфена Сикионского.
560-е гг.	Мегакл (II) – глава паралиев.
557-556	Союз Алкмеонидов и Писистрата. Брак Писистрата и Кесиры (I). Изгнание Писистрата из Аттики.
546	Возвращение Писистрата к власти. Второе изгнание Алкмеонидов.
546-527, 514-510	Алкмеониды в Дельфах.
Ок. 527	Возвращение Алкмеонидов и примирение их с Гиппием.
525/524	Архонтат Клисфена.
514	Заговор Гармония и Аристогитона. Третье изгнание Алкмеонидов. Укрепление Липсидрия.
514 – 500-е гг.	Завершение строительства храма Аполлона.
510	Ликвидация тирании в Афинах. Возвращение Алкмеонидов.
508-507	Борьба Клисфена и Исагора. Закон об остракизме. Попытка четвертого изгнания Алкмеонидов Клеоменом I.
507/506	Архонтат Алкмеона (II). Реформы Клисфена. Афинское посольство в Сарды.
Ок. 506	Очищение Аттики (?).
Ок. 496	Примирение Алкмеонидов и «друзей тиранов».
494	Рождение Перикла.

- 490 Марафонская битва. Обвинения Алкмеонидов в персидской измене.
- 489 Суд над Мильтиадом (Ксантипп в роли обвинителя).
- 487 Остракизм Гиппарха, сына Харма, главы группировки «друзей тиранов».
- 486 Остракизм Мегакла (IV). Его пифийская победа в состязаниях колесниц. Седьмая Пифийская ода Пиндара.
- 485 Остракизм Каллия, сына Кратия (?).
- 484 Остракизм Ксантиппа (I).
- 482 Остракизм Аристида.
- 480 Досрочное возвращение изгнанных остракизмом. Союз Алкмеонидов, Филаидов и Кериков, направленный против Фемистокла.
- 479/478 Архонтат Ксантиппа (II). Ксантипп (I) – стратег при Микале.
- 472 Хорегия Перикла при постановке «Персов» Эсхила.
- Рубеж 470-460-х гг. Остракизм Фемистокла и его заочное осуждение (Алкмеониды в роли обвинителей).
- 460-е гг. Начало политической деятельности Перикла. Его обвинения в связи с «Килоновой скверной». Строительство Писианактовой стои в Афинах.
- 464/3 Первая стратегия Перикла.
- 458 «Орестея» Эсхила.
- Сер. 450-х гг. Первый брак Перикла (со своей двоюродной сестрой).
- 451 Закон Перикла о гражданстве.
- 447 Перикл – опекун Алкивиада.
- Сер. 440-х гг. Разрыв Перикла Алкмеонидами.
- 444 Остракизм Фукидида, сына Мелесия.
- 436 Олимпийская победа Мегакла (V) в состязаниях колесниц.
- Конец 430-х гг. Судебные преследования сподвижников Перикла.
- 432 Требование Спарты об «изгнании скверны» из Афин.
- 430 Эпидемия в Афинах. Опала Перикла и суд над ним.
- 429 Болезнь и смерть Перикла. «Эдип-царь» Софокла.
- Ок. 429 Миссия Никия на Крит. Очищение Аттики (?).
- 416 Олимпийский триумф Алкивиада.
- 415 Судебные процессы о гермокопидах и о пародировании мистерий.
- 406 Сражение при Аргинусах. Суд над стратегами.

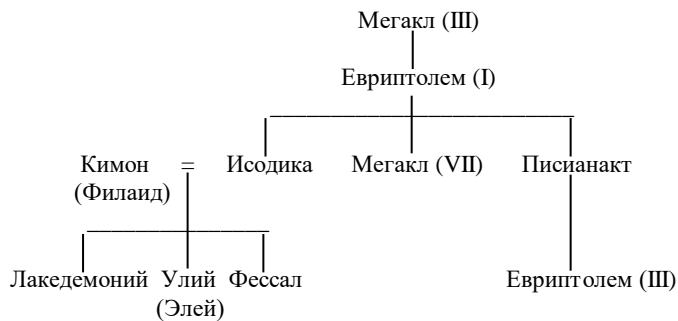
1. Первые известные представители

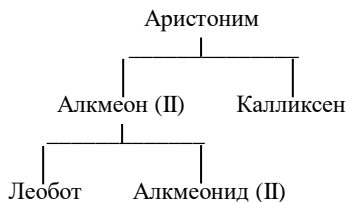
5. Линия Клифена и Гиппократ (I)

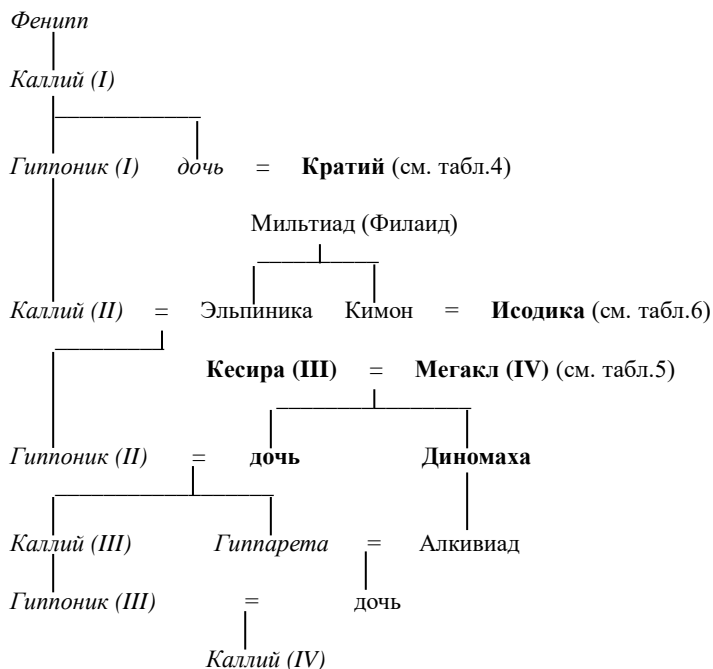
6. Линия Мегакла (III)

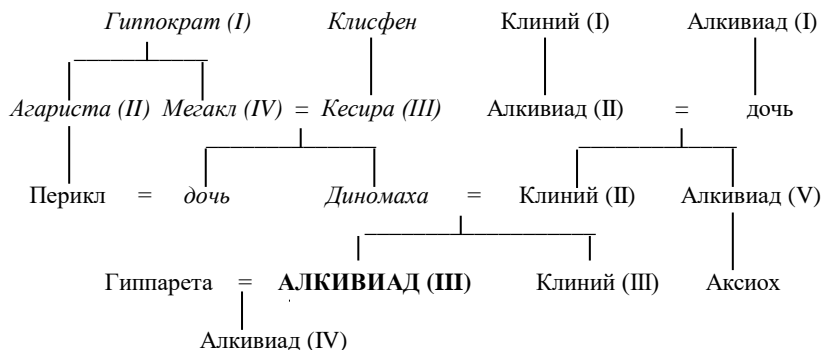
7. Линия Аристони́ма

8. Алкмеониды и Керики*

9. Родословная Алкивиада**

* Курсивом выделены представители рода Кериков, жирным шрифтом – Алкмеонидов.

** Курсивом выделены представители рода Алкмеонидов.

Библиография

1. *Александров М.А.* Наемники на службе у тиранов в архаическую эпоху (VIII-VI вв. до н.э.) // АП. С.28-40.
2. *Алексеев А.Н.* О так называемой чуме в Афинах // ВДИ. 1966. №3. С.127-142.
3. *Андреев Ю.В.* Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб.,1998.
4. *Андреев Ю.В.* Тираны и герон. Историческая стилизация в политической практике старшей тирании // ВДИ. 1999. №1. С.3-7.
5. *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М.,1995.
6. *Берве Г.* Тираны Греции. Ростов, 1997.
7. *Бивар А.Д.Х.* Платон и митраизм // ВДИ. 1998. №2. С.3-18.
8. *Блаватский В.Д.* Античная археология и история. М.,1985.
9. *Вдовин В.Н.* К вопросу о предыстории тирании в Афинах // Античность, средние века и Новое время. Социально-политические и этно-культурные процессы. Нижний Новгород, 1997. С.13-27.
10. *Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И.* Год рождения Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник. Вып.9. Севастополь, 1998. С.36-46.
11. *Виц-Маргулес Б.Б.* Семь городов – семь мудрецов // ВЧОАМ. С.37-47.
12. *Высокий М.Ф.* Тирания: к вопросу о терминологии // ВЧОАМ. С.182-196.
13. *Высокий М.Ф.* Раннегреческая тирания на Сицилии (конец VII – сер. V в. до н.э.). Автореф. дис... канд. ист. наук. М.,1998.
14. *Гинзбург С.И.* О дате издания закона об остракизме в Афинах // ГГАМ. С.44-55.
15. *Гинзбург С.И.* Малоизвестный византийский источник об остракизме // Античное общество и государство. Л.,1989.
16. *Гинзбург С.И.* Остракизм как орудие политической борьбы в Афинах V в. до н.э. // Государство, политика и идеология в античном мире. Л.,1990. С.32-42.
17. *Глушкина Л.М.* Дельфы в период Первой священной войны // ВДИ. 1951. №2. С.213-221.
18. *Глушкина Л.М.* Дельфийский полис в IV в. до н.э. // Античная Греция. Т.2. М.,1983. С.43-72.
19. *Глушкина Л.М.* Фратрия и род в структуре афинского полиса в IV в. до н.э. // ВДИ. 1983. №3. С.39-52.
20. *Гуцин В.Р.* Был ли Писистрат назначен лидером диакриев? // АВ. Вып.3. 1995. С.99-107.
21. *Дворецкая И.А., Залюбовина Г.Т., Шервуд Е.А.* Кровная месть у древних греков и германцев. М.,1993.
22. *Де Либери Л.* ? Назначение места изгнания (Arist.Ath. pol.22,8) и остракон против Мегакла // ПИФК. 1998. Вып.5. С.89-95.
23. *Доватур А.И.* Повествовательный и научный стиль Геродота. Л.,1957.

24. *Доватур А.И.* Феогнид и его время. Л.,1989.
25. *Жестоканов С.М.* Внутренняя политика Кипселидов при Периандре // АП. С.41-52.
26. *Жмудь Л.Я.* Наука, философия и религия в раннем пифагореизме. СПб., 1994.
27. *Зайцев А.И.* Перикл и его преемники (к вопросу о приемах политического руководства в древности) // ПДАСНВ. С.23-28.
28. *Зайцев А.И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII-V вв. до н.э. Л.,1985.
29. *Зайцев А.И.* Заговор Килона // АМ. С.57-68.
30. *Залюбовина Г.Т.* Динамика становления государственности в Афинах (роль родовой аристократии) // Раннеклассовые формации. Теоретические проблемы становления государства и города. М.,1984. С.10-21.
31. *Залюбовина Г.Т.* Архаическая Греция: Особенности мировоззрения и идеологии. М.,1992.
32. *Залюбовина Г.Т.* ☙☛♣☛☛☛☛ и ☛☛☛☛☛☛☛ в общественной жизни эллинов архаического и классического периода // СПИПИАГО. С.30-51.
33. *Залюбовина Г.Т.* Рудименты агнатного права в раннеклассовых обществах Греции // РЦ. С.3-16.
34. *Залюбовина Г.Т.* Борьба за сохранение полисной религии в период кризиса гражданской общины // Традиционная культура народов Западной Европы. Благовещенск, 1996. С.23-42.
35. *Залюбовина Г.Т.* Грех кровопролития в древней Элладе: очищение и искупление (мифы, легенды, история) // VI чтения памяти профессора В.Д.Блаватского. М.,1999. С.54-55.
36. *Залюбовина Г.Т., Щербаков В.И.* Афины в период становления гражданской общины: афинские тираны и полисная религия // РЦ. С.17-33.
37. *Зелинский Ф.Ф.* Идея возмездия в античной трагедии и жизни // Русская мысль. 1912. №11. С.1-47.
38. *Зелинский Ф.Ф.* Из жизни идей. Т.1. Пг.,1916³.
39. *Зельин К.К.* Из иностранной литературы о Фукидиде // ВДИ. 1950. №4. С.114-122.
40. *Зельин К.К.* Олимпионики и тираны // ВДИ. 1962. №4. С.21-29.
41. *Зельин К.К.* Борьба политических группировок в Аттике в VI веке до н.э. М.,1964.
42. *Кагаров Е.Г.* Очерк религиозных воззрений Софокла. Киев, 1909.
43. *Карпюк С.Г.* Клисфеновские реформы и их роль в социально-политической борьбе в позднеархаических Афинах // ВДИ. 1986. №1. С.17-35.
44. *Карпюк С.Г.* Никий: доблесть политика // ВДИ. 1994. №3. С.38-57.
45. *Карпюк С.Г.* Лекции по истории Древней Греции. М.,1997.
46. *Карпюк С.Г.* Гипербол, «человек негодный» // ВДИ. 1998. №4. С.142-156.

47. *Ковалев П.В.* О социальной базе тирании Телиса (515-510 гг. до н.э.) // ВЧОАМ. С.100-107.
48. *Ковалев П.В.* «Восточная» политика Периандра Коринфского: причины смены курса // Античность: события и исследователи. Казань, 1999. С.39-46.
49. *Колобова К.М.* Революция Солона // Ученые записки ЛГУ. №39. Серия ист. наук. Вып.4. Л.,1939. С.25-72.
50. *Колобова К.М.* Возникновение и развитие Афинского государства. Л., 1958.
51. *Колобова К.М.* Древний город Афины и его памятники. Л.,1961.
52. *Колобова К.М.* К вопросу о возникновении афинского государства // ВДИ. 1968. №4. С.41-55.
53. *Корзун М.С.* Политическая цель процессов против друзей Перикла и причины Пелопоннесской войны // Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта. 1971. Сер.3. №2. С.8-14.
54. *Корзун М.С.* Социально-политическая борьба в Афинах в 444-425 гг. до н.э. Минск, 1975.
55. *Кулишова О.В.* Дельфийский оракул и тирания в архаической Греции // АП. С.12-27.
56. *Курбатов А.А.* Роль аристократии в экономическом развитии греческого полиса VIII-VI вв. до н.э. // Античная гражданская община. М.,1986. С.3-29.
57. *Курбатов А.А.* Социальный аспект внешних связей архаических полисов Греции // СПИПИАГО. С.3-30.
58. *Курилов М.Э.* Спартанская дипломатическая практика в VI-IV вв. до н.э. Автореф. дис... канд. ист. наук. Саратов, 1999.
59. *Кыйв М.* Три «партии» в Аттике в VI в. до н.э. в контексте социально-политической истории архаических Афин // АП. С.57-74.
60. *Лаптева М.Ю.* Тирания в архаических Эрифрах // АП. С.52-57.
61. *Ленская В.С.* Аристократический этос в Афинах VII-V вв. до н.э. Автореф. дис... канд. ист. наук. М.,1996.
62. *Ленцман Я.А.* Достоверность античной традиции о Солоне // Древний мир. М.,1962. С.579-586.
63. *Лосев А.Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М.,1957.
64. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики: Итоги тысячелетнего развития. Кн.2. М.,1994.
65. *Лурье С.Я.* Антифонт: творец древнейшей анархической системы. М., 1925.
66. *Лурье С.Я.* К вопросу о роли Солона в революционном движении начала VI века // Ученые записки ЛГУ. №39. Серия ист. наук. Вып.4. Л.,1939. С.73-88.
67. *Лурье С.Я.* Клифен и Писистратиды // ВДИ. 1940. №2. С.45-51.
68. *Магаффи Дж.* История классического периода греческой литературы. Т.1. М.,1882.

69. *Макаров И.А.* Тирания и Дельфы в рамках политической истории Греции второй половины VII-VI в. до н.э. // ВДИ. 1995. №4. С.117-131.
70. *Макаров И.А.* Формы идеологического обоснования раннегреческой тирании. Автореф. дис... канд. ист. наук. М.,1995.
71. *Макаров И.А.* Идеологические аспекты ранней греческой тирании // ВДИ. 1997. №2. С.25-42.
72. *Малинин А.А.* К вопросу об Алкмеонидах в первой главе Афинской политики Аристотеля в связи с вопросом об Эпимениде Критянине // Журнал Министерства народного просвещения. 1908. №11/12. С.479-520.
73. *Маринович Л.П.* Греция в V в. до н.э. // История Европы. Т.1. Древняя Европа. М.,1988. С.259-311.
74. *Маринович Л.П.* Греки и Александр Македонский. М.,1993.
75. *Маринович Л.П.* Гражданин на празднике Великих Дионисий и полисная идеология // Человек и общество в античном мире. М.,1998. С.295-362.
76. *Медовичев А.Е.* Политическая идеология и практика функционирования афинской демократии: факторы стабильности (зарубежная историография) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. РЖ ИНИОН. Сер.5. История. 1998. №4. С.3-41.
77. *Молчанов А.А.* Микенские истоки семейных традиций у древних греков (генеалогический и сакральный аспекты) // Социальные структуры и социальная психология античного мира. М.,1993. С.74-84.
78. *Молчанов А.А., Суриков И.Е.* У истоков остракизма // ВЧОАМ. С.252-260.
79. *Молчанов А.А., Суриков И.Е.* Писистратиды – потомки отказавших в гостеприимстве (Актуализация династического мифа) // ЗОГАМ. С.122-130.
80. *Никитский А.В.* Драконт Евпатрид // Известия РАН. 1919. Т.13. С.601-614.
81. *Никитюк Е.В.* Процессы по обвинению в нечестии (асебейе) в Афинах во второй половине V в. до н.э. // АМ. С.117-138.
82. *Никольский Н.М.* Право убежища в древнем Израиле // Ученые записки Института истории РАНИОН. 1929. Т.3. С.58-72.
83. *Новикова Т.Ф.* Раннегреческая тирания на Коринфском перешейке // ВДИ. 1965. №4. С.112-126.
84. *Орел В.Э.* Об одном институте индоевропейского права. Опыт лингвистического комментария // ВДИ. 1986. №1. С.130-144.
85. *Пальцева Л.А.* Афино-мегарские отношения в VII-VI вв. до н.э. // АМ. С.43-56.
86. *Паршиков А.Е.* Павсаний и политическая борьба в Спарте // ВДИ. 1968. №1. С.126-138.
87. *Пиленкова-Новикова Т.Ф.* Проблемы раннегреческой тирании в советской историографии // Историческая наука на Урале за 50 лет (1917-1967). Вып.2. Свердловск, 1968. С.54-58.

88. *Радциг С.И.* К вопросу о мировоззрении Софокла // ВДИ. 1957. №4. С.37-48.
89. *Радциг С.И.* Килонова смута в Афинах (эпизод из истории родовых отношений в Аттике) // ВДИ. 1964. №3. С.3-14.
90. *Семенов Ю.И.* Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. М.,1993.
91. *Сергеева С.Н.* Элевсин и Афины (с нач. II тыс. до VII в. до н.э.) // АМ. С.84-108.
92. *Соколов Г.И.* Олимпия. М.,1980.
93. *Соломоник Э.И.* Inedita // Іноземна філологія. Вип.85. Львів, 1987. С.111-117.
94. *Ставнюк В.В.* Особенности политической борьбы в Афинах в начале V в. до н.э. // Античность и раннее средневековье. Нижний Новгород, 1991. С.26-37.
95. *Строгецкий В.М.* Клисфен и Алкмеониды // ВДИ. 1972. №2. С.99-106.
96. *Строгецкий В.М.* Геродот и Алкмеониды // ВДИ. 1977. №3. С.145-155.
97. *Строгецкий В.М.* Политическая борьба в Спарте в 70-е годы V в. до н.э. (дело Павсания) // Проблемы античной государственности. Л.,1982. С.60-85.
98. *Строгецкий В.М.* Греческая историческая мысль классического и эллинистического периодов об этапах развития афинской демократии. Горький, 1987.
99. *Строгецкий В.М.* Политика Афин в Западном Средиземноморье в середине V в. до н.э. и проблема основания колонии Фурии // ГГАМ. С.55-79.
100. *Строгецкий В.М.* Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991.
101. *Строгецкий В.М.* Морская программа Фемистокла и возникновение триерархии // АМ. С.69-83.
102. *Струве В.В.* Хронология VI в. до н.э. в труде Геродота // ВДИ. 1952. №2. С.60-78.
103. *Суриков И.Е.* Судебные процессы о «нечестии» в Афинах последней трети V в. до н.э.: явные и скрытые мотивы // Среда, личность, общество. М., 1992. С. 56-57.
104. *Суриков И.Е.* Килонова скверна в истории Афин VII-V вв. до н.э. Автореф. дис... канд. ист. наук. М.,1994.
105. *Суриков И.Е.* Черты народной смеховой культуры в творчестве Аристофана // АВ. Вып.2. 1994. С.165-173.
106. *Суриков И.Е.* Афинский ареопаг в первой половине V в. до н.э. // ВДИ. 1995. №1. С.23-40.
107. *Суриков И.Е.* Женщины в политической жизни позднеархаических и раннеклассических Афин // Античный мир и его судьбы в последующие века. М.,1995. С.43-52.

108. Суриков И.Е. Острака как источник по истории раннеклассических Афин // АВ. Вып.3. 1995. С.107-114.
109. Суриков И.Е. Рецензия на: Aristote et Athènes. P.,1993 // ВДИ. 1995. №4. С.209-212.
110. Суриков И.Е. Новая концепция афинской истории IV в. до н.э. // ВДИ. 1996. №4. С.235-245.
111. Суриков И.Е. По поводу новой публикации острака // ВДИ. 1996. №2. С.143-146.
112. Суриков И.Е. Рецензия на: Badian E. From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore, 1993 // ВДИ. 1996. №3. С.197-201.
113. Суриков И.Е. Античная цивилизация: Греция. М.,1997.
114. Суриков И.Е. Демократия и гетерии: некоторые аспекты политической жизни Афин V в. до н.э. // ВЧОАМ. С.89-99.
115. Суриков И.Е. Перикл и Алкмеониды // ВДИ. 1997. №4. С.14-35.
116. Суриков И.Е. Попытка торговых санкций в классической Греции: мегарская псефисма Перикла и ее последствия // Торговля и торговец в античном мире. М.,1997. С.29-41.
117. Суриков И.Е. Рецензия на: The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf.,1994 // ВДИ. 1997. №1. С.232-237.
118. Суриков И.Е. К интерпретации острака с северного склона Акрополя // ПИФК. 1998. Вып.6. С.30-33.
119. Суриков И.Е. Афинянин Мегакл и Эретрия (К интерпретации одного остракона) // VI чтения памяти профессора В.Д.Блаватского. М.,1999. С.111-112.
120. Суриков И.Е. Гостеприимство Креза и афиняне // ЗОГАМ. С.72-79.
121. Суриков И.Е. Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. 1999. №2. С.98-114.
122. Токмаков В.Н. Военная организация Рима Ранней республики (VI-IV вв. до н.э.). М.,1998.
123. Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический эгейский мир. М.,1958.
124. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М.,1978.
125. Фролов Э.Д. Социально-политическая борьба в Афинах в конце V века до н.э. Л.,1964.
126. Фролов Э.Д. Политические лидеры афинской демократии (опыт типологической характеристики) // ПДАСНВ. С.6-22.
127. Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. Л.,1988.
128. Фролов Э.Д. Римская история в трудах Гастона Буассье // Буассье Г. Собр.соч. Т.1. СПб.,1993. С.7-37.
129. Фролов Э.Д. Фукидид и тирания (у истоков научного представления о древнегреческой тирании) // ВЧОАМ. С.19-28.
130. Хабихт Х. Афины. История города в эллинистическую эпоху. М.,1999.
131. Цуканова М.А. Ареопаг до Солона // Вестник ЛГУ. 1972. №8. С.59-65.

132. *Шишова И.А.* Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л.,1991.
133. *Щукарев А.Н.* и . Сборник статей в честь Ф.Ф.Соколова. СПб.,1895. С.49-55.
134. *Элиаде М.* Священное и мирское. М.,1994.
135. *Яйленко В.П.* Греческая колонизация VII-III вв. до н.э.: По данным эпиграфических источников. М.,1982.
136. *Яйленко В.П.* Архаическая Греция и Ближний Восток. М.,1990.
137. *Янковский А.И.* Раннегреческая тирания и возникновение трагедии // АМ. С.109-116.
138. *Ярхо В.Н.* Вина и ответственность в гомеровском эпосе // ВДИ. 1962. №2. С.3-26.
139. *Ярхо В.Н.* Кровная месть и божественное возмездие в «Орестее» Эсхила // ВДИ. 1968. №4. С.56-69.
140. *Adcock F.E.* The Date of Cylon's Coup d'état // CAH. V.4. 1926. P.661-662.
141. *Adcock F.E., Mosley D.J.* Diplomacy in Ancient Greece. N.Y.,1975.
142. *Adkins A.W.H.* Merit and Responsibility: A Study in Greek Values. Oxf.,1960.
143. *Alexander J.W.* The Marriage of Megacles // CJ. 1959. V.55. No.3. P.129-134.
144. *Alexiou M.* The Ritual Lament in Greek Tradition. L.,1974.
145. *Allison J.W.* Pericles' Policy and the Plague // Historia. 1983. Bd.32. Ht.1. S.14-33.
146. *Andrewes A.* The Greek Tyrants. N.Y., 1963.
147. *Andrewes A.* The Arginousai Trial // Phoenix. 1974. V.28. No.1. P.112-122.
148. *Andrewes A.* The Opposition to Perikles // JHS. 1978. V.98. P.1-8.
149. *Andrewes A.* The Growth of the Athenian State // CAH². V.3. Pt.3. 1982. P.360-391.
150. *Arnheim M.T.W.* Aristocracy in Greek Society. L.,1977.
151. *Arnush M.F.* The Career of Peisistratos Son of Hippias // Hesperia. 1995. V.64. No.2. P.135-162.
152. *Aurenche O.* Les groupes d'Alcibiade, de Lèogoras et de Teucros: Remarques sur la vie politique athénienne en 415 avant J.C. P.,1974.
153. *Austin M.M., Vidal-Naquet P.* Economic and Social History of Ancient Greece: An Introduction. Berkeley, 1977.
154. *Babelon J.* Alcibiade, 450-404 avant J.-C. P.,1935.
155. *Bacchielli L.* L'ostracismo a Cirene // RFIC. 1994. 122. 2. P.257-270.
156. *Badian E.* Archons and Strategoi // Antichthon. 1971. V.5. P.1-34.
157. *Badian E.* From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore, 1993.
158. *Badian E.* The Ghost of Empire. Reflections on Athenian Foreign Policy in the Fourth Century BC // AD. S.79-106.
159. *Balogh E.* Political Refugees in Ancient Greece from the Period of the Tyrants to Alexander the Great. Johannesburg, 1943.

160. *Barth H.* Einzelpersönlichkeiten und Kollektive im Geschichtswerk des Herodot // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. 1969. Bd.18. Ht.4/5. T.1. S.313-316.
161. *Beloch J.* Zur Geschichte der älteren griechischen Lyrik // RhM. 1895. Bd.50. Ht.2. S.250-267.
162. *Bengtson H.* Einzelpersönlichkeit und athenischer Staat zur Zeit des Peisistratos und des Miltiades. München, 1939.
163. *Bengtson H.* The Greek and the Persians from the Sixth to the Fourth Centuries. L., 1969.
164. *Bengtson H.* Griechische Geschichte von den Anfängen bis in die römische Kaiserzeit. München, 1974³.
165. *Bengtson H.* Griechische Staatsmänner des 5. und 4. Jahrhunderts v.Chr. München, 1983.
166. *Berchem D. van.* Trois cas d'asylie archaïque // MH. 1960. V.17. Fasc.1. P.21-33
167. *Berger S.* Democracy in the Greek West and the Athenian Example // Hermes. 1989. Bd.117. Ht.3. S.303-314.
168. *Berti M.* Note storiche e prosopografiche agli ostraka di *Kerameikós* di Atene // MEP. 1999. V.2. P.77-109.
169. *Berve H.* Fürstliche Herren zur Zeit der Perserkriege // Die Antike. 1936. Bd.12. S.1-28.
170. *Berve H.* Gestaltende Kräfte der Antike. München, 1966.
171. *Bicknell P.J.* Whom did Kleisthenes Enfranchise? // PP. 1969. Fasc.124. P.34-37.
172. *Bicknell P.J.* The Exile of the Alkmeonidai during the Peisistratid Tyranny // Historia. 1970. Bd.19. Ht.2. S.129-131.
173. *Bicknell P.J.* The Euryptolemos at Xenophon Hell.I 3,12-13 // Mnemosyne. 1971. V.24. Fasc.4. P.390-391.
174. *Bicknell P.J.* Peisianax of IG P 1022 // Mnemosyne. 1971. V.24. Fasc.4. P.392-395.
175. *Bicknell P.J.* Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden, 1972.
176. *Bicknell P.J.* Agora Ostrakon P7103 // AC. 1974. V.43. P.334-337.
177. *Bicknell P.J.* Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants // Historia. 1974. Bd.23. Ht.2. S.146-163.
178. *Bicknell P.J.* Was Megakles Hippokratous Alopekethen Ostracized Twice? // AC. 1975. V.44. №1. P.172-175.
179. *Bicknell P.J.* Herodotos 5.68 and the Racial Policy of Kleisthenes of Sikyon // GRBS. 1982. V.23. No.3. P.203-212.
180. *Bicknell P.J.* Themistokles' Father and Mother // Historia. 1982. Bd.31. Ht.2. P.161-173.
181. *Blickman D.R.* The Myth of Ixion and Pollution for Homicide in Archaic Greece // CJ. 1986. V.81. No.3. P.193-208.

182. *Bloedow E.* Alcibiades 'brilliant' or 'intelligent'? // *Historia*. 1992. Bd.41. Ht.2. P.139-157.
183. *Boardman J.* Herakles, Delphi and Kleisthenes of Sikyon // *RA*. 1978. Fasc.2. P.227-234.
184. *Boardman J.* Material Culture // *CAH²*. V.4. 1988. P.414-430.
185. *Boegehold A.L. et al.* The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, et Testimonia (The Athenian Agora. V.28). Princeton, 1995.
186. *Boersma J.S.* Athenian Building Policy from 561/0 to 405/4 B.C. Groningen, 1970.
187. *Bonner R.J., Smith G.* The Administration of Justice from Homer to Aristotle. V.1-2. Chicago, 1930-1938.
188. *Botsford G.W.* The Trial of the Alcmeonidae and the Cleisthenean Constitutional Reforms // *HSCPh*. 1897. V.8. P.1-22.
189. *Bourriot F.* Recherches sur la nature du genos: Étude d'histoire sociale athénienne. Períodes archaïque et classique. Lille – P., 1976. T.1-2.
190. *Bowra C.M.* Euripides' Epinician for Alcibiades // *Historia*. 1960. Bd.9. Ht.1. S.68-79.
191. *Bowra C.M.* Periclean Athens. N.Y., 1971.
192. *Bradeen D.* The Fifth-Century Archon List // *Hesperia*. 1964. V.32. No.2. P.187-208.
193. *Bravo B.* Commerce et noblesse en Grèce archaïque // *DHA*. 1984. V.10. P.99-160.
194. *Brenne S.* "Portraits" auf Ostraka // *MDAI(A)*. 1992. Bd.107. S.161-185.
195. *Brenne S.* Ostraka and the Process of Ostrakophoria // *AAAD*. P.13-24.
196. *Broadbent M.* Studies in Greek Genealogy. Leiden, 1968.
197. *Brock R.* Thucydides and the Athenian Purification of Delos // *Mnemosyne*. 1996. V.49. Fasc.3. P.321-327.
198. *Broneer O.* Excavations on the North Slope of the Akropolis, 1937 // *Hesperia*. 1938. V.7. No.2. P.161-263.
199. *Buck R.J.* The Reform of 487 B.C. in the Selection of Archons // *CIPh*. 1965. V.60. No.2. P.96-101.
200. *Burian P.* Suppliant and Saviour: Oedipus at Colonus // *Phoenix*. 1974. V.28. No.4. P.408-429.
201. *Burkert W.* Structure and History in Greek Mythology and Ritual. Berkeley, 1982.
202. *Burkert W.* Greek Religion: Archaic and Classical. Cambridge Mass., 1985².
203. *Burn A.R.* Pericles and Athens. L., 1948.
204. *Burn A.R.* The Lyric Age of Greece. L., 1978.
205. *Buschor E.* Phidias der Mensch. München, 1948.
206. *Butterworth E.A.S.* Some Traces of the Pre-Olympian World in Greek Literature and Myth. B., 1966.
207. *Caillois R.* L'homme et le sacré. P., 1988.
208. *Calderini A.* L'ostracismo. Milano, 1945.
209. *Calhoun G.M.* Athenian Clubs in Politics and Litigation. Repr.ed. N.Y., 1970.

210. *Camp J.M.* Before Democracy: Alkmaionidai and Peisistratidai // AAAD. P.7-12.
211. *Carawan E.M.* Eisangelia and Euthyna: The Trials of Miltiades, Themistocles, and Cimon // GRBS. 1987. V.28. No.2. P.167-208.
212. *Carcopino J.* L'ostracisme athénien. P.,1935².
213. *Cauer F.* Parteien und Politiker in Megara und Athen. Studien zur Geschichte Griechenlands im Zeitalter der Tyrannis. Stuttgart, 1890.
214. *Cavaignac E.* La désignation des archontes athéniens jusqu'en 487 // Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes. 1924. V.48. P.144-148
215. *Cawkwell G.L.* Sparta and her Allies in the Sixth Century // CIQ. 1993. V.43. No.2. P.364 ff.
216. *Cerrato T.* Sofocle, Cimone, Antenore e i Veneti // Athenaeum. 1985. V.63. Fasc.1/2. P.167-174.
217. *Chambers M.* Aristotle and his use of Sources // AA. P.39-52.
218. *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue Grecque: Histoire des mots. T.1-4. P.,1968-1977.
219. *Chantraine P., Masson O.* Sur quelques termes du vocabulaire religieux des Grecs: la valeur du mot et de ses dérivés // Sprachgeschichte und Wortbedeutung. Bern, 1954. S.85-167.
220. *Châtelet F.* Périclès et son siècle. P.,1990.
221. *Childs W.A.P.* The Date of the Old Temple of Athena on the Athenian Acropolis // AAAD. P.1-6.
222. *Christ M.R.* Ostracism, Sycophancy, and Deception of the Demos // CIQ. 1992. V.42. No.2. P.336-346.
223. *Cicciò M.* Guerre, _____ nella Grecia del V secolo a.C. // CISA. 1984. V.10. P.132-141.
224. *Clinton K.* The Eleusinian Mysteries and Panhellenism in Democratic Athens // AAAD. P.161-172.
225. *Cloché P.* La politique des Alcéméonides de 507 à 482 av.J.-C. // REA. 1928. V.30. №4. P.269-279.
226. *Cloché P.* Le siècle de Périclès. P.,1970⁵.
227. *Cohen D.* The Prosecution of Impiety in Athenian Law // Symposium 1985. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1989. S.99-107.
228. *Cohen E.E.* Banking as a "Family Business": Legal Adaptations Affecting Wives and Slaves // Symposium 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S.239-263..
229. *Colin G.* Le culte d'Apollon Pythien à Athènes. P.,1905.
230. *Connor W.R.* The New Politicians of Fifth-Century Athens. Princeton, 1971.
231. *Connor W.R.* Lycomedes against Themistocles? A Note on Intragenos Rivalry // Historia. 1972. Bd.21. Ht.4. S.569-574.
232. *Connor W.R.* Tribes, Festivals and Processions: Civic Ceremonial and Political Manipulation in Archaic Greece // JHS. 1987. V.107. P.40-50.
233. *Cook A.B.* Zeus: A Study in Ancient Religion. V.2. Cambridge, 1925.

234. *Cornelius F.* Die Tyrannis in Athen. München, 1929.
235. *Cornford F.M.* From Religion to Philosophy. A Study in the Origins of Western Speculation. N.Y., 1957.
236. *Costanzi V.* Cyloniana // RFIC. 1902. V.30. Fasc.4. P.558-566.
237. *Cox C.A.* Incest, Inheritance and the Political Forum in Fifth-Century Athens // CJ. 1989. V.85. No.1. P.34-46.
238. *Crawford M.H.* Solon's Alleged Reform of Weights and Measures // Eirene. 1972. V.10. P.5-8.
239. *Croiset M.* La morale de Delphes // Revue des cours et conférences. 1914. V.22. №13. P.431-446.
240. *Cromey R.D.* Kleisthenes' Fate // Historia. 1979. Bd.28. Ht.2. S.129-147.
241. *Cromey R.D.* Perikles' Wife: Chronological Calculations // GRBS. 1982. V.23. No.3. P.203-212.
242. *Cromey R.D.* On Deinomache // Historia. 1984. Bd.33. Ht.4. S.385-401.
243. *Cromey R.D.* The Mysterious Woman of Kleitor // AJPh. 1991. V.112. No.1. P.87-101.
244. *Culasso Gastaldi E.* Il doppio ostracismo di Megakles Hippokratous // Rendiconti dell'Accademia nazionale dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche. 1997. V.8. Fasc.2. P.253-271.
245. *Dabdab Trabulsi J.A.* Dionysisme: pouvoir et société en Grèce jusqu'à la fin de l'époque classique. P.,1990.
246. *Daux G.* Athènes et Delphes // ASPF. P.37-69.
247. *Daverio Rocchi G.* Politica di famiglia e politica di tribù nella polis ateniese (V secolo) // Acme. 1971. V.24. Fasc.1. P.13-44.
248. *Daverio Rocchi G.* Aristocrazia genetica ed organizzazione politica arcaica // PP. 1973. V.28. Fasc.148/149. P.92-116.
249. *David E.* Solon, Neutrality and Partisan Literature of Late Fifth-Century Athens // MH. 1984. V.41. Fasc.3. P.129-138.
250. *Davies J.K.* Athenian Propertied Families, 600-300 B.C. Oxf.,1971.
251. *Day J., Chambers M.* Aristotle's History of Athenian Democracy. Berkeley, 1962.
252. *Decharme P.* La critique des traditions religieuses chez les Grecs des origines au temps de Plutarque. P.,1904.
253. *Defradas J.* Les thèmes de la propagande delphique. P.,1954.
254. *Delcourt M.* Stérilités mystérieuses et naissances maléfiques dans l'antiquité classique. P.,1938.
255. *Delcourt M.* Périclès. P.,1939.
256. *Delcourt M.* L'oracle de Delphes. P.,1955.
257. *Delcourt M.* Oreste et Alcmeon. Étude sur la projection légendaire du matricide en Grèce. P.,1959.
258. *Demoulin H.* Épiménide de Crète. Bruxelles, 1901.
259. *De Sanctis G.* Pericle. Milano, 1944.
260. *De Sanctis G.* Atthís: Storia della repubblica ateniese dalle origini alla età di Pericle. Firenze, 1975³.

261. *Develin R.* Cleisthenes and Ostracism: Precedents and Intentions // *Antichthon*. 1977. V.11. P.10-21.
262. *Develin R.* Bouleutic Ostracism Again // *Antichthon*. 1985. V.19. P.7-15.
263. *Develin R.* Herodotos and the Alkmeonids // *CrAH*. P.125-139.
264. *Dickie M.W.* Pindar's Seventh Pythian and the Status of the Alcmaeonids as *oikos* or *genos* // *Phoenix*. 1979. V.33. No.3. P.193-209.
265. *Diels H.* Über Epimenides von Kreta // *Sitzungsberichte der königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin*. 1891. Hlbd.1. St.21. S.387-403.
266. *Dittenberger W.* Die Familie des Alkibiades // *Hermes*. 1902. Bd.37. Ht.1. S.1-13.
267. *Dodds E.R.* Notes on the Oresteia // *CIQ*. 1953. V.3. No.1/2. P.19-20.
268. *Dodds E.R.* The Greeks and the Irrational. Boston, 1957.
269. *Dodds E.R.* The Ancient Concept of Progress and Other Essays on Greek Literature and Belief. Oxf., 1985.
270. *Doenges N.A.* Ostracism and the *Boulai* of Kleisthenes // *Historia*. 1996. Bd.45. Ht.4. S.387-404.
271. *Doenges N.A.* The Campaign and Battle of Marathon // *Historia*. 1998. Bd.47. Ht.1. S.1-17.
272. *Douglas M.* Purity and Danger. An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo. L., 1970.
273. *Dover K.J.* The Political Aspect of Aeschylus' Eumenides // *JHS*. 1957. V.77. No.2. P.230-237.
274. *Drachmann A.B.* Atheism in Pagan Antiquity. L., 1922.
275. *Drews R.* The First Tyrants in Greece // *Historia*. 1972. Bd.21. Ht.2. S.129-144.
276. *Dumont L., Pocock D.* Pure and Impure // *Contributions to Indian Sociology*. 1959. V.3. P.9-39.
277. *Durham M.E.* Some Tribal Origins, Laws and Customs of the Balkans. N.Y., 1929.
278. *Durkheim E.* The Elementary Forms of the Religious Life. N.Y., 1965.
279. *Ehrenberg V.* Neugründer des Staates: Ein Beitrag zur Geschichte Spartas und Athens im VI. Jahrhundert. München, 1925.
280. *Ehrenberg V.* Pericles and his Colleagues between 441 and 429 B.C. // *AJPh*. 1945. V.66. No.2. P.113-134.
281. *Ehrenberg V.* Sophocles and Pericles. Oxf., 1954.
282. *Ehrenberg V.* Der Staat der Griechen. Teil 1. Lpz., 1957.
283. *Ehrenberg V.* The People of Aristophanes. N.Y., 1962. P.270.
284. *Ehrenberg V.* Polis und Imperium: Beiträge zur alten Geschichte. Zürich – Stuttgart, 1965.
285. *Ehrenberg V.* From Solon to Socrates: Greek History and Civilization during the 6th and 5th Centuries B.C. L., 1968.
286. *Eliade M.* A History of Religious Ideas. V.1. Chicago, 1978.

287. *Eliot C.W.* Coastal Demes of Attica: A Study of the Policy of Kleisthenes. Toronto, 1962.
288. *Eliot C.W.* Where did the Alkmaionidai Live? // *Historia*. 1967. Bd.16. Ht.3. S.279-286.
289. *Ellis J.R., Stanton G.R.* Factional Conflict and Solon's Reforms // *Phoenix*. 1968. No.2. P.95-110.
290. *Ellis W.M.* Alcibiades. L.-N.Y., 1989.
291. *Farrington B.* Science and Politics in the Ancient World. N.Y., 1940.
292. *Faure P.* Fonctions des cavernes crétoises. P., 1964.
293. *Ferguson W.S.* The Salaminioi of Heptaphylai and Sounion // *Hesperia*. 1938. V.7. No.1. P.1-74.
294. *Ferrara G.* La politica di Solone. Napoli, 1964.
295. *Ferrarese P.* Caratteri della tradizione antipericlea nella "Vita di Pericle" di Plutarco // *CISA*. 1975. V.3. P.21-30.
296. *Figueira T.J.* Xanthippos, Father of Pericles, and the Prutaneis of the Naukraroi // *Historia*. 1986. Bd.35. Ht.3. S.257-279.
297. *Figueira T.J.* Residential Restrictions on the Athenian Ostracized // *GRBS*. 1987. V.28. No.3. P.281-305.
298. *Finley M.I.* The World of Odysseus. N.Y., 1965.
299. *Finley M.I.* Early Greece: The Bronze and Archaic Ages. L., 1981².
300. *Finley M.I.* Politics in the Ancient World. Cambridge, 1983.
301. *Fontenrose J.* The Delphic Oracle: Its Responses and Operations. Berkeley, 1981.
302. *Fornara Ch.W.* Hellanicus and the Alcmaeonid Tradition // *Historia*. 1968. Bd.17. Ht.3. S.381-383.
303. *Fornara Ch.W.* The Athenian Board of Generals from 501 to 404. Wiesbaden, 1971.
304. *Fornara Ch.W., Samons L.J.* Athens from Cleisthenes to Pericles. Berkeley, 1991.
305. *Forrest W.G.* The First Sacred War // *BCH*. 1956. V.80. №1. P.33-52.
306. *Forrest W.G.* The Emergence of Greek Democracy: The Character of Greek Politics, 800-400 B.C. L., 1966.
307. *Forrest W.G.* Delphi, 750-500 B.C. // *CAH²*. V.3. Pt.3. 1982. P.305-320.
308. *Forrest W.G.* Aristophanes, Lysistrata 231 // *CIQ*. 1995. V.45. No.1. P.240-241.
309. *Frazer J.G.* The Golden Bough. V.2. L., 1913³. V.6. L., 1920³.
310. *French A.* Solon and the Megarian Question // *JHS*. 1957. V.77. No.2. P.238-246.
311. *French A.* Solon's Act of Mediation // *Antichthon*. 1984. V.19. P.1-12.
312. *Fritz K. von.* The Composition of Aristotle's Constitution of Athens and the So-called Dracontian Constitution // *CIPh*. 1954. V.49. No.2. P.73-93.
313. *Frost F.J.* Pericles, Thucydides Son of Melesias and Athenian Politics before the War // *Historia*. 1964. Bd.13. Ht.4. S.385-399.

314. *Frost F.J.* Themistocles' Place in Athenian Politics // *CSCA*. 1968. V.1. P.73-104
315. *Frost F.J.* Tribal Politics and the Civic State // *American Journal of Ancient History*. 1976. V.1. No.2. P.66-75.
316. *Frost F.J.* The Rural Demes of Attica // *AAAD*. P.173-174.
317. *Fuscagni S.* Sacrilegio e tradimento nell'Atene del V secolo // *CISA*. 1981. V.7. P.64-72.
318. *Gagarin M.* Drakon and Early Athenian Homicide Law. New Haven, 1981.
319. *Gagarin M.* The Thesmothetai and the Earliest Athenian Tyranny Law // *TAPhA*. 1981. V.111. P.71-77.
320. *Gallotta B.* *Basileis* ed *eupatridai* // *RIL*. 1979. V.113. P.261-276.
321. *Garland R.* The Greek Way of Death. Ithaca, 1985.
322. *Gauer W.* Das Athenerschatzhaus und die marathonischen Akrothina in Delphi // *Forschungen und Funde*. Innsbruck, 1980. S.127-136.
323. *Gauthier P.* Symbola: Les étrangers et la justice dans les cités grecques. Nancy, 1972.
324. *Gebhard V.* Die Pharmakoi in Ionien und die Sybakchoi in Athen. München, 1926.
325. *Gehrke H.-J.* Stasis. Untersuchungen zu den inneren Kriegen in den griechischen Staaten des 5. und 4. Jahrhundert v.Chr. München, 1985.
326. *Gernet L.* Anthropologie de la Grèce antique. P.,1968.
327. *Ghinatti F.* I gruppi politici ateniesi fino alle guerre persiane. R.,1970.
328. *Gillies M.M.* Purification in Homer // *CIQ*. 1925. V.19. No.2. P.71-74.
329. *Gillis D.* Marathon and the Alcmaeonids // *GRBS*. 1969. V.10. No.2. P.133-145.
330. *Gillis D.* Collaboration with the Persians. Wiesbaden, 1979.
331. *Giuliani A.* Atene e l'oracolo delfico // *CISA*. 1993. V.19. P.77-95.
332. *Glötz G.* La solidarité de la famille dans le droit criminel en Grèce. P.,1904.
333. *Gomme A.W.* A Historical Commentary on Thucydides. V.1. Oxf.,1950.
334. *Gomme A.W.* The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B.C. Repr.ed. Westport, 1986.
335. *Gould J.* Hiketeia // *JHS*. 1973. V.93. P.74-103.
336. *Greenhalgh P.A.L.* Aristocracy and its Advocates in Archaic Greece // *G&R*. 1972. V.19. No.2. P.190-207.
337. *Gross W.H.* Quas iconicas vocant: Zum Porträtcharakter der Statuen dreimaliger olympischer Sieger. Göttingen, 1969.
338. *Grundt G.B.* Thucydides and the History of his Age. V.1. Oxf.,1948².
339. *Guarducci M.* Epigrafia greca. V.2. R.,1969.
340. *Guepin J.-P.* The Tragic Paradox: Myth and Ritual in Greek Tragedy. Amsterdam, 1968.
341. Guilt or Pollution and Rites of Purification. Leiden, 1968.
342. *Hall L.G.H.* Remarks on the Law of Ostracism // *Tyche*. 1989. Bd.4. S.91-100.

343. *Hammond N.G.L.* Studies in Greek Chronology of the Sixth and Fifth Centuries B.C. // *Historia*. 1955. Bd.4. Ht.4. S.371-411.
344. *Hammond N.G.L.* The Family of Orthagoras // *CIQ*. 1956. V.6. No.1/2. P.45-53.
345. *Hammond N.G.L.* A History of Greece to 322 B.C. Oxf., 1959.
346. *Hammond N.G.L.* Studies in Greek History. A Companion Volume to A History of Greece to 322 B.C. Oxf., 1973.
347. *Hands A.R.* Ostraka and the Law of Ostracism // *JHS*. 1959. V.79. P.69-78.
348. *Hansen M.H.* Atimia in Consequence of Private Debts // *Symposion* 1977. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1982. S.113-120.
349. *Hansen M.H.* The Athenian Assembly: In the Age of Demosthenes. Oxf., 1987.
350. *Hansen M.H.* The Athenian Board of Generals // *Studies in Ancient History and Numismatics Presented to R.Thomsen*. Aarhus, 1988. P.69-70.
351. *Hansen M.H.* Three Studies in Athenian Demography. Copenhagen, 1988.
352. *Hansen M.H.* The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983-1989. Copenhagen, 1989.
353. *Hansen M.H.* Solonian Democracy in Fourth-Century Athens // *CM*. 1989. V.40. P.71-99.
354. *Harris E.* Response to Trevor Saunders // *Symposion* 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S.133-138.
355. *Harris E.* A New Solution to the Riddle of the Seisachtheia // *The Development of the Polis in Archaic Greece*. L.-N.Y., 1997. P.103-112.
356. *Harvey F.D.* Literacy in the Athenian Democracy // *REG*. 1966. V.79. P.585-635.
357. *Harvey F.D.* The Political Sympathies of Herodotus // *Historia*. 1966. Bd.15. Ht.2. S.254-255.
358. *Harvey F.D.* Neokles, Father of Themistokles // *Historia*. 1980. Bd.29. Ht.2. S.110-111.
359. *Hatzfeld J.* Alcibiade. Étude sur l'histoire d'Athènes à la fin du Ve siècle. P., 1940.
360. *Hatzfeld J.* Socrate au procès des Arginuses // *REA*. 1940. V.42. P.165-171.
361. *Hemmerdinger B.* Le régime des eupatrides dans Athènes (621-594) // *Quaderni di storia*. 1984. V.10. №19. P.165-170.
362. *Henssler O.* Formen des Asylrechts und ihre Verbreitung bei den Germanen. Frankfurt, 1954.
363. *Herman G.* Ritualized Friendship and the Greek City. Cambridge, 1987.
364. *Herman G.* Patterns of Name Diffusion within the Greek World and Beyond // *CIQ*. 1990. V.40. No.2. P.349-363.
365. *Herman G.* Honour, Revenge and the State in Fourth-Century Athens // *AD*. S.43-60.
366. *Herrmann H.-V.* Olympia: Heiligtum und Wettkampfstätte. München, 1972.
367. *Heuss A.* Die archaische Zeit Griechenlands als geschichtliche Epoche // *Zur griechischen Staatskunde*. Darmstadt, 1969. S.36-96.

368. *Hewitt J.W.* The Necessity of Ritual Purification after Justifiable Homicide // TAPhA. 1910. V.41. P.99-113.
369. *Hignett C.* A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century B.C. Oxf.,1952.
370. *Hirzel R.* Themis, Dike und Verwandtes: Ein Beitrag zur Geschichte der Rechtsidee bei den Griechen. Lpz.,1907.
371. *Hölkeskamp K.-J.* Parteiungen und politische Willensbildung im demokratischen Athen: Perikles und Thukydides, Sohn des Melesias // Historische Zeitschrift. 1998. Bd.267. Ht.1. S.1-27.
372. *Holladay J.* Medism at Athens, 508-480 B.C. // G&R. 1978. V.25. No.2. P.174-191.
373. *Homo L.* Périclès: Une expérience de démocratie dirigée. P.,1954.
374. *Hönn K.* Solon: Staatsmann und Weiser. Wien, 1948.
375. *Hopper R.J.* "Plain", "Shore" and "Hill" in Early Athens // ABSA. 1961. No.56. P.189-219.
376. *Hopper R.J.* Observations on the Wappenmünzen // Essays in Greek Coinage Presented to S.Robinson. Oxf.,1968. P.16-39.
377. *Hornblower S.* The Religious Dimension to the Peloponnesian War // HSCPh. 1992. V.94. P.169-197.
378. *How W.W., Wells J.* A Commentary on Herodotus with Introduction and Appendixes. V.1. Repr.ed. Oxf.-N.Y.,1989. V.2. Oxf.,1912.
379. *Hudson H.G.* The Shield Signal at Marathon // American Historical Review. 1937. V.42. No.3. P.443-459.
380. *Humphreys S.C.* The Family, Women and Death: Comparative Studies. L., 1983.
381. *Humphreys S.C.* Kinship Patterns in the Athenian Courts // GRBS. 1986. V.27. No.1. P.57-91.
382. *Humphreys S.C.* A Historical Approach to Drakon's Law on Homicide // Symposium 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S.17-45.
383. *Huxley G.* Nikias, Crete and the Plague // GRBS. 1969. V.10. No.3. P.235-239.
384. *Irmischer J.* Götterzorn bei Homer. Lpz.,1950.
385. *Jacoby F.* A Forgotten Festival of the Dead // CIQ. 1944. V.38. No.3/4. P.65-75.
386. *Jacoby F.* Atthis: The Local Chronicles of Ancient Athens. Oxf.,1949.
387. *Jacoby F.* Abhandlungen zur griechischen Geschichtsschreibung. Leiden, 1956.
388. *Jacoby F.* Diagoras . B.,1959.
389. *Jaeger W.* Solons Eunomie // Sitzungberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse. 1926. S.69-85.
390. *Jameson M.* Notes on the Sacrificial Calendar from Erchia // BCH. 1965. V.89. №1. P.154-172.

391. *Jeffery L.H.* The Inscribed Gravestones of Archaic Athens // *ABSA*. 1962. No.57. P.1115-154.
392. *Jeffery L.H.* The Local Scripts of Archaic Greece. Oxf.,1969.
393. *Jeffery L.H.* Archaic Greece: The City-States c.700-500 B.C. L.,1978.
394. *Jones J.W.* The Law and Legal Theory of the Greeks: An Introduction. Oxf., 1956.
395. *Jordan B.* Herodotos 5.71.2 and the Naukraroi of Athens // *CSCA*. 1970. V.3. P.153-175.
396. *Judeich W.* Topographie von Athen. München, 1931².
397. *Kagan D.* The Origin and Purposes of Ostracism // *Hesperia*. 1961. V.30. No.4. P.393-401.
398. *Kagan D.* The Archidamian War. Ithaca, 1974.
399. *Kagan D.* The Outbreak of the Peloponnesian War. Ithaca, 1981².
400. *Kagan D.* The Peace of Nicias and the Sicilian Expedition. Ithaca, 1981.
401. *Kagan D.* The Fall of the Athenian Empire. Ithaca, 1987.
402. *Kagan D.* Pericles of Athens and the Birth of Democracy. N.Y.,1991.
403. *Kahrstedt U.* Griechisches Staatsrecht. Bd.1. Göttingen, 1922.
404. *Karavites P.* Realities and Appearances, 490-480 B.C. // *Historia*. 1977. Bd.26. Ht.2. S.129-147.
405. *Keaney J.J.* Theophrastus on Ostracism and the Character of his
// *AA*. P.261-278.
406. *Keaney J.J., Raubitschek A.E.* A Late Byzantine Account of Ostracism // *AJPh*. 1972. V.93. No.1. P.87-91.
407. *Kebric R.B.* Implications of Alcibiades' Relationship with Endius // *Mnemosyne*. 1976. V.29. Fasc.1. P.72-78.
408. *Kebric R.B.* Implications of Alcibiades' Relationship with the Ephor Endius // *Historia*. 1976. Bd.25. Ht.2. S.249-252.
409. *Kelly D.H.* The Athenian Archonship 508/7 – 487/6 B.C. // *Antichthon*. 1978. V.12. P.1-17.
410. *Kerényi C.* La religion antique, ses lignes fondamentales. Genève, 1957.
411. *Kern O.* Die Religion der Griechen. Bd.1. B.,1926. S.139.
412. *Kienast D.* Der innenpolitische Kampf in Athen von der Rückkehr des Thukydides bis zu Perikles' Tod // *Gymnasium*. 1953. Bd.60. Ht.3. S.210-229.
413. *Kinzl K.H.* Note on the Exiles of the Alkmeonidai // *RhM*. 1976. Bd.119. Ht.4. S.311-314.
414. *Kinzl K.H.* AP 22.4: The Sole Source of Harpokration on the Ostrakismos of Hipparkhos Son of Kharmos // *Klio*. 1991. Bd.73. Ht.1. S.28-45.
415. *Kirchner I.* Prosopographia Attica. V.1-2. B.,1901-1903.
416. *Kitto H.D.F.* Sophocles: Dramatist and Philosopher. L.,1958.
417. *Kluwe E.* Bemerkungen zu den Diskussionen über die drei "Parteien" in Attika zur Zeit der Machtergreifung des Peisistratos // *Klio*. 1972. Bd.54. S.101-124.
418. *Knell H.* Perikleische Baukunst. Darmstadt, 1979. S.2.

419. *Knight D.W.* Some Studies in Athenian Politics in the Fifth Century B.C. Wiesbaden, 1970.
420. *Knox B.* Sophocles and the Polis // *Entretiens sur l'antiquité classique*. 1983. V.29. P.1-27.
421. *Kolb F.* Die Bau-, Religions- und Kulturpolitik des Peisistratiden // *JDAI*. 1977. Bd.92. S.99-138.
422. *Kraay C.M.* Archaic and Classical Greek Coins. Berkeley, 1976.
423. *Kraft K.* Zur solonischen Gewichts- und Münzreform // *Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte*. 1969. Bd.19. S.7-24.
424. *Krawczuk A.* Herodot i Alkmeonidzi // *PH*. 1968. T.59. №3. S.406-415.
425. *Labarbe J.* La loi navale de Thémistocle. P., 1957.
426. *Lacey W.K.* The Family in Classical Greece. Ithaca, 1968.
427. *Lachenaud G.* Mythologies, religion et philosophie de l'histoire dans Hérodote. Lille, 1978.
428. *La Coste-Messelière P. de.* Les Alcmeonides a Delphes // *BCH*. 1946. V.70. P.271-288.
429. *Lambert S.D.* Herodotus, the Cylonian Conspiracy, and the
// *Historia*. 1986.
Bd.35. Ht.1. S.105-112.
430. *Lang M.* Kylonian Conspiracy // *CIPh*. 1967. V.62. No.4. P.243-249.
431. *Lang M.* Graffiti and Dipinti (The Athenian Agora. V.21). Princeton, 1976.
432. *Lang M.* Ostraka (The Athenian Agora. V.25). Princeton, 1990.
433. *Lapalus E.* Le fronton sculpté en Grèce des origines à la fin du IVe siècle: Étude sur les origines, l'évolution, la technique et les thèmes du décor tympanal. P., 1947.
434. *Latte K.* Schuld und Sünde in der griechischen Religion // *Archiv für Religionswissenschaft*. 1920-1921. Bd.20. S.254-298.
435. *Lauffer S.* Prosopographische Bemerkungen zu den attischen Grubenpachtlisten // *Historia*. 1957. Bd.6. Ht.3. S.287-305.
436. *Lavelle B.M.* Adikia, the Decree of Kannonos and the Trial of Generals // *CM*. 1988. V.39. P.19-41.
437. *Lavelle B.M.* Herodotos and the Tyrant-Slayers // *RhM*. 1988. Bd.131. Ht.3/4. S.211-215.
438. *Lavelle B.M.* Koisyra and Megakles, the Son of Hippokrates // *GRBS*. 1989. V.30. No.4. P.503-513.
439. *Lavelle B.M.* The Sorrow and the Pity: A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids, c.560-510 B.C. Stuttgart, 1993.
440. *Legon R.P.* Megara: The Political History of a Greek City-State to 336 B.C. Ithaca, 1981.
441. *Lehmann G.A.* Überlegungen zu den oligarchischen Machtergreifungen im Athen des 4. Jahrhunderts v.Chr. // *AD*. S.139-150.
442. *Lenardon R.J.* The Saga of Themistocles. L., 1978.
443. *Lenschau Th.* König Kleomenes I. von Sparta // *Klio*. 1938. Bd.31. S.412-429.

444. *Lévêque P.* Formes des contradictions et voies de développement à Athènes de Solon à Clisthène // *Historia*. 1978. Bd.27. Ht.4. S.522-548.
445. *Lévêque P., Vidal-Naquet P.* Clisthène l'Athénien. P., 1964.
446. *Lévy E.* Athènes devant la défit de 404: Histoire d'une crise ideologique. P., 1976.
447. *Lévy E.* Notes sur la chronologie athénienne au VIe siècle. I. Cylon // *Historia*. 1978. Bd.27. Ht.4. S.513-521.
448. *Lévy E.* Politeia et politeuma chez Aristote // *AA*. P.65-90.
449. *Lewis D.M.* Cleisthenes and Attica // *Historia*. 1963. Bd.12. Ht.1. S.22-40.
450. *Lewis D.M.* After the Profanation of the Mysteries // *Ancient Society and Institutions*. Oxf., 1966. P.177-191.
451. *Lewis D.M.* The Tyranny of the Pisistratidae // *CAH²*. V.4. 1988. P.287-302.
452. *Lewis D.M.* Megakles and Eretria // *ZPE*. 1993. Bd.96. S.51-52.
453. *Lintott A.* Violence, Civil Strife and Revolution in the Classical City, 750-330 B.C. Baltimore, 1982.
454. *Lippold A.* Pausanias von Sparta und die Perser // *RhM*. 1965. Bd.108. Ht.4. S.320-341.
455. *Littman R.J.* The Greek Experiment: Imperialism and Social Conflict, 800-400 B.C. Honolulu, 1974.
456. *Littman R.J.* Kinship in Athens // *Ancient Society*. 1979. V.10. P.5-31.
457. *Littman R.J.* Kinship and Politics in Athens 600-400 B.C. N.Y., 1990.
458. *Lloyd G.E.R.* Magic, Reason and Experience. Cambridge, 1979.
459. *Lloyd-Jones H.* The Justice of Zeus. Berkeley, 1971.
460. *Lohmann H.* Die Chora Athens im 4. Jahrhundert v.Chr.: Festungswesen, Bergbau und Siedlungen // *AD*. S.515-548.
461. *Long W.R.* Greeks, Carians, and the Purification of Delos // *AJA*. 1958. V.62. No.3. P.297-306.
462. *Lumpe A.* Solons Einfluss auf Xenophanes // *RhM*. 1955. Bd.98. Ht.4. S.378.
463. *Luppino E.* La laicizzazione della prossenia. Il caso di Alcibiade // *CISA*. 1981. V.7. P.73-79.
464. *Maass M.* Die wirtschaftlichen und politischen Umstände der delphischen Tempelbauten // *Ktema*. 1988. №13. P.5-11.
465. *McCargar D.J.* The Archonships of Hermokreon and Alkmaion: A Further Consideration of Ath.pol.22:1-3 // *RhM*. 1976. Bd.119. Ht.4. S.315-323.
466. *MacDowell D.M.* Athenian Homicide Law in the Age of the Orators. Manchester, 1963.
467. *MacDowell D.M.* The Law in Classical Athens. L., 1978.
468. *McGregor M.F.* The Pro-Persian Party at Athens from 510 to 480 B.C. // *ASPF*. P.71-95.
469. *MacKendrick P.* The Athenian Aristocracy 399 to 31 B.C. Cambridge Mass., 1969.
470. *Macurdy G.H.* References to Thucydides, Son of Melesias, and to Pericles in Sophocles OT 863-910 // *ClPh*. 1942. V.37. No.3. P.307-310.

471. *Maffi A.* . Contributo allo studio della terminologia giuridico-sacrale greca // Symposion 1977. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1982. S.23-53.
472. *Mallwitz A., Schiering W.* Die Werkstatt des Pheidias in Olympia. B.,1964.
473. *Mansfeld J.* The Chronology of Anaxagoras' Athenian Period and the Date of His Trial. II. The Plot against Pericles and his Associates // *Mnemosyne*. 1980. V.33. Fasc.1/2. P.17-95.
474. *Martin A.* L'ostracisme athénien: un demi-siècle de découvertes et de recherches // *REG*. 1989. V.102. P.124-145.
475. *Martin J.* Von Kleisthenes zu Ephialtes: Zur Entstehung der athenischen Demokratie // *Chiron*. 1974. Bd.4. S.5-42
476. *Martin V.* La vie internationale dans la Grèce des cités (VIe - IVe s. av.J.-C.). Genève, 1940.
477. *Masaracchia A.* Solone. Firenze, 1958.
478. *Mastrocinque A.* Ricerche sulla storia greca arcaica. I. Clistene lapidatore di Sicione // *RIL*. 1977. V.111. P.167-174.
479. *Mastrocinque A.* Ricerche sulla storia greca arcaica. II. La lapidazione dei Ciloniani // *RIL*. 1978. V.112. P.3-9.
480. *Mattingly H.B.* The Practice of Ostracism at Athens // *Antichthon*. 1991. V.25. P.1-26.
481. *Mattusch C.* The Eponymous Heroes: The Idea of Sculptural Groups // *AAAD*. P.73-81.
482. *Mazzarino S.* Eschilo, Pericle e la storia dell'Areopago // *Rivista di cultura classica e medioevale*. 1960. V.2. Fasc.3. P.300-306.
483. *Méautis G.* Sophocle. Essai sur le héros tragique. P.,1957.
484. *Mehl A.* Für eine neue Bewertung eines Justizskandals. Der Arginusenprozess und seine Überlieferung vor dem Hintergrund von Recht und Weltanschauung im Athen des ausgehenden 5. Jh. v.Chr. // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung*. 1982. Bd.99. S.32-80.
485. *Meier Chr.* Die Entstehung des Politischen bei den Griechen. Frankfurt am Main, 1980.
486. *Meiggs R.* The Athenian Empire. Oxf.,1972.
487. *Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Revised ed. Oxf.,1989.
488. *Mélèze Modrzejewski J.* La sanction de l'homicide en droit grec et hellénistique // Symposion 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S.3-16.
489. *Meritt B.D.* An Early Archon List // *Hesperia*. 1939. V.8. No.1. P.59-65.
490. *Merkelbach R.* Nochmals das Xanthippos-Ostrakon // *ZPE*. 1986. Bd.62. S.57-62.
491. *Meyer Ed.* Geschichte des Altertums. Essen,1984⁹. Bd.1-8.
492. *Meyer H.D.* Thukydides Melesiou und die oligarchische Opposition gegen Perikles // *Historia*. 1967. Bd.16. Ht.2. S.141-154.

493. *Mirhady D.C.* The Ritual Background to Athenian Ostracism // *Ancient History Bulletin*. 1997. V.11. No.1. P.13-19.
494. *Moretti L.* Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici. R.,1957.
495. *Morris I.* Burial and Ancient Society: The Rise of Greek City-State. Cambridge, 1989.
496. *Mosley D.J.* Envoys and Diplomacy in Ancient Greece. Wiesbaden, 1973.
497. *Mossé C.* Classes sociales et régionalisme à Athènes au début du VIe siècle // *AC*. 1964. V.33. №2. P.401-413.
498. *Mossé C.* Comment s'élabore un mythe politique: Solon, "père fondateur" de la démocratie athénienne // *Annales: économies, sociétés, civilisations*. 1979. V.34. №3. P.425-437.
499. *Mossé C.* De l'ostracisme aux procès politiques: le fonctionnement de la vie politique à Athènes // *Istituto universitario orientale (Napoli). Annali. Sezione di archeologia e storia antica*. 1985. V.7. P.9-18.
500. *Mossé C.* Dictionnaire de la civilisation grecque. Bruxelles, 1992.
501. *Mossé C.* La classe politique à Athènes au IVeme siècle // *AD*. S.67-77.
502. *Moulinier L.* La nature et la date du crime des Alcéméonides // *REA*. 1946. V.48. №3/4. P.182-202.
503. *Moulinier L.* Le pur et l'impur dans la pensée et la sensibilité des Grecs jusqu'à la fin du IVeme siècle av.J.C. P.,1950.
504. *Murray O.* The Affair of the Mysteries: Democracy and the Drinking Group // *Sympotica: A Symposium on the Symposium*. Oxf.,1990. P.149-161.
505. *Murray O.* Cities of Reason // *GC*. P.1-25.
506. *Murray O.* Early Greece. L.,1993².
507. *Musti D.* La chronologie du chapitre 22 de l'
sur l'ostracisme // *AA*. P.251-259.
508. *Németh G.* Der Arginusen-Prozess. Die Geschichte eines politischen Justizmordes // *Klio*. 1984. Bd.66. Ht.1. S.51-57.
509. *Nesselhauf H.* Die diplomatische Verhandlungen vor dem Peloponnesischen Kriege (Thukydides I, 139 ff.) // *Hermes*. 1934. Bd.69. Ht.3. S.286-299.
510. *Nestle W.* Sophokles und die Sophistik // *CIPh*. 1910. V.5. P.129-157.
511. *Nestle W.* Griechische Geistesgeschichte von Homer bis Lukian. Stuttgart, 1944². S.51.
512. *Nestle W.* Vom Mythos zum Logos: Die Selbstentfaltung des griechischen Denkens von Homer bis auf die Sophistik und Sokrates. Aalen, 1966².
513. *Nilsson M.P.* Greek Popular Religion. N.Y.,1940.
514. *Nilsson M.P.* Greek Piety. Oxf.,1948.
515. *Nilsson M.P.* The Minoan-Mycenaean Religion and its Survival in Greek Religion. Lund, 1950².
516. *Nilsson M.P.* Geschichte der griechischen Religion. Bd.1. München, 1955².
517. *Ober J.* Thucydides, Pericles, and the Strategy of Defense // *CrAH*. P.171-188.
518. *Ober J.* Mass and Elite in Democratic Athens. Princeton, 1989.
519. *Oehler J.* // *RE*. Bd.6. 1907. Sp.1164-1165.

520. *Oliva P.* Solon im Wandel der Jahrhunderte // *Eirene*. 1973. V.11. P.31-65.
521. *Ostwald M.* Nomos and the Beginnings of the Athenian Democracy. Oxf., 1969.
522. *Ostwald M.* From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Law, Society, and Politics in Fifth-Century Athens. Berkeley, 1986.
523. *Ostwald M.* The Reform of the Athenian State by Cleisthenes // *CAH²*. V.4. 1988. P.303-346.
524. *Ostwald M.* Herodotus and Athens // *ICS*. 1991. V.16. No.1/2. P.111-124.
525. *Pariente A., Piérart M., Thalmann J.-P.* Argos: Agora // *BCH*. 1986. V.110. №2. P.763-767.
526. *Parke H.W.* The Oracles of Zeus: Dodona, Olympia, Ammon. Cambridge Mass., 1967.
527. *Parke H.W., Wormell D.E.W.* The Delphic Oracle. Oxf., 1956. V.1-2.
528. *Parker R.* Miasma: Pollution and Purification in Early Greek Religion. Oxf., 1985.
529. *Pearson L.* Propaganda in the Archidamian War // *CIPh*. 1936. V.31. No.1. P.33-52.
530. *Pearson L.* The Local Historians of Attica. Repr.ed. Ann Arbor, 1981.
531. *Pecorella Longo Ch.* La bulé e la procedura dell'ostracismo: considerazioni su Vat.Gr.1144 // *Historia*. 1980. Bd.29. Ht.3. S.257-281.
532. *Peek W.* Inschriften, Ostraka, Fluchtafeln (Kerameikos. Bd.3). B., 1941.
533. *Persson A.W.* The Religion of Greece in Prehistoric Times. Berkeley, 1942.
534. *Petersen J.C.W.* Quaestiones de historia gentium atticarum. Kiel, 1880.
535. *Philippi A.* Das Amnestiegesetz des Solon und die Prytanen der Naukraren zur Zeit des Kylonischen Aufstandes // *RhM*. 1874. Bd.29. Ht.1. S.1-12.
536. *Phillips D.J.* Athenian Ostracism // *Hellenika: Essays on Greek Politics and History*. North Ryde, 1982. P.21-43.
537. *Phillips D.J.* Observations on Some Ostraka from the Athenian Agora // *ZPE*. 1990. Bd.83. S.123-148.
538. *Picard Ch.* Le "présage" de Cléoménès (507 av.J.-C.) et la divination sur l'Acropole d'Athènes // *REG*. 1930. V.43. P.262-278.
539. *Piccirilli* L.

moglie di Cimone // *RFIC*. 1982. V.110. Fasc.3. P.278-282.

540. *Piccirilli L.* Temistocle, Aristide, Cimone, Tucidide di Melesia fra politica e propaganda. Genova, 1987.
541. *Plassart A.* Eschyle et le fronton Est du temple delphique des Alcéméonides // *REA*. 1940. V.42. P.293-299.
542. *Poddighe E.* La natura del tetto censitario stabilito da Antipatro per l'accesso al *politeuma* di Atene nel 322 a.C. // *DHA*. 1997. V.23. №2. P.47-82.
543. *Podlecki A.J.* The Political Background of Aeschylean Tragedy. Ann Arbor, 1966.
544. *Podlecki A.J.* The Political Significance of the Athenian "Tyrrannicide"-Cult // *Historia*. 1966. Bd.15. Ht.2. S.129-141

545. *Podlecki A.J.* The Life of Themistocles: A Critical Survey of the Literary and Archaeological Evidence. Montreal, 1975.
546. *Poghirc C.* L'idée de solidarité humaine chez Homère // *Antiquitas graeco-romana ac tempora nostra*. Pragae, 1968. P.39-44.
547. *Pomtow H.* Die drei Brände des Tempels zu Delphi // *RhM.* 1896. Bd.51. Ht.3. S.329-380.
548. *Post L.A.* The Seven against Thebes as Propaganda for Pericles // *Classical Weekly.* 1950 V.44. No.4. P.49-52.
549. *Powell C.A.* Religion and the Sicilian Expedition // *Historia.* 1979. Bd.28. Ht.1. S.15-31.
550. *Prakken D.W.* Studies in Greek Genealogical Chronology. Lancaster, 1943.
551. *Prandi L.* I processi contro Fidia, Aspasia, Anassagora e l'opposizione a Pericle // *Aevum.* 1977. V.51. Fasc.1/2. P.10-26.
552. *Prontera P.* Gli Alceonidi a Delfi: un' ipotesi su Erodoto I,51,3-4 // *RA.* 1981. Fasc.2. P.253-258.
553. *Purcell N.* Mobility and the Polis // *GC.* P.29-58.
554. *Ranulf S.* The Jealousy of the Gods and Criminal Law at Athens: A Contribution to the Sociology of Moral Indignation. V.2. Copenhagen, 1934.
555. *Raubitschek A.E.* The Ostracism of Xanthippos // *AJA.* 1947. V.51. No.3. P.257-262.
556. *Raubitschek A.E.* Dedications from the Athenian Akropolis. Cambridge Mass., 1949.
557. *Raubitschek A.E.* The Origin of Ostracism // *AJA.* 1951. V.55. No.3. P.221-229.
558. *Raubitschek A.E.* Damon // *CM.* 1955. V.16. P.78-83.
559. *Raubitschek A.E.* Philochoros frag.30 (Jacoby) // *Hermes.* 1955. Bd.83. Ht.1. S.119-120.
560. *Raubitschek A.E.* Zur attischen Genealogie // *RhM.* 1955. Bd.98. Ht.3. S.258-262.
561. *Raubitschek A.E.* Theophrastos on Ostracism // *CM.* 1958. 19. P.73-109.
562. *Raubitschek A.E.* Megakles, geh nicht nach Eretria! // *ZPE.* 1994. Bd.100. S.381-382.
563. *Redfield J.* Drama and Community // *Nothing to Do with Dionysos? Athenian Drama in its Social Context.* Princeton, 1990. P.314-335.
564. *Reinhardt K.* Solons Elegie // *RhM.* 1916. Bd.71. S.128-135.
565. *Rhodes P.J.* A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia. Oxf., 1981.
566. *Rhodes P.J.* Thucydides on the Causes of the Peloponnesian War // *Hermes.* 1987. Bd.115. Ht.2. S.154-165.
567. *Rhodes P.J.* "Alles eitel Gold"? The Sixth and Fifth Centuries in Fourth-Century Athens // *AA.* P.53-64.
568. *Richard G.* L'impureté contagieuse et la magie dans la tragédie grecque // *REA.* 1935. V.37. №3. P.301-321.

569. *Roberts J.T.* Arginusae Once Again // *Classical World*. 1977. V.71. No.2. P.107-111.
570. *Roberts J.T.* Aristocratic Democracy: The Perseverance of Timocratic Principles in Athenian Government // *Athenaeum*. 1986. V.64. Fasc.3/4. P.355-369.
571. *Robertson N.* The Myth of the First Sacred War // *CIQ*. 1978. V.28. No.1. P.38-73.
572. *Robertson N.* The City Center of Archaic Athens // *Hesperia*. 1998. V.67. No.3. P.283-302.
573. *Robinson C.A.* The Struggle for Power at Athens in the Early Fifth Century // *AJPh*. 1939. V.60. No.2. P.232-237.
574. *Robinson C.A.* Athenian Politics, 510-486 B.C. // *AJPh*. 1945. V.66. No.3. P.243-254.
575. *Robinson C.A.* Cleisthenes and Ostracism // *AJA*. 1952. V.56. P.23-26.
576. *Robinson E.W.* Reexamining the Alcmeonid Role in the Liberation of Athens // *Historia*. 1994. Bd.43. Ht.2. S.363-369.
577. *Rohde E.* Psyche. Le culte de l'âme chez les Grecs et leur croyance à l'immortalité. P.,1928.
578. *Roussel D.* Trubu et cité. Études sur les groupes sociaux dans les cités grecques aux époques archaïque et classique. P.,1976.
579. *Roux G.* Les grimaces de Clisthène (Aristophane, Grenouilles, v.422-430) // *REG*. 1967. V.80. P.165-175.
580. *Rudhardt J.* Notions fondamentales de la pensée religieuse et actes constitutifs du culte dans la Grèce classique. Genève, 1958.
581. *Ruschenbusch E.* Theseus, Drakon, Solon und Kleisthenes in Publizistik und Geschichtsschreibung des 5. und 4. Jahrhunderts v.Chr. // *Historia*. 1958. Bd.7. Ht.4. S.398-424.
582. *Ruschenbusch E.* . Zum Recht Drakons und seiner Bedeutung für das Werden des athenischen Staates // *Historia*. 1960. Bd.9. Ht.2. S.129-154.
583. *Ruschenbusch E.* : Die Fragmente des solonischen Gesetzwerkes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte. Wiesbaden, 1966.
584. *Ruschenbusch E.* Die Quellen zur älteren griechischen Geschichte: Ein Überblick über den Stand der Quellenforschung unter besonderer Berücksichtigung der Belange des Rechtshistorikers // *Symposion 1971: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Köln, 1975. S.67-77.
585. *Ste Croix G.E.M. de.* The Origins of the Peloponnesian War. Ithaca, 1972.
586. *Samuel A.E.* Greek and Roman Chronology: Calendars and Years in Classical Antiquity. München, 1972.
587. *Sartori F.* Le eterie nella vita politica ateniese del VI e V secolo a.C. R.,1957.
588. *Saunders T.J.* Penal Law and Family Law in Plato's Magnesia // *Symposion 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Köln, 1991. S.115-132.
589. *Schachermeyr F.* Theagenes // *RE*. Reihe 2. Hlbd.10. 1934. Sp.1341-1345.
590. *Schachermeyr F.* Die frühe Klassik der Griechen. Stuttgart, 1966.

591. *Schachermeyr F.* Religionspolitik und Religiosität bei Perikles. Wien, 1968.
592. *Schachermeyr F.* Perikles. Stuttgart, 1969.
593. *Schachermeyr F.* Sophokles und perikleische Politik // PSZ. S.359-378.
594. *Schaefer H.* Xanthippos // RE. Reihe 2. Hlbd.18. 1967. Sp.1343-1346.
595. *Schaps D.* The Woman Least Mentioned // CIQ. 1977. V.27. No.2. P.323-330.
596. *Schjøtt P.O.* Die athenische Aristokratie. Christiania, 1906.
597. *Schjøtt P.O.* Von Drakon bis Kleisthenes. Christiania, 1909.
598. *Schlesier R.* Lust durch Leid: Aristoteles' Tragödientheorie und die Mysterien. Eine interpretationsgeschichtliche Studie // AD. S.389-415.
599. *Schlesinger E.* Die griechische Asylie. Giessen, 1933.
600. *Schmidt G.* Fluch und Frevel als Elemente politischer Propaganda im Vor- und Umfeld des Peloponnesischen Krieges // Rivista storica dell'antichità. 1990. V.20. P.7-30.
601. *Schmitz W.* Reiche und Gleiche: Timokratische Gliederung und demokratische Gleichheit der athenischen Bürger im 4. Jahrhundert v.Chr. // AD. S.573-597.
602. *Schömann G.F.* Das Kylonische Attentat, die Naukraren und die Alkmäoniden // Neue Jahrbücher für Philologie. 1875. Jg.21. Bd.111. Abt.1. S.449-469.
603. *Schradler H.* Das Zeusbild des Pheidias in Olympia // JDAI. 1941. Bd.56. S.1-71.
604. *Schreiner J.H.* Aristotle and Perikles: A Study in Historiography. Oslo, 1968.
605. *Schreiner J.H.* The Origin of Ostracism Again // CM. 1976. V.31. P.84-97.
606. *Schütrumpf E.* Politische Reformmodelle im vierten Jahrhundert // AD. S.271-300.
607. *Schwartz J.* Hèrodoté et Périclès // Historia. 1969. Bd.18. Ht.3. S.367-370.
608. *Schwartz J.* Human Action and Political Action in Oedipus Tyrannos // Greek Tragedy and Political Theory. Berkeley, 1986. P.183-209.
609. *Schwarze J.* Die Beurteilung des Perikles durch die attische Komödie und ihre historische und historiographische Bedeutung. München, 1971.
610. *Sealey R.* Regionalism in Archaic Athens // Historia. 1960. Bd.9. Ht.2. S.155-180.
611. *Sealey R.* Eupatridai // Historia. 1961. Bd.10. Ht.4. S.512-514
612. *Sealey R.* The Causes of the Peloponnesian War // ClPh. 1975. V.70. No.2. P.89-109.
613. *Sealey R.* A History of the Greek City States ca.700-338 B.C. Berkeley, 1976.
614. *Sealey R.* The Entry of Pericles into History // PSZ. S.144-161.
615. *Seeck O.* Quellenstudien zu des Aristoteles Verfassungsgeschichte Athens. VI. Der Kylonische Frevel // Klio. 1904. Bd.4. S.318-326.
616. *Seibert J.* Die politischen Flüchtlinge und Verbannten in der griechischen Geschichte. Darmstadt, 1979. Bd.1-2. S.35.
617. *Seidensticker B.* Dichtung und Gesellschaft im 4. Jahrhundert. Versuch eines Überblicks // AD. S.175-198.
618. *Seltman C.T.* Athens, its History and Coinage before the Persian Invasion. Cambridge, 1924.

619. *Shapiro H.A.* Hippokrates Son of Anaxileos // *Hesperia*. 1980. V.49. No.3. P.289-293.
620. *Shapiro H.A.* Kallias Kratiou Alopekethen // *Hesperia*. 1982. V.51. No.1. P.69-73.
621. *Shapiro H.A.* Painting, Politics, and Genealogy: Peisistratos and the Neleids // *Ancient Greek Art and Iconography*. Madison, 1983. P.87-96.
622. *Shapiro H.A.* Religion and Politics in Democratic Athens // *AAAD*. P.123-129.
623. *Shear T.L.* Koisyra: Three Women of Athens // *Phoenix*. 1963. V.17. No.2. P.99-112.
624. *Shear* *T.L.*
: The Agora and the Democracy // *AAAD*. P.225-248.
625. *Siewert P.* Accuse contro i "candidati" all'ostracismo per la loro condotta politica e morale // *CISA*. 1991. V.17. P.3-14.
626. *Smertenko C.M., Belknap G.N.* Studies in Greek Religion. Eugene, 1935.
627. *Snodgrass A.* Archaic Greece: The Age of Experiment. L., 1980.
628. *Sokolowski F.* Lois sacrées de l'Asie Mineure. P., 1955.
629. *Sordi M.* La prima guerra sacra // *RFIC*. 1953. V.31. Fasc.4. P.320-346.
630. *Sourvinou-Inwood Chr.* The Myth of the First Temples at Delphi // *CIQ*. 1979. V.29. No.2. P.231-251.
631. *Sourvinou-Inwood Chr.* What is Polis Religion? // *GC*. P.295-322.
632. *Stadter Ph.* Pericles among the Intellectuals // *ICS*. 1991. V.16. No.1/2. P.111-124.
633. *Stahl M.* Aristokraten und Tyrannen im archaischen Athen: Untersuchungen zur Überlieferung, zur Sozialstruktur und zur Entstehung des Staates. Stuttgart, 1987.
634. *Stamires G.A., Vanderpool E.* Kallixenos the Alkmeonid // *Hesperia*. 1950. V.19. No.4. P.376-390.
635. *Stanley P.V.* The Family Connection of Alcibiades and Axiochus // *GRBS*. 1986. V.27. No.2. P.173-181.
636. *Stanton G.R.* The Introduction of Ostracism and Alcmeonid Propaganda // *JHS*. 1970. V.90. P.180-183.
637. *Stanton G.R.* The Tribal Reform of Kleisthenes the Alkmeonid // *Chiron*. 1984. Bd.14. S.1-41.
638. *Stanton G.R.* Athenian Politics c.800-500 B.C.: A Sourcebook. L.-N.Y., 1991.
639. *Stanton G.R.* The Rural Demes and Athenian Politics // *AAAD*. P.217-224.
640. *Stanton G.R.* A Graffito on a Megakles Ostrakon // *ZPE*. 1996. Bd.111. S.69-73.
641. *Starr Ch.G.* The Origins of Greek Civilisation 1100-650 B.C. N.Y., 1961.
642. *Starr Ch.G.* The Economic and Social Growth of Early Greece 800-500 B.C. N.Y., 1977
643. *Stein-Hölkeskamp E.* Adelskultur und Polisgesellschaft. Studien zum griechischen Adel in archaischen und klassischen Zeit. Stuttgart, 1989.

644. *Strasburger H.* Herodot und das perikleische Athen // *Historia*. 1955. Bd.4. Ht.1. S.1-25.
645. *Strauss B.S.* Athens after the Peloponnesian War: Class, Faction and Policy, 403-386 B.C. Croom Helm, 1986.
646. *Stroud R.S.* Drakon's Law on Homicide. Berkeley, 1968.
647. *Stroud R.S.* Aristotle and Athenian Homicide // *AA*. P.203-221.
648. *Taeger F.* Alkibiades. München, 1943.
649. *Taeger F.* Charisma: Studien zur Geschichte des antiken Herrscherkultes. Bd.1. Stuttgart, 1957.
650. *Thompson W.E.* The Archonship of Cleisthenes // *CJ*. 1960. V.55. No.3. P.217-220.
651. *Thompson W.E.* The Kinship of Pericles and Alkibiades // *GRBS*. 1970. V.11. No.1. P.27-33.
652. *Thompson W.E.* Attic Kinship Terminology // *JHS*. 1971. V.71. P.110-113.
653. *Thomsen R.* The Origin of Ostracism: A Synthesis. Copenhagen, 1972.
654. *Thür G.* Die athenischen Geschworenengerichte – eine Sackgasse? // *AD*. S.321-331.
655. *Toepffer J.* Attische Genealogie. B., 1889.
656. *Toepffer J.* Alkmaionidai // *RE*. Bd.1. 1894. Sp.1555-1562.
657. *Tomlinson R.A.* Greek Sanctuaries. N.Y., 1976.
658. *Treston H.J.* Poine: A Study in Ancient Greek Blood-Vengeance. L., 1923.
659. *Trittle L.A.* Kleomenes at Eleusis // *Historia*. 1988. Bd.37. Ht.4. S.457-460.
660. *Ure P.N.* The Origin of Tyranny. Repr.ed. N.Y., 1962.
661. *Vanderpool E.* The Ostracism of the Elder Alkibiades // *Hesperia*. 1952. V.21. No.1. P.1-8.
662. *Vanderpool E.* Ostracism at Athens. Cincinnati, 1970.
663. *Velissaropoulos-Karakostas J.* // Symposium 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S.94-105.
664. *Vernant J.-P.* Mythe et pensée chez les Grecs. T.1-2. P., 1971.
665. *Vernant J.-P.* Myth and Society in Ancient Greece. Brighton, 1980.
666. *Vernant J.-P., Vidal-Naquet P.* Mythe et tragédie en Grèce ancienne. T.1-2. P., 1981-1986.
667. *Vickers B.* Towards Greek Tragedy: Drama, Myth, Society. L., 1973.
668. *Vickers M.* Alcibiades on Stage: *Philoctetes* and *Cyclops* // *Historia*. 1987. Bd.36. Ht.2. S.171-197.
669. *Vinogradov J.G., Zolotarev M.I.* L'ostracismo e la storia della fondazione di Chersonesos Taurica // *MEP*. 1999. V.2. P.111-131.
670. *Vischer W.* Ueber die Stellung des Geschlechts der Alkmaioniden in Athen // *Vischer W.* Kleine Schriften. Bd.1. Lpz., 1877. S.382-401.
671. *Visser M.* Vengeance and Pollution in Classical Athens // *Journal of the History of Ideas*. 1984. V.45. No.2. P.193-201.

672. *Viviers D.* Pisistratus' Settlement on the Thermaic Gulf: A Connection with the Eretrian Colonization // *JHS.* 1987. V.107. P.193-195.
673. *Vlastos G.* Solonian Justice // *ClPh.* 1946. V.41. No.2. P.65-83.
674. *Wade-Gery H.T.* (Review:) A Historical Commentary on Thucydides. Vol.1 // *JHS.* 1949. V.69. P.83-85.
675. *Wade-Gery H.T.* Essays in Greek History. Oxf., 1958.
676. *Wallace R.W.* The Areopagos Council, to 307 B.C. Baltimore, 1989.
677. *Wallace R.W.* Charmides, Agariste and Damon:: Andokides 1.16 // *ClQ.* 1992. V.42. No.2. P.328-335.
678. *Waters K.H.* Herodotos on Tyrants and Despots: A Study in Objectivity. Wiesbaden, 1971.
679. *Webster T.B.L.* Athenian Culture and Society. Berkeley, 1973.
680. *Whibley L.* Greek Oligarchies: Their Character and Organization. N.Y.-L., 1896.
681. *White M.E.* Some Agiad Dates: Pausanias and his Sons // *JHS.* 1964. V.84. P.140-152.
682. *Whitehead D.* 1-41, 42-69: A Tale of Two Politeiai // *AA.* P.25-38.
683. *Whitman C.H.* Sophocles: A Study of Heroic Humanism. Cambridge Mass., 1951.
684. *Wilamowitz-Moellendorff U. von.* Aristoteles und Athen. B., 1893. Bd.1-2. S.55.
685. *Wilamowitz-Moellendorff U. von.* Der Glaube der Hellenen. Bd.1-2. Basel, 1959³. S.293.
686. *Wilbrandt M.* Die politische und sociale Bedeutung der attischen Geschlechter vor Solon // *Philologus.* 1898. Suppl.Bd.7. Ht.1/2. S.133-228.
687. *Wilhelm A.* Zum Ostrakismos des Xanthippos, des Vaters des Perikles // *Anzeiger der Österreich. Akad. der Wiss. Philosoph.-hist. Kl.* 1949. Bd.86. Ht.12. S.237-243.
688. *Willemsen F.* Ostraka // *MDAI(A).* 1965. Bd.80. S.100-126.
689. *Willemsen F.* Ostraka einer Meisterschale // *MDAI(A).* 1991. Bd.106. S.137-145.
690. *Willemsen F., Brenne S.* Verzeichnis der Kerameikos-Ostraka // *MDAI(A).* 1991. Bd.106. S.147-156.
691. *Willetts R.F.* Cretan Cults and Festivals. N.Y., 1962.
692. *Williams G.M.E.* The Kerameikos Ostraka // *ZPE.* 1978. Bd.31. S.103-113.
693. *Williams G.M.E.* The Image of the Alkmeonidai between 490 B.C. and 487/6 B.C. // *Historia.* 1980. Bd.29. Ht.1. S.106-110.
694. *Williams G.M.E.* Athenian Politics 508/7 – 480 B.C.: A Reappraisal // *Athenaeum.* 1982. V.60. Fasc.3/4. P.521-544.
695. *Williams G.W.* The Curse of the Alkmaionidai. I. The Origin and Early History // *Hermathena.* 1951. V.78. P.32-49.
696. *Williams G.W.* The Curse of the Alkmaionidai. II. Kleisthenes and the Persian Wars // *Hermathena.* 1952. V.79. P.1-21.

697. *Williams G.W.* The Curse of the Alkmaionidai. III. Themistokles, Perikles, and Alkibiades // *Hermathena*. 1952. V.80. P.58-71.
698. *Williams Th.* The Curses of Bouzyges: New Evidence // *Mnemosyne*. 1962. V.15. Fasc.4. P.396-398.
699. *Wligger E.* Hagios: Untersuchungen zur Terminologie des Heiligen in den hellenisch-hellenistischen Religionen. Giessen, 1922.
700. *Wolff H.J.* Juristische Gräzistik – Aufgaben, Probleme, Möglichkeiten // Symposium 1971. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1975. S.1-22.
701. *Wolski J.* Pausanias et le problème de la politique spartiate (480-470) // *Eos*. 1954. V.47. Fasc.1. P.75-94.
702. *Wolski J.* Wpływ wojen perskich na formy walki politycznej w Grecji // *PH*. 1968. T.59. №3. S.416-427.
703. *Wolski J.* et son importance en Grèce à l'époque des guerres médiques // *Historia*. 1973. Bd.22. Ht.1. S.3-15.
704. *Wright J.H.* The Date of Cylon // *HSCPh*. 1892. V.3. P.1-74.
705. *Wüst F.R.* Zu den
und zu den alten attischen Trittyen // *Historia*. 1957. Bd.6. Ht.2. S.176-191.
706. *Zahrnt M.* Delphi, Sparta und die Rückführung der Alkmeoniden // *ZPE*. 1989. Bd.76. S.297-307.
707. *Zieliński Th.* L'évolution religieuse d'Euripide // *REG*. 1923. V.36. P.459-479.
708. ☺
// . 1987. .5. .59-73.
709.
// *AAAD*. P.131-142.

* * *

Addenda. Уже после того, как основной текст книги был полностью завершен, нам довелось ознакомиться еще с несколькими работами, затрагивающими рассматриваемые выше вопросы. Эти работы следует хотя бы кратко охарактеризовать.

Ленская В.С. Эвпатриды: начало истории // *ПИФК*. 2000. Вып.8. С.88-99 (экскурс в раннюю историю афинской аристократии. С некоторыми тезисами автора - о первоначальной принадлежности всех афинян к системе родов, о фальсификации списка пожизненных архонтов, об отнесении архонта Акаста, сына Медонта, к VIII в. до н.э. и др. - мы согласиться не можем).

Молчанов А.А. Генеалогическая традиция у афинских эвпатридов: просопографический аспект // *Антиковедение на рубеже тысячелетий*. М., 2000. С.74-75 (указание на наличие прокламируемой генеалогической связи с божеством как на важный признак принадлежности того или иного афинского рода к эвпатридам).

Молчанов А.А. Антропонимическая традиция как одно из слагаемых исторической памяти (к просопографии афинской знати античного времени) // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 2000. С.193-198 (иллюстрация фактическим материалом положений, изложенных в предыдущей работе).

Молчанов А.А. Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н.э. (Проблемы источниковедения минойстики и микенологии). М., 2000 (основная тематика этой обобщающей работы - крито-микенская, но в ней содержится ряд ценных наблюдений о генеалогических традициях греческой аристократии архаического и классического времени).

Brandt H. Pythia, Apollon und die älteren griechischen Tyrannen // *Chiron*. 1998. Bd.28. S.193-212 (обосновывается тезис о враждебности Писистратидов и Дельфийского оракула).

Camp J.M. Excavation in the Athenian Agora, 1996-1997 // *Hesperia*. 1999. V.68. No.3. P.255-283 (публикация группы новонайденных острака, на 47 из которых надписано имя Ксантиппа, отца Перикла).

Giuliani A. Il sacrilegio ciloniano: tradizioni e cronologia // *Aevum*. 1999. V.73. Fasc.1. P.21-42 (не очень убедительная попытка вслед за Э.Леви датировать мятеж Килона началом VI в. до н.э.).

Rausch M. Kleisthenes, Isagoras, der Rat und das Volk // *Chiron*. 1998. Bd.28. S.355-369 (очередная интерпретация поздневизантийского фрагмента об остракизме с связи с проблемой численности учрежденного Клисфеном Совета).

Ridgway B.S. An Issue of Methodology: Anakreon, Perikles, Xanthippos // *AJA*. 1998. V.102. No.4. P.717-738 (последняя по времени зарубежная работа о Ксантиппе).

С п и с о к с о к р а щ е н и й

AB –	Античный вестник (Омск)
AM –	Античный мир: Проблемы истории и культуры. СПб.,1998
АП –	Античный полис: Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. СПб.,1995
ВДИ –	Вестник древней истории
ВЧОАМ –	Власть, человек, общество в античном мире. М.,1997
ГГАМ –	Город и государство в античном мире. Л.,1987
ЗОГАМ –	Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М.,1999
ПДАСНВ –	Политические деятели античности, средневековья и Нового времени. Л.,1983
ПИФК –	Проблемы истории, филологии, культуры
РЦ –	Ранние цивилизации: государство и право. М.,1994
СПИПИАГО –	Социально-политические, идеологические проблемы истории античной гражданской общины. М.,1992
AA –	Aristote et Athènes. P.,1993
AAAD –	The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf.,1994
ABSA –	Annual of the British School at Athens
AC –	L'Antiquité classique
AD –	Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1995
AJA –	American Journal of Archaeology
AJPh –	American Journal of Philology
ASPF –	Athenian Studies Presented to W.S.Ferguson. Cambridge Mass., 1940
BCH –	Bulletin de correspondance hellénique
CAH –	Cambridge Ancient History
CISA –	Contributi dell'Istituto di storia antica (Milano)
CJ –	Classical Journal
CIPh –	Classical Philology
CIQ –	Classical Quarterly
CM –	Classica et mediaevalia
CrAH –	The Craft of the Ancient Historian. Lanham, 1985
CSCA –	California Studies in Classical Antiquity
DHA –	Dialogues d'histoire ancienne
DK –	<i>Diels H., Kranz W.</i> Die Fragmente der Vorsokratiker
FGrHist –	<i>Jacoby F.</i> Die Fragmente der griechischen Historiker
G&R –	Greece & Rome
GC –	The Greek City: From Homer to Alexander. Oxf.,1991
GRBS –	Greek, Roman and Byzantine Studies
HSCPh –	Harvard Studies in Classical Philology
ICS –	Illinois Classical Studies

IG –	Inscriptiones Graecae
JDAI –	Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts
JHS –	Journal of Hellenic Studies
MDAI(A) –	Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
MEP –	Minima epigraphica et papyrologica
MH –	Museum Helveticum
PH –	Przegląd historyczny
P.Oxy. –	<i>Grenfell B., Hunt A.</i> The Oxyrhynchus Papyri
PP –	La parola del passato
PSZ –	Perikles und seine Zeit. Darmstadt, 1979
RA –	Revue archéologique
RE –	Paulys Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft
REA –	Revue des études anciennes
REG –	Revue des études grecques
RFIC –	Rivista di filologia e d'istruzione classica
RhM –	Rheinisches Museum für Philologie
RIL –	Istituto lombardo. Accademia di scienze e lettere. Rendiconti. Classe di lettere e scienze morali e storiche
Syll. –	<i>Dittenberger W.</i> Sylloge inscriptionum Graecarum
TAPhA –	Transactions of the American Philological Association
ZPE –	Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik

О г л а в л е н и е

<i>Предисловие</i>	3
<i>Введение. Аристократия в афинском полисе: эпохи архаики и классики</i>	6
<i>Глава I. Род Алкмеонидов: к общей характеристике</i>	33
§1. Хронология событий, связанных с Алкмеонидами	33
§2. Место Алкмеонидов среди афинской аристократии	48
§3. Внешние связи Алкмеонидов	62
<i>Глава II. Мятеж Килона и Алкмеониды</i>	78
§1. «Килонова смута» в исследовательской литературе	78
§2. Мятеж Килона в античной традиции	91
§3. Как же все-таки развивались события?	101
§4. «Состав преступления» Алкмеонидов	114
<i>Глава III. Алкмеониды в истории Афин конца VII – VI вв. до н.э.</i>	125
§1. Законодательство Драконта и «Килонова скверна»	125
§2. Алкмеониды и Солон	133
§3. Алкмеониды и Дельфы	140
§4. Алкмеониды и тирания	150
§5. Алкмеониды и демос	160
<i>Глава IV. Алкмеониды в жизни Афин V в. до н.э.</i>	166
§1. Политическая борьба в раннеклассических Афинах и Алкмеониды	166
§2. Перикл и Алкмеониды	188
§3. Последние Алкмеониды и их окружение	209
<i>Заключение</i>	217
<i>Приложение I. Религиозно-правовой контекст проклятия Алкмеонидов</i>	227
§1. Понятие «скверны» в древнегреческой религии	227
§2. Килонова скверна и эволюция идеи коллективной ответственности в греческом праве	238
§3. Родовое проклятие и родовая ответственность Алкмеонидов ..	241
<i>Приложение II. Хронологическая таблица событий, связанных с историей Алкмеонидов</i>	247
<i>Приложение III. Генеалогические таблицы рода Алкмеонидов</i>	249
<i>Библиография</i>	252
<i>Список сокращений</i>	281

Научное издание

Игорь Евгеньевич
СУРИКОВ

ИЗ ИСТОРИИ ГРЕЧЕСКОЙ АРИСТОКРАТИИ
ПОЗДНЕАРХАИЧЕСКОЙ И РАННЕКЛАССИЧЕСКОЙ ЭПОХ

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН

Оригинал-макет подготовлен автором

Л.Р. № 020915 от 23.09.1994

Формат 60×90 ^{1/16}
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Уч.-печ.л. 17,75
Тираж 300 экз.
Заказ №

ИВИ РАН. 117334, Москва, Ленинский просп., 32а